

Сказки
Западной
Африки

Живой огонь

Сказки
Западной
Африки

Сказки Западной Африки

ЖИВОЙ ОГОНЬ

*Перевод с английского
и французского*

Москва

«Художественная литература»

1986

Составление
Н. Тимофеевой и Ф. Мендельсона

Предисловие
М. Вольпе

Художник
М. Ромадин

Мир западноафриканской сказки

Чем глубже человек познает мир, тем больше необъяснимых загадок встает перед ним. В этом диалектическом противоречии — парадокс научного знания. Однако было время, когда все во вселенной казалось понятным, всему находилось исчерпывающее истолкование.

Первобытный мыслитель, как и современный философ, задумывался над проблемами мироздания, его интересовало, почему днем светит солнце, а ночью — луна, что такое жизнь и смерть, когда человечество заселило землю. Эти вопросы не оставались без ответа. Архаичное сознание не допускало необъясненности. Поистине универсальным орудием интеллектуального освоения мира являлся миф.

Откуда, например, на небе взялись звезды? Оказывается, звезды — это осколки алмазных глаз речного духа Ику, которые раздробил лемур Эбопп, чтобы продать их и устроить поминки по умершей свояченице, жене божества Обасси Осо («Как зажглись звезды»). Именно такую версию происхождения небесных светил излагали старики одного из западноафриканских народов почтительно внемлющим слушателям. Жарко пылал вечерний костер. Одно сказание сменялось другим. Из них складывалась цельная картина устройства мира. Она была фантастической и поэтичной. В этом мире, казалось, всем заправляют боги, судьбы людей зависят от их благосклонности и от доброго участия духов предков, которых, дабы не прогневать, нужно умиловить щедрыми жертвоприношениями. В сказаниях разумом наделялись не только люди, но животные, растения и даже неодушевленные предметы. Человек полагал, что живет в окружении множества мыслящих существ, причем существ, обладающих сверхъестественными способностями. Соответственно он строил свои взаимоотношения с окружающей природой, оформлял их сложными ритуалами, пытался воздействовать на реальность магическими средствами. Для первобытного человека магия — не столько предрассудок, заблуждение, сколько попытка уравнять свои слабые силы с волшебным могуществом загадочных соседей.

В мифе преломлялись все стороны жизнедеятельности классового общества, он вмещал в себя миропонимание и мироощущение человека, еще не обладавшего научным знанием. Архаичное сознание оперировало мифологическими образами, и в этом была своя логика, своя система. Древние мифы доходят до нас в рассказах стариков, записанных и обработанных исследователями. «Следует помнить,— писал известный этнограф, глубокий знаток культуры народов развивающихся стран Поль Радин,— что мифы первобытных народов почти везде подверглись вторичной литературной интерпретации. Тем не менее они сохраняют значение своеобразного психологического документа, имеют отношение к проблемам всеобъемлющей важности, исключительно ценны для истории человеческой мысли». Фольклор всех народов зиждется на мифе. Из мифа родилась сказка, одно из самых эстетически и эмоционально полноценных произведений человеческой фантазии.

Принято полагать, что миф эволюционирует в сказку, теряя свою сакральную подоплеку. Однако предпосылка мифа — вера в его подлинность. «Так было до нас. Все, о чем я поведаю,— правда»,— утверждал рассказчик мифа. Сказочник же мог предварить свою историю зачином: «Мы не настаиваем на том, что все нами рассказанное,— истина». Именно так начинаются многие сказки народа ашанти, живущего на территории современной Ганы. Однако не все так просто. Взаимосвязи мифа и сказки гораздо сложнее, неопределеннее. Подчас довольно трудно провести отчетливую грань между этими фольклорными жанрами. Во многих сказках, как и в мифах, действие отнесено к особому доисторическому времени, когда мир был молод и еще не освоен людьми. В таких сказках силен этиологический (объяснительный) элемент, характерный именно для мифологических сюжетов. Из них можно узнать о происхождении земли, неба, гор, рек, людей и животных и т. д. А то вдруг в мифе демиургом (созидателем) выступает какое-либо животное, например, хамелеон («Сотешение с небес»), частый персонаж анималистических сказок, или появляется морализаторская концовка, более привычная также в сказке («Шанго и снадобье Эшу»). Подобная размытость жанровых границ свойственна африканскому фольклору. Отмечены случаи, когда то же самое сказание воспринимается одним племенем в качестве мифа, а соседним—как сказка.

Объяснить это можно тем, что до недавних пор многие африканские народы находились на приблизительно одинаковом уровне социально-экономического развития, они переживали процесс разложения родоплеменных структур и перехода к классовому обществу. Архаичное сознание (мифологический взгляд на действительность—главная его черта) определяло их духовное бытие. В устном народном творчестве не прекращалось создание новых мифов, но сказки уже существовали, и существовали давно. Таким образом, оба жанра развивались параллельно, проникали друг в друга, принимали гибридные формы. Отсюда — мифологическая

сказка. Сборник «Сказки Западной Африки», который читатель держит в руках, отразил это явление: в разделе «Как зажглись звезды» собраны образцы фольклора, представляющие собой своеобразный сплав мифа и сказки. Их названия говорят сами за себя. В этих сказаниях объясняются различные явления природы. В них отражено представление первобытного человека о вселенной, ее устройстве.

В других трех разделах книги сосредоточены типичные сказочные произведения (хотя придирчивый фольклористский анализ, возможно, и в некоторых из них выявил бы мифологические заимствования). Они сгруппированы по тематическому принципу: в разделе «Живой огонь» — волшебные сказки, в разделе «Самое главное» — бытовые и в разделе «Крокодилова родня» — анималистические. Следует, однако, сказать, что такое деление является в значительной мере условным. В волшебных сказках есть элементы анималистических и бытовых, животные, наряду с людьми, выступают героями бытовых сюжетов и т. д.

По сравнению с фольклором европейских и ряда азиатских народов в Африке в силу ряда причин жанр волшебной сказки не столь развит. Но они существуют и достаточно полно представлены в сборнике. Нередко в африканском фольклоре по-своему разрабатываются сказочные мотивы, хорошо известные народам других континентов. Например, в сказке «Город, где чинят людей» гиена, подбирающаяся к жертве, прибегает к той же хитрости, что и волк в русской сказке: просит кузнеца выковать ей тоненький голос. Реминисценции о царевне-лягушке возникают при чтении сказки «Охотник и лань». Правда, русская волшебная сказка гораздо сложнее, повествование о заколдованной красавице в зверином облике — многопланово, раскрывается по нескольким сюжетным линиям. То же можно отметить при сопоставлении сказок «К чему приводит зависть» и «Морозко», в основу которых положена идентичная ситуация: кто много просит — мало получит.

Реалии повседневной жизни африканских народов хорошо отражены в бытовых сюжетах, многие из которых напоминают соответствующие образцы фольклора других народов. Типичная тема о плутовстве разрабатывается, например, в сказке «Незадачливые воры», нравственные принципы утверждаются в таких сказках, как «Неверная жена и ее дружки», «Почему девушка должна быть женой тому, за кого ее выдали». Некоторые образцы бытовой сказки тесно смыкаются с анималистической.

Истории о животных составляют основу сказочного репертуара африканцев.

Их главным персонажем выступает какой-либо зверь-трикстер. Трикстер — это плут, забавник, находчивое и проказливое существо, одурачивающее тех, кто пытается перехитрить его, и выходящее невредимым из разного рода переделок. Естественно, такому персонажу приписываются острый ум, смекалка, оптимизм. Как правило, внешне трикстер неказист.

Он мал ростом, уступает своим противникам в физической силе. Казалось бы, он неминуемо должен погибнуть. Но нет, благодаря находчивости и жизнерадостному характеру он преодолевает все опасности. Подобный образ всегда романтичен, с ним связана надежда на то, что с малыми силами, но большим разумом можно победить враждебную природу.

В сказках трикстеру противостоит персонаж, которого можно назвать антигеросом. Он носитель злого начала, вечно строит козни, пытается навредить другим, и — таков закон жанра — всегда попадает впросак. В фольклоре западноафриканцев, особенно жителей Сенегала, антиподом зайца Лёка является гиена Буки («Буки в раю зверей», «Говорящее дерево» и др.). Какие только несчастья не обрушиваются на ее голову! Но уроки не идут ей впровод. Потерпев одну неудачу, она замышляет новую пакость, за которую опять-таки будет наказана. Соперничество зайца и гиены — сказочное воплощение идеи о непрекращающемся противоборстве добра и зла. Этот извечный жизненный конфликт сказка разрешает гуманистически: добро в ней непременно торжествует. В предлагаемый вниманию читателя сборник вошли сказки сенегальцев и нигерийцев, гвинейцев и ганцев, жителей Мали, Бенина и ряда других стран, объединенных условным географическим названием Западная Африка. Культуры этих народов ярко специфичны и сильно отличаются в деталях друг от друга. Но следует учитывать, что все они — порождение определенной культурной среды, традиций, опыта.

Поэтому одни и те же персонажи могут наделяться различными чертами характера, трактовка их образов от сказки к сказке не совпадает. В наиболее древних фольклорных образцах животные-герои копируют поведение и обычаи человека, они антропоморфны. За конкретным животным еще не закреплён определенный набор характерных качеств, нет жесткой модели поведения. Скажем, заяц не всегда умен и добродушен, а гиена — глупа и жадна («Лев — царь зверей, но не людей» или «Двадцатипятилетний сильнее всех»). Эти качества закрепляются за ними в более поздних, жанрово оформившихся сказаниях. В цикле о Лёке и Буки образы зверей уже каноничны.

В период крушения колониализма реабилитация народной культуры, борьба за признание ее самобытности вопреки расистским утверждениям о безнадежном «варварстве» африканских народов становится фактором духовного раскрепощения, способствует сохранению и приумножению традиционных духовных ценностей, развитию современных национальных культур. Вот почему собиранию и изучению фольклора в странах Африки придается большое значение. В этой работе принимают участие как профессиональные ученые, так и энтузиасты, любящие родную старину. Часть материалов сборника «Сказки Западной Африки» почерпнута из книг африканских деятелей культуры. На русском языке ранее публиковались сказки народа волоф в обработке сенегальского писателя Бираго

Диопа. Новинкой для советского читателя являются сказки кочевых народов фулани, записанные Малму Амаду. Со сказками восточнонигерийских племён нас знакомят литераторы Ремс Нха Умеасиэгбу и Уче Океке. Значительная заслуга в изучении африканского фольклора принадлежит таким специалистам, как француз Андре Террис, англичанка Алте Айблэу, американцы Поль Радин, Гарольд Курлендер. Их работы, например, фундаментальный труд Курлендера «Сокровища африканского фольклора», являются авторитетными источниками. Активно ведётся изучение африканского фольклора в нашей стране. Публикуются многочисленные теоретические исследования.

Степень литературной обработки сказок, составивших этот сборник, различна. В одних случаях фольклорист, подготовивший сказку к печати (тот же Бираго Диоп), выступает как бы в качестве её соавтора. Он приносит в произведение присущий ему стиль, иногда сознательно усложняет или, наоборот, упрощает сюжет, добиваясь художественной выразительности. И все-таки, несмотря на такой энергичный авторский подход, смысловое зерно народного сказания, местный колорит остаются. Прикосновение опытной писательской руки адаптирует специфический материал к восприятию современного читателя. В иных случаях записи текстов более близки устному источнику. Они не столь орнаментальны, по-своему безыскусны, что, впрочем, не лишает их оригинальности звучания. Читатель сборника наверняка почувствует стилевые и композиционные различия между этими двумя группами сказок.

«Давным-давно это было, в те далекие времена сыновей отнимали у отцов и матерей и уводили в священный лес. Там их держали в повиновении богам, учили всем заповедям своего народа, и пока мальчик не вырастал в сильного мужчину, ему запрещалось даже разговаривать с женщиной. Девушкам тоже строго-настрого наказывалось и близко не подходить к священному лесу» — таков зачин сказки «Живой огонь». Священный лес — в Африке реалья не слишком далекого прошлого. Мифическое пространство, обитель духов, куда нет доступа непосвященным, тайны священного леса бдительно охранялись от посторонних глаз. Несмотря на успехи этнографии, ряда других научных дисциплин, достигнутые в изучении Африки в последние десятилетия, подлинное значение культуры африканцев далеко не раскрыто. Йорубская поговорка гласит: «Хотя у чужака есть глаза, он ими не видит». Не так просто распознать то особенное, что определяет характер традиционной культуры Африки. Можно воочию видеть ритуалы, но не понять их значения, слышать песни и не распознать их смысла. Понять чужую культуру лучше всего помогает фольклор.

Люди всегда стремились упорядочить свои знания о сущем, сложить их в систему, хотя бы простую, пусть даже далекую от объективного познания мира. На всех этапах развития человек был практиком, в видимом хаосе природы ему было важно нащупать ориентиры — пусть

даже эфемерные, — чтобы не потеряться, не сгнить в многообразии непостижимых истин. Он выдумывает богов-покровителей, верит в духов предков, отождествляет себя с предметами и животными, находящимися рядом. Все эти представления принимают опозитизированную форму сказки. Традиционная африканская философия — ключ к народной культуре — наиболее полно раскрывается в фольклоре. Мир западноафриканской сказки богат и причудлив. Он таит для нас много неожиданного, того, что не встретить больше нигде. Загадочные голоса доносятся с просторов опаленных солнцем саванн, из сумрака тропических лесов...

Нельзя не согласиться с Гарольдом Курлендером, писавшим: «Нам еще предстоит многое узнать об Африке и ее народах. И вряд ли существует более удобный способ познать их, чем посредством устной литературы, которую они создали и сохранили до наших дней».

М. Вольпе

Как зажглись звезды

Сошествие с небес

В самом начале времен не было твердой земли, где могли бы обитать люди, только огромные пространства воды и топкие болота. Но небеса уже существовали. Верховная власть там принадлежала орише (богу) Олоруну, известному также под именем Олодумаре и другими не менее прославленными именами. Жило на небесах великое множество ориш, но никто из них не мог сравниться ни мудростью, ни могуществом с Олоруном. Был у него старший сын Орунмила, известный также под именем Ифа. Этого сына Олорун наделил способностью предсказывать будущее, постигать все тайны жизни и даже управлять судьбами. Особым доверием верховного бога пользовался и ориша Обатала, одетый в белое одеяние. Трудно сказать что-либо хорошее или дурное и об орише Эшу, никогда нельзя было заранее угадать, как он поступит — такой уж у него был нрав. Зато он постиг самую сущность языка и речи и служил Олоруну толмачом. Оришей был и Агемо-хамелеон, преданный слуга Олоруна. Водными же просторами и топкими болотами, лишенными всякой жизни, правила богиня Олокун. Оба царства — земное и водное — существовали отдельно, каждое само по себе. Никто из ориш не интересовался тем, что происходит внизу. Только Обатала, одетый в свое белое одеяние, изредка поглядывал на водное царство и

всякий раз поражался его однообразию и безжизненности. И вот однажды отправился он к Олоруну и обратился к нему с такими словами:

— Царство Олокун состоит из водных просторов и топей, окутанных туманом. Если б среди них появились острова твердой земли с полями и лесами, холмами и долинами, там могли бы поселиться ориши и всякие живые существа.

— Конечно, это было бы хорошо,— согласился Олорун,— но ведь создать острова твердой земли очень трудно. Кто возьмется за это?

— Я возьмусь,— вызвался Обатала.

Он отправился в покои Орунмилы, которому были открыты все тайны жизни, и сказал ему следующее:

— Твой отец дозволил мне спуститься в нижний мир и создать твердую сушу среди водных просторов и болот, чтобы там можно было разбить поля и возвести города. Ты понимаешь скрытое значение всего сущего, научи же меня, как взяться за это дело.

Орунмила положил перед собой поднос и кинул на него шестнадцать орехов. Орехи расположились в определенном, понятном ему одном, порядке. Орунмила задумался, затем собрал и бросил снова. И так много раз.

Наконец он сказал:

— Ты должен спуститься на золотой цепи. Прихвати с собой пустую раковину с песком, белую курицу, чтобы она могла разгребать песок, черного кота, чтобы ты не был там в одиночестве, и кокосовый орех. Вот что сказали мне орехи.

Обатала обратился к кузнецу, золотых дел мастеру, попросил его сковать золотую цепь, достаточно длинную, чтобы по ней можно было спуститься в нижний мир.

— Хватит ли у тебя золота?— поинтересовался кузнец.

— Ты начинай ковать. А за золотом дело не станет.

Обатала обошел всех ориш, выпрашивая у них золото. Они отдали ему все, что у них было: кольца, браслеты, серьги, просто золотую пыль. Обатала отнес собранное золото кузнецу. Тот посмотрел и сказал:

— Этого мало.

Опять отправился Обатала искать золото, набрал, сколько мог. А кузнец опять сказал:

— Мало золота.

— Нет больше золота в небесах,— ответил Обатала.— И искать нечего.

— Тогда твоя цепь не достигнет нижнего мира.

— Что делать? Куй цепь. Там посмотрим.

Кузнец сковал цепь и отнес ее Обатале.

— Приделай на конце крюк,— попросил тот.

— Но у меня нет золота.

— Сделай крюк из последних нескольких звеньев.

Обатала воткнул крюк в небеса и спустил цепь. Орунмила дал ему с собой раковину с песком, белую курицу, черного кота и кокосовый орех. Обатала стал спускаться. Где-то на полпути обитель света кончилась, началось царство сумерек и тумана. И вот уже до него донесся плеск волн. Повис Обатала на конце цепи, не знает, что делать. А сверху послышался голос Орунмилы:

— Высыпай песок.

Обатала повиновался.

Снова раздался голос бога:

— Бросай курицу.

Обатала поступил, как ему было велено. Курица начала быстро разгребать лапками песок. И песок тут же превращался в твердую землю. Только падал он неравномерно, поэтому и получились кое-где холмы и долины. На один из холмов и спрыгнул Обатала. Это место он назвал Ифе. Там он выстроил себе жилище. Посадил кокосовую пальму, она тут же выросла, ее семена разнес ветер, и вскоре кругом появилось множество пальмовых рощ. Там Обатала и поселился. Его одиночество разделял только черный кот.

Спустя некоторое время Олорун захотел узнать, как обстоят дела у Обаталы. По его повелению Агемо-хамелеон спустился по цепи на землю. Он нашел Обаталу на пороге его дома в Ифе.

— Как обстоят у тебя дела? Скажи, чтобы я передал это Олоруну,— сказал он.

— Суша уже создана, на ней растут пальмы,— ответил Обатала.— Не хватает только света. Здесь сумрачно и туманно.

Вернувшись на небеса, Агемо передал все это своему повелителю.

Олорун создал солнце и пустил его гулять по небу. Суша озарилась ярким светом, мрак и туман растаяли.

Обатала остался на земле. Скучно ему было вдвоем с черным котом, и он решил сотворить людей. Нарыл глины, налепил человеческих фигур и поставил их на солнце сушиться. Пока трудился, устал и разгорячился.

«Надо создать пальмовое вино,— подумал он.— Чтобы те, кто утомлен, могли им освежиться». Он нацедил из пальмовых стволов много сока, подождал, пока он перебродил, и начал пить. Выпил столько, что в голове у него помутилось. Тогда он стал снова лепить людей. Но руки у него дрожали, и многие фигуры получились уродливыми: искривленными, горбатыми, колченогими и короткорукими. У некоторых не хватало пальцев на руках. Но захмелевший Обатала ничего не замечал. Налепив множество людей, он воззвал к Олоруну:

— Я создал множество людей, чтобы мне не было скучно, но только ты можешь вдохнуть в них жизнь.

Олорун выполнил его просьбу. Теперь это были настоящие люди, из плоти и крови. Они тотчас стали трудиться, возвели себе дома вокруг жилища Обаталы. Так возник город Ифе.

Но когда Обатала протрезвел и увидел, что он натворил, печаль переполнила его сердце.

— Никогда больше не буду пить вино,— поклялся он.— С этого дня я заступник всех калек.

С тех пор к его заступничеству всегда прибегают и горбатые, и хромые, и слепые.

После того как земля была заселена, Обатала снабдил людей необходимыми орудиями труда. Железа тогда еще не было, поэтому он раздавал бронзовые ножи и деревянные мотыги. Люди взрыхлили землю, посеяли просо и ямс и стали плодиться. Город становился все больше. Обатала стал верховным вождем этого города. Через некоторое время, однако, он соскучился по небесам и поднялся по золотой цепи на небо. По случаю его возвращения боги устроили большое пиршество. Услышав о новосотворенной земле, многие ориши решили туда спуститься.

Олорун напутствовал их такими словами:

— Заботливо относитесь к людям. Старайтесь им помочь, если они вас попросят об этом. Отныне вы их защитники. Обатала, создатель суши, останется здесь, в небесах, и будет моим советником. Вы же спускайтесь на землю, и пусть каждый свершит то, что ему предназначено.

С тех пор Обатала жил на небесах и только изредка спускался на землю. Город Ифе процветал под его покровительством.

Богиня Олокун была унижена и разгневана вторжением в ее владения. Однажды, в отсутствие Обаталы, она наслала на сушу громадные волны. Начался ужасный потоп. Возделанные поля были залиты водой. Многие люди утонули. Везде царили хаос и мрак. Люди взывали за помощью к Обатале, но он их не слышал. Тогда они явились к орише Эшу, который переселился на землю вместе с другими, и попросили его похлопотать за них перед Обаталой.

— К богам следует обращаться лишь после принесения подобающей жертвы, — сказал Эшу. — Где ваша жертва?

Люди принесли козла.

— Вот жертва для Обаталы.

Но Эшу не двинулся с места.

— И это все? — спросил он.

— Мы не понимаем тебя, — сказали люди. — Мы же принесли подобающую жертву Обатале.

— Вы хотите, чтобы я проделал ради вас длинный путь. Просите, чтобы я был вашим толмачом. Разве мне не полагается подарок?

Люди принесли жертву и Эшу. Приняв ее, он тут же отправился на небо, чтобы поведать Обатале, что произошло в его отсутствие.

Обатала сильно огорчился и встревожился. Не зная, что предпринять, он поспешил за советом к орише Орунмиле. Орунмила раскинул орехи и, поразмыслив, сказал Обатале:

— Оставайся пока здесь. Я сам опущусь на землю и обращу воды вспять.

И вот Орунмила явился в Ифе. Обратил вспять воды, осушил болота, исцелил множество недужных и увечных. Пришел конец власти Олокун над нижним миром.

Орунмила хотел было подняться обратно на небо, но люди, видя, сколько пользы он им принес, попросили его остаться. Он не хотел оставаться, вот и пришлось ему научить ориш и некоторых людей, как управлять невидимыми силами и как предсказывать будущее, вернее, разгадывать желания и намерения Олоруна. Ориши и люди переняли у него умение гадать по орехам, рако-

винам-каури, песку и цепи. Затем Орунмила возвратился на небо. Как и Обатала, он иногда посещает землю, чтобы посмотреть, как там идут дела. А искусство гадать передается от поколения к поколению предсказателей-бабалова.

На земле постепенно водворялся порядок. В отношениях между людьми и видимым миром, между людьми и оришами воцарялось все большее согласие. Но все еще не было примиренья между Олокун, боиней вод, и Олоруном, богом неба. Олокун все не оставляла мысли отомстить своему врагу из верхнего мира. Знала о его могуществе и все же продолжала плести козни. Она умела ткать и окрашивать сотканые ею материи в яркие цвета. Ни в верхнем, ни в нижнем мире не было никого, кто мог бы сравниться с ней в этом искусстве. И вот она вызвала Олоруна состязаться с ней в ткацком искусстве.

«Она хочет унижить меня, ведь она в этом деле непревзойденная мастерица,— подумал Олорун, когда получил ее послание.— Но и уклониться от ее вызова я не могу».

В конце концов после долгих размышлений он отправил к Олокун своего посланника — Агемо.

— Властелин неба, Олорун, приветствует тебя,— сказал Агемо.— Но прежде чем вступить в состязание с тобой, он хочет удостовериться, впрямь ли так прекрасны твои ткани. Покажи их.

Тщеславие Олокун оказалось сильнее ее. Она тут же надела ярко-зеленую юбку. Агемо окрасился в такой же ярко-зеленый цвет, даже еще красивее. Тогда Олокун нарядилась в ярко-желтую юбку. И Агемо окрасился в желтый цвет, еще красивее. Попробовала она надеть ярко-красную юбку, но и тут не застала врасплох Агемо. Смутилась Олокун, не знает, что делать.

«Ведь это только посланник,— подумала она,— и он может окраситься в любой цвет, ярче моих тканей. Где уж мне тягаться с самим хозяином?»

— Передай богу неба,— обратилась она к Агемо,— что я признаю его главенство.

С тех пор уже никто не оспаривал верховную власть Олоруна.

Шанго и снадобье Эшу

Твердой рукой правил бог Шанго в городе Ойо и окрестных землях. Он был суровым правителем, и потому, что владел он громом, жители Ойо старались не огорчать и не гневить его. Символом его власти и был обоюдоострый топор, означавший: «Моя мощь рубит на две стороны», и никто, даже жители отдаленных местностей, не могли спастись от его гнева. Его называли Властитель-камнеметатель.

Но хотя перед могуществом Шанго склонялись все в Ойо и в близлежащих королевствах, он хотел еще большего величия, чтобы поселить еще больший страх в сердцах людей. Он послал за знаменитыми врачевателями и поручил им приготовить чародейские средства, которые увеличили бы его силу. Один за другим врачеватели приносили ему то одно снадобье, то другое, но ни одним он не был доволен.

Наконец он решил попросить бога Эшу о помощи. Он отправил посланника на край света, где обитал Эшу. Посланец сказал Эшу:

— Властитель-камнеметатель, великий правитель Ойо, сказал мне: «Отправляйся в край, где живет Эшу. Скажи, что мне нужно могущественное средство, которое вызовет ужас в сердцах моих врагов. Спроси Эшу, сможет ли он приготовить его».

Эшу сказал:

— Да, пожалуй, могу. Какого рода мощью хочет обладать Шанго?

Посланец ответил:

— Властитель-камнеметатель говорит: «Множество колдунов старались дать мне мощь, какой я еще не владею. Но они не знают, как это сделать. Этим знанием обладает только Эшу. Если Эшу спросит, что мне нужно, скажи ему, он один знает. Что приготовит, то приму».

Эшу сказал:

— Да, я приготовлю то, что желает правитель Ойо. Взамен мне нужен жертвенный козел. Снадобье будет готово через семь дней. Но ты, посланец, сам за ним не возвращайся. Пусть придет жена Шанго. Я передам средство только через нее.

Посланец вернулся. И поведал Шанго о решении Эшу. Шанго сказал:

— Да, я пошлю мою жену Ойю.

На седьмой день он объяснил жене, как добраться до Эшу. Он сказал:

— Восславь Эшу. Скажи, что козел будет послан. Получи средство и побыстрей возвращайся.

Ойя отправилась в путь. И пришла к Эшу. Она восславляла его и объявила:

— Шанго из Ойо посылает меня за снадобьем. Жертва уже на пути к тебе.

Эшу сказал:

— Шанго просил о великой мощи. Я закончил приготовление средства.

Он подал Ойе нечто завернутое в лист. И сказал:

— Обращайся с моим даром осторожно. Проследи, чтобы Шанго без остатка съел снадобье.

Ойя отправилась в обратный путь, размышляя: «Что приготовил Эшу для Шанго? Что за сила кроется в таком маленьком сверточке?» Она решила отдохнуть. И, как предполагал Эшу, развернула лист. Красный порошок всего-навсего. Она взяла немного порошка в рот и отведала его. Ни сладко, ни горько. Никакого вкуса. Она снова завернула порошок в лист и обвязала травинкой. Когда она отдала порошок Шанго, он спросил:

— Что тебе сказал Эшу? Как принимать снадобье?

Хотела было Ойя ответить: «Ничего он мне не сказал», — но, когда она начала говорить, пламя вырвалось у нее изо рта. Вот так Шанго и узнал, что жена попробовала средство, предназначенное для него одного. Гнев его был велик. Он поднял руку и хотел ударить жену, но Ойя выскользнула из дома. Шанго — за ней. Прибежала Ойя на овечье пастбище и спряталась среди овец, надеясь, что Шанго не найдет ее. Но гнев Шанго не истощался. Он усыпал камнями всю округу. Он метал камни в овец и убивал их. Ойя схоронилась под убитыми овцами, и Шанго не увидел ее.

Шанго вернулся домой. Жители Ойо встретили его. Умоляли пощадить Ойю.

— Великий Шанго! — говорили они. — Властелин Ойо, пощады для Ойи. Твое сострадание больше ее вины. Прости ее.

Поостыл гнев Шанго. Он послал за женой слуг, и

ее привели домой. Но он по-прежнему не знал, как принимать снадобье. И вот, как только настала ночь, он взял сверточек и поднялся на холм, возвышающийся над городом. Он стоял и смотрел на просторное жилище, где находились его жены и слуги. И положил немного порошка на язык. И как только выдохнул, неистовое пламя вылетело у него изо рта, простерлось над городом и зажгло соломенные крыши на дворцовых хижинах. Великий пожар начался в Ойо. Дотла сгорели дома Шанго и его амбары с зерном. Уничтожен был целый город, ничего не осталось, кроме пепла. Вот так был сровнен с землей город Ойо, и возвели его заново, из пепла; Шанго продолжал править. Во время войн или недовольства подданными Шанго метал свои грома-камни. Каждый камень был окружен жарким пламенем, озаряющим небо и землю. И все знали: это огонь изо рта Шанго.

Овец, защитивших Ойо от молнийных камней, не забыли. Те, кто поклоняются Ойе, даже в наше время отказываются от баранины.

Как Шанго покинул Ойо

Шанго правил в городе Ойо. Город Ойо воевал с другими городами, и мало-помалу его могущество росло, и вот Шанго стал правителем всей обширной области. Его войско сокрушало противников, и другие правители признали главенство Шанго. Наступил мир. Как и во времена войн, Шанго правил сильной рукой, хотя некоторые считали, что суровость теперь излишня.

Среди воинов, сражавшихся в войске Шанго, было много героев, но величайшими были Тими и Гбонка. Своими доблестными подвигами они были повсюду известны. Люди запоминали сражения, в которых участвовали оба героя, и пересказывали подробности схваток. Шанго слышал эти повествования и подумал: «Я — хозяин Ойо, царь царей. Все и вся подвластно мне. Другие правители признают верховную власть Ойо. И все же люди превозносят не меня. Говорят: «Тими сделал то-то, Гбонка совершил вот это». Шанго погрузился в мрачное раздумье. Он начал размышлять, как ему избавиться от героев.

Однажды он приказал гонцу привести Тими в королевский дворец. Тими повиновался. Впереди бежал барабан-

щик, отбивавший дробь во славу героя. Вокруг Тими толпились люди, многие плясали. Вот так обычно шествовал великий герой. Шанго был благодарен верному Тими, доблестно сражавшемуся на его стороне, и это на время заглушило ревность. Но вид огромной толпы, восславляющей подвиги Тими, ожесточил сердце Шанго. Он решил отослать Тими из города.

Когда Тими предстал перед ним, Шанго начал так:

— В городе Эде — беспорядки. Жители его не проявляют смирения. Забывают, что они — слуги, а хозяин — я. Иди и правь Эде. Смири тех, кто не подчинится. Сотвори порядок, оставайся в Эде, будь отцом городу, Тими ответил:

— Великий Шанго, я сделаю то, что ты приказал. Когда медлила моя рука нанести удар обидчикам Ойо? Не тревожся, Эде покорится тебе.

Он отправился домой и приготовился к путешествию. На руки и на шею повесил лекарственные травы и талисманы, взял лук и пламенные стрелы, которыми сражался в битвах. Сел на коня в сопровождении нескольких воинов и отправился в Эде.

Шанго подумал: «Наконец-то я избавился от одного героя. В войне с Эде он найдет конец».

Но вот в Ойо стали приходить известия, что Тими и его воины сразили лучших защитников Эде. И Тими стал правителем Эде и прилегающих земель, прославившись еще больше. Время шло. Эде возрастало и славилось. Гнев пожирал Шанго. Он взлелеял новый замысел, как избавиться от Тими.

Шанго послал за другим героем, Гбонкой, и наставил его так:

— Ступай в Эде. Тими обещал обратить Эде в слугу

Ойо. Вместо этого он прославил и возвысил Эде. Город бахвалится так, будто Ойо — деревушка. Явишься в Эде — вызови Тими на поединок, одолей его и приведи ко мне. Ты владеешь могущественными талисманами и непобедим.

Гбонка выслушал. Гнева на Тими он не питал, напротив, был ему другом. Он сказал:

— Великий правитель Ойо, я понимаю, чего ты от меня требуешь. Но Тими и я сражались вместе, бок о бок, в самых кровавых войнах. Когда один из нас истекал кровью, другой тоже лежал бездыханным, когда один разил врага — другой сражался рядом. Мы утоляли жажду из одной и той же чашки. Как могу я сражаться с Тими? Ведь один из нас должен умереть.

Шанго ответил:

— Да, я подумал об этом. Но твои талисманы могущественны, они помогут тебе победить Тими, не причинив ему смерти.

Сам же Шанго думал: «Когда в поединке выступают два таких героя, как Тими и Гбонка, один обязательно должен погибнуть. Если это Тими, останется Гбонка. Если Гбонка, тогда мне надо будет избавляться от одного Тими».

Гбонка сказал Шанго:

— Я отправлюсь в Эде. Поговорю с Тими, как с товарищем по оружию. Постараюсь убедить его вернуться в Ойо.

Гбонка поспешил домой, повесил на шею и на руки лекаственные снадобья и талисманы, взял с собой рог антилопы, самый могущественный свой талисман. Когда Гбонка на коне вступил в Эде, барабанщик впереди выкликал, отбивая дробь, славные прозвания Гбонки и возвещал о великих его деяниях и битвах. Тем временем жители Эде, услышав барабанную дробь, вышли на окраину города посмотреть, кто едет. И с восторгом узнали, что это не кто иной, как великий герой Гбонка. Он был силен и грозен, тело почти целиком скрыто снадобьями и талисманами, лицо едва видно — так густо свисали амулеты, но из-за них, подобно искрам в ночи, сверкали глаза. Он держал большой щит и длинное копье; на щите были нанесены его родовые знаки.

Жители Эде поспешили к дому Тими; они возвещали о приближении Гбонки, готового к битве. Тими встретил Гбонку в дверях дома. Тот спешил и начал так:

— Тими, сотоварищ! Шанго велит тебе вернуться в Ойо. Готовься в путь.

Тими ответил:

— Ты, Гбонка, бок о бок со мной на коне свершал великие подвиги. Добро пожаловать в Эде. Но не могу я вернуться в Ойо, я теперь властелин здесь.

Так стояли и беседовали два друга.

Тими сказал:

— Гбонка, ты должен вернуться в Ойо один. Время многое изменило. Шанго послал меня править Эде. Здесь я и должен остаться.

— Но Шанго послал меня не просто так. Он велел: если Тими не пойдет по доброй воле, приведи силой.

— Видишь ли, когда Шанго посылал меня, он же не сказал: «Иди и возвращайся». Вот почему я не вернусь.

Гбонка ответил:

— Если не смогу убедить тебя словами, придется решать силой. Мы должны сразиться.

— Гбонка, неужели у тебя поднимется на меня рука? Я твой друг и сотоварищ по множеству войн.

Гбонка ответил, скрывая грусть в сердце:

— Иди и готовься к поединку.

Тими вошел в дом. Когда он вновь появился, руки и шея его были покрыты волшебными снадобьями и талисманами. В руках—лук и пламенные стрелы.

Жители Эде умоляли героев:

— Вы роднее братьев. Вам нельзя сражаться.

Но Тими просил:

— Не вмешивайтесь. Отступите от нас.

Все повиновались. Барабанщик Тими начал выкликать славные прозвания Тими, барабанщик Гбонки—славные прозвания Гбонки.

Тими приладил пламенную стрелу. Но Гбонка не поднял ни копья, ни щита. В руках у него был только волшебный рог антилопы. Он спел песню, в конце которой были такие слова:

Когда ребенок засыпает,
Все, что держал, роняет он из рук.
Засни и ты, могучий Тими,
И стрелы вырони, и гибкий лук.

И тотчас же Тими погрузился в глубокий сон. Оружие выпало из рук и упало на землю. Гбонка подошел к нему, держа наготове отравленное копьё. Но, взглянув на уми-

ротворенное лицо спящего, опустил оружие. Он приказал взвалить Тими на коня. Сел и сам на коня и отправился в путь вместе с Тими. Приехав в Ойо, он отвез Тими во дворец Шанго и положил на землю.

И сказал герой Шанго:

— Мы сразились, но, прежде чем спустил он стрелу, я погрузил его в сон. Как ты приказывал, я возвратил его в Ойо.

Жители, собравшиеся во дворце Шанго, потребовали, чтобы Тими разбудили. Гбонка разбудил его. Тими встал, и люди начали насмехаться над ним. Гбонка молча отвернулся и отправился к себе.

Шанго тревожило, что в Ойо опять оказалось два героя. Он размышлял несколько дней. Потом послал за Тими и сказал ему:

— Все обернулось худо. Я был уверен, что ты победишь Гбонку. Вместо этого он силой своего колдовства погрузил тебя в сон. Теперь все смеются над тобой. Ты—величайший, и твои талисманы сильнее его. Так или иначе, ты оказался посмешищем. Неужели так и оставить? Разве ты сможешь жить, слыша, как день за днем люди говорят: «Вот идет Тими, когда-то величайший из героев, а теперь униженный Гбонкой из Ойо». В Эде даже сейчас слышны разговоры: Тими, когда-то господин Эде, заснул перед одним-единственным воином. Если ты решишь снова вызвать Гбонку, я возведу об этом городу.

Когда два героя стояли в Эде лицом к лицу, с оружием в руках, Тими относился к Гбонке как к брату. Но теперь его жег позор и он рвался в бой.

— Да, я согласен еще раз вступить с Гбонкой в схватку, и пусть смерть приходит за одним из нас.

Шанго разослал глашатаев по всему городу. Они возвещали:

— Знайте все. Встречаются два великих воина. Гбонка и Тими готовы сразиться друг с другом.

На следующее утро воины явились перед дворцом Шанго, готовые помериться силами. Все жители Ойо от мала до велика собрались на площади. Барабанщики выкликали славные прозвания героев. Нарастало волнение. Тими пустил пламенную стрелу. Гбонка повернул свой рог на восток. Стрела повернула и полетела на восток. Тими пустил еще одну стрелу. Гбонка направил волшебный рог на запад. И стрела полетела на запад. Тими пускал в Гбонку стрелу за стрелой, но волшебный рог

отклонял все стрелы. Стрелы кончились, и тогда Гбонка спел ту же песню, что в Эде:

Когда ребенок засыпает,
Все, что держал, роняет он из рук.
Засни и ты, могучий Тими,
И стрелы вырони, и гибкий лук.

Тими лежал на земле и спал. Люди превозносили Гбонку. Он разбудил Тими и удалился.

Шанго был недоволен — оба героя были по-прежнему живы. Однажды он послал за Гбонкой. И сказал ему:

— Дерево согнуто, но продолжает расти. Ты сломил Тими, но он жив. Поединок ничем не кончился. Поэтому ты опять должен драться.

Гбонка разгневался:

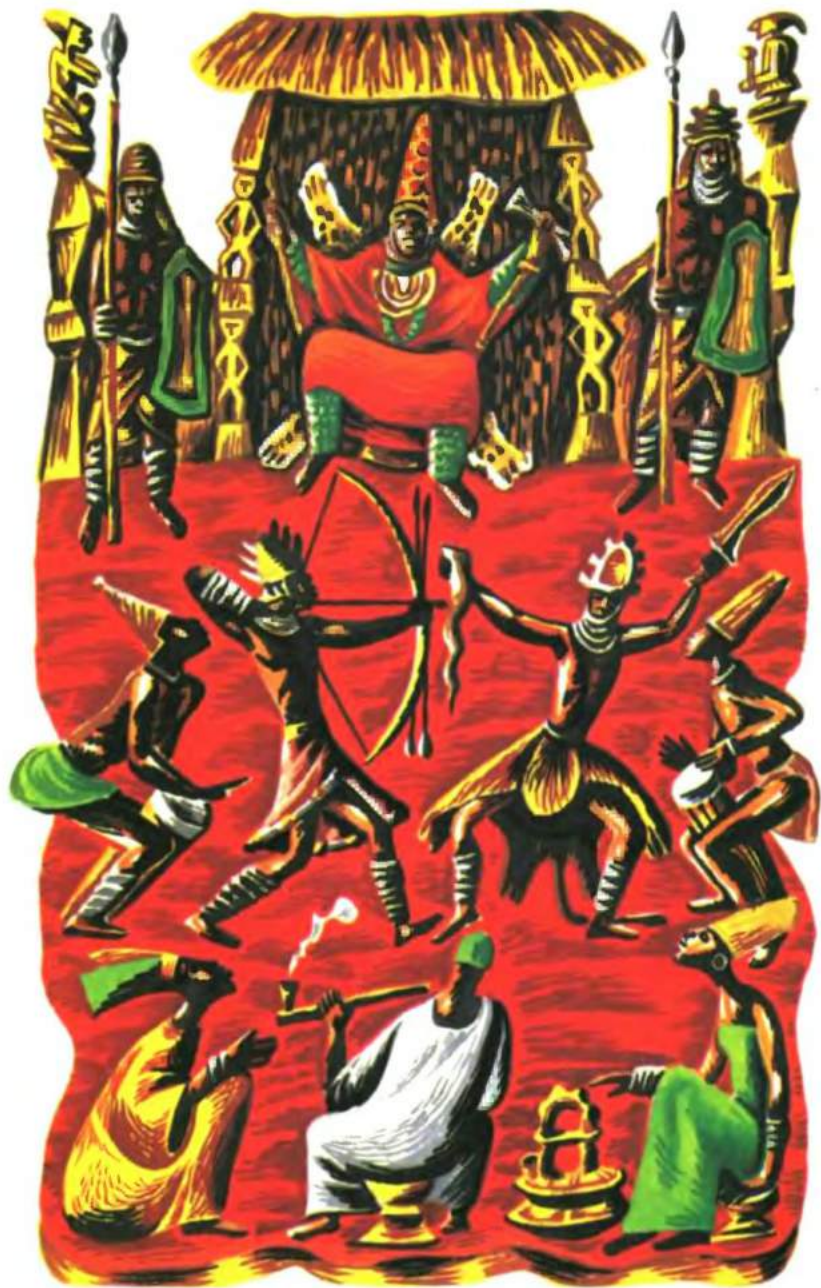
— Дважды я сражался с Тими только затем, чтобы угодить тебе. Дважды я одолевал его, но ты никак не успокоишься. Это может значить только одно: ты жаждешь нашей смерти. Очень хорошо. Я буду сражаться с Тими в последний раз. Когда покончу с ним, начну поединок с тобой. Или ты, или я должен будет навсегда покинуть Ойо.

И вот снова — поединок двух героев. Со всего края собрались большие толпы. Музыканты-барабанщики восславляли героев. Шанго восседал на троне, покрытом леопардовой шкурой. Все ожидали необычного. Сражение началось. Так же, как и раньше, Гбонка погрузил Тими в сон, и тот упал на землю. Но на этот раз Гбонка мечом сразил Тими. Потом повернулся к Шанго и метнул голову Тими тому на колени, воскликнув:

— Вот голова, столь нужная тебе.

Люди со страхом наблюдали, как пренебрежительно воин разговаривает с Шанго. Шанго поднялся, глаза его рдели гневом, он уронил голову Тими на землю. И приказал страже схватить Гбонку и предать его смерти.

На том месте, где был поединок, сложили большой костер. Связали Гбонку толстыми веревками и бросили в пламя. Жители стояли вокруг костра, ожидая смерти героя. Но вместо этого они увидели, что Гбонка — невредим в самой середине огня и неотрывно смотрит на Шанго. Сгорели веревки, и Гбонка вышел из костра. Жи-

тели Ойо в ужасе бежали. Остались только Шанго и его жена Ойя. Гбонка ударил Шанго волшебным рогом и сказал:

— Теперь, Шанго, ты должен оставить город в течение пяти дней. И никогда сюда не возвращайся.

Шанго открыл рот, и великое облако пламени вылетело у него изо рта и окутало Гбонку. Но герой был жив. Тогда Шанго понял, что воин непобедим.

Прошло пять дней. Все отвернулись от Шанго и превозносили Гбонку.

Вечером четвертого дня Шанго приготовил все для странствия, и во тьме ночи он и его жена Ойя отправились в город Нупе.

Вот так и случилось, что Шанго покинул область, которой правил. Однако он не добрался до Нупе.

Шанго с женой брели по долине, заросшей кустарником. Все тяжелей становилось у Ойи на сердце. Шанго едва плелся. Позор пригнетал его. Они остановились отдохнуть. Ойя заплакала:

— Не могу идти дальше. Мой дом — в Ойо. В Нупе я всем чужая. Друзей у меня там не будет.

Шанго ответил:

— Был я всеми отвергнут в Ойо. Люди подобны листьям на ветру. Я, Шанго, могущественный властелин, оставлен всеми. Только Ойя пошла со мной в изгнание. Но теперь и она хочет вернуться.

Шанго оставил жену и вступил в лес. Взял веревку, привязал к ветви дерева аян и повесился. Ойя, отдохнув, пошла искать мужа. На земле она нашла обоюдоострый топор и тут же увидела на дереве тело Шанго. Она кинулась в Ойо, крича, что Шанго повесился. Послали людей взять тело Шанго и достойно похоронить. Нашли обоюдоострый топор Шанго, нашли дерево аян и увидели веревку, но тела Шанго не обнаружили.

Люди вернулись и сообщили о виденном. Собрались вожди Ойо. Кто-то предположил, что раз тела Шанго не обнаружили, значит, он не умер. Другие возражали. Большинство склонялись к тому, что Ойя сказала правду. «Оба со», — сказали они, что означало: «Господин повесился».

Но неожиданно небо потемнело, буря накрыла Ойо, и молния прорезала небо. Молнии падали и падали одна за другой. Раскаленные камни засыпали город, и многие дома охватило пламя. Затем громовый голос произнес:

— Я, Шанго, не повесился. Я просто вернулся на небо! Люди простерлись ниц. Они кричали друг другу:

— Господин не повесился! Господин не повесился! После этого раскаленные камни перестали сыпаться.

Из своего небесного дворца Шанго наблюдал за всем, что делалось в Ойо, и наказывал тех, кто плохо говорил о нем. Жертвы молний объявлялись врагами Шанго, и их погребали вдалеке от прочих мертвецов, в отдаленном месте. Дерево аян, с которого Шанго вознесся на небо, стало священным, и с того времени под ним приносятся жертвы. И к прозванию Шанго-каменеметатель прибавилось еще одно: «Господин, который не повесился».

А жена его Ойя не осталась в Ойо. Она отправилась в Нупе. Подошла к великой реке, отделявшей земли йоруба от земель нупе. Посмотрела на воду и сказала:

— Здесь я и поселюсь в изгнании. Люди скажут: тут побывала Ойя из Ойо, жена великого Шанго, а сейчас — несчастнейшая из женщин.

Ойя не стала переправляться на другой берег, вошла в воду и исчезла в волнах. Она стала божеством реки, названной впоследствии ее именем.

Жизнь и Смерть

Странствовали вместе два старца — Жизнь и Смерть. Встретился им на пути ручей, и они спросили духа, который в нем жил, можно ли им напиться.

— Пейте, — ответил дух. — Только помните, что, по обычаю, первым должен пить тот, кто старше.

— Конечно же, я старше, — сказал старец по имени Жизнь.

— Нет, я старше, — возразил старец по имени Смерть.

— Что ты говоришь? — возмутился старец по имени Жизнь. — Жизнь есть начало всех начал. Умереть может только живой. Ты существуешь только потому, что существую я.

— Нет, Жизнь, до твоего появления на свет все принадлежало мне, Смерти. Все живое появляется из небытия и в конце концов неизбежно возвращается в небытие.

— Нет, ты не прав, Смерть, когда утверждаешь, что изначально все принадлежало тебе. Этот мир сотворен

Создателем из невидимой субстанции. Ты, Смерть, появился лишь тогда, когда умер первый на земле человек. Стало быть, ты моложе.

— Да нет, Жизнь. Ты заблуждаешься. Создатель и впрямь сотворил мир из невидимой субстанции. Это как раз и доказывает, что именно Смерть породила жизнь.

Долго спорили они, стоя на берегу ручья. И наконец попросили духа рассудить их.

Вот что он сказал:

— Как можно, говоря о Смерти, не упомянуть о Жизни, которая ей предшествует? И как можно отделить Жизнь от Смерти, к которой неуклонно движется все сущее. Ни один из вас не может существовать без другого. Никто не старше и никто не младше. Жизнь и Смерть—два лика единого творца. Вы ровесники. Вот вам тыквенная бутылка с водой. Пейте одновременно.

Старцы утолили свою жажду и отправились дальше. Что можно сказать об этих двоих? Странствуют они всегда вместе, никогда не разлучаясь. Никто из них не старше и не моложе. Много есть на свете тайн, и эта — одна из самых важных.

Происхождение смерти

Когда бог сотворил мир и всех живых существ, он сказал им, чтоб они решили сами, нужна ли им смерть. Все живое, что создал бог, делилось в те времена на существ высших — людей и низших — зверей.

Итак, спросил бог, нужна ли смерть. «Не нужна», — решили почти все живые существа. Только несколько животных во главе с Крокодилом придерживались другого мнения, однако они молчали, потому что их было меньшинство.

Сообщить богу, что смерть не нужна, послали Собаку. По дороге Собака нашла несколько костей и стала их грызть, причем так увлеклась, что совсем забыла о поручении, с которым ее послали к богу. Крокодил увидел, что Собака грызет кости, и послал к богу Лягушку, свою единомышленницу. Пусть, мол, скажет, что смерть нужна.

Покончив с костями, Собака вспомнила о поручении и побежала к богу, но, увы, было слишком поздно: бог уже создал смерть.

Так смерть появилась на свете.

Как появилась смерть

В незапамятные времена случился по всей земле великий голод, и пошли люди куда глаза глядят в поисках пищи. Один юноша в лес забрел, да в такую чащобу непролазную, где и нога человечья не хаживала. И видит он: лежит перед ним гора не гора, стог не стог. Пригляделся — голова великанья, волосы мягкие да длинные, как у белых людей. И тянутся пряди по всему лесу далеко-далеко, аж до другой деревни. Испугался юноша, убежать хотел, да ноги не несут. Открыл тут великан глаза, заметил юношу и спрашивает, что надобно.

Рассказал ему юноша о голоде великом и попросил накормить. Согласился великан, только, говорит, придется тебе за это послужить. А юноша рад-радешенек, по рукам, мол. Звали великана Овуо, то есть Смерть. Накормил он юношу вкусным мясом, отродясь тот не едал ничего подобного. Народоваться не может: вот удача-то привалила. Долго батрачил он на великана, и каждый день тот его вкусным мясом потчевал. Пронеслись дни, пробежали месяцы, и заскучал юноша по дому. Отпусти, говорит, родных повидать. И на этот раз согласился великан, только попросил взамен другого парня прислать. Воротился юноша в деревню родную, уговорил брата вместо себя идти в лес к великану.

Побыл он дома недолго, и опять голод одолевает. Вспомнилось мясо вкусное, которым Овуо потчевал. И решил он снова в лес пойти, к великану наняться. Как и в первый раз, спрашивает его великан, что надобно. Отвечал ему юноша, что изголодался и на любую работу согласен, только бы мяса вкусного вновь отведать. Отослал его великан к себе в дом, иди, мол, ешь досыта, только потом отработать не забудь.

Вошел юноша в великаново жилище. Мяса там — деревню накормить хватит. Наелся он и за работу принялся. День работает, два работает, месяц — исправно кормит и поит его великан. Да только диву юноша дается: ни разу брата родного не встретил, спросил он как-то великана, а тот отвечает, дескать, далече его услал.

Долго ли, коротко ли, но затосковал юноша снова по дому. Просит великана отпустить. Не стал тот его неволить, только, говорит, ты вместо себя девушку пришли, мне, мол, жениться охота.

Пришел юноша в деревню, решил сестру свою замуж за великана выдать. Уговорил он ее и в лес отвел. Сестра еще и служанку с собой прихватила.

Вскоре, однако, опять оголодал юноша, по вкусному мясу истосковался. Опять в лес к великану подался. Не ахти как ласково тот его на этот раз принял, что надобно, ворчит. Да вот мясца вкусного вновь отведать не терпится, признался юноша. Снова к себе в дом великан его отсылает, говорит, бери все, что душе угодно. Вошел юноша в дом, смотрит — окорок висит, он в него так зубами и впился, да только присмотрелся и остолбенел — это ж сестрина нога! И все мясо в доме чело-вечье!

Выскочил юноша из дому, ног под собой не чувствует, бросился опрометью в деревню, все селянам рассказал. Собрались всей деревней да в лес пошли воочию убедиться, правду ли юнец сказал. Но лишь к великану приблизились, страх на них напал, сели они и стали совет держать, как бы великана перемочь. Решили идти к той деревушке, докуда грива великанья простиралась, и подпалить волосы. Так и поступили. На-

чал великан во сне ерзать да корчиться, видать, жар пробирает. Чем ближе пламя, тем больше великан корчится. Вмиг до головы огонь добрался—дотла сгорело страшилище. Приблизились люди с опаскою, и подумалось юноше: а вдруг пепел волшебный? Подобрал он горсть, а что делать, не знает. Тут подходит к нему старец и говорит, дескать, посыпь пеплом этим прах загубленных. Посыпал юноша—враз ожили и сестра его, и брат, и служанка. Хотел было юноша и на великана сыпануть, да люди отговорили: одумайся, вдруг оживет чудище? Но не послушал их беспечный юнец, бросил пригоршню в глаз великану. Тотчас распахнулся глаз, ожил — кинулись в страхе люди врассыпную. Так вот, из того глаза смерть и произошла, всякий раз, как моргнет великан, человек умирает. А моргает он ох как часто.

Как появилась луна на небе

Баран Нджомм Мбуи подружился с Етуком, антилопой.

Когда пришло время сева, Нджомм засадил свое поле бананами, а Етук — ямсом. И тот и другой получили неплохой урожай. Пока Нджомм срезал грозди бананов, Етук выкапывал клубни ямса.

Так прошел один день. На другой, с самого утра, Етук предложил:

— Давай с тобой поменяемся. Я буду собирать бананы на твоём поле, а ты копай ямс на моём.

Нджомм Мбуи согласился. Собранные им бананы Етук подвесил к потолку. Когда он притронулся к ним на другой день, ему показалось, что они чересчур мягкие, и он их выбросил. Проходя мимо, Мбуи увидел плоды и, убедясь, что они очень сладкие, съел все до одного. Когда ему встретились обезьяны — Ншум, он сообщил им:

— Сегодня я нашел очень вкусные плоды.

Когда он заглянул в дом Етука, тот пожаловался, что очень голоден. Мбуи обещал его накормить. Пошел на свое поле и сорвал четыре грозди бананов. На обратной дороге ему снова попались обезьяны. И выпроси-

ли у него все, что он нес. Насытившись, обезьяны пошли дальше. Им повстречались дикие свиньи — Нгуми. Обезьяны сообщили им:

— У Етука и Нджомма можно разжиться вкусной едой.

Нгуми повернули к дому Етука.

— Мы хотели бы поесть ямса,— сказали они.

— Ямс принадлежит мне,— ответил Етук.

Но свиньи стали упрашивать его, и в конце концов он взял корзину, отправился на свое поле и накопал для них ямса.

Наевшись, свиньи ушли. На другой день они увидели слона — Нджокка, почтительно его приветствовали и сказали:

— Вчера мы очень хорошо поели вон на тех двух полях.

Слон поспешно направился туда и спросил двух друзей:

— Откуда у вас столько еды?

— Обожди немного, мы и тебя покормим,— ответили они.

Нджомм принес пять гроздей бананов, а Етук — пять корзин ямса. Слон съел все это, поблагодарил и ушел.

Кто только не перебивал у двоих друзей, и они никому не отказывали. Последним появился носорог — Мфонг. И он тоже наелся досыта.

Неподалеку протекала большая река Акаррам. В самом глубоком ее месте обитал крокодил. Однажды, придя на водопой, Мфонг рассказал ему, где можно поживиться вкусной едой. Крокодил выполз на берег и заковылял туда, где находились поля обоих друзей. Он застал их обоих вместе.

— Я умираю от голода. Пожалуйста, накормите меня,— попросил крокодил.

— Для друзей мне ничего не жаль,— сказал Етук.— Но ведь ты не мой друг. Поэтому я не дам тебе еды. Но Нджомм пожалел крокодила.

— Ладно, так и быть, дам тебе связку бананов.

Крокодил унес плоды с собой, сказав на прощанье:

— Не запирайте двери сегодня ночью. Я вернусь и куплю у вас еще еды. И за все расплачусь, не сомневайтесь.

Вернулся крокодил в реку, нашел там водяную змею и сказал ей:

— Там, на земле, живут двое, у которых полно вкусной пищи.

— Я голодна,— пожаловалась змея.— Накорми меня.

Крокодил угостил ее бананами.

— До чего сладкие!— сказала змея.— Сходи принеси еще.

— А чем я расплачусь?— спросил крокодил.

— Я дам тебе одну очень ценную вещь,— ответила змея, достала изо рта сверкающий камень и протянула его крокодилу. Тот взял его и заторопился к двоим друзьям. Ночь опустилась, а камень так ярко горит, что светло, будто днем.

Отыскал крокодил обоих друзей и говорит:

— Смотрите, что я вам принес.

Положил камень, а он весь светится: любую песчинку можно различить.

— Дорогой камень. Целого поля стоит.

— Такую цену я не могу заплатить, — сказал Етук. — Если я отдам свое поле, чем же я буду кормиться? Не помирать же мне с голоду.

Но Нджомм не устоял против соблазна.

— Забирай все мое поле, вплоть до самой реки, — сказал он, — только отдай мне этот сверкающий камень.

Друзья разошлись по домам. Нджомм повесил камень снаружи над дверью, чтобы освещал весь мир. А Етук, как вернулся, сразу улегся спать.

Проснувшись, Нджомм почувствовал сильный голод. Но есть было нечего, ведь он продал все свое поле вместе с бананами.

Два дня голодал баран, на третий отправился к антилопе.

— Дай мне, пожалуйста, ямса, — попросил он.

— Ничего я тебе не дам, — ответил Етук, — ты ведь все равно не сможешь вернуть долг. Можно отдать меньшее, если у тебя останется большее, но только глупец может пожертвовать всем, что имеет, ради какого-то блестящего камня.

— Не такой уж он бесполезный, этот камень, — сказал Нджомм. — Раньше в темноте ничего не было видно. А теперь он освещает дорогу всем путникам. Разве это плохо?

И в этот день баран ничего не ел. Истощенный и обессиленный, он пополз ночью к реке.

Какой-то человек пытался сорвать в темноте со стоявшей там пальмы орехи, но ему никак не удавалось это сделать.

— Кто ты? — спросил Нджомм.

— Эффион Обасси, — ответил тот.

— Что ты делаешь?

— Хочу сорвать орехи. Да только это трудно, темно очень.

— Если тебе это удастся, дай мне несколько орехов. А я покажу тебе одну замечательную вещь.

Эффион Обасси сбросил три ореха, и Нджомм утолил свой голод.

— Спустись, — сказал он. — Пойдем ко мне домой.

Когда они зашли в дом к барану, тот сказал:

— Обожди меня здесь. Я должен посоветоваться с соседями.

Он зашел к Етуку и попросил:

— Дай мне один клубень, чтобы я мог насытиться. Смотри, камень, который я обменял на свое поле, освещает всю землю, но я умираю с голоду.

— Ничего я тебе не дам,— упрямо повторил Етук.— Верни камень его хозяину, а мы будем жить в темноте, как и жили.

Нджомм обошел всех соседей, но никто не пожелал угостить его хоть чем-нибудь съедобным.

Вернулся Нджомм домой и протянул блестящий камень Эффиону Обасси.

— Я люблю тех, кто обрабатывает землю. Но они меня не любят. Я знаю, что ты живешь на небесах. Возьми же этот камень, повесь его высоко-высоко, так, чтобы все люди видели.

Эффион взял камень, забрался на ту же пальму, с которой слез. Листья ее стали вытягиваться, вытягиваться вверх. По ним он и вскарабкался в свое небесное жилище. Оказавшись дома, он созвал всех богов небесных и сказал им:

— Я принес камень, который будет освещать всю землю.

Боги совещались между собой и смастерили короб. Эффион положил в него свой камень и сказал:

— Отныне вам придется носить мне пищу. Сам я не хочу ее добывать.

Носили, носили боги пищу, из сил выбились. Тогда Эффион прикрыл короб, чтобы камень не мог сиять, пока ему снова не принесут что-нибудь поесть. С тех пор всякий раз, когда ему перестают носить пищу, он закрывает короб с блестящим камнем. Вот почему луны иногда не видно. Тогда люди на земле говорят: «Голоден Эффион Обасси. Пока ему не принесут еды, он не откроет своего камня».

Как зажглись звезды

Лемур Эбопп и соня Мбоу пошли раз по лесу место для своего хозяйства выбирать. Облюбовали полянку, выкорчевали пни, расчистили землю. А потом в город, где все время жили, воротились.

Наутро говорит Эбопп другу:

— Пойдем-ка на наше место да хоть лачужку поставим.

На том и порешили. Каждый на своем участке по лачуге поставил. Вернулись потом в город — передохнуть. Но на третий день снова в лес потянуло. С зари до ночи работали, спин не разгибали. Переночевали в лесу, а спозаранку опять за дело. И вот уже снова вечереет, говорит Эбопп:

— Что-то мне здесь на голодный желудок ночевать неохота. Вернемся-ка в город.

А дома вкусный ужин ждет. Постарались жены. Зовет лемур друга:

— Заходи, отужинай со мной.

Отужинали вместе. Теперь Мбоу Эбоппа к себе зазывает:

— Пойдем ко мне, отведаем, что жена приготовила.

Отведали — ни крошки не оставили.

Наутро — снова на поле, бананы сажать. С утра до ночи трудились не покладая рук. Отправились по домам, а ночь темная выдалась — ни зги не видно.

И назавтра они бананы сажали. И послезавтра — тоже. Вернулись домой к женам.

— Ну, теперь ваша очередь, идите ямс сажать.

Потрудились жены славно, быстро ямс посадили. Жена Эбоппа приходилась дочерью владыке небесному Обасси Осо. Раз за ужином прибегает от него гонец.

— Важные вести у меня для тебя, Эбопп, с тобой, и только с тобой, мне и говорить.

Вышла жена из комнаты, и тогда молвил гонец:

— Вот вы сидите, едите-пьете, горя не ведаете, а оно на пороге: умерла сестра жены твоей.

Возопил Эбопп и скорее гонца к другу своему Мбоу препровождает.

Как узнал тот о горе, сразу прибежал. Стали друзья совет держать.

— С какими прощальными дарами явимся мы на похороны? С новых полей достатка и изобилия нам еще ждать да ждать. А ехать сейчас нужно. Для поминков много еды всякой понадобится, где ее возмешь?

Обошли друзья весь город, каждый, чем мог, помог. Поведал Эбопп печальную весть жене.

— Собирайся. Скоро пятый день скорби минует, и пора на поминки ехать.

Горько жена его зарыдала, да только слезами горю не поможешь.

А другу своему Мбоу сказал Эбопп:

— Нам еще пальмового вина раздобыть бы да рому, чтоб богам возлияние принести.

Снова по кругу пошел, в городе каждый на его горе откликнулся, пожалели, посочувствовали, да только вина не нашлось ни у кого. Пошел к реке, где пальмовое масло делали, может, думает, там вина раздобуду. И повстречался ему Ику, речной дух. Эбопп — к нему:

— Помоги!

— Жаль мне тебя, — молвил Ику, — да только помочь вряд ли смогу.

Еще больше закручинился Эбопп, дальше было пошел, но тут остановил его Ику.

— Слушай, у меня четыре глаза. Отдам-ка я тебе два, ты их продашь, а на выручку все, что ни пожелаешь, купить сможешь.

И протянул ему добрый Ику два свои глаза, а они не простые — алмазные, сверкают, переливаются. С такими глазами самая темная ночь не страшна — все видно. Велика цена такому сокровищу! Обрадовался Эбопп, скорее домой побежал, жене да другу об удаче рассказал. За такое сокровище все что угодно дадут.

Собрались они поутру и тронулись в путь, в царство владыки небесного Обасси Осо. Пришли они к дому, где несчастная жила, залилась сестра ее слезами горькими. Увидели их горожане, говорят:

— Вы пришли помянуть умершую дочь нашего повелителя? Обычай велит вам выставить вино пальмовое для всех и рому, чтобы священное возлияние богам принести.

— С пустыми руками пришел я к вам, — повинулся Эбопп. — Все здесь купить намеревался.

А в царстве Обасси Осо тот год выпал неурожайный и голодно всем жилось. И то малое, что Эбопп у себя в городе собрал, разделил он меж всеми. Но разве всех накормишь?!

Разгневался Обасси Осо:

— Коли не устроишь поминок, как того обычай требует, не видать тебе больше жены. Она — моя дочь, со мною и останется.

Решил Эбопп с другом посоветоваться.

— Как думаешь, не пора ли нам алмазные глаза Ику продавать? А с другой стороны, видишь, как обнищали, изголодались горожане, что они могут за такое сокровище дать?

Научил его мудрый Мбоу, как быть.

— Один глаз — алмаз огромный, никому его не купить. А ты разбей его на кусочки, глядишь, покупатели и объявятся.

Так Эбопп и поступил. Раздробил на мелкие кусочки дар бесценный.

— Ну, а теперь, — наставляет его Мбоу, — иди и сыщи в городе человека, у кого еще не оскудели запасы.

Искал-искал Эбопп и нашел наконец такого: пищу — есть не переест, вино — пить не испить, масла пальмового да рому на сто лет хватит.

Договорился с ним Эбопп, только предупредил:

— Сокровище, которое получишь, до поры людям не открывай. А как откроешь — поклонится тебе в пояс весь народ.

Справили поминки, все честь по чести. Отпустил их с миром Обасси Осо. Вернулись Эбопп, Мбоу и жена Эбоппа в город родной, и шлет Эбопп гонца торговцу:

— Теперь можешь открыть сокровище, всему народу показать.

Обрадовался тот, созвал людей, говорит:

— Сейчас увидите вы чудо чудесное, диковинку невиданную!

Открыл мешочек, потряс, все камушки алмазные и высыпались, подхватил их ветер и развеял по всему городу. Сверкая и лучась, падали они там и сям. Бросились ребятишки их собирать. Всю ночь собирали, а днем хватать — не видно ни одного. А на следующую ночь снова. И к концу месяца собрали они едва не все осколки. Сложили огромный блестящий круг. И получилась луна. К концу месяца она всегда кругла и полна, а звезд не видеть, значит, детишки в небесном городе все осколки вместе сложили. Да только снова налетел ветер, снова развеял по небу блески ночные. Потому-то в начале месяца луна маленькая, узким серпиком, а звезд видимо-невидимо. Вот так благодаря лемуру Эбоппу, соне Мбоу, речному духу Ику и жителям небесного города звезды на небе и зажглись.

Как первый дождь на землю пал

Давным-давно, так давно, что и не упомянуть когда, родилась у владыки небесного Обасси Осо дочь, а у владыки земного — сын. Не по дням растут дети — по часам, и вот пришло время одному жениться, другой замуж выходить. И говорит Обасси Нси, владыка земной, своему небесному собрату:

— А не обменяться ли нам детьми? Я сына к тебе на небо пошлю, выбери ему невесту в своих владениях. Ты же дочь свою, Ару, ко мне направь, будет мне женой желанной.

На том и порешили. Прихватил сын Обасси Нси дары обильные да на небо отправился, а дочь владыки небесного на землю спустилась. Дал ей отец с собой семеро слуг и семеро служанок, чтоб всю работу по дому справляли, чтоб дочь могла жить вольготно, забот-хлопот не ведая.

Но не успели свадьбу сыграть, призывает Ару к себе суровый муж.

— Отправляйся-ка в поле. Заждалась там тебя работушка.

Молвила Ара в ответ:

— Отец со мной семь слуг и семь служанок прислал. Вели им на поле идти, работу справлять.

Осерчал Обасси Нси:

— Я тебе повелеваю! И не прекословь! А твоих слуг да служанок я найду чем занять!

Что ж, делать нечего, хоть и нет охоты повеление мужнино исполнять, никуда не денешься. Пошла Ара в поле. Лишь к ночи домой воротилась, намаялась, ног под собой не чувствует.

А муж ее жестокосердный на пороге встречает.

— Сходи-ка на реку, — говорит, — воды натаскай. Ни капли в доме не осталось.

Взмолилась Ара:

— Силушки моей нет, всю на поле оставила. Пошли из слуг кого, а мне передохнуть дай.

Еще пуще разгневался Нси. Пришлось Аре по воду идти.

Принесла один кувшин, другой, третий. Уж полночь на дворе, а она все воду таскает. А поутру послал ее Обасси Нси на самую черную работу. Дух перевести не дает, совсем загонял. То стряпает Ара, то опять воду но-

сит, то огонь в очаге раздувает. К вечеру прямо с ног валится. А вредный муж все не отстаёт.

На третий день, едва рассвело, велит:

— Ступай-ка в лес, хворосту набери.

Тяжко Аре, ох как тяжело, ведь к работе она вовсе не приучена. Идет в лес, а сама слезами горючими заливаётся. Набрала хворосту, тяжеленная вязанка получилась, едва до дому дотащила. А Обасси Нси завидел слезы у нее на лице и рассвирепел.

— Ложись-ка подле меня,— говорит,— да приласкай как следует, пусть люди добрые полюбуются, как жена молодая меня милует.

Чуть со стыда не сгорела Ара. Горе горькое! Сраму не оберешься!

А на следующий день муж ее и вовсе без завтрака оставил. Да и на обед лишь крохи жалкие ей перепали. И снова в лес муж посылает.

— Иди,— говорит,— сыщи мне там дурман-травы.

Покорилась Ара, пошла, а лес темной стеной стоит, чащоба непролазная. А тут еще случись под ногой колючка острая, так и вонзилась в пятку. Кровь алая хлынула, наземь Ара повалилась, дальше идти не может. И больно-то ей, и обидно-то — словами не передать. Так весь день пролежала, а как солнце к закату клониться стало, полегчало ей, кое-как до дому добралась.

А Обасси Нси снова гневается:

— Так-то ты волю мою исполняешь? Зачем я тебя посылал? Где ты день-деньской пропадала? Лучше на глаза мне не показывайся, в дом и на порог не пущу. Спать тебе сегодня на скотном дворе.

Прочь пошла Ара, голодная, холодная, бесприютная.

Открывает служанка ее поутру загон, где коз держат, смотрит — на земле госпожа лежит, одна нога у нее распухла, почернела, даже встать не вмоготу. Пять дней, пять ночей пролежала Ара на скотном дворе, спала боль, зажила рана.

Не успела она на ноги подняться, призывает ее грозный Обасси Нси.

— Вот тебе котел. Ступай на реку, воды набери. Да чтоб полнехоньким домой принести.

Пошла Ара на реку. Села на бережку, закручинилась, ноги в воду студеную опустила. «Не вернусь домой,— думает,— ни за что не вернусь. Лучше в реке глубокой навеки останусь».

Долго так сидела, коротко ли, только послали за ней слугу — проведать, что домой не идет. А она так слуге и сказала, дескать, ни за что на свете домой не воротится. Ушел слуга, и думает Ара: «Сейчас мужу все расскажет, взбеленится тот, на реку сам прискочит, меня изобьет-изувечит. Пойду-ка подобра-поздорову домой».

Набрала в котел воды, стала на плечи поднимать — да не тут-то было, уж больно тяжел котел. Взгромоздила она его на нижний сук дерева, сама под него подлезла, думает, так легче котел на голову поставить. Да не удержала, грянул котел оземь — и вдребезги, а осколком острым ей ухо так и срезало, будто ножом. Кровь хлещет.

И боль и обида — все переплелось, и вскинулась душа безвинная:

— Доколе мне поношения сносить? Или я сирота последняя?! Отец-мать живы, вернусь к ним. И зачем я столько с Обасси Нси маялась?

И пошла она дорогу на небо искать, по которой муж ее на землю привел. Идет-идет и видит: стоит дерево высокое, а к нему веревка спускается, длинная-предлинная, аж с самого неба.

«По этой-то веревке я на небо и залезу», — решила Ара, ухватилась покрепче и давай вверх карабкаться. Устала, остановилась, а слезы из глаз так сами собой и бегут да по небу в облачка собираются. Дальше Ара полезла, вот уж и царство отцово. Села Ара и пуще прежнего заплакала. Проходил в ту пору мимо один из слуг. Заслышал плач и — бегом в город. Прибегает к Обасси Осо.

— Прислышался мне, господин, голос дочери твоей. Пошел я за хворостом, слышу: плачет кто-то неподалеку.

Изумился Обасси Осо, но решил проверить.

— Возьми с собою дюжину слуг, и коли дочь мою отыщете, прямо ко мне во дворец ведите.

Отыскали они Ару, привели в дом к отцу. Увидел тот ее, ахнул:

— А ну-ка, зовите жен моих, да поживее!

Младшая жена согрела воды, искупала Ару, постель постелила, в одежды тонкие одела, шкурами мягкими укрыла.

Другие жены обед готовят, прислал им Обасси Осо козленка для дочери любимой, фруктов и разных яств. Накрыли стол, принесли вина пальмового, поднесли Аре кубок — пей, доченька!

Устроили пир горой. Утолила Ара голод и жажду, приносят тут сундук огромный слоновой кости. Поднимает отец крышку и говорит:

— Бери, доченька, все что угодно!

Подошла Ара. Взяла две штуки тканей расписных, три платья нарядных, четыре повязки набедренные, четыре зеркальца, четыре горшка и четыре нитки бус.

Следом придворные Обасси Осо идут — свои дары подносят.

А мать ей пять платьев подарила красоты неопикуемой. И еще пятерых рабынь в услужение.

Молвил отец:

— Я тебе и дом новый поставил. Милости прошу — живи в нем хозяйкою.

Потом повелел он сыскать сына Обасси Нси, владыки земного, отрубить ему оба уха, всыпать сто плетей и изгнать с небес на землю. Да чтоб отцу такое послание передал:

«Построил я у себя в городе хоромы для чада твоего, и жил он припеваючи. Но прознал я о злодействе твоём, как ты над дочерью моею надругался. Посему получай своего сына и знай, что уши ему я повелел отрубить в отместку за дочь мою, Ару, за все то горе, что от тебя потерпела».

Изгнали сына Обасси Нси с небес. Подхватил его ветер, понес по облакам, а облака те — слезы Ары. Да и сын владыки земного тоже рыдает безутешно:

— Правый суд учинил надо мною Обасси Осо. Ничего, кроме добра, я от него не видел, а мой отец вон как с Арой обошелся. И я за его зло расплачиваюсь.

И смешались его слезы со слезами Ары, и пали с облаков на землю дождем. А до той поры не ведала земля, что такое дождь: то слезы Ары и сына Обасси Нси, собрались они в облака, и принесли их ветры, а послал их на землю владыка небесный — Обасси Осо.

Как появились на земле реки

В древние незапамятные времена спустился с небес старец по имени Етим Не, что означает «Праотец», вместе со своей женой Еджав, что означает «Львица». Эта дряхлая чета была первыми обитателями земли.

В то время земля была сухой и безводной, потому что вся вода находилась в небесных владениях Обасси Осау.

Семь дней прожили Етим Не и Еджав на земле, питаясь лишь бананами, пили они сок из стеблей. На восьмой день старец вернулся на небеса, вошел в покои Обасси Осау и сказал:

— Мы с женой живем на земле. Но у нас нет ни капли воды, приходится пить сок из стеблей. Я проведу здесь три дня и три ночи. Перед тем как я вернусь на землю, дай мне, пожалуйста, немного воды. Когда у нас с женой появятся дети, они отблагодарят тебя за твою доброту. Я сам принесу тебе их дар.

Миновала третья ночь, и рано утром Обасси Осау положил в калebas амулеты и вручил все это Етому Не с таким наказом:

— Открывай калebas только тогда, когда никого нет поблизости. Там лежат семь амулетов. Если тебе понадобится вода, брось один из них на землю.

Старец поблагодарил его, спустился на землю и побрел

к участку, который они с женой стали расчищать. По пути он открыл калebas и обнаружил внутри семь прозрачных, как вода, камней. Взяв один, он бросил его на землю. Тотчас же забила крохотная струйка. Вода лила все сильнее и сильнее, и в конце концов образовалось огромное — вон как отсюда до Ако — озеро.

Обрадовались Етим Не и Еджав. Но эту радость омрачала мысль, что у них нет детей.

Через два дня жена объявила ему:

— Обасси посылает нам еще один дар. Вскоре мы уже не будем одинокими.

В положенный срок она родила сразу семерых сыновей. А спустя некоторое время еще семь дочерей. Больше детей у них не было.

Когда сыновья и дочери подросли, Етим Не отделил их.

Для дочерей выстроил общий большой дом, а каждому из сыновей сказал, чтобы он обзавелся собственным хозяйством. После этого он призвал к себе сыновей и сказал им:

— Придется вам жениться на своих сестрах, ведь других женщин на земле нет.

Старший сын поселился возле большого озера. Остальным Етим Не подарил по озеру или реке — по числу камней в калбасе.

Вскоре все молодые родили по семь детей, трех девочек и четверых сыновей. Обрадовался Етим Не. А когда все подросли, он разослал их в разные стороны.

Семеро его сыновей промышляли охотой. Но трое из них делились добычей с отцом, четверо же заботились только о себе.

Опечалился Етим Не. И отнял озера и реки у тех, что заботились только о себе. Эти четверо, взяв с собой калebas пальмового вина, явились к отцу и сказали:

— Нас ведь всего семеро. Ты одарил нас водой поровну. Почему же ты отнял ее только у нас четверых?

— Потому что вы заботитесь только о себе, не делитесь со мной своей добычей,— ответил старец.— Но раз вы раскаиваетесь, я, так и быть, прощаю вас. Дарю каждому по полноводной реке. Подрастут ваши дети — и их не обижу.

На другой год снова родились дети у всех семерых сыновей. Подросли, расселились, и каждый выстроил себе по дому. Етим Не позвал их всех к себе и сказал:

— Пусть каждый из вас завтра отправится к реке, протекающей у поля его отца, и найдет в ней семь гладких камней. Сгодятся и те, что поменьше, и те, что размером с ладонь. А потом пусть каждый пойдет в ту сторону, куда ему хочется, и по пути пусть кладет камни. Где он положит поменьше — ручеек побежит, где побольше — река будет.

Все внуки поступили точно так, как им велел дед. Только один ослушался. Взял он большую корзину да и набил ее камнями. А когда шел к своему полю, подумал: «Дед говорит, что там, где я брошу большой камень, будет река. А если я брошу все камни, воды будет такое обилие, что я стану богаче всех своих братьев».

Высыпал он камни в одном месте, и сразу хлынул такой сильный поток, что затопил все его поле, а затем и все окрестные земли. Испугался он и бросился вместе с женой к своему деду. Увидев, что начинается потоп, и все остальные кинулись к дому Етима Не. Тот сразу догадался, в чем дело. Схватил в руки волшебный калebas и взобрался на холм позади своего дома. Там росло несколько пальм. Он встал под одну из них, самую высокую, высоко поднял калebas и воззвал к Обасси Осау:

— Не допусти, чтобы твой щедрый дар обратился во зло.

И тотчас же вода начала сбывать. Скопляясь в низких местах, она прорывала русла: широкие для рек, узкие для ручейков. Только там, где находилось поле непослушного внука, осталось огромное озеро. Весь посеянный им урожай пропал. Пришлось ему выпрашивать еду у своих братьев, не то бы с голоду умер.

На другой день Етим Не собрал всех своих детей, дал названия большим и малым рекам, вплоть до крохотных ручейков, а потом сказал:

— Скоро я вас покину. Не забывайте поминать меня добром. Ведь это именно благодаря мне появилась вода на земле, и теперь вы можете жить в довольстве и радости.

Через два дня он умер. Запомните: в самом начале на земле не существовало ни людей, ни воды. Первыми ее обитателями стали Етим Не и его жена Еджав. А воду Етим Не выпросил у небесного властителя Обасси Осау.

Как бог Вулбари ушел от людей и стал жить на небе

Давным-давно, в незапамятные времена, бог Вулбари жил вместе с людьми на земле. Бог занимал почти всю землю, которая звалась Асасе Я, и людям оставалось очень мало места, они его все время тревожили, так что в конце концов бог рассердился и улетел в небеса. С тех пор люди молятся ему, но добраться до него не могут.

А рассердился он не зря. Во-первых, одна старуха каждый день была его скалкой, когда стряпала фуфу, от ударов оставались синяки, и в один прекрасный день терпение у бога лопнуло и он слегка приподнялся над землей. Теперь старухина скалка уже не могла его достать, зато дым от ее очага стал есть ему глаза, и он был вынужден улететь еще выше.

Впрочем, существует и другое предание. Когда Вулбари жил рядом с людьми на земле, они считали его чем-то вроде полотенца, и все кому не лень вытирали об него грязные руки — попробуй тут не рассердись. Но еще хуже поступали с богом люди из племени кассена. Одна старуха каждый день отрезала от него по куску мяса и стряпала для своей семьи еду, вот он и переселился с земли на небо.

Обосновавшись на новом месте, Вулбари завел себе множество придворных и слуг из птиц, зверей, животных и насекомых и зажил припеваючи. И вот в один прекрасный день паук Анансе, который командовал войском Вулбари, просит бога дать ему кукурузный початок.

— Бери на здоровье, — отвечает бог. — Только почему так мало — всего один початок?

— А мне больше не надо,— говорит Анансе,— я возьму у тебя один початок, а взамен приведу тебе сотню рабов.

Бог Вулбари в ответ лишь рассмеялся.

Но Анансе и не думал шутить. Не трата времени даром, он спустился с неба на землю и спросил, как ему пройти из Крачи в Йенди. Люди объяснили ему, и он быстро зашагал по дороге. К вечеру он уже был в Тарнасу. Там он попросился переночевать, и вождь велел проводить его в хижину. Перед тем как лечь спать, Анансе достал свой початок и говорит вождю:

— Где бы его спрятать понадежнее? Этот початок не простой, его мне сам Вулбари дал и велел отнести в Йенди, я должен доставить его в целости и сохранности, а пропадет — беда.

Указали Анансе укромное место под крышей, положил он туда початок, и все разошлись по хижинам. А Анансе дождался, когда все заснут, достал свой початок и скормил его курам. Настало утро, полез он за своим початком под крышу, а початка-то никакого и нет. Ох и шум поднял Анансе! Стали сельчане предлагать ему целую корзину кукурузы взамен, но он ни в какую, еле уломали, чтобы взял. Пошел он дальше, но скоро устал, потому что корзина была очень тяжелая, и присел у дороги отдохнуть.

Сидит и видит—идет прохожий и несет в руках курицу. Анансе поздоровался с прохожим, тот остановился, и стали они болтать о том о сем.

— Хорошая у тебя курица,— говорит Анансе.— Уступи ее мне, я тебе корзину кукурузы за нее дам.

Сделка была выгодная, и прохожий согласился. Анансе взял курицу под мышку, распрощался с прохожим и зашагал дальше.

К вечеру приходит в Кпанде и прямо в хижину вождя, кланяется ему и просит ночлега. Гостя, конечно, накормили, уложили спать — все честь по чести. Однако прежде чем лечь, Анансе показал сельчанам курицу и сказал, что ее дал ему сам Вулбари и наказал отнести в Йенди. Услышав это, народ почтительно притих, потом Анансе отвели к прочному, крепкому курятнику, где птицу можно было оставить без всякой опаски. Наконец все разошлись по домам и заснули.

Но Анансе не спал, хотя веки у него смыкались от усталости. Когда дом захрапел на разные голоса, он тихонько встал, пробрался в курятник, взял свою курицу и пошел с ней в лес. На опушке он зарезал несчастную птицу и положил на видном месте, но сначала выдрал из нее пук перьев и вымазал их в крови, а вернувшись к хижине вождя, бросил окровавленные перья у порога. Только тогда он заснул.

Утром Анансе проснулся чуть свет и завопил: какое несчастье, курица Вулбари пропала, не командовать ему больше войском, прогонит его бог, а на жителей Кпанде найдет мор, горе им. Все повыскакивали из своих хижин, перепугались, дрожат, а Анансе знай себе кричит, надрывается. Вдруг он умолк и уставился на крыльцо, где лежал пук окровавленных перьев.

Конечно же, то были перья злосчастной курицы Вулбари, никто в этом ни на миг не сомневался, а тут еще какой-то мальчонка прибежал с убитой курицей, которую

он нашел на опушке. Всем стало ясно, что их вождь совершил неслыханное преступление, даже не преступление, а святотатство. Все племя упало на колени и стало молить, чтобы Анансе простил их и отвел беду, иначе она неминуемо разразится над их головами.

Анансе отказывался, мол, ничего он не может сделать, все бесполезно, но потом все-таки смиростивился и велел дать ему овцу, он отведет ее в Йенди, может быть, тогда бог Вулбари их простит.

— Что овца! Мы тебе целое стадо дадим, только отврати несчастье! — закричал народ.

Анансе взял десять овец и ушел.

До Йенди он добрался без приключений. Вблизи селения присел отдохнуть, потому что устал в дороге, а овец пустил пастись. Видит — по дороге идет толпа, несутся причитания, плач: люди несли покойника. Когда толпа поравнялась с Анансе, он поздоровался, спросил, что стряслось, и ему объяснили, что вот умер на чужбине юноша и они несут его в родную деревню хоронить.

Анансе спросил, далеко ли деревня, и люди ответили — да, очень далеко. Тогда Анансе предложил им отдать покойника ему, он его похоронит, а они пусть взамен возьмут его овец. Никто никогда не слыхивал ни о чем подобном, но сделка показалась выгодной, поэтому люди оставили покойника Анансе, забрали овец и ушли.

Анансе дождался темноты и вошел в деревню. Его

проводили к вождю Йенди. Анансе почтительно ему поклонился и попросил позволения переночевать в их селении.

— Со мной путешествует любимый сын Вулбари, — добавил он. — Я, как вы знаете, команду войском Вулбари, но у этого юноши я простой раб. Он сейчас устал, спит, надо его устроить поудобнее.

Жители Йенди очень обрадовались, услышав, что у них в гостях любимый сын бога Вулбари, для юноши тотчас приготовили лучшую хижину. Анансе уложил покойника так, будто он спит, укрыл его и пошел к вождю ужинать. Накормили Анансе на славу, но он был жадный и попросил еды еще и для сына Вулбари, отнес ее в хижину, съел все до последней крошки и вынес пустые миски.

Жители Йенди решили устроить игры и пляски в честь высокого гостя, ведь сын бога не так уж часто заглядывает к ним, и спросили у Анансе согласия. Анансе сказал:

— Пожалуйста, пойте и пляшите, сколько душе угодно. сын Вулбари спит как убитый, над ним хоть гром греми, он не проснется. По утрам, чтобы добудиться, приходится бить его прутом. Кричать и трясти за плечо бесполезно.

Итак, народ до поздней ночи пел, плясал, веселился.

На рассвете Анансе встал и сказал, что им с сыном Вулбари пора дальше в путь, пусть сыновья вождя, которые вчера с таким увлечением плясали, разбудят сына Вулбари и приведут к нему. Если он еще не проснулся, пусть они хорошенько стеганут его прутом, тогда уж он вскочит. Сыновья вождя взяли прутья и стали стегать «сына Вулбари», но тот даже не шевельнулся.

— Крепче, крепче, не стесняйтесь! — поощрял их Анансе, но покойник и не думал вставать.

Тогда Анансе сказал, что сам его разбудит, вошел в хижину, стал звать, трясти за плечо, и тут вдруг оказалось, что юноша-то умер. Анансе завопил не своим голосом, что дети вождя запороли сына Вулбари до смерти. На крик сбежалось все село. Какую страшную весть они слышали!

Люди оцепенели от ужаса. Вождь вошел в хижину, где ночевал гость, и собственными глазами удостоверился, что юноша мертв. Тогда он сказал: пусть Анансе убьет его детей, пусть убьет его самого, пусть сожжет все селение до последней хижины. Но Анансе сказал: нет, что толку их убивать, все равно мертвого не воскресишь.

Пока он и сам не знает, что делать, слишком уж большое горе на них обрушилось. Несчастному юношу надо похоронить, пусть они берутся за дело, а он, Анансе, будет тем временем думать, как умилоостивить бога Вулбари.

Итак, покойника похоронили. Жители Йенди были в таком страхе, что боялись слово проронить.

Наконец вечером Анансе призвал к себе вождя.

— Я решил вернуться к моему повелителю Вулбари и рассказать, что его сын погиб, — начал он. — Но чтобы гнев его не обрушился на вас, я скажу, что это я виноват в его смерти. Только вы должны собрать сотню молодых парней, они пойдут со мной и подтвердят, что сын Вулбари на самом деле погиб.

Народ обрадовался. Выбрали для Анансе сотню самых сильных, самых крепких парней и стали готовить их к путешествию во владения Вулбари.

Наутро Анансе отправился с ними в путь. Сначала зашли в Крачи, а потом уже напрямик к Вулбари.

Бог увидел их еще издали и вышел навстречу. Анансе поведал ему свои приключения, как один-единственный кукурузный початок он сумел превратить в сотню отборных молодых воинов. Вулбари был очень доволен и на вечные времена закрепил за Анансе титул командующего всей его армией.

Анансе отчаянно возгордился и начал хвастать своими подвигами направо и налево. Совсем зарвался и в один прекрасный день заявил, что он умнее самого Вулбари. А Вулбари случайно услышал наглые речи паука и воспыал гневом. Назавтра велел он привести к себе своего военачальника и приказал ему принести то, что он, Вулбари, задумал. А что он задумал — пусть сам Анансе отгадает.

Весь день Анансе сидел и думал, а вечером Вулбари стал над ним смеяться:

— Эх ты, хвастал, что умнее меня, вот теперь и покажи нам свой ум: найди и принеси, что я задумал.

Рано утром Анансе спустился на землю искать то, что задумал Вулбари. Вдруг его осенила отличная мысль. Он сел у края дороги и созвал всех птиц, которые только водились на свете. Каждую он попросил дать ему по одному красивому перу и потом отпустил. Из перьев он сделал роскошный наряд и вернулся на небо во владения Вулбари. Там он надел на себя наряд из перьев и сел на дерево возле дома Вулбари. Очень скоро Вулбари вы-

шел во двор и увидел красивую яркую птицу. Такой ему еще не доводилось встречать, поэтому он созвал приближенных и спросил, как называется эта диковинная птица. Но никто не знал, даже слон, а уж ему-то ведомы все растения, животные и птицы, какие водятся в джунглях, болотах и в пустынях. Кто-то сказал, что, может, Анансе знает, но Вулбари ответил, что Анансе нет, он услад его с поручением. Всем стало интересно, что за поручение Вулбари ему дал, и тогда бог со смехом ответил:

— Уж очень наш Анансе хвастался, говорил даже, что он умнее меня, а я нечаянно услышал. Поэтому и приказал ему принести мне то, что я задумал.

Всем, конечно, захотелось узнать, а что же такое задумал Вулбари, и тогда Вулбари сказал, что Анансе нипочем не угадает, потому что задумал он ни много, ни мало Солнце, Месяц и Ночь.

Все пришли в восхищение от мудрости Вулбари и стали хохотать над Анансе — как ни хитер он, а из такой переделки нипочем не вывернется.

Так Анансе, надежно замаскированный своим ярким нарядом из перьев, выведал, что ему надо, и лишь только народ разошелся, слез с дерева и потихоньку — в джунгли. Там он сбросил свои перья и пошел далеко-далеко, на край света. Где он был, никто не знает, однако ему удалось раздобыть и Солнце, и Месяц, и Ночь. Некоторые утверждают, что их дал ему Питон, но доказательств у них нет. Как бы то ни было, Анансе заполучил и Солнце, и Месяц, и Ночь, положил их в мешок и поспешил домой к Вулбари.

Шел он долго и вот добрался до владений Вулбари. Вулбари с ним поздоровался, покалякал о том о сем и наконец спрашивает:

— Ну что, Анансе, принес задуманное?

— Принес, — отвечает Анансе, развязывает мешок и достает из него Ночь. Все окутала непроглядная тьма. Тогда он вынул из мешка Месяц, и сразу стало чуть светлее. И вот наконец он достает Солнце, и все, кто глядел на Анансе, тотчас же ослепли, а те, кто глядел в сторону, ослепли только на один глаз. Тем же, кто в эту минуту мигнул или зажмурился, повезло — они остались зрячими.

Вот как случилось, что мир поразила слепота. А все потому, что Вулбари решил проучить паука Анансе.

Как близнецы появились среди йоруба

Жил некогда в городе Ишокун, который позднее стал частью Ойо, земледелец, который нещадно истреблял обезьян. Поля у него были богатые, и обезьяны все время совершали на них набеги. Вот он и решил избавиться от них. Вместе со своими сыновьями стрелял в них из лука, кидал камнями. Но обезьяны не прекращали своих набегов. А чтобы обмануть хозяина и его сыновей, прибежали к различным хитростям. Заберутся, например, несколько обезьян на большое поле, а пока их прогоняют, другие спокойно наедаются до отвала на другом краю. Они знали заклятия, которые вызывают дождь. Хозяин с сыновьями

отправляется домой, думает: «В такую плохую погоду обезьяны не появятся», а хитрецам только того и надо, соберутся и объедают поля. Кончилось дело тем, что земледелец построил навес. Но и это не остановило обезьян.

Было у земледельца несколько жен. Когда одна из них понесла, к нему явился прорицатель — адахунсе.

— Из-за того, что ты убиваешь обезьян, тебе грозит большое несчастье, — сказал он. — Обезьяны искусны в волшебстве. Они могут вселить в чрево твоей жены абику, и тогда ребенок, которого она родит, вскоре умрет. И так будет случаться снова и снова. Все твои дети будут абику. Перестань охотиться на обезьян. Пусть едят, сколько им хочется.

Однако земледелец не захотел послушать мудрый совет, продолжал убивать обезьян. Вот они и решили отомстить. Вселили в чрево его жены даже не одного, а двух абику. В положенный срок появился один, и тут же, следом за ним, другой. Так среди йоруба появились двойняшки. Все внимательно их разглядывали. Одни говорили, что это к добру, другие — что к беде, ведь двойни рождаются только у обезьян.

Близнецы-абику прожили недолго. За ними появлялись все новые и новые дети, и все они были абику, почти сразу же умирали.

Земледелец был в отчаянии. Решил он посоветоваться с колдуном. Раскинув орехи, он сказал:

— Виновники твоих бед — обезьяны, разоряющие поля. Перестань убивать их, и тогда, может быть, они сменят гнев на милость.

С тех пор земледелец прекратил охоту на обезьян, разрешил им есть вволю на своих полях. Через некоторое время жена опять родила двойняшек. Но эти не умерли, продолжали жить. Но он сомневался, люди они или абику, и отправился за советом к колдуну. Тот опять раскинул орехи и сказал:

— Это не абику, а люди. Обезьяны сменили гнев на милость. Отныне они не будут преследовать тебя. Знай только, что твои дети не такие, как у всех. У них есть тайная власть вознаграждать или наказывать. Их повелитель — ориша Ибеджи. Всякий, кто посмеет обидеть или оскорбить их, будет сурово покаран: ориша найдет на него какую-нибудь хворь или нищету. Зато тех, кто будет добр к близнецам, ожидает удача во всех их делах.

Он еще раз раскинул орехи и добавил:

— Если близнецы будут довольны своей жизнью, их родителям будет ниспослано процветание. Сделай же все, чтобы они были счастливы. Удовлетворяй все их желания. Не забудь только принести жертву Ибеджи и помни, что близнецы посланы в мир обезьянами, поэтому ни они сами, ни их семьи никогда не должны вкушать обезьянье мясо.

Земледелец рассказал обо всем этом своей жене. С тех пор, о чем бы ни попросили близнецы, их просьбы тут же исполнялись. Захотят сладостей, а перед ними уже полный поднос, ешь, сколько душе угодно. Если они говорили матери: «Пойди на рыночную площадь и попроси для нас подаянья», она тут же отправлялась на

рынок, если они выражали желание, чтобы она потанцевала с ними, им не было никаких возражений: мать брала их на руки и отплясывала вместе с ними.

С того времени земледелец со всей своей семьей процветал. Все его жены рожали двойняшек.

Вот почему близнецов часто называют «эдун», что означает «обезьяна». Называют их и по-другому — «аданджукале», что означает «с блестящими глазами в доме». Первый из народившихся близнецов считается младшим. Зовут его Таниево — «Явившийся, дабы познать жизнь». Второго же зовут Кехинде — «Тот, что явился последним». Он считается старшим. И вот почему. Говорят, что Кехинде всегда посылает Таниево вперед себя, чтобы тот разузнал, стоит ли ему вообще появляться на свет. Так вражда между человеком и обезьянами привела к тому, что среди йоруба стали рождаться близнецы.

Оранмийян—герой-воитель из Ифе

Бог Одудува испокон веков правил в Ифе. А бог Орунмила—в Бенине. Но ему там опостылело, и он вернулся на небеса. С этого времени все в Бенине пошло шиворот-навыворот. Бенинцы отправили гонцов к Одудуве с просьбой стать их правителем. Но тот отказался. «Если я стану вашим отцом,—сказал он,—мой родной Ифе останется без отца». Но бенинцы посылали все новых и новых гонцов и добились его согласия. Он отправился в Бенин вместе со своим сыном Оранмийяном. Навел порядок и, оставив сына властителем, вернулся в Ифе. Узнав, что скоро умрет—а был он не вечен,—Одудува послал за Оранмийяном, который, возведя своего сына на трон, поспешил к отцу. По последней отцовской воле он стал оба, верховным вождем Ифе.

В те времена существовало множество государств, они вели между собой непрерывные войны. Ифе возвышался над всеми другими городами, что навлекало на него общую зависть. Их правители вознамерились завоевать его. Но так же громко, как слава Ифе, гремела и слава доблестного героя Оранмийяна. Каждый раз, когда завязывалась битва, он предводительствовал воинами, неизменно одерживая победу над всеми врагами. Никто не

мог устоять против него в поединке один на один. Его сверкающий на солнце меч вселял ужас в сердца всех, кто жаждал разрушить Ифе. Путь его был усеян мертвыми телами. Несчетное множество великих воителей жило в то время, но Оранмийян был величайшим из величайших. При его жизни никто не мог покорить Ифе.

Но и Оранмийян был не вечен. Узнав, что скоро умрет, он собрал всех жителей Ифе и сказал:

— Уже недалек тот день, когда я покину вас. Будьте и впредь такими же отважными, доблестными воинами, как и были. Не позволяйте врагам умалить славу Ифе—да стоит он так же незыблемо, как и стоял.

— Оранмийян, ты отец Ифе,—ответили люди.—Победи смерть и оставайся с нами.

— Это невозможно,—сказал Оранмийян.—Помните, однако, что Ифе остается под моей защитой. Если на вас обрушится великое несчастье, призовите меня. Я открою старейшинам заветное, которое воскресит меня на некоторое время. Но произносить его можно только в пору великого несчастья.

Сопровождаемый всеми жителями, он отправился на рыночную площадь и вонзил в землю свой меч.

— Мой меч будет вечно возвышаться здесь,—сказал он людям,—напоминая вам о славе и величии отважных героев.

В тот же миг меч превратился в каменный обелиск, который все называли с тех пор Опа Оранмийян—Меч Оранмийяна.

Оранмийян топнул, земля тут же разверзлась. Когда он спустился вниз, земля сомкнулась—будто и не было никакой трещины. Вот так покинул этот мир Оранмийян.

Когда весть о его смерти разнеслась по всем соседним государствам, оба одного из городов обрадовался:

— Стало быть, Ифе остался без защиты! Самое время поставить его на колени.

И он выслал против Ифе огромное войско. Увидев, что враг окружает город, жители побежали к старейшинам:

— Сейчас же воскрешайте Оранмийяна. Не то будет поздно.

Старейшины произнесли заклятия. И в тот же миг земля расступилась, и в полном боевом вооружении появился Оранмийян. Он повел в бой воинов Ифе. Его

ярко сверкающий меч вселял страх в сердца врагов. Вскоре они обратились в бегство. Воины Ифе во главе с Оранмийяном гнались за ними следом, добивая убегающих. Одержав полную победу, они вернулись в город. Оранмийян топнул и спустился в образовавшуюся расселину.

С тех пор никто не осмеливался выступить с оружием в руках против Ифе. Враги знали, что он находится под защитой Оранмийяна, величайшего из величайших.

Однажды в Ифе было большое празднество. Все пели и плясали под барабаны, ели и пили пальмовое вино. Многие захмелели. Даже с наступлением вечера празднество не окончилось. Кто-то из пирующих предложил:

— Надо воскресить Оранмийяна. Пусть и он пляшет и поет с нами.

Все поспешили на рыночную площадь, где возвышался каменный меч героя, и стали его упрашивать осчастливить их празднество своим появлением. Оранмийян не появлялся.

— Надо вызвать его заклятиями, а их знают лишь старейшины,—сказал другой человек.

Привели старейшин и стали их просить, чтобы воскресили Оранмийяна. Те упорно отказывались:

— Нехорошее дело вы затеяли. Оранмийян наказывал, чтобы мы призывали его только при великом несчастье. А тут празднество. Пусть он спокойно поживает под землей.

Но жители Ифе упорно настаивали:

— Делайте, что вам говорят, старики. Мы хотим, чтобы он принял участие в наших плясках и песнях.

В конце концов старейшины сдались, произнесли заклятия. Тотчас же с мечом в руках явился Оранмийян. Лицо его пылало воинственной отвагой. В темноте он принял жителей Ифе за врагов, вторгшихся в город, и принялся разить налево и направо. Страх и смятение объяли весь город. Жители кинулись наутек. Но Оранмийян неотступно преследовал их и все убивал, убивал. Только когда рассвело, по засечкам на щеках понял он, что сражается с людьми своего собственного племени. В горе и скорби он отшвырнул прочь оружие и закричал:

— Меня призвали заклятиями, которые произносятся только в час великого несчастья. И вот я порубил многих жителей своего же города. Отныне я никогда больше не буду сражаться. И никогда не восстану из мертвых. И тем же путем, что пришел, он ушел под землю.

Каменный обелиск в виде меча до сих пор стоит на том месте, где его поставил великий герой. Он напоминает жителям о славных деяниях Оранмийяна и о той страшной беде, которую они сами навлекли на себя, призвав его в тот час, когда ничто не угрожало их городу.

Лютня Гассира

Четырежды стояла столица Вагаду во всем великолепии и славе. Четырежды исчезала она с лица земли: виной тому были людская гордость, ложь, ненасытность и вражда. Четырежды Вагада меняла имя: звалась поочередно Диеррой, Агадой, Ганной и Силлой. Четырежды оборачивалась она в разные стороны: на север, на запад, на восток и на юг. Окружали ее высокие стены с четырьмя воротами: северными, западными, восточными и южными. А воздвигалась она из камня, дерева, глины и человеческих жизней. Такой она навсегда и утвердилась в памяти народа. Вагаду — великая сила, таящаяся в человеческих сердцах. Иногда видны ее высокие стены, слышен лязг мечей и звон щитов, иногда же она скрывается, становится невидимой, засыпает, утомленная суетным людским тщеславием. Когда-нибудь Вагаду восстанет, с тем чтобы никогда больше не исчезать. Ключом забурлит в ней жизнь. Ни тщеславие, ни ложь, ни ненасытность, ни вражда не смогут тогда нанести ей урон. Незыблемая и нерушимая будет она стоять до окончания времен.

Хо! Диерра, Агада, Ганна, Силла!

Хо! Фаса!

Четырежды исчезала с лица земли столица Вагаду. Четырежды восставала она, еще более прекрасная, чем прежде. Гордость породила замечательные, до сих пор поющиеся песни. Ложь пролила на Вагаду дождь

золота и жемчуга. Ненасытность помогла умению писать и читать, в Вагаду это было занятие женщин, это умение переняли бурдама.

Вражда научит пятую Вагаду быть такой же победоносной, как южные дожди, несокрушимой, как скалы Сахары. Тогда в сердце каждого мужчины будет жить Вагаду и будет пребывать Вагаду в лоне каждой женщины.

Виновницей первого исчезновения Вагаду была гордость. В те времена Вагаду смотрела на север и носила имя Диерра. Последнего правителя Диерры звали Нга-намба. Некогда его род был могущественным, но постепенно приходил в упадок. Каждый день его народ, фаса, сражался с бурдама и борома. Битвы не прекра-

щались, казалось, мир никогда не наступит. Поначалу мощь страны Нганамбы возрастала. Все мужчины были отважными воинами, женщины—прекрасны и горделивы. Но те фаса, что не пали в сражениях, старели. Одряхлел и Нганамба. У сына вождя, Гассира, было восемь взрослых сыновей и множество внуков. Престарелый король не решался передать власть сыну, боялся, что его гордость пострадает, если он перестанет быть правителем, и вот Вагаду исчезла, народ борома превратился в рабов бурдама, мечом захвативших власть. Умри Нганамба вовремя, разве исчезла бы Вагаду в первый раз?

Хо! Диерра, Агада, Ганна, Силла!

Хо! Фаса!

Нганамба все не умирал. Гассиру казалось, будто сердце его пожирает шакал. Каждый день вопрошал он свое сердце: когда же умрет Нганамба? Когда он, Гассир, станет правителем? Каждодневно Гассир жаждал услышать о смерти короля, как любовник страстно ожидает восхода вечерней звезды, чтобы отправиться к своей возлюбленной. Гассир уже успел покорить бурдама, коварных борома он гнал бичом, сделанным из подпруги боевого коня. Все помыслы его были только об отцовском мече, только о его щите, только о его коне. И по вечерам, возвращаясь в город, он сидел в кругу сородичей и слушал, как воины превозносят его подвиги. Но все его мечты были об отцовском щите и мече—овладеть ими он мог лишь после его смерти. День за днем росло нетерпение Гассира. Он проводил бессонные ночи, и шакал пожирал его сердце. Однажды Гассир вышел из дома ночью и отправился к мудрому старцу.

— Кiekорро! —спросил он.— Когда наконец умрет мой отец Нганамба, оставив мне свой меч и щит?

Мудрец ответил:

— Э, Гассир, твой отец скоро умрет, но не тебе владеть его щитом и мечом. Твое же оружие—лютня. Из-за нее-то и сгинет Вагаду. Э, Гассир!

— Ты лжешь, Кiekорро! Я вижу, что не такой уж ты прозорливец! Как может сгинуть Вагаду, если герои ее каждый день выигрывают битвы? Ты лжешь, Кiekорро!

— Напрасно ты мне не веришь,—вздыхнул старец.— Твой путь ведет в поле, к куропаткам: там ты услышишь их песню, и вот это-то и есть твой путь и путь Вагаду!

Хо! Диерра, Агада, Ганна, Силла!

Хо! Фаса!

Наутро Гассир вместе с другими героями вступил в битву с бурдама. Гнев охватил его. И приказал он воинам:

— Оставайтесь на месте. Сегодня я один буду сражаться.

Герои остались кто где стоял, а Гассир выехал вперед и метнул копье. А затем кинулся на бурдама с обнаженным мечом; он косил их, как серп пшеницу. Закричали бурдама в ужасе:

— Этот человек не из рода фаса. Это сам Дамо, губитель людей.

Они побросали копья и обратились в бегство. Гассир приказал своим воинам:

— Подберите копыя.

Они выполнили его повеление. И запели: все фаса — герои как на подбор. Гассир — величайший из героев, вершитель славных подвигов. Но сегодня он превзошел самого себя!

Гассир въехал верхом в город в сопровождении героев. Они пели:

— Никогда еще Вагаду не захватывала столько копий!

После битвы Гассир отправился к женщинам, чтобы они омыли его. Собрались мужчины, чтобы отпраздновать победу. Но самого Гассира с ними не было. Он направился напрямик в поля. И услышал там пение куропатки. Подойдя поближе, он смог даже разобрать слова:

— Слушайте «Дауси»! Слушайте мою песню! Слушайте песню о моих подвигах!

И куропатка спела песню о своей битве со змеей. Вот эта песня:

— Все живое умрет, превратится в прах! Но «Дауси», моя песня о подвигах, не сгинет. Ее будут петь вечно, переживет она правителей и героев! Хо! Я могла совершить этот подвиг! Хо! Я могу сложить и спеть «Дауси»! Вагаду исчезнет. «Дауси» переживет ее! Хо! Диерра, Агада, Ганна, Силла! Хо! Фаса!

И вот Гассир вновь отправился к мудрецу и сказал:

— Кнекорро! Был я в полях! Куропатка похвалялась, что песня о ее деяниях переживет Вагаду. Куропатка пела «Дауси». Ответь мне, правда ли, что эта песня вознесется над жизнью и смертью?

Мудрец ответил:

— Э, Гассир, ты стремительно торопишься к своему концу. Никто не в силах остановить тебя. Раз уж тебе не суждено стать правителем, ты будешь певцом! Когда-то короли фаса обитали на берегу моря, и были тогда они великими героями и вели войну с людьми, которые играли на лютнях и пели «Дауси». Сердца героев фаса часто замирали от ужаса, когда они слышали эту песню. Но никогда еще фаса не пели «Дауси», потому что они принадлежали к роду хорро, а «Дауси» обычно поют только люди из племени диаре. Диаре сражались так, как пьяница, заливающий жажду, а не как благородные герои. Отныне ты не можешь быть вторым среди первых, а ста-

нешь первым среди вторых, то есть певцом. И Вагаду из-за этого исчезнет!

— Пусть сгинет Вагаду! — воскликнул Гассир.

Хо! Диерра, Агада, Ганна, Силла!

Хо! Фаса!

Гассир отправился к кузнецу. И попросил:

— Сделай для меня лютню.

— Хорошо, но только на этой лютне нельзя будет играть.

— Это не твое дело. Сделай лютню.

И вот лютня готова. Кузнец отнес ее Гассиру. Гассир попробовал заиграть на ней, но лютня молчала.

Кузнец засмеялся:

— Что я тебе говорил?

— Заставь ее зазвучать.

— Это не в моей власти. Об этом должен позаботиться ты сам.

— Но как?

И мастер ответил:

— Пока это только кусок дерева. Не зазвенит он, пока не появится у него сердце. И ты сам должен дать ей это сердце. Пойдешь на битву, пусть лютня будет у тебя за спиной. Она должна вобрать в себя звон твоего меча, должна впитать капли твоей крови и крови твоих врагов, твоя боль должна стать ее болью, твоя слава — ее славой. Лютня не должна остаться просто куском дерева, но превратиться в нерасторжимую часть тебя самого и твоего народа. Она должна быть достойна перейти к твоим потомкам. Только тогда звуки, родившиеся в твоём сердце, отзовутся в сердцах твоих детей, прежде всего твоего старшего сына, и всего народа. Вот когда оживет мертвый кусок дерева. Но Вагаду сгинет из-за лютни!

— Пусть сгинет Вагаду! — воскликнул Гассир.

Хо! Диерра, Агада, Ганна, Силла!

Хо! Фаса!

Гассир созвал восьмерых своих сыновей. И сказал им:

— Сыны мои, сегодня мы выступаем на битву. Но удары наших мечей найдут отклик отныне не толь-

ко в Сахеле¹, но и в грядущих веках. Вы, мои сыновья, и я будем первыми среди героев. И ты, мой старший сын, будешь биться рядом со мной!

Гассир со своим старшим сыном возглавили войско. За плечами Гассира висела лютня. И вот уже перед ними воины бурдама. Гассир и его старший сын бросились на них. И сражались, как никогда прежде. Гассир кидался в битву так, как будто он и не человек вовсе, а Дамо. И его старший сын кидался в битву так, как будто он и не человек вовсе, а Дамо. Гассир схватился сразу с восьмерыми. Сын поспешил ему на выручку. И сразил четырех. Но одному из воинов удалось пронзить его сердце копьем. И он свалился с коня замертво. Гассир яростно закричал. Испуганные бурдама побежали вспять. А Гассир спешил и взвалил тело сына на спину. Затем снова сел на коня и медленно двинулся к остальным героям. Кровь из сердца старшего сына, стекая, капала на лютню — ведь на спине Гассира висела лютня! И так, во главе героев, Гассир въехал в Диерру.

Хо! Диерра, Агада, Ганна, Силла!

Хо! Фаса!

Погребли старшего сына Гассира. Могила покраснела от его крови. Этой ночью Гассир взял лютню и ударил по струнам. Но лютня молчала. Гассир рассвирепел. Он созвал сыновей и сказал:

— Завтра мы выступаем против бурдама.

Семь дней подряд отправлялся он на битву. И каждый день рядом с ним скакал один из его сыновей, чтобы вместе с отцом отличиться в сражениях. И каждый раз, когда он возвращался, с его плеча свисало тело сына. В Диерре начался великий плач по погибшим. Все воины и все женщины облачились в белые и красные одеяния. Везде текла кровь борома, принесенных в жертву. Женщины стонали. Мужчины были в ярости. Накануне восьмой битвы все воины-герои и жители Диерры собрались вместе и сказали Гассиру:

— Гассир, хватит воевать. Воюют только по необходимости. Но ты ослеплен яростью и бессмысленно рвешься в бой. Уходи же из Диерры! Вместе со своими близкими родичами. Забирай пленных борома

¹ Сахель — полоса саванн вдоль южной границы Сахары.

и скот. Мы хотим мира, не хотим умирать даже во имя славы.

Мудрец сказал:

— Э, Гассир! Вот так сгинет Вагаду в первый раз!

Хо! Диерра, Агада, Ганна, Силла!

Хо! Фаса!

Гассир и последний, оставшийся в живых младший сын, его жены, друзья и рабы борома отправились в пустыню. Миновали Сахель. Из городских врат с Гассиром выехало множество воинов, но большинство вернулось. Лишь небольшая горсточка верных не отреклась от Гассира и его сына.

Ехали день и ночь. В тишине и молчании расположились на привал. Заснули сын, женщины, рабы. Один Гассир бодрствовал — упорно сидел у огня и как будто прислушивался. Наконец сон одолел и его. Внезапно он пробудился и вскочил на ноги. Он услышал музыку, и эта музыка, казалось, звучала внутри него. Гассир задрожал. Это пела лютия, пела песню «Дауси».

Запела лютия в первый раз — король Нганамба умер в Диерре; запела лютия в первый раз — истощился гнев Гассира, заплакал он; запела лютия в первый раз — исчезла Вагаду с лица земли.

Хо! Диерра, Агада, Ганна, Силла!

Хо! Фаса!

Четырежды стояла столица Вагаду во всем великолепии и славе. Четырежды исчезала она с лица земли: виной тому были людская гордость, ложь, ненасытность и вражда. Четырежды Вагада меняла имя: звалась поочередно Диеррой, Агадой, Ганной и Силлой. Четырежды оборачивалась она в разные стороны: на север, на запад, на восток и на юг. Окружали ее высокие стены с четырьмя воротами: северными, западными, восточными и южными. А воздвигалась она из камня, дерева, глины и человеческих жизней. Такой она навсегда и утвердилась в памяти народа. Вагаду — великая сила, таящаяся в человеческих сердцах. Иногда видны ее высокие стены, слышен лязг мечей и звон щитов, иногда же она скрывается, становится невидимой, засыпает, утомленная суетным людским тщеславием. Когда-нибудь

Вагаду восстанет, с тем чтобы никогда больше не исчезать. Ключом забурлит в ней жизнь. Ни тщеславие, ни ложь, ни ненасытность, ни вражда не смогут тогда нанести ей урон. Незыблемая и нерушимая будет она стоять до окончания времен.

Хо! Дьерра, Агада, Ганна, Силла!

Хо! Фаса!

Четырежды исчезала с лица земли столица Вагаду. Четырежды восставала она, еще более прекрасная, чем прежде. Гордость породила замечательные, до сих пор поющиеся песни. Ложь пролила на Вагаду дождь золота и жемчуга. Ненасытность помогла умению писать и читать, в Вагаду это было занятие женщин, это умение переняли бурдама.

Вражда научит пятую Вагаду быть такой же победоносной, как южные дожди, несокрушимой, как скалы Сахары, — ведь тогда в сердце каждого мужчины будет жить Вагаду и в лоне каждой женщины будет пребывать Вагаду.

Хо! Дьерра, Агада, Ганна, Силла!

Хо! Фаса!

Вновь обретенная Вагаду

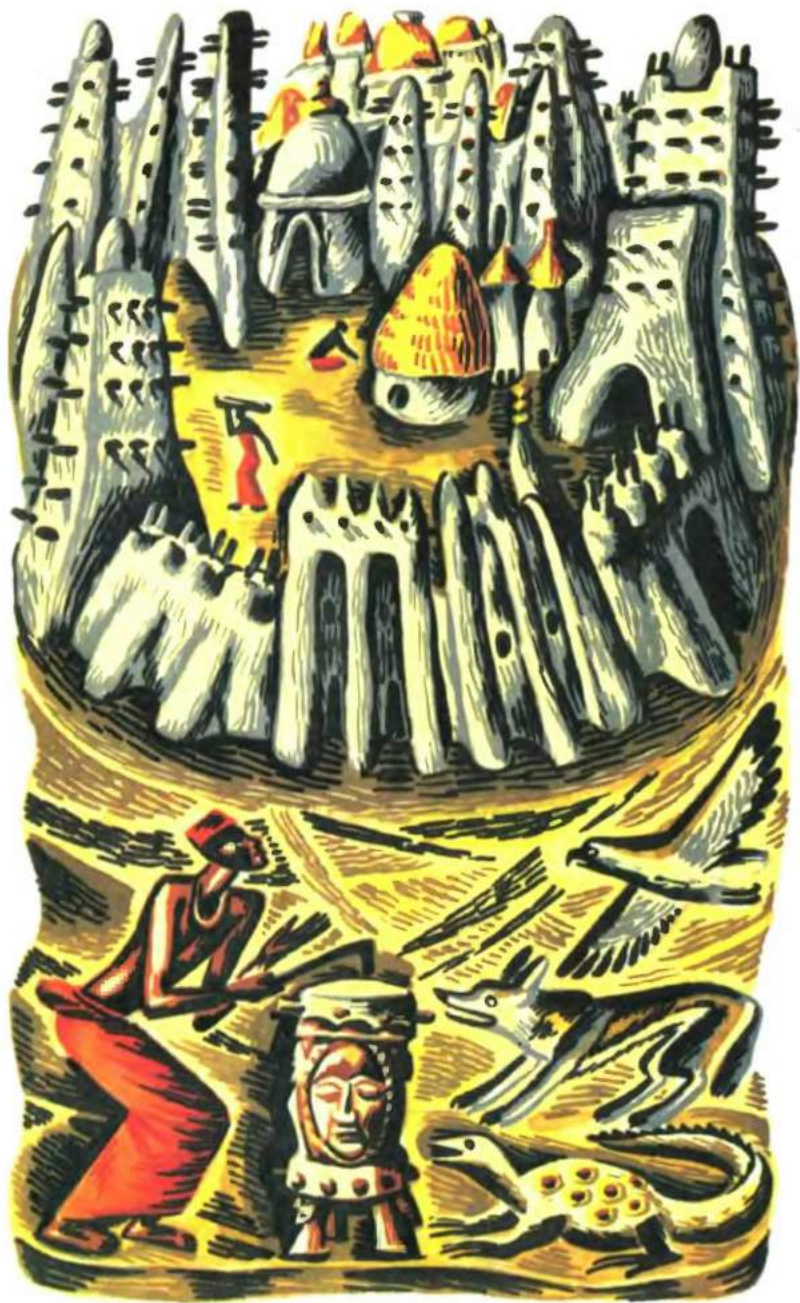
Столица Вагаду исчезла на семь лет. И никто не знал куда. Потом вернулась на прежнее место. И вновь исчезла на семьсот сорок лет. Старый король, по имени Мама Динга, возвестил:

— Вагаду вернется на свое место, только если загремит великий барабан войны Табеле.

Но Табеле похитили джинны, они привязали барабан к небу.

У короля Мама Динги был старый невольник, с которым он вместе воспитывался. Шестеро сыновей короля издевались над стариком, и только самый младший, седьмой, не давал его в обиду. Отец же, слепой от старости, ничего не замечал.

Когда раб приходил к старшему сыну, чтобы позвать его на трапезу к отцу, юноша встречал его тумаками, так же поступали и другие сыновья. Только самый младший приветствовал раба. Когда трапеза заканчивалась и сы-

новья расходились, то старший брызгал на старого раба водой из рта, второй обливал его водой, которой он мыл руки, и только самый младший протягивал старшему немного еды. Но король ничего не замечал.

Чтобы распознать своих сыновей, слепой Мама Динга ощупывал их руки и нюхал одежду. Старшего он узнавал еще и по обильно поросшей волосами руке и по железному браслету. Однажды вечером, когда король собирался отойти ко сну, он вдруг почувствовал, что приближается его смерть. И он призвал старого раба, верного своего слугу, и сказал:

— Поди приведи моего старшего сына. Вскоре я умру. И поэтому должен посвятить его в государственные дела. Скажи ему, чтобы пришел после полуночи.

Раб пошел отыскивать старшего сына. Как только он вошел в его дом, молодой человек тут же дал ему тумака.

Тогда старый раб отправился к Лагарре, младшему сыну, и сказал:

— Можешь ли ты одолжить у старшего брата браслет и одежду?

— Да, могу, — ответил тот.

Старик продолжал:

— Твой отец узнаёт твоего старшего брата по волосатой руке, по браслету и по запаху одежды. Вскоре он умрет, и вот он послал меня за твоим старшим братом, чтобы провозгласить его наследником престола. Но все твои братья всегда издевались надо мной. И вот я решил привести к отцу тебя.

Лагарре тут же зарезал козла, освежевал его и обернул его шкурой руку, так что на ощупь она казалась такой же волосатой, как и рука брата.

— Одолжи мне твою одежду и твой браслет, — попросил он у старшего брата.

Тот ответил:

— Поди к моей жене, пусть она даст тебе все, чего ты просишь.

В полночь Лагарре встретился со старым рабом.

Старик отвел его к Мама Динге, королю, и сказал:

— Вот твой старший сын.

Король ощупал руку молодого человека. Ему показалось, что она сплошь покрыта волосами. Затем он тронул браслет, обнюхал одежду и, удостоверясь, что это его старший сын, сказал:

— На левом берегу реки высятся четыре огромных дерева джалла. Под ними зарыто девять кувшинов. Если ты омоешься водой из этих кувшинов и покроешь себя грязью с берегов реки, ты всегда будешь окружен верными сторонниками. Омойся сначала в восьми кувшинах и только потом—в девятом, даже если девятый стоит первым в ряду. Когда ты омоешься в девятом кувшине, ты обрешь дар понимать язык джиннов, животных, птиц и сможешь с ними разговаривать. Расспроси джиннов, где спрятан великий барабан войны, Табеле. Откроет тебе тайну старейший из джиннов. Завладев Табеле, ты сможешь вернуть Вагаду на ее место.

Лагарре тут же отправился к реке, нашел четыре дерева джалла, а под ними — девять кувшинов. Омылся водой. И обрел дар понимать язык джиннов, животных и птиц.

На следующее утро сыновья собрались к королю на трапезу. Когда явился старший, Мама Динга спросил его:

— Сделал ли ты то, что я тебе велел?

Старший сын удивился:

— А что ты мне велел и когда?

— Вчера ночью ты приходил ко мне, и я поведал тебе нечто важное.

— Но я не разговаривал с тобой вчера ночью.

— Беседовал ты, король, не со старшим сыном, а с младшим,— вмешался в разговор старый раб.— Ты послал меня за старшим, но, вместо того чтобы привести старшего, я привел младшего. Ведь шестеро твоих сыновей всегда издевались надо мной, все, кроме седьмого. Все твои старшие сыновья — ничтожества, и если бы твой старший сын вернул столицу Вагаду на ее место, он привел бы ее в полный упадок, а затем и разрушил. Умертви меня, если я заслуживаю смерти.

Но Мама Динга вздохнул и сказал старшему сыну:

— Первенец мой, не суждено тебе стать королем; ведь все, чем я владел, я отдал младшему. Тебе остается лишь сделаться колдуном, научиться, как испрашивать дожди у бога. Когда ты овладеешь этой тайной, люди начнут обращаться к тебе с просьбами, и так ты обрешь власть.

Тем временем джинны послали своего старейшину к Лагарре. Старейшина сказал Лагарре:

— Там, в кустах, прячется существо на семь лет старше меня.

— А кто это?

— Куто¹.

— А где тот лес, где обитает Куто?

Джинн указал ему.

Лагарре отправился в лес. Нашел Куто и, заговорив с ним на его языке, попросил показать ему Табеле.

— Чей ты сын?— спросил Куто.

— Сын Динги.

— А как зовут твоего деда?

— Не знаю.

— Тебя я не знаю, но Дингу знаю! Дингу не знаю, но знаю Кириджо, отца Динги. А есть еще некто, кто старше меня на семнадцать лет,— сказал Куто.

— И кто это?

— Туруме, шакал, он так стар, что у него повыпадали все зубы.

— Где же он?

Куто указал Лагарре на лес, где обитал Туруме.

Лагарре с воинами отправился туда. И увидел Туруме, который спросил его:

— Кто ты?

— Сын Динги.

— А как звали твоего деда?

— Не знаю.

— Я не знаю тебя, но Дингу знаю. Не знаю Кириджо, но знаю Кириджотамани, отца Кириджо. Я очень стар, но существует некто, кто старше меня на целых двадцать семь лет.

— А кто это?

— Колико, канюк.

— А где обитает Колико?

И Туруме показал ему дорогу.

Лагарре вместе с воинами отправился повидать Колико.

— Покажи мне барабан моего отца Табеле,— попросил он.

— Кто ты?

— Сын Динги.

— Я не знаю тебя, но Дингу знаю. Не знаю Дингу, но знаю Кириджо. Не знаю Кириджо, но знаю Кириджотамани. Знаю я, где находится барабан, но слишком я стар, чтобы показать его тебе или слетать и принести.

¹ Куто — белый варан или большая ящерица.

Ты же видишь, перья мои повыпали от старости, я даже не могу взлететь с ветки, на которой сижу.

— А что же делать?—спросил Лагарре.

— Ты должен позаботиться, чтобы я снова стал сильным, корми меня семь дней подряд. Каждый день убивай молодую лошадь и молодую обезьяну и корми меня их сердцами и печенью. Корми меня утром и вечером. Сможешь выполнить все условия—я снова обрету силу и смогу принести тебе барабан твоего отца.

Лагарре остался у канюка на семь дней. Каждое утро и вечер он убивал лошадь и обезьяну и кормил Колико. У канюка все прибывали силы. Отросло оперение. Он снова мог летать. И вознесся высоко в небо — туда, где джинны привязали барабан Табеле. Но не смог разорвать ремни, которыми тот был привязан к небу. Колико вернулся и сказал Лагарре:

— Корми меня еще три дня, чтобы я сумел разорвать ремни. Через три дня я стану очень, очень сильным.

И еще три дня Лагарре служил канюку. На третий день Колико настолько окреп, что взлетел в небо и сорвал барабан Табеле. Он принес его Лагарре.

Колико наставлял Лагарре:

— Два дня подряд не прикасайся к Табеле, но на третий — ударь в него. И тогда Вагаду возвратится на свое место.

Лагарре отправился в обратный путь. Два дня он не прикасался к барабану, а на третий ударил в Табеле — и вот перед ним восстала Вагаду. Все это время ее укрывали джинны.

Самба Гана

К прекрасной и мудрой Анналдже Ту Бари, дочери короля, сваталось множество знатных воинов. Но каждому из них она ставила условие: совершить подвиги немыслимой трудности.

Отец Анналджи Ту Бари владел большим городом и многочисленными деревнями. Однажды он вступил в спор с соседним властителем из-за одной из деревень, но проиграл этот спор. Не мог король пережить такого позора и умер. Стала править его дочь. Теперь от каждого к ней сватавшегося она требовала возвращения

потерянной деревни, а в придачу еще восьми городов с деревнями.

Шли годы. Анналджа не выходила замуж, но время было не властно над ней, она становилась все прекрасней и прекрасней, хотя со дня смерти короля радость покинула ее. Не было девушки красивей и печальней Анналджи Ту Бари. И следом за ней ее подданные — воины, певцы, кузнецы-колдуны, рабы, перестали улыбаться.

В Фараке правил в то время король Гана, и был у него сын по имени Самба Гана. Подрос Самба Гана и, таков обычай, оставил отчий дом и, сопровождаемый двумя певцами и двумя слугами, отправился покорять для себя королевство. Певец Тарарафе был одним из четырех спутников Самбы. Счастливый Самба Гана пел и смеялся. Явился Самба Гана в некий город и вызвал на поединок властителя этого города. Все жители сошлись, чтобы присутствовать при поединке, и на глазах у них Самба Гана одержал победу. Владелец города предложил ему свой город — выкупом за жизнь. Ответил Самба Гана:

— Не нужен мне твой город.

И отправился далее. Он сражался еще с владельцами многих городов и всякий раз одерживал победы. Но неизменно возвращал города, завоеванные им.

— Не нужен мне твой город, — обычно говорил он побежденным королям.

В конце концов покорил Самба Гана всех властителей Фараки, но так нигде и не остался.

Однажды Самба Гана и его спутники остановились передохнуть на берегах Нигера. Певец Тарарафе запел об Анналдже Ту Бари, о ее красоте и неизбывной печали. Так он пел:

Только тот, кто покорит восемь городов,
Завоюет Анналджу и заставит ее засмеяться.

Услыхал эту песню Самба Гана, вскочил на ноги, воскликнул:

— Немедля седлайте коней! Мы отправляемся в страну, которой правит Анналджа Ту Бари!

Самба Гана, с певцами и слугами, скакал много дней, много ночей, наконец достиг он города, властительни-

цей которого была прекрасная Анналджа. Взглянул Самба Гана на девушку, сказал:

— Анналджа Ту Бари, укажи мне те восемь городов, которые я должен покорить во славу твою. Сегодня ж отправляюсь в путь.

Потом повернулся Самба Гана к своему старшему другу и наставнику Тарарафе и так сказал:

— Я поеду, а ты оставайся здесь. Будешь петь Анналдже Ту Бари свои песни. Пой и днем и ночью, пусть прекрасная властительница забудет свою тоску.

Остался Тарарафе с Анналджой Ту Бари, каждый день пел ей о героях Фараки, городах Фараки, о великом змее Исса Бир, который один год заставляет воду в реке подняться так, что жители собирают обильный урожай риса, а другой год понижает уровень воды так, что жители едва с голоду не умирают. Анналджа Ту Бари внимательно слушала все, что поет певец.

Тем временем Самба покорял одного властителя за другим. И так покорил он восемь городов. И каждому побежденному говорил:

— Отправляйся к Анналдже Ту Бари, скажи, что твой город отныне принадлежит ей.

Вскоре при дворе Анналджи Ту Бари собралось восемь королей, множество благородных воинов. Наконец Анналджа Ту Бари властвовала над множеством королей и благородных вельмож.

Вернулся Самба Гана к Анналдже Ту Бари, сказал:

— Анналджа, все, чего ты желала, у тебя теперь есть.

Ответила прекрасная Анналджа:

— Ты выполнил мое желание. А теперь бери меня в жены.

— Но почему ты даже не улыбаешься? Не женюсь я на тебе, пока не рассмеешься.

Ответила Анналджа Ту Бари:

— Сначала не могла я смеяться, так жег меня стыдом отцовский позор. А теперь не смеюсь, потому что я голодна.

— А как мне утолить твой голод?

— Покори змея Исса Бир, приносящего один год изобилие, а на другой год — нужду.

Ответствовал Самба Гана:

— Никто еще не осмеливался напасть на этого змея, но я с ним сражусь.

Прискакал Самба Гана в Фараку и пустился на поиски

змея. Забирался все дальше и дальше, дошел до Кориуме, но не нашел там змея. Поднялся вверх по течению до Бамба, но и там его не обнаружил. Двинулся дальше. И вот наконец перед ним закружил змей. Кинулся Самба Гана на змея, и началась великая схватка. То один одерживал верх, то другой. Воды Нигера вспять потекли, горы содрогнулись, земля разверлась бездонными пропастями. Восемь долгих лет сражался Самба Гана со змеем. Восемьсот копий и восемь мечей сломал юноша. И наконец одержал победу. Вот протянул он окровавленный меч и окровавленное копьё певцу Тарарафе и произнес:

— Отправляйся к Анналдже Ту Бари, поведай, что покорил я великого змея. И посмотри, засмеется ли она.

Тарарафе примчался к Анналдже Ту Бари, передал ей слова Самбы Гана. А она в ответ:

— Возвращайся к своему господину, вели ему привести покоренного змея ко мне, чтобы стал этот змей моим рабом и управлял рекой в моей стране. Так и передай: «Когда увидит Анналджа Ту Бари Самбу Гана со змеем, рассмеется она».

Вернулся Тарарафе к господину, передал слова повелительницы. Выслушал его Самба Гана, помолчав, ответил:

— Слишком многого просит она.

Ухватил окровавленный меч, засмеялся и вонзил себе в грудь. Умер славный герой Самба Гана. Извлек меч из груди господина певец Тарарафе, сел на коня и поскакал к Анналдже Ту Бари. Так он сказал:

— Вот меч Самбы Гана. Побагровел он от крови змея и от крови героя. Самба Гана смеялся в последний раз.

Призвала Анналджа Ту Бари всех королей и воинов, подвластных ей, села на коня, сели на коней короли и воины. Анналджа Ту Бари повела их на восток. Достигли они Фараки. И сказала Анналджа Ту Бари:

— Вот перед вами великий герой и король. Соорудите ему достойную гробницу.

Началась работа. Восемь раз по восемьсот человек копали землю, восемь раз по восемьсот человек строили усыпальницу. Восемь раз по восемьсот человек сооружали жертвенную гробницу. Восемь раз по восемьсот человек привозили издалека глину, утрамбовывали и обжигали ее. Гробница росла все выше и выше.

Каждый вечер и каждое утро Анналджа Ту Бари в сопровождении королей, воинов и певцов поднималась на холм, каждый вечер и каждое утро певцы прославляли в песнях героев. Тарарафе пел о Самбе Гана. А Анналджа Ту Бари, взойдя на вершину холма, говорила:

— Гробница недостаточно высока. Стройте, пока не увижу я с ее вершин город Вагана.

Восемь раз по восемьсот человек носили глину, сваливали ее на вершине, утрамбовывали, обжигали. Восемь долгих лет шла работа. И наконец Тарарафе огляделся на вершине гробницы и воскликнул:

— Анналджа Ту Бари, сегодня вижу я город Вагана. Анналджа воззрилась на восток.

— Вижу я Вагана! — воскликнула она. — Наконец-то гробница Самбы Гана столь же величественна, как его славное имя!

И засмеялась Анналджа Ту Бари. Засмеялась и сказала:

— Теперь оставьте меня, все короли, воины. Разъезжайтесь по свету и станьте такими же героями, как Самба Гана!

Засмеялась Анналджа Ту Бари еще раз и умерла. Погребли ее рядом с Самбой Гана, в той же гробнице.

Восемь раз по восемьсот королей и благородных воинов разъехались в разные стороны, чтобы прославить своими подвигами имя героя.

ЖИВОЙ ОГОНЬ

Живой огонь

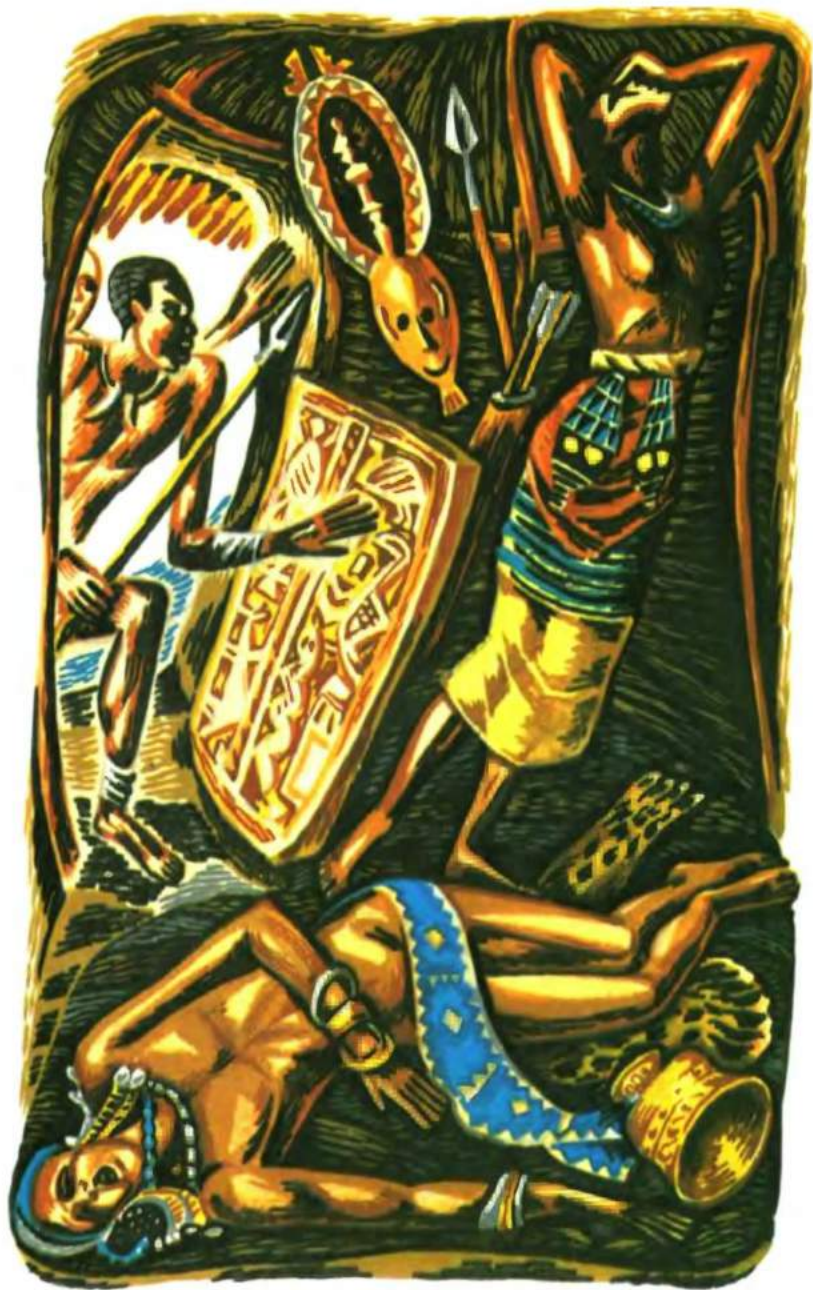
Давным-давно это было, в те далекие времена сыновей отнимали у отцов и матерей и уводили в священный лес. Там их держали в повиновении богам, учили всем заповедям своего народа, и пока мальчик не вырастал в сильного мужчину, ему запрещалось даже разговаривать с женщиной. Девушкам тоже строго-настрого наказывалось и близко не подходить к священному лесу.

Однако ослушалась красавица Алабе, сама того не ведая, забрела в священный лес и увидела, как танцуют на поляне юноши. Страшно стало Алабе, да любопытство сильнее страха, и засмотрелась она, как лихо прыгают и скачут на крепких ногах юноши. И приглянулся ей один, смотрит на него — глаз не оторвет. Так до самой ночи в лесу и хоронилась. А потом, заметив, куда юноши на ночлег уходят, прокралась к тому месту, нашла своего возлюбленного и рядом легла, только не утерпела, принялась его ласкать-миловать. Пробудился юноша ото сна, вскинулся:

— Кто ты? Ведьма? Так мне такие страшные заклинания ведомы, что от тебя и следа не останется! А если нет, так что тебе здесь надобно?

Отвечала ему Алабе:

— Разве похожа я на ведьму? Забрела я ненароком

в священный лес и тебя увидела. Крепко полюбился ты мне. Вот и осталась в лесу до ночи, вот и пришла к тебе за ласкою.

Воскликнул тут юноша:

— Совсем ты ума лишилась или не знаешь, что негоже нам с женщинами знаться, пока нас в мужчины не посвятят! Иди скорее прочь, покуда вместе нас никто не видел, иначе несдобровать нам. Ибо преступили мы самый страшный запрет.

— Зовут меня Алабе,—молвила девушка,—и я не из тех, кто своего желанного оставит. А ты, видать, и впрямь не мужчина, если любовь женщины отвергаешь, телом ее брезгуешь. Дите ты еще малое.— Дразнит его Алабе, разжигает.— И смерти не страшишься, коли через меня ее примешь, я же тебя и к жизни ворочу.— И вновь обвила руками юношу.

Не стал он больше ее ласкам противиться, только вдруг забило-заколотило его в объятиях красавицы, и умер он тотчас же. Заголосила Алабе, зарыдала, сбегались тут другие юноши, старейшины, что их наставляли. Смотрят: лежит бездыханный красавец, даже смерть красоты его не лишила, а рядом — безутешная Алабе.

— Я, я одна во всем виновата! С меня и спрос! Сама пришла к нему, сама подле легла, сама ласкать его принялась. И смерть ему от моих рук досталась! — причитает Алабе, умерить свое горе не в силах.

Воззвал самый главный жрец в священном лесу к богам, потом созвал всех жителей деревни, велел разложить огромный костер. И обратился к селянам:

— Воля богов такова: негоже отдавать смерти столь красивого и толкового юношу. Знаю, многие в деревне любят его и готовы пострадать за него. Брошу я в костер ящерицу, и коли сгорит она в пламени, не вернуть нам нашего брата любимого. А коли кто ринется в огонь и ящерицу ту спасет, вернет к жизни умершего.

Сказал так мудрейший и бросил в огонь ящерицу. Метнулась к костру мать юноши, кому, как не ей, сына спасать, да остановило ее пламя свирепое. Заплакала мать, зарыдала:

— Горе мне, горе! Люблю сына, и спасти мне его хочется, да только пламя высоченное, языки так и жалют, не перемочь мне их!

Попробовал было отец с жарким пламенем справиться, да тоже отступился. Обнял жену, стоят, слезы горькие роняют.

Вышла тут к костру Алабе. И запела:

Ящерка сторит — суженый умрет
От моей руки, от моей любви.
Ящерку спасу — милый оживет
От моей тоски, от моей любви.

И как шагнет прямо в самую середину жадного пламени! Схватила ящерку и мигом назад. Высоко подняла ее над головой, пусть все видят — жива!

Ящерку спасла, милый будет жить!
Чудеса любовь может сотворить!

Поет Алабе, рада-радешенька. Ожил ее возлюбленный. А деревенские, что вокруг костра собрались, судят-гадают, как с Алабе-отступницей быть. И порешили: велика вина ее, простить такое нельзя, смерть Алабе — и в костер ее!

Юноше ожить, деве умереть!
Смерть она с собой в пламя унесет.
Больше на костре ящерке не тлеть,
И никто-никто Алабе не спасет.

Как Анансе даровал Ниаме ребенка

Анансе и бог неба Ниаме были закадычными приятелями. Однажды, когда они беседовали, бог неба посмотрел на своих детей — они играли поблизости — и заметил:

— Все дети у меня одного цвета, смугло-коричневые.

— Верно, — отозвался паук. — Пожалуй, это однообразно. Хочешь, я принесу тебе ребенка какого-нибудь иного цвета?

— Ловлю тебя на слове, — согласился Ниаме.

Покинув друга, Анансе направился домой. А сам все размышлял: «Где же мне раздобыть ребенка другого цвета?»

Огляделся, посмотрел: детей кругом много, а все они смугло-коричневые.

Прошло несколько дней. Ниаме прислал к пауку гонца.

— Скоро ли ты исполнишь свое обещание? — передал тот.

Анансе ответил оскорбленным тоном:

— Дети вдруг не рождаются.

Гонцы все приходили и приходили. А паук говорил им:

— Дети через два месяца не рождаются... Дети через четыре месяца не рождаются... Дети через восемь месяцев не рождаются... Ниаме ведь не нужны недоноски.

Но на душе у него было беспокойно. Побаивался он бога неба, знал, что с ним шутки плохи. И вот он решил спрятаться в лесу. Пусть все думают, будто он погиб на охоте. Решил — и отправился в лес.

За несколько дней перед тем в одной из ближних деревень родился мальчик, такой прожорливый, что его просто невозможно было накормить. Поставит мать перед ним горшок каши и кувшин молока, а он только откроет рот — и все съедено. Снова тащи что-нибудь съестное. И так с утра до вечера. «Странный какой-то ребенок, — думала мать. — Сколько ни корми, все мало. Просто бездонная утроба. Да и цвет кожи у него какой-то чудной — красный!..» Взяла она младенца да и отнесла его в лес. Положила на развилку дорог и домой вернулась.

А тут как раз появился Анансе. Услышал он крик, подошел поближе и увидел краснокожего младенца. Обрадовался паук: «Наконец-то я могу исполнить обещание».

Подобрав ребенка, он поспешил к себе домой. И тотчас послал весть богу неба: миновало девять месяцев, родился ребенок, о котором тот его просил. А сам лег на циновку, лежит, вздыхает, охает, будто роженица.

Явились гонцы, забрали ребенка.

Увидел Ниаме, что у того красная кожа, возликовал. Передав его своей старшей жене, строго-настрого наказал ей:

— Заботься о нем, как о родном.

Жена принесла малышу большой кувшин молока. А тот выдул его, еще просит. Притащили ему полный горшок каши. В один миг все съел, кричит, не унимается.

Не выдержала старшая жена, пошла к мужу жаловаться:

— Ненасытный какой-то. Сколько ни дай, мало. Все вопит и вопит от голода. Никакой мочи нет слышать.

Разгневался Ниаме:

— Что за чепуха несусветная!

Пошел сам посмотреть младенца. А тот, как завидел его, пробурчал недовольно:

— Там, где я раньше жил, меня куда лучше кормили.

Ниаме велел принести побольше молока, плодов и всякой снеди, начал кормить ребенка. Кормит и кормит. Только перестанет — тот сразу в крик. Приказал бог всем окрестным жителям приносить еду. Столько еды и питья нанесли — кажется, ввек не съесть! А малыш краснокожий мигом все подчистил и выпил. Посмотрел кругом, ничего не осталось. Только толпа людей стоит, на него глазеет. А впереди всех, широко раскрыв рот от удивления, — какой-то старик. Подскочил малыш, впрыгнул к нему в рот и тут же в язык превратился. Мальчик-то был краснокожим, вот и язык красный. Ему всегда еды не хватало, вот и языку не хватает. Полон ли живот или нет, ему все есть хочется. Отсюда и пошла пословица: «Даже если брюхо полно, язык все своего требует». А виноват во всем Анансе.

О творце Ниаме и четырех его женах

Взял себе творец земной Ниаме в жены курицу Аकोко, а спустя некоторое время еще четырех жен себе завел. Но старшей, конечно, Аकोко осталась, и молодые жены беспрекословно ее слушались.

Призвал однажды Ниаме четверых молодых жен и говорит:

— Пусть каждая по мере своей любви обещание мне даст, и ту, кто угодит, возвеличу над всеми женщинами нашего племени.

Первая пообещала, что в чистоте и порядке дом будет держать.

Вторая пообещала, что всю жизнь потчевать его яствами разными будет и на гостей, сколько б муж ни привел, ворчать не станет.

Третья пообещала прысть хлопок без устали, носить воду, сколько б ни пожелал.

А четвертая сказала, что родит ему сына из чистого золота.

Порадовался последнему обещанию Ниаме, стал он четвертую жену холить-лелеять, каждый день овцу для нее велит заколоть. Ждет не дождется сына золотого. Только время идет, а слово с делом расходится. Совсем было терпение Ниаме лопнуло, да тут и понесла от него жена четвертая.

Определила ее Аकोко к себе в дом и роды принимать вызвалась, роженице строго-настрого наказала глаз до времени не открывать, мол, скажу, когда можно будет. Послушалась та.

Родила она двойню: одного сына серебряного, другого золотого. Аकोко, не долго думая, и того и другого — подальше от глаз, а вместо них поднесла матери двух жаб. Теперь, говорит, открывай глаза, смотри, кого родила.

А сама скорее за дверь, схватила младенцев и — в лес, положила их под большим деревом. И бегом обратно. Позвала мужа, полюбуйся, дескать, кого тебе жена подарила.

Смотрит Ниаме — о, ужас! — вместо долгожданного золотого сына родила ему жена двух жаб уродливых. Разъярился он. Повелел жаб убить, жену на край света сослать.

Жил неподалеку в лесу один охотник, и случилось ему раз проходить мимо того дерева, под которым серебряный и золотой младенцы были сокрыты. Смотрит он, блестит что-то на солнце, глаза слепит. Подошел, спрашивает:

— Кто вы такие?

— Мы — сыновья Ниаме, — отвечают дети.

Не поверил им охотник. Впрочем, собрал немного пыли золотой и в мешок ссыпал, а детей к себе забрал. Никому о находке своей не поведал, так и жили у него золотой да серебряный мальчики. А случалась у охотника нужда — соберет, бывало, пыль золотую или серебряную — вот и деньги в доме. Разбогател он, поставил себе дом, да не один, а целый город.

Жил по соседству Анансе. Пошел он как-то в лес белых муравьев для своих кур да гусей набрать и видит — город неведомый стоит. Что за диво! Недавно только домик охотничий был, а теперь городище богатый. Надо б разузнать, что да как. Ходит по улицам, по сторонам смотрит и невзначай увидел охотника того: сидит, играет с двумя мальчиками, один золотой, а другой серебряный. Враз смекнул Анансе, что это похищенные дети Ниаме, и поспешил с радостной вестью к отцу.

Но приметил его охотник, понял, куда и зачем Анансе поспешил. «Эх,— думает,— незадача! Раскроет он мою тайну, расскажет обо всем Ниаме — не сносить мне головы!» Позвал мальчиков, настала пора, говорит, отвести вас к отцу, к творцу земному Ниаме. Снарядил их как следует, в платье одел наилучшее, и отправились они к Ниаме. По дороге дети ему наказали камушки собирать, дескать, они отцу все, играючи, на камушках растолкуют.

Послушал их охотник, и предстали они пред очи Ниаме. И говорит серебряный мальчик:

— Не сыграешь ли в камушки со мной, повелитель?

Согласился Ниаме. Покатились камушки по доске, круг за кругом, полился рассказ о том, как вероломная Акоко детей от матери отняла, в лес утащила, под деревом положила, как случился рядом добрый охотник, приютил, на их золото-серебро не позарился.

Услышал такое Ниаме, враз за опальной послал женой. Привезли ее, Ниаме сам ее помыл, сам в новое платье обрядил. А потом за Акоко послал. Велик был гнев Ниаме. Проклял он курицу. Отныне и во веки веков повелел он ей на небо смотреть, милости просить, прежде чем напиться. И по сей день всякий раз, когда курица пьет, она голову к небу задирает. А еще повелел всемогущий Ниаме резать кур и съедать, к малому празднику или к большому. И по сей день так ведется.

А дети его остались на небе жить, и когда их моют, золотая и серебряная пыль на землю падает. На кого попадет — тот удачлив и богат.

Боли

Совсем одряхлел Нумукз-кузнец, ногам его становилось с каждым днем все труднее носить костлявое согбенное тело. Голова с жиденькой бородкой и остатками седых, похожих на комочки хлопка волос так и валилась на грудь.

Большого труда стоило теперь Нумукз добрести до священного леса, чтобы полить кислым молоком и куриной кровью подножия деревьев и резных столбов, под которыми покоились души предков.

Тиени, сын старика кузнеца, был слишком молод, а потому не знал священных обычаев племени и не знал, кому следует приносить жертвы. Он даже еще не входил в хижину взрослых мужчин.

И вот старик Нумукэ в последний раз кое-как дотащился до священного леса и отнес туда тотем Боли, самый старый из тотемов кузнецов, — маленькую деревянную фигурку со скрюченными ногами, узловатыми руками, выпуклым пупком и торчащими вверх огромными, как калebasы, ушами. Нумукэ помолился тотему Боли, принес его обратно и прислонил к большому столбу, который поддерживал травяную кровлю кузницы.

Каждый день старый Нумукэ, прежде чем разжечь угли в горне, лил у скрюченных ног Боли молоко и долго молился. Он говорил:

Боли, заступись за меня
Перед теми, кто живет без огня!
Скажи им, что я ни разу
Не ослушался их приказа!

На седьмой день старик Нумукэ начал ковать в своей кузнице мотыги. Мехи раздувал юный Тиени, который уже на завтра должен был войти в хижину взрослых мужчин. И тут вдруг тень Боли превратилась в сильного юношу. Вошел юноша в кузницу и спросил:

— Не найдется ли для меня работы?

Старый Нумукэ сразу взял его в подручные. И юноша встал к мехам.

И с этого дня все, кто шел мимо кузницы, только и слышали, как быстро дышат мехи горна и как весело стучат молоты.

С рассвета до заката работал юноша и пел, и песня его возвращала силы старому кузнецу:

Бей, не жалея!
Бей, не жалея!
Бей сильней!
Вниз! Вниз!

Мехи горна вторили с тяжким вздохом:

Ух, вниз! Вниз!
Куда листья падают? Вниз!
Куда солнце уходит? Вниз!
Все туда, вниз!
Вниз!

Мехи горна словно спрашивали:

Ух, куда?
Ух, куда?
Ух, куда?

И юноша им отвечал:

Все вниз!
Все вниз!
Все теряет силу!

— Ух, куда? — вопрошали мехи. — Ух, куда?
И юноша им отвечал:

Все туда же, вниз!
Все туда же,
В могилу!

И каждое утро старый кузнец лил кислое молоко из маленького калебаса у подножия статуэтки Боли и возносил молитвы душам предков:

Боли, передай поклон моим предкам
И скажи им, что Нумукэ
Не ослушался их ни разу,
Всегда выполнял их волю,
Всегда выполнял их наказы.

И весь день до заката в кузнице слышался перестук молотков и молотов с наковальней, и звон щипцов, и песни юноши подмастерья.

Но вот предки наконец призвали к себе старого Нумукэ, и он ушел в иную страну. Впереди него пошли все добрые деяния кузнеца, которые каждый день его жизни видело и собирало солнце.

Тиени же вышел из хижины взрослых мужчин и отправился на восток, чтобы повидать другие земли и других мастеров.

По прошествии должного срока вернулся Тиени в отцовскую кузню и взялся за молот и клещи.

И по-прежнему с самого утра в горне багровел и трещал огонь, разбрасывая озорные искры, по-преж-

нему хрипели мехи, и по-прежнему весело пел молодой подмастерье,— такой же веселый и молодой, как в тот день, когда он впервые появился в старой кузнице.

Тиени заявлялся в кузню попозже и нехотя брался за молот. Но раньше чем приняться за дело, раньше чем отковать железную или медную полосу, раньше чем вытянуть золотую или серебряную нить, он каждое утро подходил к большому столбу и с размаху бил молотом по голове Боли. Бил и приговаривал:

Вот тебе, Боли кривоногий!
Вот тебе, Боли лопухий!
Вот тебе, толстопузый!
Вот тебе, длиннорукий!
Вот тебе, вот!

И не очень-то спешил после этого приняться за дело. Чаще всего Тиени даже не подходил к наковальне.

Юный подмастерье — все такой же юный! — один справлялся со всей работой, один выполнял все заказы. Он выполнял заказы жителей всей деревни и жителей соседних деревень, и ближних и дальних. Он изготавливал драгоценные украшения, и простые мотыги, и топоры, и узорные стремяна, он ковал кинжалы, и сабли, и наконечники для стрел, все делал быстро-быстро и пел не уставая:

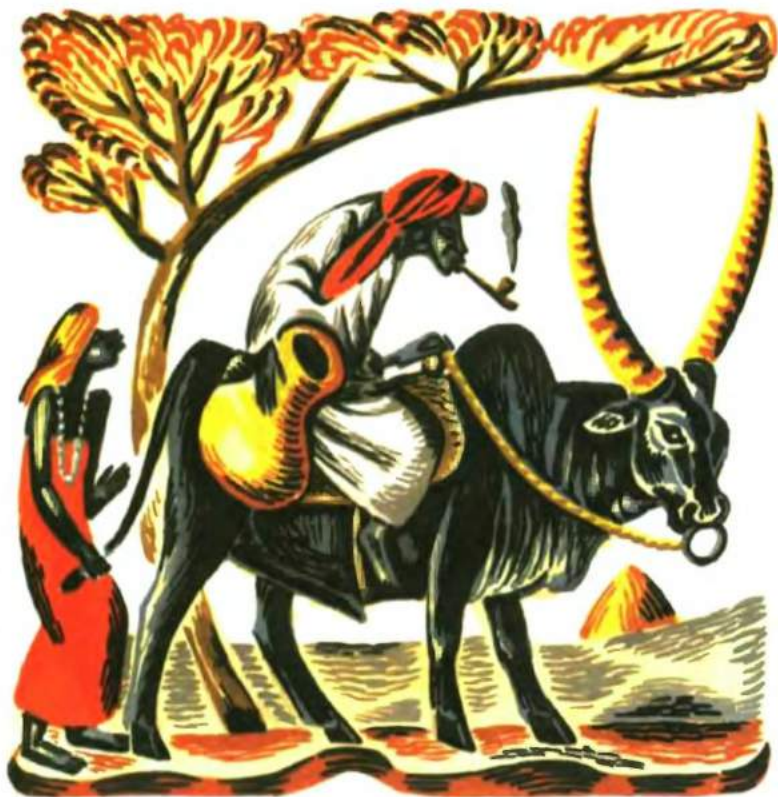
Вниз! Вниз!
Все теряет силу!
Все падает вниз!

А любопытные мехи пыхтели и вопрошали:

Ух, куда?
Ух, куда?
Ух, куда?

И юноша им отвечал:

Все туда же,
В могилу!

Кочевники-скотоводы и крестьяне-земледельцы редко ладят между собой.

Вода в колодцах для всех драгоценна, и все ее берегут. Но попробуй устеречь урожай на полях от быстрых мальчишек, сыновей кочевников!

Да и сами кочевники-скотоводы — мавры, фула или пурони — были такими невежами, что совсем не заботились о том, что подумают о них или скажут простые земледельцы. Эти домоседы крестьяне, считали они, не видели ничего в своей жизни, кроме куч отбросов.

И однако в Кородугу, родной деревне покойного старого кузнеца Нумукз, крестьяне всегда хорошо при-

нимали кочевников-скотоводов, будь то мавры, фула или пурони.

Правда, и пастухи относились к земледельцам с уважением и проходили через их деревню со своими стадами только в урочное время. А наступало это время после сбора урожая. Стада кочевников проходили по уже пустым полям и унаваживали скудные земли Кородугу, готовя их для будущих посевов. Поэтому вождь Фама позволял кочевникам свободно проходить по своей стране, и все крестьяне радовались, что могут хоть на время заменить растительное масло каримэ коровьим маслом — и для стряпни, и для косичек своих женщин.

Однажды старуха пастушка Дебо въехала одна в де-

ревню Кородугу на своем верховом быке. Только маленькая служанка Анда бежала за ней рысцой.

Дебо оставила своего мужа, старика Мавдо, на солончаковых землях, где их стадо откармливалось и набиралось сил.

Дебо была стара, очень стара! Но Мавдо был еще старше. Однако он надеялся, что соленные земли вернут ему бодрость и силу, как и его стадам. И тогда его старой жене не придется одной странствовать с ним по саванне, не придется одной готовить скудную еду один раз в день к вечеру, ибо фула едят всего один раз. Недаром они говорят: «Для стряпни достаточно одной жены!»

Старуха Дебо приехала в деревню Кородугу на базар, чтобы продать кислое молоко и купить соли и толченых плодов баобаба для кускуса. Но, проезжая мимо кузницы старика Нумукэ, она вдруг услышала, как перезваниваются молот, и наковальня, и клещи и как весело поет юный подмастерье — все такой же юный! — и как вопрошают его мехи:

Ух, куда?

Ух, куда?

Ух, куда?

Вниз, вниз!

Вниз, теряя силу!

Ух, куда?

В могилу!

Старая Дебо дернула за веревку, веревка дернула за кольцо, кольцо дернуло быка за ноздри. Дебо слезла с быка и сунула конец веревки в руки своей маленькой служанке. А сама подошла к кузнице.

— Входи, добрая женщина! Входи, бабушка! — приветствовал ее юноша подмастерье; он был в кузнице один в этот час. — Входи, здесь возвращают молодость старым людям, даже очень старым.

Старуха Дебо вошла.

— Правду ты говоришь, кузнец?

— Дай мне бурдюк с кислым молоком, что ты привезла на быке!

Маленькая служанка отцепила бурдюк с кислым молоком и внесла его в кузницу.

— Если ты вернешь мне молодость, что ты возьмешь за это?

— Ты мне отдашь первого теленка от самой молоденькой из твоих телок.

Мехи сами собой вздымались и опадали, раздувая в горне огонь.

Юный подмастерье — все такой же юный! — схватил старую Дебо и бросил ее в огонь. Своими клещами он начал поворачивать и переворачивать ее тело, пока в горне не остались одни горелые кости. Вынув эти кости, он бросил их в чан из красного дерева, где всегда охлаждал раскаленный металл: серебро или золото, медь или железо, затем вылил в чан кислое молоко из бурдюка и трижды сосчитал до семи.

И вот из чана вышла Дебо, еще более прекрасная и юная, чем в день своей свадьбы с Мавдо, — а с тех пор прошло столько лет странствий между песками пустынь и большими реками, что она и сама уже не могла сосчитать..

Когда Дебо вернулась на солончаковые земли, ни старый Мавдо, ни другие старики и старухи и, уж конечно, никто из молодых пастухов не поверил своим глазам.

— Видишь, я снова хороша и молода, — сказала Дебо Мавдо. — И конечно, ты сам понимаешь, что мне не нужен такой старый муж! Ведь ты мне в прадеды годишься! Если хочешь, чтобы я осталась с тобой, иди в деревню Кородугу и найди там кузнеца, который вернул мне молодость. Ступай, он с тебя спросит всего одного теленка, который родится лишь через три года от самой молоденькой нашей телки.

Мавдо отправился в деревню Кородугу. За ним пошли пожилые пастухи, и молодые пастухи, и много женщин, и сама Дебо со своей маленькой служанкой Аидой.

Когда фула пришли в деревню, кузница встретила их безмолвием: не дышали мехи, не трещали уголья в горне: огонь погас. Только тень Боли, по-прежнему стоявшего у главного столба, на который опиралась крыша кузни, только тень Боли простиралась до самого порога.

Наконец в час, когда солнце стояло уже высоко и жгло яростно и беспощадно, появился в кузницу Тиени.

И замер в изумлении. Зачем это столько пастухов-кочевников собралось перед его старой кузницей?

Но Мавдо не дал ему времени на расспросы. Он сразу сказал:

— Сотвори со мной то же самое, что ты сделал с этой женщиной, ибо она пока еще моя жена. Сделай меня молодым!

— Это был не он, — вмешалась Дебо. — Это был совсем молоденький парень. Наверное, его подмастерье.

— Сделай тебя молодым? — изумился и испугался Тиени. — Да как же я тебя омоложу, если ты уже стоишь одной ногой в могиле?

— Да, верни мне молодость, и я отдам тебе всю мою часть в нашем стаде — не то что какого-то одного теленка.

— Как же я это сделаю?

— Так же, как твой подмастерье, молоденький парень, который вернул юность той, кто пока еще моя жена. Мастер должен уметь все, что умеет его подмастерье.

— А что сделал мой подмастерье?

— Он попросил у меня бурдюк с кислым молоком, — ответила Дебо. — Затем он схватил меня и бросил в огонь. Я очнулась такой вот, как есть, в этом чане. И больше я ничего не знаю.

— Это сделал красавец юноша, который все время пел, — сказала Аида, маленькая служанка Дебо.

— Как же он это сделал? — спросили хором старый Мавдо, пожилые пастухи, молодые пастухи и все женщины, Тиени-кузнец и даже сама Дебо.

— Он схватил клещами тело моей старой госпожи и начал его поворачивать и переворачивать в огне горна, пока от нее не осталось ничего, кроме обугленных костей. Собрав кости, он бросил их в этот чан, сверху вылил кислое молоко из бурдюка, что я ему принесла, и трижды сосчитал до семи. И моя госпожа поднялась из чана прекрасной и юной.

— Если это все, — сказал Тиени, — я справлюсь не хуже моего подмастерья.

Он разжег огонь в горне. Молодой пастух принялся качать мехи, правда, с очень большой неохотой и лишь после того, как получил хорошую затрещину. Ибо это занятие не для фула, даже если он и не достиг возраста воина. Но как мог он послушаться взрослых? Особенно

когда речь шла о том, чтобы вернуть юность самому старому и почтенному человеку племени?

Тем временем огонь разгорался и удивлялся, что не слышит ответов на вопросы мехов:

Ух, куда?

Ух, куда?

Ух, куда?

Взял Тиени щипцы, обернулся и стукнул с размаху по голове Боли:

Вот тебе, Боли кривоногий!

Вот тебе, Боли лопоухий!

Вот тебе, толстопузый!

Вот тебе, длиннорукий!

Вот тебе, вот!

Потом он схватил старика Мавдо, бросил его в огонь и стал поворачивать и переворачивать своими щипцами. Когда от иссохшего старого тела не осталось ничего, кроме обугленных костей, он бросил эти кости в чан. А сверху вылил два бурдюка кислого молока, которые принесли пастухи.

Затем Тиени-кузнец встал перед чаном и трижды сосчитал до семи.

Из чана с кислым молоком никто не появился. Только почерневшие кости плавали в молоке, как кусочки углей.

Тиени-кузнец сосчитал три раза до семи и еще три раза до семи. И все без толку!

Тиени-кузнец сосчитал трижды три раза до семи и еще трижды три до семи. И все без толку!

Солнце закатилось. Огонь в очаге погас. Мехи смолкли и заснули. Но фула, привыкшие обходиться одной трапезой в день в отличие от других людей, все еще терпеливо ждали.

Снова Тиени сосчитал трижды до семи, потом трижды три раза до семи, потом трижды трижды три до семи. Но в чане поверх кислого молока по-прежнему плавали только обугленные кости.

На рассвете Дебо начала голосить и рыдать. Пожилые пастухи и молодые пастухи заговорили громко и гневно.

А как раз в это время по дороге к священному лесу проезжал мимо сам вождь Фама со своими приближен-

ными. Остановился он и спросил, что случилось в кузне, почему так шумят фула.

Красавица Дебо с воплями и рыданиями бросилась на землю перед конем вождя.

И все фула, пожилые пастухи и молодые, и все женщины, и служанки подтвердили:

— Да, он сжег нашего Мавдо и бросил его кости в чан с кислым молоком.

— Он должен был вернуть ему молодость, и вот что он с ним сделал!— рыдала безутешная Дебо.

Слуги вождя Фамы схватили кузнеца Тиени, связали его и повели за собой к священному лесу.

Но тут солнце вышло из своего жилища, и тень Боли отделилась от деревянной фигурки и превратилась в юного подмастерья,— все такого же юного!

Он подошел к чану с кислым молоком, в котором плавали обугленные кости, и трижды сосчитал до семи. Затем он вышел из кузницы и побежал за вождем Фамой, за всеми его слугами и приближенными и всеми пастухами, которые направлялись к священному лесу.

Догнал юноша слуг, что вели кузнеца Тиени, связанного, как охалка хвороста. Приблизился и спросил:

— Куда ты идешь, хозяин?

— В священный лес,— ответил кузнец Тиени, дрожа и плача от страха.— Там перережут мне горло!

— Ответь, будешь ты снова оскорблять Боли словами или поступками? — спросил юноша.

— Никогда больше, никогда! Только спаси меня! — взмолился кузнец.

Тогда юноша догнал вождя Фаму и пошел рядом с его конем.

— Фама! — сказал юноша.— Кузнец ни в чем не виноват. Мавдо ждет нас в кузнице, здоровый и невредимый.

Развязали слуги кузнеца Тиени, и вся толпа во главе с вождем Фамой — его приближенные, пожилые фула и молодые фула и все женщины и служанки,— все вернулись в кузницу Нумукэ. И там увидели они старого Мавдо молодым и прекрасным, как в день его свадьбы с красоткой Дебо.

Вот с тех пор, с того случая с Тиени, ни один кузнец не осмеливается обижать свои тотемы. Ибо в них обитают духи давно ушедших предков.

Охотник и ведьма

Пошел раз охотник в лес, да, видно, удача от него в тот день отвернулась — дичи так и не настрелял, устал и решил заночевать в деревне неподалеку. А там в разгаре праздник. Веселятся юноши и девушки, и в середине, среди достойнейших из достойных, — красавица, глаз не оторвать.

Подошел охотник, смотрит: на земле большой калebas лежит, и тшятся юноши в него издали «эге» — круглое твердое семечко забросить. Никак охотник в толк не возьмет, что к чему, стал людей расспрашивать. Оказывается, условие поставила красавица: кто попадет семечком в сосуд три раза подряд, за того она замуж пойдет.

«Попытаю-ка счастья и я, — решил охотник, — авось не с пустыми руками домой ворочусь — жену приведу». Бросил первое семечко — попал! Бросил второе — тоже в сосуд угодил. Не промахнулся и в третий раз. Обрадовался охотник, шутка ли — писаная красавица в жены досталась, и повел ее ко всеобщей зависти к себе в селение.

Не ведал, не гадал охотник, кого в жены взял. Знал он и о чарах колдовских, и волшебствах всевозможных, а

поди ж ты, не разглядел, что ведьму домой привел. И не просто ведьму, а людоедшу. Вздумалось ей свежей человечины отведать, вот и пустилась на хитрость — красавицей обернулась.

Жили у охотника в доме три пса, берегли хозяина как зеницу ока. Среди ночи ведьма вдруг в огромную клыкастую пасть оборотилась и только приготовилась охотника съесть, верные стражи — псы залаяли, разбудили хозяина. Спросил он сонным голосом, что за шум.

— Видно, во сне твоим собакам привиделось что или совсем опалоумели, — жена ему в ответ.

Снова заснул охотник. Трижды в ту ночь страшная пасть заглотить его пыталась, и трижды выручали хозяина верные псы. Светать стало, не удалось ведьме ее злодейство. Но она новую хитрость задумала — с мужем в лес на охоту пойти, а собак дома оставить да привязать покрепче, дескать, они полоумные, кусают еще.

Послушал легковверный охотник, посадил собак на привязь, взял с собой жену на охоту. Забрели в самую чащобу — ни солнца ясного не видно, ни шороха звериного не слышно. Тут ведьма и говорит:

— Ну, охотник, пришел твой смертный час. И спасения тебе нет! — Вновь обернулась страшной пастью, зубами щелк-щелк — да на него.

Худо дело, смекнул охотник, мешкать не стал и мигом на дерево взобрался. А пасть тут как тут, зубищами скрежещет, ствол грызет, вот-вот перегрызет. Охотник, не долго думая, на другое перемахнул, оно само к нему склонилось, ветви, точно руки, простерло. Но и его страшная пасть перегрызла, и следующее, которое охотника приютило. Чует он — несдобровать, одно лишь осталось дерево, да и к тому клыкастое страшилище подбирается. Неужто и впрямь конец приходит? Псы верные могли бы выручить, так он сам их на привязь посадил. Вдруг видит: птица летит в вышине, прямо к дому его путь держит. Кликнул ее охотник, умолил домой слетать, собак отвязать. Глазом моргнуть не успел, как верные друзья в лесу оказались, лицом к лицу с ведьмой. Не пощадили ее, на кусочки разорвали, и следа не осталось от страшилища.

А охотник целый и невредимый домой пошел, и верные псы его рядом.

Говорящий череп

Отправился однажды молодой человек, который мнил себя очень умным, в дальний путь и, шагая по тропе, споткнулся о череп, что лежал там уже довольно долго. Очень это раздосадовало путника, и он сорвал свое раздражение на черепе, ткнул в него палкой и сказал:

— Эй, ты, череп! Глупость твоя, вот что тебя сгубило.

— Ух какой умник нашелся,— ответил ему череп.— Ну, если меня глупость сгубила, то ты помрешь от своего большого ума. И очень скоро.

Юноша оторопел: череп заговорил! И счел это за дурной знак. Со всех ног помчался он обратно в деревню и созвал всех старейшин.

— Череп, что лежит на тропе, заговорил со мной! — сообщил он старейшинам.— Это колдовство и уж наверняка зловещий знак.

— Либо ты помешался, либо решил над нами подшутить и врешь нам,— сказали старейшины.— Мы то и дело ходим мимо этого черепа, и ни разу ни с кем из нас он не заговорил.

— Да я вам чистую правду говорю,— настаивал юноша.— Никакой я не помешанный, это все знают. И не вру я, пойдемте со мной, я вам покажу. Ткну в череп палкой, и он заговорит, а если не заговорит, предайте меня смерти.

Старейшины отправились вслед за ним к тому месту, где лежал на тропе череп. Молодой человек ткнул в него палкой и сказал:

— Глупость твоя, вот что тебя сгубило!

Череп молчал.

Еще раз молодой человек ударил по черепу палкой и громко крикнул:

— Эй, ты, череп! Ты помер от собственной глупости!

Череп не издал ни звука.

Разгневались старейшины на молодого односельчанина за его обман. Они решили, что он нарочно подшутил над ними, и убили его.

И тут череп заговорил.

— Вот так оно и получилось, как я сказал,— изрек он,— глупость сгубила меня, а вы все помрете от большого ума.

Так старейшины поняли, что совершили несправедливость.

Волшебное колечко

Жил в стародавние времена один учитель, и рос у него сын. Но по стопам отца не пошел, вознамерился рыбаком стать. Загоревал старик отец: и разбогатеть сын не разбогатеет, и славы да почестей не увидит. Отговорить пытался, только сын — ни в какую. Делать нечего, погоревал отец, погоревал, но дал благословение.

Купил сын сети и всю рыбацкую снасть, построил хижину на берегу реки. Пока сноровки не было — и рыбы не было, но со временем умение появилось — и большие уловы молодому рыбаку доставались. Всю рыбу он продавал на базаре, а выручку — отцу нес.

Однако пришла в их края беда великая — война.

— Бросай-ка ты сети, берись за лук да стрелы, — отец сыну повелел.

И пошел рыбак край родной защищать. Много в той войне его друзей-приятелей полегло, но самого смерть миновала. Вновь он на реку вернулся, мирным делом своим занялся. Плывет раз на каное по реке и видит: рябь по воде пошла, видать, рыба крупная. Закинул сеть, и впрямь попалась рыбина, да не простая, а огненно-красная. И вдруг молвит она человеческим голосом:

— Отпусти меня на волю вольную.

— Ну что ж, — сжалился рыбак, — так и быть, отпущу.

— Вовек тебя не забуду, — обрадовалась рыба. — Какой хочешь награды проси.

— Да какая там награда, мне б из бедности выбраться, — посетовал рыбак и выпустил рыбу.

Вскоре вернулась она и принесла ему колечко.

— Возьми, — говорит, — все, что пожелаешь, исполнится.

Не верит своему счастью рыбак, берет колечко, а у самого руки трясутся. Бегом домой и говорит колечку:

— Мне б денег на новое каное!

Глядь — перед ним несколько золотых.

— А можно и для отца немного?

Прибавилось золотых на столе. Обрадовался рыбак, побежал в деревню к отцу, все рассказал, деньги отдал, и зажил старик на склоне лет счастливо и безбедно. На сына не нарадуется.

Но вот новая война до деревни докатилась. Снова враги у порога. Снова бой жаркий разгорелся, и снова кровь рекой льется. Достал тогда рыбак кольцо и взмолился:

— Колечко-колечко, спаси деревню нашу, а врагов проклятых в камень обрати.

Не успел договорить, смотрит — полчища вражьих несметные в гору превратились.

И по сей день ее за деревней видно. Рыбака того, и колечко волшебное, и рыбу говорящую по сей день люди добром поминают.

Почему кошки всегда спят на мягких подушечках, а собаки во дворе возле погасшего очага

Рассказывают, что жила когда-то на свете несчастная женщина, у которой все дети умирали, как только появлялись на свет. Она очень горевала и наконец решила попросить помощи у духа. Пришла к нему и сказала, что ей очень хочется ребенка. Дух ответил:

— Ну что ж, я помогу тебе в твоём горе, но только знай: ты долго будешь терпеть от своего сына одни убытки, но в конце концов он вознаградит тебя за все.

Прошло время, и у женщины родился сын. А так как сын был волшебный, то рос он не по дням, а по часам и очень скоро превратился в красивого, сильного юношу. И вот однажды он говорит матери:

— Мама, дай мне золотого песку, я пойду к морю и куплю у тамошних жителей соли.

— А сколько же тебе дать песку, сынок? — спрашивает мать.

— Дай меру, — отвечал сын.

Мать достала золотого песку, дала сыну, и он отправился в путь.

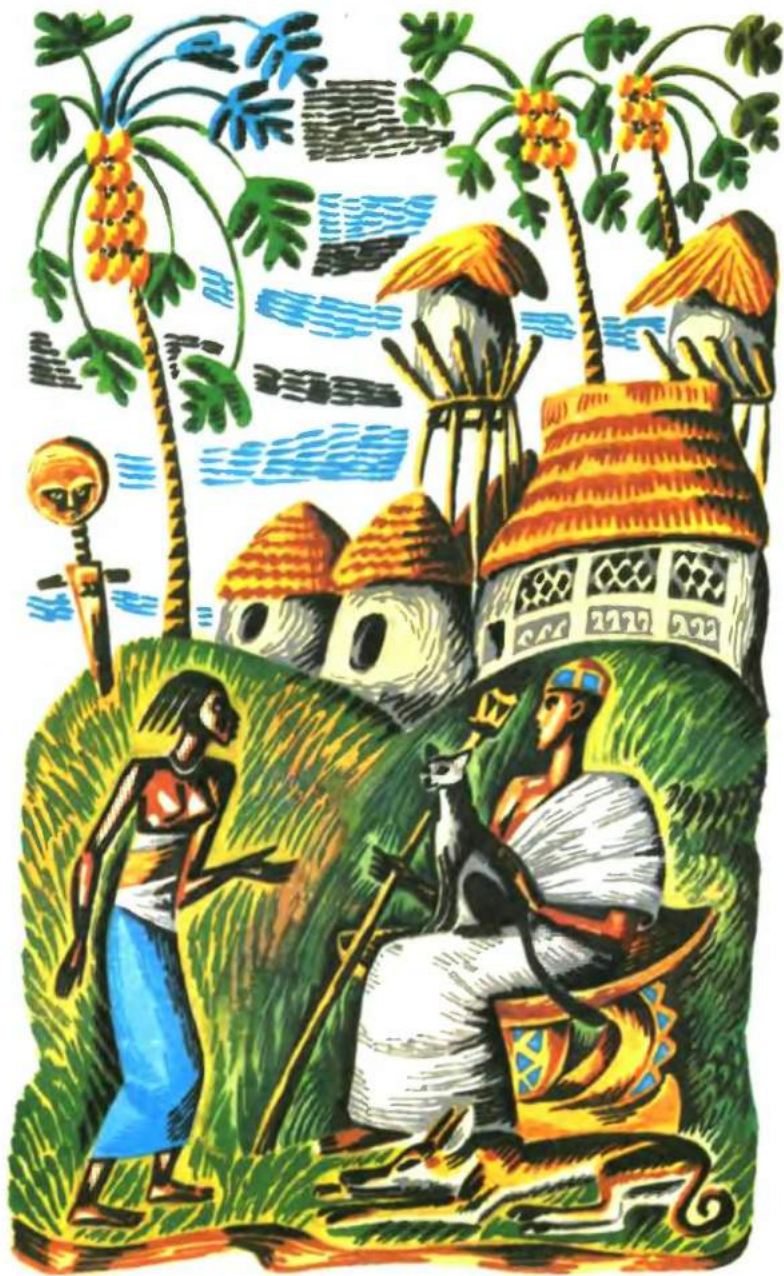
Идет он по дороге, а навстречу ему мужчина с собакой.

— Продай мне собаку, — просит юноша.

— Не по карману тебе моя собака, — отвечает хозяин.

— А сколько ты за нее хочешь? — спрашивает юноша.

— Мера золотого песку, — говорит хозяин пса.

— А вот и по карману! Бери свой золотой песок,— говорит юноша.

Забрал он собаку и вернулся с ней домой.

Увидела мать сына и говорит:

— Почему же ты не пошел к морю и не купил соли?

— А я собаку купил,— отвечает сын.

Мать только головой покачала.

Прошло около месяца, и вот сын снова говорит:

— Мама, дай мне золотого песку, я хочу стать купцом.

— Да ведь опять все золото прахом пойдет,— говорит мать.— Но так уж и быть, дам тебе золотого песку. Сколько ты просишь?

— Дай мне полторы меры.

— Ладно, вот тебе полторы меры.

И сын отправился дорогой, которой приходили к ним купцы.

Идет и видит — навстречу ему человек с котом в руках.

— Продай мне кота,— говорит юноша.— Коты всегда падают на лапы, как их ни брось, очень мне это нравится.

— У меня дома полно мышей,— отвечает хозяин кота.— Спать не дают — за ноги кусают. Потому я и купил кота.

— Прошу тебя, уступи его мне.

— Да у тебя небось и денег-то нет.

— А сколько ты за кота хочешь? — спрашивает юноша.

— Полторы меры золотого песка,— отвечает человек.

— А вот и есть у меня золотой песок,— говорит юноша.

Взял он кота и пошел обратно. Вернулся к матери и говорит:

— Вот, мама, гляди, кого я принес.

Мать чуть не заплакала.

— Так я и знала,— говорит.— Верно предсказал мне дух, что от тебя будут одни убытки.

Прожил сын дома еще месяца полтора и вот в один прекрасный день снова говорит матери:

— Дай мне, мама, золотого песку, хочу я все-таки стать купцом.

— Я отдала тебе все, что у меня было,— отвечает мать.— Осталась одна-единственная последняя мера.

Купи на нее товаров и торгуй, больше нам надеяться не на что.

— Не бойся, мама, я обязательно куплю стоящего товару,— отвечает сын.

Наутро, как только рассвело, он взял свой мешок и отправился в путь. Отошел немного от дома, и встречается ему человек из народа ашанти с голубем в руках.

— Друг, я хочу купить твоего голубя,— просит юноша.

— Он мне самому нужен,— отвечает ашанти.

— Продай, пожалуйста,— говорит юноша.

— Нет, и не проси, это ведь не простая птица,— отвечает хозяин голубя.

— Уступи его мне, прошу тебя,— стал уговаривать его юноша.

— Да есть ли у тебя чем расплатиться? — спрашивает хозяин.

— А сколько ты просишь?

— Меру золотого песку,— отвечает хозяин голубя.

— Только и всего-то? Вот тебе твоя мера.

Принес юноша птицу домой. Увидела мать и только руками всплеснула.

— Ну вот, так я и знала,— говорит.— Вместо товаров голубя купил! Ах ты, горе мое!

— Да не плачь ты, смотри, какой хороший голубь!

Стал голубь жить у них. И вот в один прекрасный день говорит он юноше:

— Выслушай, пожалуйста, что я тебе скажу. Я не простой голубь, я в нашей деревне вождь. Я собирался отправиться в путешествие, но тут появился этот злой человек и поймал меня, а потом ты по своей доброте купил меня у него. Прошу тебя, отпусти меня домой, мои подданные щедро тебя отблагодарят.

— Ты — вождь? — удивился юноша.— Не может быть. Отпущу я тебя, а ты и улетишь — ищи ветра в поле.

— Если не веришь, привяжи меня за лапу, и пойдем вместе,— говорит голубь.

Юноша взял веревку, привязал голубя за лапу, и он засеменял за юношей по дороге. Шли они, шли и наконец подошли к деревне, где жил голубь. У крайней хижиньки мальчишки играли в шарики. Увидели голубя и закричали:

— Вождь, вождь! Смотрите, наш вождь!

Один из них побежал с новостью к дому вождя, но родные голубя не поверили мальчишке, решили, что он издевается над их горем, и надавали ему тумачков. Тут прибежали друзья мальчишки и подтвердили, что вождь и в самом деле вернулся.

Брат вождя послал своего сына проверить, врут они или говорят правду. Сын побежал к краю деревни, увидел юношу и голубя и со всех ног обратно.

— Вернулся, вернулся, мальчишки правду сказали!

Вождю устроили пышную, торжественную встречу. Скоро все племя уже знало о злоключениях своего вождя — как он отправился в путешествие, как разбойник поймал его, как этот юноша увидел его и по доброте своей выкупил и вот теперь привел домой.

Все благодарили юношу, и старики, и молодые. Мать вождя подарила ему целый горшок золотого песка, и все старейшины тоже принесли ему по горшку золота. Брат вождя снял со своей руки кольцо, надел юноше на палец и сказал:

— Вот тебе волшебное кольцо, оно выполнит любое твоё желание.

Юноша горячо поблагодарил их всех и отправился домой. Дома он показал матери золотой песок и кольцо.

— Добро пожаловать, сынок, добро пожаловать, родной! — приветствовала его мать.

Он поведал матери о своих приключениях и под конец сказал:

— Ну вот, видишь, сколько у нас теперь золота, да еще волшебное кольцо. Пусть оно построит нам большую деревню, и будем в ней жить.

— Смотри не выменяй золото и кольцо еще на какого-нибудь зверя, с тебя станется. Увидишь кого на дороге — обойди стороной да зажмурь глаза хорошенько.

Пошел юноша в лес, снял с пальца кольцо, положил на землю и говорит:

— Кольцо, кольцо, сруби все деревья и кусты и расчисти землю.

И тут же расчистилась большая поляна.

— Кольцо, кольцо, собери все деревья и кусты в кучи и сожги.

Мигом все деревья и кусты оказались сложенными в кучи и сгорели.

— А теперь построй хижину, — приказал юноша.

И на поляне появилось множество хижин.

— Пусть придут люди и поселятся в них,— приказал юноша.

Сказано — сделано: появились люди. Юноша стал вождем в этой деревне, и матери его все воздавали почести: ведь теперь она была мать вождя.

У юноши был закадычный друг — паук Анансе. Пришел Кваку Анансе как-то раз к юноше в гости, увидел новую деревню, новую хижину, в которой теперь жил юноша, и говорит:

— Да, привалило тебе счастье, то-то ты и забыл своего друга, знаться больше со мной не желаешь. Но расскажи, как случилось это чудо?

Юноша все ему и рассказал.

Вернулся Анансе к себе домой и говорит своей племяннице:

— Возьми кувшин вина и ступай к моему другу. Выполняй все его приказания, но постарайся непременно украсть кольцо, которое он носит на руке.

Племянница отправилась к юноше.

— Здравствуй,— говорит юноша,— добро пожаловать. Будешь гостить у нас. Раньше чем через три дня не отпущу.

— Спасибо,— отвечает девочка.

Осталась она у них гостить. На другой день захотелось юноше искупаться, снял он кольцо, положил на стол и пошел к реке. Девочка хватъ кольцо и без оглядки домой. Отдала кольцо дяде, и он тотчас же повелел кольцу построить деревню еще больше, чем у юноши.

Вернулся юноша с купания, ищет кольцо, а его нигде нет — пропало. Вскоре дошел до него слух, что паук построил деревню еще больше, чем у него. Решил юноша посоветоваться с духом. Дух и открыл ему, что это племянница Анансе украла кольцо и отнесла своему дяде. Паук тоже решил на всякий случай посоветоваться с духом, и дух предупредил его, что юноша пошлет выручать кольцо своего кота Окру и пса Окрамана. Анансе поспешил домой, взял кусок мяса, полил его сонным зельем и положил на дорогу — съест его зверь и тут же свалится, дальше ни шагу сделать не сможет.

А юноша, у которого украли кольцо, вернулся тем временем домой и говорит коту и собаке:

— Я вас выкупил у злых людей, а теперь вы сослужите мне службу. У меня пропало кольцо, говорят, его украл паук и спрятал в шкатулку, шкатулку запер в коробку, а коробку в сундучок. Еще мне сказали, что он полил кусок мяса сонным зельем и подбросил на дороге. Так вы это мясо не ешьте, как увидите, бегите от него как от огня.

— Слышишь, кот? — спрашивает собака. — Это ведь тебя хозяин предупреждает, а то ты бы сразу на мясо набросился, ты ведь обжора.

— Уж если кто обжора, так это ты, — возмутился кот. — Вечно всюду рыщешь, что бы слопать.

Но хозяин прикрикнул на них, чтобы перестали ссориться, и велел тотчас же отправляться в путь.

Звери побежали по дороге. Собака еще издали учуяла мясо и говорит:

— Ой, кот, что-то у меня живот схватило, не могу дальше идти.

— Идем, идем, ничего, — отвечает кот, — хозяин нам такое важное дело поручил, разве можно его подвести?

— И рад бы, да шагу не могу сделать, — говорит пес.

Пошел кот дальше один. А пес потихоньку подкрался к мясу и съел весь кусок. Съел и тут же свалился, лапой шевельнуть не может. Кот тем временем пришел в деревню, нашел хижину Анансе и влез на крышу. Притаился и ждет. Вот из щели вылезла мышка. Кот ее — цап! — и поймал.

— Отпусти меня, кот, — стала просить мышка. — Я маленькая, тебе всего на один зуб, какой от меня толк.

Кот ей в ответ:

— У моего хозяина пропало кольцо. Говорят, оно у Анансе лежит в шкатулке, шкатулка в коробке, а коробка в сундучке. Достань мне кольцо, тогда я, так и быть, не буду тебя есть.

Мышь обрадовалась:

— Достану я тебе кольцо, достану, только отпусти!

— А вдруг обманешь? Я тебя отпущу, а ты и убежишь, поминай как звали.

— Если хочешь, привяжи меня для верности веревкой, — предлагает мышь.

Взял кот веревку и обвязал мышь вокруг туловища. Мышь пробралась к пауку в спальню и шмыг под сундучок. Прогрызла в нем дырку, пролезла, принялась

за коробку, трудится, старается,— вот наконец и шка- тулка. Схватила мышка кольцо и на крышу к коту. Кот с кольцом бегом домой. Бежит и вдруг видит: на дороге пес лежит.

— Ты что же это, все валяешься? — спрашивает кот.— А мясо где?

— Почему я знаю? Наверное, хозяин пришел и взял. Кольцо-то у тебя?

— У меня, у меня,— отвечает кот.

— Слышал я, река разлилась, а нам ведь на ту сторону надо. Ты-то, кот, плавать не умеешь, вброд пой- дешь, а я поплыву, так что давай кольцо мне, у ме- ня оно целее будет, а то вдруг ты еще ненароком выро- нишь.

— И то дело, держи,— согласился кот.

Дошагали до реки, пес прыгнул в воду и поплыл, кот вброд пошел и через минуту уже был на другом берегу. А пес на середине реки устал, начал задыхаться, рази- нул пасть глотнуть воздуха, кольцо и выпало в воду. Кое-как доплыл он и выбрался на берег.

— Где же кольцо? — спрашивает кот.

— Ох, кот, уронил я его в воду,— признался пес.

Кот бегом к воде, видит — плывет большая рыба. Поймал он ее.

— Зачем я тебе? Отпусти меня,— просит рыба.

Кот ей и отвечает:

— Кольцо мое упало в реку, найди его. Принесешь — отпущу, не принесешь — съем.

— Ладно, отдам я тебе кольцо, только сначала под- нимемся на берег.

Поднялись они на берег, рыба открыла рот и выплю- нула кольцо на песок.

Взял кот кольцо и показывает собаке — вот, гляди. Пес стал просить, чтобы кот не рассказывал о его проступке хозяину.

Кот даже отвечать ему не стал. Идут, молчат.

Вот наконец и дом. Кот рассказал хозяину все как было, ничего не утаил. И как пес сожрал мясо и сва- лился на дороге, и как взял у кота кольцо, чтобы тот его не потерял, когда будет переходить реку вброд, как выронил его на середине реки и как рыба его нашла и выплюнула на песок.

И все, кто слышал рассказ кота, стали восхищаться:

— Ай да кот, ай да молодец!

А вождь сказал:

— С нынешнего дня, кот, ты будешь есть все, что ем я, и еду я буду класть тебе в миску. Спать ты будешь тоже со мной. А твое место, пес, во дворе, возле погасшего очага, даже самые холодные ночи ты будешь там проводить. И бить тебя будут прутом, ты порку заслужил.

Вот почему коты всегда спят на мягких подушках. И еду им дают обязательно в миске, если бросишь на землю, они есть не станут. А собак люди держат во дворе, даже в холодные ночи они спят возле погасшего очага, а когда провинятся, их бьют прутом. И так ведется с незапамятных времен, с тех самых пор, когда вождь послал кота и собаку выручать волшебное кольцо.

Охотник и лань

Давным-давно далече-далеко жил в маленькой деревушке молодой охотник, душой кроток, да промыслом ретив. Был он красоты несказанной и удали отменной. Любуется им вся деревня не налюбуется, дивится его удаче охотничьей не надивится.

Раз пошел он в лес поохотиться. Забрался, как бывало, на дерево, сидит, добычу подстерегает. Час сидит, два сидит — ни единого зверя не высмотрел. Пора уж и домой путь держать: солнце на закат клонится, вот-вот стемнеет. Но не успел он слезть с дерева, глядь — лань перед ним. Прицелился охотник, а лань возьми да и скинь шкуру. И вот уже стоит перед ним девушка-красавица, глаз не оторвать. Схоронила девушка шкуру под камень, прямо у дерева, где охотник сидел.

Смотрит охотник, слова не вымолвит. А красавица между тем прочь пошла. Слез он с дерева, поднял камень, давай шкуру так и сях вертеть. Потом в суму положил и домой направился.

А на заре на старое место воротился. Снова на дерево залез, сидит, ждет, и не столько зверя лесного, сколько красавицу вчерашнюю. Снова час за часом проходит — никого под деревом, лишь юркнула змея, да и ту он упустил.

Вечереть стало, видно, ни с чем ему домой возвра-

щаться. Только он слезать изготовился, откуда ни возьмись — красавица! Подошла, камень приподняла да как взовьется — нет шкуры! Давай искать, себя кулаками молотить да за беспечность поносить. Увидел охотник, как она убивается, и спрашивает:

— Что ищешь, красавица?

— Шкуру лани. Я вчера ее под камень схоронила.

— А коль помогу отыскать, какая мне награда выйдет?

Но девушка знай ищет под каждым деревом, под каждым камушком, охотника и не слушает.

Он опять:

— А вдруг отыщу твою пропажу?

Смотрит на него девушка, и боязно ей, да шкуру воротить надобно. И промолвила она наконец:

— Коль и впрямь отыщешь, исполню любое твоё желание.

— А желание мое таково: стань моею женой.

— Ишь, чего удумал! — улыбнулась смущенно девушка, потупилась. — Никак я не могу. Отдай шкуру, добрый человек, если она у тебя.

— Да как же я тебе ее отдам, коли ты от своего обещания отступилась?

Делать нечего, пришлось девушке соглашаться, только упросила она его ни одной живой душе не рассказывать, что в лесу видел. И клятву взяла с него страшную, что тайну сбережет. Отлегло от сердца у девушки: раз замуж выходит, так и шкура лани ей больше ни к чему — среди людей, а не среди зверей теперь жить. Охотник, однако ж, шкуру не выбросил, так домой в суме и понес.

Вся деревня встречать молодых вышла. Судят-рядят, откуда красавица. Рассказал им охотник, что повстречал ее в соседнем селении. Привел молодую жену в дом, а там первая его жена хлопочет, еду готовит. Глядь, а ее муженек красавицу привел.

— Как же так? — вопрошает его.

— Был я в соседнем селении, — отвечает охотник, — и тамошний вождь велел мне взять эту девушку в жены. Мог ли я ослушаться?

Пришлось первой жене приветить новую. Так втроем и зажили. Только диву дается первая жена: чудно, не людски держится красавица: иной раз за обедом вдруг прямо из миски суп лахает, чавкает по-звериному. Но как мужа ни расспрашивала, ни словечка не добилась. Расскажи он про девушку-лань, жена все равно не поверит, да и клятву нарушать боязно.

Пришлось первой жене отступить, но все чудней и чудней ведет себя красавица. То вместо постели на пол ляжет, то за столом сидеть ей в тягость, есть с мужем и первой женой отказывается. А в полночь, когда весь дом спит, крадется на кухню и объедки собирает.

Снова первая жена к мужу с расспросами и снова слышит:

— Нечего мне сказать, нечего добавить. Все как есть рассказал.

Пошла жена за советом к ворожее. Та и говорит, дескать, нужно опоить мужа коварным зельем, тогда он все и выболтает.

Наутро жена приготовила всяких яств, подмешала и зелья. А новую жену-красавицу по воду отослала. Сама же к мужу подступает:

— Ну, так расскажешь всю правду про нее? Мне страх как любопытно.

И поведал охотник обо всем: как превратилась лань в прекрасную девушку, как искала похищенную шкуру и как поклялся он хранить тайну. И о том, что шкуру спрятал на чердаке. Частенько наведывался он туда, все думал-гадал, как от шкуры навеки избавиться, да страшно — шкура-то, поди, заколдованная. Выслушала жена охотника, слова не сказала.

Отправился он в лес на охоту. Первая жена обед стряпает, младшая подсобляет. Да только по недосмотру сахару вместо соли в суп насыпала. Разгневалась первая жена.

— Пора б уж по-человечьи жить, звериные повадки забыть, — проворчала она.

Смотрит молодая на нее во все глаза — не понимает.

Та снова твердит: дескать, среди людей живешь, их порядки и соблюдай, а свои звериные забудь.

Не стерпела красавица упреков, бросилась на обидчицу. Та тоже взъярилась, мигом на чердак, схватила шкуру, швырнула в лицо соперницы.

— Чтобы глаза мои тебя больше в доме этом не видели!

Не помня себя от гнева, принялась колотить красавица первую жену и забила до смерти. Потом обернулась вновь ланью и в лес умчалась, нашла там охотника, да он ее не признал, прицелился, а она ему и говорит:

— Что ты наделал! Как я тебе верила! А ты во мне веру убил. Поспешి же домой — там ждет тебя расплата. Эх, не сберег ты любви моей!

Стоит охотник, слова вымолвить не может. Воротился домой, а там — ни старой жены, ни новой. Рассказали соседи охотнику, что стряслось, пока его не было.

— Горе мне, горе! — возопил. — Знай я, что такая судьбина мне уготована, порешил бы себя в отрочестве!

И уж так он сокрушался, так себя корил, только без толку. Все в деревне от него отвернулись — кому охота с клятвопреступником водиться! Сгинула его охотничья

удаль, померкла слава — один-одинешенек остался. Так, в муках, терзаниях, одиночестве и умер.

Суть сказки сей проста: довольствуйся тем, что имеешь. Разгорелись у охотника глаза ненасытные, раззудились руки жадные — двоих жен захотел. Да ни одной не уберег.

Сказка, которую рассказывали семь лет

Однажды повелитель Ахухо собрал всех подданных и объявил, что желает послушать самую длинную сказку.

— И пусть ее рассказывают не меньше трех лет, — велел он.

Ахухо пообещал, что отдаст все, чем владеет, даже собственную жену, тому, кто сможет рассказать такую сказку.

— Но если сказка кончится раньше чем через три года, рассказчик будет казнен, — заключил он.

Миновал месяц, но среди подданных Ахухо так и не отыскалось столь искусного рассказчика. И вдруг к повелителю явился моряк Икеака и заявил, что знает самую длинную сказку.

Ахухо позвал всех членов своей семьи, усадил их и приготовился слушать.

Вот эта сказка.

Жил в давние времена мальчик лет пятнадцати. Несмотря на свои малые лета, он отличался большой силой и победил всех борцов своей деревни. После этого он стал ходить на состязания в другие деревни и неизменно возвращался победителем.

Однажды этот мальчик — а звали его Ндука — пришел из школы и заявил родителям, что пойдет в страну духов. Он надеялся отыскать там достойного противника. Родители воспротивились, но Ндуко не стал их слушать и все равно отправился в страну духов. Он явился к повелителю духов и сказал, что хочет сразиться с самым сильным борцом. Вскоре вышел к нему необычайно могучий человек. Долго длился бой, наконец мальчик изловчился и швырнул соперника наземь. А земля на площадке для борьбы в стране духов была такая, что стоило упасть на нее, как наступала смерть. Поэтому противник Ндуко умер. Повелитель никак не ожидал, что обыкновенный

мальчик победит такого силача. Взял он свой волшебный рог, дунул в него над ухом убитого, и тот сразу ожил. Мальчику до того понравился этот рог, что он схватил его и убежал. Духи погнались за ним, но они не умели бегать так быстро. Ндуко вернулся домой и с помощью волшебного рога оживил всех умерших родственников и друзей...

Дойдя до этого места, рассказчик Икеака запнулся. Он не мог придумать продолжения сказки. Поэтому Ахухо приказал его казнить.

Многие еще пытались рассказать длинную сказку, но ни у кого не получилось. Все рассказчики лишались жизни.

И вот к королю явился мальчик, который еще учился в школе. Жил этот мальчик неподалеку от дворца.

— Ты предупредил родителей, что идешь сюда? — спросил повелитель.

— Мои родители умерли, — ответил мальчик.

— А ты знаешь, как я наказываю плохих рассказчиков?

— Знаю.

— Что ж, приходи завтра с утра.

Утром король собрал всех своих подданных посмотреть на мальчика, который сам ищет смерти.

Дворец заполнился людьми. Мальчик забрался на стол, поставленный посреди зала, поклонился и начал так:

— Жил на свете король по имени Иг. Был у него большой амбар, где хранился маис, собранный с его полей за двадцать лет. Но случилось так, что окно амбара чуть-чуть приоткрылось, влетела в него птица ткачик и унесла одно зерно.

— А сейчас я буду петь, — сказал мальчик, — а вы все подпевайте мне.

И получилось вот что:

Птица ткачик в окно влетела,
Фурукповай!
Унесла зерно маиса,
Фурукповай!
Птица ткачик в окно влетела,
Фурукповай!
Унесла зерно маиса,
Фурукповай!
Птица ткачик в окно влетела,
Фурукповай!
Унесла зерно маиса,
Фурукповай!

— А что же случилось после того, как птица ткачик унесла зерно маиса? — спросил повелитель.

Рассказчик ответил так:

Птица ткачик прилетела еще раз,
Фурукповай!
Унесла еще зерно,
Фурукповай!
Птица ткачик прилетела еще раз,
Фурукповай!
Унесла еще зерно,
Фурукповай!
Птица ткачик прилетела еще раз,
Фурукповай!
Унесла еще зерно,
Фурукповай!

Мальчик жестами показал, как это происходило.

Наступил вечер, повелитель сказал мальчику, чтоб он отправлялся домой, а с утра пришел опять.

Рано утром мальчик вернулся во дворец и принялся рассказывать дальше:

Птица ткачик в окно влетела,
Фурукповай!
Унесла зерно маиса,
Фурукповай!
Птица ткачик в окно влетела,
Фурукповай!
Унесла зерно маиса,
Фурукповай!

— А теперь, мой мальчик, — сказал Ахухо, — расскажи, что стало с зернами маиса, которые унесла птица ткачик?

Мальчик ответил:

Птица ткачик домой вернулась,
Фурукповай!
Спрятала зерно маиса,
Фурукповай!

День за днем длилась сказка, неделю за неделей, месяц за месяцем. В конце третьего года повелитель Ахухо попросил мальчика остановиться, но тот хотел рассказывать дальше. Его сказка продолжалась семь лет. К концу седьмого года повелитель отдал мальчику все, чем владел.

Вскоре простой мальчик, который умел рассказывать длинную сказку, стал править страной.

Поле Ландинга

Было это давно, очень-очень давно. Жил в те времена в глубине Казамансы бедный крестьянин по имени Ландинг. Такой бедный, что у него даже не было собственного клочка земли.

Далеко-далеко за деревней, на опушке джунглей, было большое нераспаханное поле. Поговаривали, будто поле это принадлежит духам и джиннам, и ни один человек не смел его обрабатывать.

Что было делать Ландингу? Собрал он однажды друзей и соседей и сказал им:

— Пойду и расчищу поле джинов! Смогу тогда сам собирать урожай и не просить у вас милостыни. Кто мне поможет?

— Ты сошел с ума, мы тебе не поможем! Духи джунглей никому не позволяли пахать и сеять на их полях. Преступишь их запрет — умрешь сам и умрут все твои родичи. Лучше уж мы сами будем кормить тебя и твою семью, но никто из нас не пойдет с тобой распахать поле духов!

— Ладно, я пойду один со своим маленьким сыном и распашу это поле,— ответил Ландинг, храбрый человек.— Лучше уж я умру, сражаясь, чем буду жить вашей милостыней!

И на другой же день Ландинг взял свой нож купкуп, взял мотыгу, взял лопату и отправился к заброшенному полю духов.

Но едва он срубил первый куст, как вдруг перед ним появился маленький черт-джинн, наполовину красный, наполовину черный, с рогами, как у антилопы, и с хвостом, как у обезьяны.

— Что ты здесь делаешь?— спросил джинн Ландинга.

— Хочу расчистить от кустов и деревьев кусочек джунглей и посеять что-нибудь на этом месте, чтобы прокормиться самому и прокормить семью.

— А ты знаешь, что это поле наше, что оно принадлежит нам, джиннам?

— Да, я знаю, но в округе нет другого свободного места, это поле — единственное. Если я его не расчищу, не вскопаю и не засею, то умру с голоду!

— Бойся нас! Мы можем тебя погубить по-другому. И не с голоду ты умрешь!

— Что ж, тем хуже. Умру так умру. Но все же попытаюсь выжить...

Джинн даже онемел от такой неслыханной дерзости, но потом ответил:

— Твоя храбрость мне нравится. Ты первый из людей, кто посмел нам перечить. Ладно же, попробуй свое счастье. Знай, однако: ты не сможешь ничего сделать один. Что бы ты ни делал, мы будем делать то же самое вместе с тобой.

И тотчас же целая туча джиннов слетелась туда со всех сторон. Они вылетали из термитников, из крысиных нор, из дупел старых деревьев, из опавших листьев и из всех ручьев.

Не успел Ландинг взмахнуть топором, как сотни духов и джиннов взмахнули топорами, и сотни щепок полетели во все стороны. И сотни деревьев рухнули вокруг него.

Вечером Ландинг собрал большую вязанку, взгромоздил ее себе на голову и принес домой жене. И увидел возле своей хижины сто вязанок хвороста, сваленных в большую кучу.

А перед хижинной его дожидались друзья и соседи.

ждали все близкие, чтобы скорее распространить о том, кто и за что принес ему столько вязанок хвороста.

Рассказал им Ландинг, что это все черти и духи.

— Ландинг,— сказал самый старый старейшина,— чертей потому и называют чертями, что они занимаются всяческой чертовщиной. Ой, боюсь, посмеются они над тобой. Поостерегся бы ты! Пока просо не собрано, не думай, что все эти черти работают на тебя!

На другой день Ландинг снова пошел на свое поле. Никого он там не увидел и принялся за работу. Взял свою мотыгу и начал выкорчевывать кусты.

И тотчас сто маленьких чертей с маленькими мотыгами выскочили неизвестно откуда и принялись выкорчевывать кусты. Так что к концу дня поле было расчищено и по краям его громоздились кучи выкорчеванных кустов и кучи пней с корнями.

Вернулся Ландинг домой еще более радостный, чем накануне. Все друзья ему завидовали. Один только старый старейшина снова Ландинга остерег:

— Пока твое просо не в закромах, не думай, что перехитрил чертей. У кого завелось в друзьях черти, тому надо спать с одним открытым глазом.

На другой день Ландинг собрал весь хворост и поджег его, чтобы удобрить золой свое поле.

И тотчас же сто маленьких чертей со своими вилами выскочили неведомо откуда и сто куч хвороста запылало на поле. К вечеру все поле покрылось толстым слоем золы, и земля была готова для посева.

У Ландинга было теперь лучшее поле в деревне, и он мог посмеяться в усы над своими робкими друзьями и соседями. Один лишь старейшина сомневался.

— Ландинг, друг мой,— говорил старейшина,— лишь когда твое просо будет в закромах, я скажу тебе: «Да, я был неправ!» Но не раньше чем просо будет у тебя в амбаре.

Минуло немного дней, начались дожди, и пришла пора сева.

Ландинг явился на свое поле с женой. Жена принесла на голове большущий калebas, полный проса для посева. Ландинг сделал палкой ямку в земле, жена бросила в ямку три зернышка.

И мгновенно неизвестно откуда появились на поле сто чертей и еще сто чертовок. И каждый раз, когда

Ландинг делал ямку в земле, а жена бросала туда три зернышка проса, сотня маленьких чертей и еще сотня чертовок делали то же самое. Так что всего за час поле Ландинга было засеяно, и вернулся он с женой в деревню раньше всех. И объявил хвастливо:

— У меня сто слуг и еще сотня служанок! На следующий год я посею во сто раз больше!

— Ландинг, друг мой!— снова остерег его старейшина.— Пока не съешь просо этого урожая, не говори о том, что будешь сеять на следующий год!

А дожди тем временем шли и шли, и просо росло у Ландинга всем на диво.

Пришло время окучивать — сотня маленьких чертей появились и помогли.

Пришло время пропалывать, и едва Ландинг взмахнул мотыгой — сотня маленьких чертей со своими вилами появились и выдернули все сорняки.

Совсем поверил бедняга Ландинг в свое счастье.

— Эти джинны-чертенята — хорошие ребята! — говорил он.— Я сделаю все, чтобы их почитали и славили.

Но все тот же старейшина повторял, словно эхо:

— Пока просо у тебя не в закромах, никого не славь и не благодари!

И наконец пришло время, когда стебли проса согнулись от тяжести пышных метелок с зернами. И жадные птицы слетелись на поле.

Тогда послал Ландинг своего сынишку отгонять этих птиц. Взобрался его сын на помост посредине поля, взял пращу и — бау-бау! — принялся разгонять птиц камнями.

Но мгновенно неведомо откуда появились сто чертей, и каждый привел с собой по десять чертенят. Тысяча пращей засвистели над полем, всех птиц перебили чертенята и спасли урожай Ландинга.

А на другой день сынишка Ландинга заскучал. Птиц-то больше не было! И решил он смастерить себе дудочку. Срезал самый прямой, самый толстый стебель проса, просверлил в нем три дырочки, поднес ко рту и заиграл...

Сами можете догадаться, что тут приключилось!

Сотня чертей и сотня чертовок и тысяча их чертенят высыпали на поле. Каждый срезал по стеблю проса, каждый сделал себе дудочку, и на вытоптанном пустом поле начался такой дьявольский концерт, какого люди и не припомнят!

Услыхал этот дьявольский шум Ландинг, услышали его соседи. Прибежали они на поле, и что же они увидели?..

Понял несчастный Ландинг, что во всем виноват его сын. Выхватил он палку и принялся его бить и приговаривать:

— Вот тебе дудочка, чертов сын! Вот тебе дудочка!

И тотчас же сто чертей схватили сто палок и принялись лупить своих сыновей и сынишку Ландинга, приговаривая:

— Вот тебе дудочка, чертов сын! Вот тебе дудочка!

Хотели крестьяне вступить, да куда там! Все поле вдруг вспыхнуло как огромный костер. Люди еле успели разбежаться.

И черти с чертовками и чертенятами тоже исчезли, умчались неведомо куда. Только долго еще из джунглей доносились голоса дудочек.

А Ландинг вернулся в деревню со своим крепко избитым сыном. Вот какой он собрал урожай! Не зря говорил ему самый старый и самый мудрый из всех старейшин:

— Ландинг, друг мой! Пока просо у тебя не в закромах, никто не знает, что натворят черти!

Вот поэтому в Казамансе до сих пор еще столько невырубленных лесов, невозделанной целины.

Чтобы ее возделывать, надобно подружиться с чертями.

Но тому, кто с чертями дружен, нет нужды возделывать землю.

Фаддэ

Жила когда-то женщина, и была она на сносях. И хотя уже приближался срок, она все же пошла в лес за хворостом. Набрала она большую вязанку и хотела поднять себе на голову. Но ничего у нее не получалось. А она не хотела расстаться ни с одной веткой, ни с одной хворостинкой. И она запела:

Я ношу в животе дитя;
Если это будет девчонка,
Обещаю отдать ту девчонку
В жены тому, кто поможет
Донести мне на голове

Всю вязанку дров, всю вязанку,
Не обронив ни одной хворостинки,
Обещаю отдать ему,
Кто б он ни был,
Человек или дух лесной.

И тогда из леса послышался громкий голос:

Подумай, подумай, женщина!
Время быстро пройдет!
Скоро срок придет
Отдавать, что обещано!

И опять повторил:

Подумай, подумай, женщина!

Но ответила женщина твердым голосом:

Я знаю, что говорю,
Если надо, я повторю:
Если родится девочка,
Обещаю отдать ту девочку
В жены тому, кто поможет
Донести мне на голове
Всю вязанку дров, всю вязанку,
Не обронив ни одной хворостинки,
Обещаю отдать ему,
Кто б он ни был,
Человек или дух лесной!

Но она увидела не человека, а лесного духа.
Он сказал той женщине:

Это я, это я
Помогу тебе
Донести твой хвост
На голове,
Но не забудь свое обещание!

Лесной дух поднял вязанку хвоста и положил на голову женщины. А потом сказал:

Ты родишь через день и ночь,
И родишь ты дочь!

Та женщина донесла на голове свою вязанку хвоста до дому, а через один день и одну ночь родила на заре девочку, прекрасную, как утренняя звезда.

И она дала ей имя — Фаддэ.

Малышка Фаддэ росла. Она превратилась в такую

красавицу, что сыновья всех вождей приходили к ней свататься. А мать ее давно уже позабыла о своем обещании.

Но вот однажды отправилась она в тот же лес за хворостом, и на том же месте появился перед ней лесной дух. И напомнил ей ее обещание:

Женщина!
Сколько дней прошло,
Сколько лун прошло,
Сколько лет!
Помнишь, как я помог тебе
Донести твой хворост на голове?
Помнишь, как это было?
Помнишь, что ты обещала?
Или ты уже все забыла?

И тогда ответила женщина лесному духу:

Добрый дух лесной!
Много дней назад,
Много лун назад,
Много лет назад
Родила я не дочь, а сына,
А тебе обещала я дочь!
Чем я могу помочь?
Я перед тобой невинна,
Добрый дух лесной!

Но дух лесной ответил той забывчивой женщине:

Женщина, скоро ты все забываешь,
Но одного ты и не знаешь:
Видел я сам, глазами орла,
В то утро девочку ты родила,
Прекрасную, как звезда на заре,
Что отразилась в чистой воде,
И дала ей чистое имя
Фаддэ.
Я знаю,
Я видел,
Я знаю!

В испуге прибежала женщина в деревню. Она обрила голову своей дочери. Нарядила ее мальчиком. И с тех пор Фаддэ стала жить как мальчишка.

Однажды была в соседней деревне свадьба. Все юноши и девушки отправились провожать невесту в деревню жениха. Кто шел пешком, кто ехал на конях. Сама Фаддэ в одежде юноши ехала на прекрасном жеребце позади всех. На поясе у нее была сверкающая сабля.

Лесной дух узнал об этом празднестве и завалил деревьями дорогу свадебному шествию.

У первой девушки, которая ему встретилась, он спросил:

Ты не Фаддэ?
Тогда скажи: где Фаддэ?
Я знаю, она
Во все черное облачена:
В черных шальварах, в черном бубу,
И лишь сабля сверкает у нее на боку.

Но первая девушка ответила лесному духу:

Фаддэ позади!
Да, верно, она
Во все черное облачена:
В черных шальварах, в черном бубу.
И сабля сверкает у нее на боку,
Но она позади!

Лесной дух встретил вторую девушку, третью, четвертую, пятую, и у всех он спрашивал:

— Ты не Фаддэ?

И все ему отвечали:

Фаддэ позади!
Верно, она
Во все черное облачена,
Но она позади!

Так лесной дух опросил всех девушек из свадебной процессии, но не нашел ни одной по имени Фаддэ.

Охраняя свадебное шествие, позади ехали юноши, храбрые воины.

Спросил их лесной дух:

Где же Фаддэ, где?
Где обещанная мне Фаддэ,
Та, что в черное облачена,
Со сверкающей саблей на боку?

И вдруг стройный прекрасный юноша ответил ему:

Перед тобою стоит Фаддэ!
На мне черные шальвары и черный бубу,
И сабля сверкает у меня на боку.
Перед тобою стоит Фаддэ,
Кем-то тебе обещанная.
Но, ты видишь, я воин,
А не слабая женщина.

Возразил лесной дух:

Моя Фаддэ — юная девушка,
Мне ее мать обещала,
Моя Фаддэ — кроткая девушка,
А не юный задира.

Рассердилась Фаддэ:

Говорю тебе: я Фаддэ!
Но я воин, не девица.
Хочешь сам убедиться?
Хочешь со мной сразиться?
Я тебе докажу, что Фаддэ
Храбрый воин, а не девица!

Согласился лесной дух. Сошлись они на поляне. Выхватил лесной дух свой тяжелый меч и бросился на Фаддэ.

Он взмахнул мечом, взвился смертельный клинок. И вдруг Фаддэ подняла свой черный бубу. Юные девичьи груди сверкнули ослепительной красой. Зажмурился лесной дух, отступил, зашатался. Он увидел, что Фаддэ девушка, прекрасная юная девушка, сияющая, как утренняя звезда. У него захватило дыхание. Ноги его подкосились. Руки задрожали. И он выронил свой страшный меч.

Как молния взвилась острая сабля Фаддэ. Сраженный лесной дух упал и принял свой истинный облик — облик чудовищного змея. Вытянулся этот змей во всю свою непомерную длину и подох.

Фаддэ вырезала у змея сердце. Она принесла его в деревню. Она приготовила вкуснейший кускус с рисом. И бросила в него сердце змея. А потом позвала свою мать.

С жадностью набросилась женщина на угощение. Горстями хватала рис, запихивала в рот. И вдруг подавилась. Сердце змея застряло у нее в горле и ни взад ни вперед.

Заплакала мать Фаддэ, захрипела от боли. Вся деревня сбежалась, собралась вокруг нее.

— Ой, умираю, ой, умираю! — шептала мать Фаддэ. — Что-то застряло в горле: может быть, кость, может, кусочек мяса. Добрые люди, я умираю!

И тогда сказала Фаддэ своей матери при всех соседях:

Мать, это не кость.
Мать, это мясо.
Это тебе наказание.
Это сердце лесного змея,
Которому ты меня обещала,
Которому ты меня продала.
Мать, это тебе наказание!
Это тебе наказание!

Напрасно соседи просили Фаддэ пожалеть свою мать. Фаддэ им отвечала:

Моя мать, родная мать,
Обещала меня лесному духу,
Обещала страшному змею,
Обещала чудовищу смрадному.
И за это я не прощу ее,
Не прощу, не прощу, не прощу!

Мать Фаддэ уже не могла вымолвить ни слова. Она задыхалась. Она умирала. И тогда ребенок, которого она носила во чреве, обратился к Фаддэ с мольбой:

Ты не знаешь, Фаддэ, ты не знаешь,
Что такое мать!
Твоя мать носила тебя,
Девять месяцев носила тебя во чреве,
Девять долгих месяцев носила,
А потом родила на свет.
Без меня не видала б ты белого света!
Подумай, Фаддэ, об этом!

Растрогали Фаддэ слова еще не рожденного малютки. Она положила руку на горло матери, и мать выплюнула змеинное сердце. И тут же исцелилась. А Фаддэ сняла свой мужской наряд и стала первой красавицей в тех краях.

Кхари-Гайе

Верно сказано: «Все, что знает маленький мавр, он узнал под пологом своей палатки».

Сколько бы ни учили детей соседи и прохожие, свои и чужие, друзья и товарищи по играм, и даже наставники — только родители могут воспитать и научить ребенка, пока он еще не сошел с колен матери, пока не переступил порога хижины, не отважился выйти за околицу деревни.

Но даже если ребенок никуда не выходит, жизнь сама приходит к нему.

Жизнь учит только жизни, учит только тому, чего ребенок раньше не знал.

Воспитывает же лишь дом.

Поди-ка угадай заранее, что скажет ребенок! И сколько же бывает из-за этого споров и раздоров между соседями

и между родами и между взрослыми одной и той же семьи!

Однако ребенок сам редко ошибается, если сердце не сведет его с прямой дороги на кривые тропинки.

Хорошо воспитанному ребенку не надо говорить, чего хотят от него родители: он сам знает, что и как ему делать. С самого детства мы распознаем отца в сыне и видим мать в дочери...

Но всякое в жизни бывает...

Долг и обязанности, честь или даже бесчестье, что бы ни выпало на нашу долю, иной раз забывается и отступает перед жизнью, когда приходится думать о хлебе насущном...

Бывают времена, когда уже не до священных обычаев гостеприимства. В такие времена думают не о близких, а о том, как бы выжить самому. Выздоровей сам, а потом уж лечи других!

И главное тогда не в том, чтобы выполнить свой долг и свои обязанности, а, наоборот, в том, чтобы забыть о них, чтобы даже не вспоминать о них, — иначе нет спасения.

Страна голодала. Закрома были пусты уже многие луны. Все мужчины отправились на восток, в Пинку, надеясь привезти домой хоть немного проса, или риса, или маиса. Пошел с ними и Самба. Он привез домой на своем отощавшем ослике два мешка серого горного риса. Вернулся он поздно ночью, под прикрытием темноты, а рано утром Кумба, жена его, поспешила собирать щавель, который еще оставался на полях, где в тот злосчастный год не росли ни арахис, ни просо, ни маис, ни бобы...

Иногда говоришь себе: этот день будет мой! Или даже не день — только час, ну хотя бы час, — и за этот час я сделаю все, что задумал! Но чаще всего судьба распоряжается твоим временем совсем не так, как ты задумал.

Так и в тот день Кумба с маленькой дочкой Кхари едва успели заправить рис, привезенный Самбой, жалкими листиками щавеля, как во дворе их дома появилась целая толпа подружек Кумбы с гриотками. Все они громко пели, и кричали, и хлопали в ладоши. А пришли они потому, что услышали рев осла ночью и смекнули, что осел вернулся в деревню не пустой.

Оставив свою дочь в кухне, Кумба ушла в хижину. Женщины долго болтали и сплетничали, шутили и смеялись, и языки их не останавливались ни на миг. У всех

было что рассказать, о чем посоветоваться или что посоветовать. А когда болтовня поутихла, две подружки Кумбы попросили гриоток причесать их заново. А третья взяла иголку с ниткой и уселась чинить свою вышитую кофту.

Короче, все нашли себе занятие! Время летело быстро, и Кумба ни на миг не могла оставить своих гостей.

Всему есть предел, даже гостеприимству. Отдать все гостям, а самому остаться ни с чем, — это уже не просто неосмотрительность, это опасная глупость. Верно сказано: выздоровей сам, а потом уже лечи других!

Подружки Кумбы и гриотки никак не уходили. Ей оставалось одно — терпеливо ждать.

Тем временем Кхари, маленькая дочь Кумбы, размешивала и переворачивала рис в котле.

Самба же сидел на площади, где собирался совет. Он видел, как в его дом вошли подруги жены и гриотки, и в ожидании их ухода рассказывал старейшинам деревни о своих мнимых неудачах в восточных краях.

Всему есть предел, но только не терпению хозяйки дома, дорожающей своим добрым именем. Ни одна хорошая хозяйка не покажет виду, что подружки заявили к ней в гости совсем некстати, и уж тем более не намекнет, что они чересчур назойливы и сидят у нее слишком долго.

Время шло час за часом!

А подружки Кумбы и гриотки все болтали и болтали.

Рис уже давно сварился, и маленькая Кхари, дочка Кумбы, беспокоилась, не зная, что ей делать. Наконец она вбежала в хижину и громко зарыдала.

Кого не тронут слезы ребенка? Все женщины бросились утешать маленькую Кхари:

— Вайе! Кхари! Вайе? Вайе? Лане ла?

— Что с тобой, Кхари? Что? Что? Что случилось?

Но Кхари заплакала еще горше.

— Мама! Мама! Нынче утром я слышала у колодца такие слова... такие слова!.. Я так обиделась, даже сердце болит!..

— Что ты слышала, что такое ты слышала? — встревожилась Кумба, мать Кхари. — Говори скорее, дитя мое!

— Мама, я слышала, как бабушка «Котел-Кипит» хвасталась, будто она старше тебя!

— О, лживая хвастунья! — возмутилась Кумба. — И она это посмела сказать при всех у колодца? Ступай

и спроси эту лгуницу, где была она сама в год «Снять-и-Накрыть». Пусть она тебе скажет!

Слезы у Кхари сразу высохли, и она поспешила обратно на кухню.

А время шло, и солнце уже стало клониться к закату. Подружки Кумбы со своими гриотками наконец устали и не могли уже больше ни говорить, ни петь. И они ушли.

Самба, Кумба и дочь их Кхари спокойно поели риса со щавелем. И родители были безмерно горды, что их дочка проявила такую сметливость.

Наступили лучшие дни. Небо снова стало милостивым, а земля плодородной и щедрой. Достаток вернулся почти во все семьи. Пришел он и в семью Самбы.

А между тем маленькая Кхари, Кхари-умница, подрастала. С каждым днем набиралась она ума и становилась все красивее. И Кумба давала ей лучшие свои украшения, чтобы дочь ее выглядела еще прекрасней.

Счастьем незачем выставлять себя напоказ и бегать по всем дорогам: его и так найдут злейшие враги Счастья — завистливый глаз и ядовитый язык, Бетт и Тжатт. Уж они-то умеют застать Счастье врасплох и нанести ему смертельную рану в спину!

Чем больше восхищается глаз Бетт, чем больше льстит и хвалит язык Тжатт, тем беззащитнее перед ними Счастье. Оно либо медленно умирает от их яда, либо сразу падает, как перезрелый плод с вершины дерева.

Так и случилось с Кумбой, матерью Кхари. Однажды вечером она уснула и больше не проснулась. Кхари-красавица, Кхари-умница, маленькая Кхари осталась сиротой.

Вдовцу в расцвете лет мало дочерней любви и дочерних забот, хотя бы дочь хлопотала без устали и содержала дом в чистоте и порядке.

Потужил Самба, отец Кхари, и решил взять новую жену вместо покойной Кумбы.

И начались для Кхари тяжелые дни. Ее мачеха Панда была молода и во всем завидовала Кхари: завидовала ее красоте, ее уму и сметливости и даже сердилась на мужа

своего, Самбу, за то, что он добр к сироте. И если бы он не защищал дочку, мачеха уже давно бы дала волю злобе, сжигавшей ее с вечера до утра и с утра до вечера.

Особенно злилась Панда в те дни, когда Кхари надевала украшения своей матери.

Однажды вечером — Самба был в это время на охоте — Кхари надела на себя украшения покойной Кумбы и села на скамеечку. Тут вышла из своей хижины Панда и приказала девочке:

— Возьми этот калebas и принеси воды!

А калebas был из красного дерева и очень тяжелый.

Встала Кхари со своей скамеечки и начала снимать браслеты и ожерелья.

— Оставь все как есть! — приказала ей мачеха. — Тебе эти украшения к лицу.

Сиротка Кхари отправилась к колодцу.

Она набрала воды и попробовала поставить калebas себе на голову. Но не смогла, и сколько ни пробовала, у нее не хватало сил.

Тогда заплакала Кхари и запела:

Войе воло! Ку ма йенэ?
Ку ма йенэ? Ку ма йенэ?
Кто мне поможет? Кто мне поможет?
Кто калebas мне поднимет?

Из влажной щели в камнях колодца вылез жабенок М'Ботт и зашлепал к красавице Кхари: топ-клёп! топ-клёп! Приблизился он и сказал:

Ма фи нэ!
Те ку ма йенэ
Н'га йоле ма!
Я здесь один,
Я здесь господин!
Я подниму,
Но ты мне заплатишь!

— Убирайся отсюда, урод — жабий рот! — презрительно ответила ему маленькая Кхари. — Ты своими лапами не поднимешь и куриного пера!

И снова запела:

Войе воло! Ку ма йенэ?
Кто мне поможет? Кто мне поможет?
Кто калebas мне поднимет?

Прибежала Багг-ящерица, зафыркала: фррр-брр! Замотала головой, раздула чешуйчатую шею и гордо сказала:

Я здесь одна,
Я здесь госпожа,
Я подниму,
Но ты мне заплатишь!

— Убирайся отсюда со своей толстой шеей и плоским брюхом! — сказала маленькая Кхари. И снова заплакала сирота и запела:

Войе воло!
Кто мне поможет?
Ку ма йенэ?
Кто калebas поднимет?

Приползла на толстых коротких ногах мамаша М'Боната, старая черепаха, вытянула морщинистую шею и тихонько сказала Кхари-сироте:

Ма фи нэ!
Я подниму,
Но ты мне заплатишь!

— Уходи лучше отсюда, — сказала старухе Кхари-сирота. — Этот калebas тебе не поднять. Еще завалишься на спину, — что тогда делать?

Уже наступила ночь, а Кхари-сирота все звала и пела:

Войе воло! Войе воло!
Кто мне поможет, кто мне поможет?
Кто калebas мне поднимет?

И вдруг перед ней появился огромный питон! Он легко поднял полный калebas из красного дерева, поставил его себе на голову и сказал:

Я здесь один,
Я здесь господин!
Я тебе помогу,
Но ты мне заплатишь!

И он осторожно поставил калebas с водой на голову Кхари. Кхари не почувствовала тяжести. Полный калebas из красного дерева был еще легче пустого! Он весил теперь ровно столько, сколько нужно было, чтобы шея Кхари, вся в ожерельях из золота и янтаря, казалась от этой ноши еще стройней.

— Какой же ты хочешь платы? — спросила Кхари питона.

Ответил питон:

— Возвращайся домой. Когда вырастешь, я приду к тебе и выскажу свое желание.

И питон исчез в непроглядной ночи.

Вернулась домой Кхари, а там ее встретила мачеха Панда с упреками, бранью и криками:

— Где ты пропадала? Сколько нужно времени, чтобы дойти до колодца и вернуться домой?

Она даже грозила избить маленькую Кхари, пока Самба еще не вернулся с охоты.

Но Самба так и не вернулся. Когда на другой день мужчины деревни отправились на поиски, они нашли в джунглях только кости Самбы; гиены и шакалы обглодали их, а потом муравьи очистили добела...

Все заботы по дому, все тяжелые и грязные работы легли теперь на плечи бедной сиротинки. А мачеха Панда не давала ей теперь отдыха ни утром, ни вечером, ни днем, ни ночью. И она отняла у Кхари все украшения, которые ей оставила покойная мать.

Время шло, и Кхари-сирота, к великой ярости мачехи, становилась с каждым днем все прекраснее. Несчастья обострили ее ум, и она с каждым днем набиралась мудрости. Она вспоминала все наставления своей доброй матери, даже те, что, казалось, изгладились из памяти, даже те, что она вроде бы и не слушала.

Каждый день ходила Кхари к колодцу со своими подружками-одногодками. Но, увы, еще чаще приходилось ей ходить по воду одной, в любой час дня или даже ночи, когда вздумается мачехе Панде.

Все ее подружки уже начали поговаривать о юношах, о тех, кто не сводит с них глаз, кто чаще всего проходит мимо их дома, кто прилежнее всех работает на поле в дни, когда родителям помогают юноши из родной деревни и юноши из соседних деревень.

Однажды собрались девушки у колодца и заговорили о юношах. И одна из девушек со скрытым ехидством спросила Кхари:

— А тебя, кто тебя выбрал?

— Кто же меня выберет! — ответила Кхари. — Кому нужна такая замарашка, круглая сирота? Даже М'Ботт-жабенок, даже ящерица Багг погнушаются мною!

Но не успела Кхари-сирота это сказать, как перед ней предстал огромный питон!

В ужасе бросились девушки врассыпную, роняя калebasы с водой и пустые калebasы. Кхари-сирота тоже бросила на бегу свой калebas, но он не разбился, потому что был из красного дерева. Все девушки убежали в деревню и заперлись в своих хижинах, дрожа от страха. Но даже из хижин они слышали, как издали, от колодца, звучала призывная песня питона:

Кхари-Гайе!
Тжакх фи, тжакх фа!
Ламбурдэ бе батам фесс!
Ку ма гиссал Кхари-Гайе!
Мойе сама ийоле!

Кхари-Гайе! Кхари-Гайе!
Шея в золоте, в янтарах!
Никому ее не отдам,
Она будет наградой моей!

Песня неслась по деревне, звенела над кровлями, в листве деревьев, и всем казалось, что она звучит отовсюду: сверху, снизу, из-под земляного пола, из каждого угла каждой хижины.

Кхари-Гайе! Кхари-Гайе!
Шея в золоте, в янтарях!

Преодолея страх, мачеха Панда рассмеялась звонким смехом и сказала Кхари-сироте:

— Да ведь это же зовут тебя, моя бедная девочка!

Кто видел Кхари-Гайе?
Никому ее не отдам,
Она будет наградой моей!

— Ступай! — приказала мачеха. — Ступай и ответь ему!

И она выставила сиротку Кхари за порог.

И Кхари-сирота побрела к колодцу, где по-прежнему звучала призывная песня:

Кхари-Гайе! Кхари-Гайе!
Шея в золоте, в янтарях!
Кто видел Кхари-Гайе?
Никому ее не отдам,
Она будет наградой моей!

Приблизившись к колодцу, Кхари увидела среди разбитых калебасов большого белого коня в шелковой с золотом сбруе, который пил воду из ее калебаса. Коня держал под уздцы юноша, прекрасный, как самый прекрасный день, высокий и сильный, с широкими плечами, а в поясе тонкий, как мавританский барабан. На нем были богатые одежды, пел он таким звучным голосом, какого люди еще сроду не слышали:

Ку ма гиссал Кхари-Гайе?
Кто видел Кхари-Гайе?

Увидев Кхари, сказал ей юноша:

— Это я помог тебе нести тяжелый калебас на голове. А теперь я пришел за своей наградой. Ты только что ска-

зала подругам, что никто не возьмет тебя замуж. Хочешь быть моею женой? Ты и будешь моей наградой! Я — князь Большой реки.

И он увез Кхари-сироту на своем белом коне, увез ее в глубину Большой реки.

И там, в глубине Большой реки, сбылись все мечты Кхари-Гайе. Там познала она счастье, о каком не могла и мечтать.

От князя Большой реки родила она двоих детей, мальчика и девочку.

А время все шло...

Князь Большой реки был веселым, добрым и щедрым. И счастливым. И дети его тоже были счастливы. Но их мать с каждым годом грустила все больше и больше. Таковы уж дети Адама-Н'Диайе: когда нет забот и печалей, начинается чего-то им не доставать!

И вот князь Большой реки заметил, что жена его не так весела и радостна, как прежде. И спросил он Кхари-Гайе:

— Что с тобой, жена моя? Почему ты грустишь, когда остаешься одна?

— О мой добрый, мой великодушный супруг! — ответила Кхари-Гайе. — Я хотела бы хоть ненадолго вернуться в мою страну и показать нашим детям деревню, где я родилась. Там я тоже в детстве была счастливой. И даже потом, в тяжелые времена, каждый редкий счастливый день моей юности казался мне там еще драгоценней. Я хотела бы показать моей мачехе, если она жива, — а я горячо на это надеюсь! — я хотела бы показать ей все, чем ты меня одарил, все, что ты сделал для бедной сиротки Кхари-Гайе!

— Будь по-твоему, женщина! — согласился князь Большой реки. — Погости в своей деревне, повидай своих подруг и свою злую мачеху, — да, она еще жива! Но никому никогда не говорите — ни ты, ни твой сын, ни твоя дочь — о том, с кем вы жили, и где вы жили, и что вы тут делали. Никому и никогда!

Поднял их князь Большой реки из глубины на песчаную отмель и сказал:

— Через семь дней вы вернетесь сюда, и ты, Кхари, скажешь три раза:

Ферр ту догг!
Ферр ту догг!
Ферр ту догг!!!
Пояс порван,
Расторгнута связь,
Пояс порван.

И тогда я вас встречу!

Кхари с детьми дошли до деревни. Остановились они у колодца, и Кхари показала детям огромный калebas из красного дерева, наполовину вросший в землю: теперь он служил поилкой для овец, ослов и деревенских коз. Это был тот самый калebas, с которым посылала ее за водой мачеха Панда. Никто не мог унести его обратно в деревню с тех пор, как белый конь князя Большой реки напился из этого калebasа!

Когда мачеха Панда, старая и сморщенная, словно кора тамаринда, увидела юную Кхари — такую же юную и прекрасную, — она упала навзничь, ее хватил паралич, и у нее отнялся язык до конца ее дней.

Подруги Кхари-Гайе — все давно замужние — сбежались, сгорая от любопытства. Всем хотелось узнать, что же случилось с Кхари-Гайе с того дня, когда у колодца вдруг появился огромный питон и запел громким голосом:

Кхари-Гайе, Кхари-Гайе!
Ожерелья тут, ожерелья там,
Шея в золоте, в янтарях!
Кто видел Кхари-Гайе?
Никому ее не отдам...

Подруги с восторгом разглядывали ее браслеты и ожерелья, ее подвески из янтаря, куда более крупные и красивые, чем те, что оставила покойная Кумба своей дочери.

Но Кхари-Гайе умело избегала ответов и, наоборот, сама все время расспрашивала о том и о сем, об умерших и о живых, о стариках, о мужьях подруг и обо всех их детях, рожденных с тех пор, как она покинула деревню. Подруги сгорали от любопытства, но Кхари-Гайе ничего им не говорила.

И тогда самые настырные принялись за детей. Они их

заласкивали и закармливали, но на все их вопросы сын Кхари-Гайе отвечал все время одно и то же:

— Кхам! Я не знаю!

Ибо он уже слышал от своего отца, что за «кхам» (я не знаю) никому еще не отрубали голову и никого еще не бросали в темницу.

Но его сестра держалась только до шестого дня. А на шестой день язык ее развязался, и она рассказала все, что могла, — а это было немало! — подругам своей матери. И подруги, разумеется, не смогли удержать языки ночью рядом со своими мужьями.

И вот мужья отправились утром на берег Большой реки, и один из них запел, призывая князя:

Ферр гу догг!
Ферр гу догг!
Ферр гу догг!

И выплыл питон из глубоких вод и вышел на берег как раз в ту минуту, когда к реке уже бежала Кхари-Гайе со своими детьми.

Но мужчины деревни набросились на питона и забили его насмерть палками.

Перед самой смертью превратился он в князя Большой реки и сказал жене своей Кхари-Гайе:

— Женщина, я был счастлив с тобой. И сейчас я счастлив, что умираю не из-за тебя. Но ты не сумела воспитать свою дочь, как твоя мать Кумба воспитала тебя. Ты была к ней слишком снисходительна и не научила ее мудрости жизни. За это отныне ты станешь горлицей, птицей красивой, но слабой, и всю свою жизнь будешь летать на вершинах деревьев и на крышах хижин:

Ферр гу догг!
Кер гу тасс!

И сказал своей дочери умирающий князь Большой реки:

— Ты не смогла и не захотела удержать язык за зубами! За это ты превратишься отныне в молочай и будешь плакать всю жизнь горькими слезами, едва к тебе прикоснутся!

И уже из последних сил прошептал князь Большой реки сыну:

— А ты, сын мой, ныряй в нашу реку и никогда не выходи из ее глубоких вод!

И он умер.

Сын князя Большой реки нырнул в волны и навсегда исчез в глубине.

А горлицы на вершинах деревьев и на крышах деревенских хижин поют до сих пор:

Ферр гу догг!
Пояс разорван!
Кер гу тасс!
Расторгнута связь.

Ферр гу догг!
Кер гу тасс!

И молочаи в джунглях и вдоль полей до сих пор плачут горькими слезами, едва к ним прикоснешься.

Город, где чинят людей

Собрались девушки в лес за травами. Набежала туча с востока, и пошел дождь. Девушки сбежались к баобабу, забрались в дупло, а злой дух запечатал вход. Дождь кончился, и злой дух велел, чтобы каждая из девушек отдала ему свое ожерелье и накидку, иначе он не выпустит их. Все послушались, кроме одной. Осталась она в дупле, а подруги пошли домой.

Вернулись девушки домой, рассказали обо всем матери своей оставшейся подруги, и мать сбегала посмотреть на дерево издали. Увидела она, что над большим дуплом есть еще одно, поменьше. Потом вернулась домой, приготовила еды и вечером пришла к дереву.

— Дочка,— говорит она,— протяни руку, я принесла поесть.

Просунула она еду в маленькое дупло, девушка взяла и стала есть, а мать вернулась домой.

Случилось так, что их слышала Гиена. Подождала Гиена, пока мать уйдет, потом пришла к дереву и говорит:

— Дочка, протяни руку, я принесла поесть.

А та отвечает:

— Это не мамин голос,— и не протянула руку.

Пошла Гиена к кузнецу и говорит:

— Выкуй мне новый голос, чтобы был как человеческий.

Кузнец согласился, но предупредил:

— Если ты съешь кого-нибудь, то голос опять звериный станет.

— Не съем, — пообещала Гиена.

Выковал ей кузнец новый голос, и побежала Гиена к дуплистому баобабу. Вдруг по дороге увидела многоножку, не удержалась и съела. Потом пришла Гиена под дуло и говорит:

— Дочка, протяни руку, я принесла поесть.

А девушка отвечает:

— Это не мамин голос.

Рассердилась Гиена, вернулась к кузнецу и хотела его съесть, но тот сказал:

— Стой! Почему ты хочешь меня съесть?

И Гиена ответила:

— Потому что ты не изменил мне голос, как надо.

Тогда кузнец говорит:

— Не ешь меня, сейчас изменю, как надо.

Он перековал Гиене голос, та вернулась к дереву, где сидела девушка, и говорит:

— Дочка, протяни руку, я принесла поесть.

В этот раз девушка высунула руку. Гиена в нее вцепилась, вытащила девушку из дерева и съела — только косточки остались. И ушла.

Вечером пришла к дереву мать с едой, увидела дочерины кости и горько расплакалась. Сложила она кости в корзинку и отправилась в город, где чинят людей.

Шла она, шла и видит: стоит при дороге очаг, а на нем варится похлебка.

— Похлебка, похлебка, — говорит женщина, — покажи мне дорогу в город, где чинят людей.

— Сначала съешь меня, — отвечает похлебка.

— Не могу я есть, — говорит женщина, — совсем нет у меня аппетита.

Тогда похлебка молвила:

— Иди, иди прямо, потом сверни направо, а эту дорогу оставь слева.

Женщина послушалась и через некоторое время пришла на место, где жарилось мясо.

— Мясо, мясо, покажи мне дорогу в город, где чинят людей.

Мясо говорит:

— Сначала съешь меня.

— Не могу я тебя есть, у меня совсем нет аппетита.

— Пройди, сколько сможешь,— сказало мясо,— потом сверни направо, а эту дорогу оставь слева.

Идет женщина, идет и вдруг видит фуфу¹, которая сама себя помешивает в горшке. Говорит ей путница:

— Фуфу, покажи мне дорогу в город, где чинят людей.

— Сначала съешь меня,— говорит фуфу, а женщина отвечает:

— У меня совсем нет аппетита, не хочу я тебя есть.

Тогда фуфу говорит:

— Иди, пока не устанешь, потом сверни направо, а эту дорогу оставь слева.

И вот наконец пришла женщина в город, где чинят людей. Ее спросили:

— Что тебя привело сюда?

— Гиена съела мою девочку,— ответила она.

— Где кости?— спросили ее.

Женщина опустила корзинку на землю и сказала:

— Тут.

— Хорошо, завтра починим твою дочку,— пообещали ей жители этого города.

Утром велели женщине:

— Выпаси наш скот.

Она погнала животных на окраину города, а те не желают есть траву, хотят только плоды аддувы. Женщина забралась на дерево, нарвала много плодов, отобрала для скотины самые спелые, а зеленые съела сама. Так она кормила животных весь день, а вечером, когда они вернулись домой и дошли до загона, бык, вожак стада, промышчал:

У этой женщины доброе сердце,
Хорошенько почините ее дочь.

Жители города починили ее дочь, и стала она еще краше, чем была, и на другое утро обе отправились домой.

А у мужа той женщины была еще одна жена, злая да вредная, и была у нее дочь-дурнушка. Когда первая мать вернулась со своей похорошевшей дочкой домой, злая

¹ Ф у ф у — просяная или рисовая каша.

сказала, что сама убьет свою девочку — пусть, мол, и ее починят в волшебном городе.

Бросила она дочь в ступу и стала толочь. Девушка стала молить о пощаде, но та ее и слушать не хочет, все толчет и толчет, потом вынула из ступы кости, сложила их в корзинку и отправилась в город, где чинят людей.

Она шла, шла и пришла на место, где варилась похлебка.

— Похлебка, покажи мне дорогу в город, где чинят людей,— попросила она, а похлебка отвечает:

— Сначала съешь меня.

А женщина и рада:

— Меня не надо просить дважды,— говорит. Села и съела похлебку.

Через некоторое время она пришла на место, где жарилось мясо, и попросила:

— Мясо, мясо, покажи мне дорогу в город, где чинят людей.

Мясо говорит:

— Сначала съешь меня.

— Меня не надо просить дважды,— отвечает женщина, села и съела мясо.

Идет она дальше, идет и увидела фуфу, которая сама себя помешивала в горшке.

— Фуфу, фуфу, покажи мне дорогу в город, где чинят людей.

— Сначала съешь меня,— отвечает фуфу.

— Меня не надо просить дважды,— повторила женщина и вмиг расправилась с фуфу.

Наконец пришла она в город, где чинят людей. Ее спросили:

— Что тебя привело сюда?

Она ответила:

— Гиена съела мою девочку.

— Где кости?— спросили ее.

Женщина опустила корзинку на землю и сказала:

— Тут.

— Хорошо, завтра мы починим твою дочку,— пообещали ей.

Утром, как и первую женщину, послали ее пасти скот. Погнала она стадо кормиться. Забралась на дерево, нарвала плодов аддувы, отобрала для себя самые спелые, а зеленые скормила скотине. Так она кормила животных весь день, а вечером, когда они возвра-

щались домой и дошли до загона, вожак стада промычал:

У этой женщины злое сердце,
Кое-как почините дочь.

Спутала женщина скот и пошла в хижину, которую отвели ей под ночлег. «Переночуй, а завтра пойдешь домой», — сказали жители волшебного города.

Наутро они сделали ее дочь однорукой, одноногой, кривобокой. Половины носа вовсе не было. Потом отвели девушку к матери и отпустили восвояси. Миновали они лес, и мать сказала:

— Я тебе не маты! — И убежала вперед, забежала в высокую траву и затаилась.

Но дочь-калека шла за ней по следам, нашла и сказала:

— Вставай, пошли дальше.

Тогда мать крикнула:

— Убирайся, ты мне не дочь!

— Нет, это ты мне не мать, — отвечает девушка.

Мать еще раз убежала от нее, примчалась в поселок и заперлась в своей хижине. Пришла дочь на порог и кличет:

— Мама, это я пришла!

А мать молчит.

— Мама, открывай, я пришла!

Не желает мать отпирать дверь калеке, а та взяла и сама открыла. Так и стали они жить вместе, хоть и горько было злой жене видеть, что у другой дочь красавица.

Обещание

Жил-был на свете крестьянин, одна из жен которого оказалась бесплодной. А для женщины народа йоруба это большое несчастье. Другие жены с утра до ночи глумятся над ней, дразнят, оскорбляют.

Бесплодная жена очень страдала. Она была уже не очень молода, а дети все не рождались и не рождались. Другие жены со свету сживали ее своими насмешками. И наконец несчастная женщина решила пойти к лесному духу просить у него помощи. В этих краях Нигерии все бесплодные женщины так поступают: идут в лес к духу, про-

сят его послать им детей и обещают принести что-нибудь в дар, если дух выполнит их просьбу.

Отчаявшаяся женщина пообещала духу необычный дар. Другие ему приводили коз и овец, а вот она поклялась, что отдаст духу своего первенца, хотя никто ее не неволил, да и скота у нее хватало. Однако слово есть слово, пусть даже самое необдуманное, надо его держать, таков уж обычай.

Дал дух женщине разных трав, вернулась она домой и через девять месяцев родила ребенка, потом другого, третьего. Все женщины, которые обращались к духу за помощью, всегда свято выполняли свои обещания и щедро его одаривали. Но молодая мать все медлила и медлила, она просто не могла отдать своего долгожданного первенца,

одна мысль расстаться с ним приводила ее в ужас, тем более что мальчик был светлокожий и очень красивый.

Ждал дух, ждал и наконец сам пришел к женщине и потребовал, чтобы она сдержала обещание. Женщина задрожала, заплакала, упала на землю и стала умолять духа простить ее и оставить ей сына, но дух даже слушать ее не захотел. Кинулась женщина к мужу, рассказала, какое обещание дала духу. Но и муж не мог ее защитить—тут все были бессильны: обещание есть обещание. Так и пришлось женщине отдать духу своего первенца.

Люди в своем неразумии часто дают обещания, которых не могут сдержать. Зачем обещать больше того, что в твоих силах? Мудрые считают, что лучше пообещать какой-нибудь скромный дар и принести его, чем сулить злые горы и потом опозориться на весь свет, оказавшись в лжецах.

Птичка-певунья и танцующий крестьянин

Не в столь уж давние времена жил-поживал крестьянин по имени Саймон. Сообразительный он был и очень трудолюбивый. В урочное время расчищал себе делянку и возделывал ямс, кукурузу и кассаву. Ямса он выращивал много. Уж Саймон не позволил бы своей семье голодать; и он, и жена, и многочисленное потомство всегда имели запас съестного.

Пришла в очередной раз пора готовить землю к посадкам.

— Сегодня я начну расчищать делянку, что мне выделила деревня,—сказал Саймон жене.—Возьму с собой тесак.

Узкая тропа вывела Саймона к тому месту, где ему выделили делянку.

— Ну вот я и пришел,—сказал Саймон.—Место подходящее, урожай я сниму хороший, и семья моя в будущем году будет сыта. Только перед тем, как все посадить, надо мне вырубить тут кустарник.

Но едва он поднял тесак, как запела какая-то птичка. Так звонко и весело она пела, что Саймон вдруг швырнул тесак на землю и пустился в пляс, а птичка все пела и пела и тогда только остановилась, когда Саймон уже и дух перевести не мог. Отдохнул он немножко и решил наконец приняться за работу, но только взялся за работу.

опять запела птичка. Саймон опомниться не успел, как опять бросил тесак и пустился плясать. Так повторялось несколько раз: едва он поднимал тесак, как птица начинала петь, а Саймон плясать.

На седьмой раз пришел Саймон в отчаяние.

— Злодейка ты, птица!—вскричал он.—Как же я расчищу делянку? Не иначе как моя жена и дети скоро умрут с голоду!

Пошел Саймон обратно в деревню, прямо к хижине своего старшего дяди, очень уважаемого человека, и обо всем ему рассказал.

— Чепуху ты какую-то городишь,—сказал дядя.

Но Саймон с таким волнением еще раз в подробностях описал, как птичка-певунья мешала ему работать, что дядя решил—наверно, племянник правду говорит.

— Ладно,—сказал своему племяннику дядя,—пойдем вместе на твою делянку, я проверю, правду ли ты говоришь.

Пришли они на делянку. Саймон взял в руки тесак и хотел срубить куст. В тот же миг запела на высоком дереве птичка, и Саймон пустился в пляс.

— Остановись!—закричал ему дядя.—Поддай-ка мне твой тесак.

Саймон подал тесак дяде, тот начал вырубать кустарник, и тут же запела птица. Дядя заслушался, а потом бросил тесак, и, покуда птичка не смолкла, ноги его плясали будто сами собой.

— Да, плохо дело,—сказал дядя.—Придется вернуться в деревню и рассказать обо всем вождю.

Мимо других делянок, которые были уже расчищены и засеяны, поспешили они обратно в деревню, а дойдя до деревни, напрямик направились к большому дому вождя. Их провели на веранду, где на резном сиделище восседал вождь.

— Почтенный вождь,—заговорил Саймон,—у меня нехорошее известие.

— Что за известие?—спросил вождь.

— Семья моя, и я вместе с ней,—скоро мы все помрем от голода,—сказал Саймон.—Птичка-певунья не дает мне возделывать мою делянку.

— Что это ты болтаешь!—сердито прикрикнул на него вождь. А уж когда Саймон рассказал все в подробностях, вождь и вовсе разгневался:

— Беспокоишь меня из-за какой-то чепухи! Да разве может такое быть? Я тебе не верю.

Тогда попросил позволения сказать свое слово старый дядя Саймона, которого все в деревне уважали за мудрые советы.

— Все это истинная правда, про что Саймон говорит,— подтвердил он и рассказал еще и про себя, как он хотел рубить кусты, а птичка вместо того заставила его поплясать.— Пойдете сами на эту делянку,— заключил дядя,— тоже попляшете.

Вождь долго сидел молча, в глубоком раздумии, потом поднялся.

— Что-то тут неладно,— сказал он.— Придется мне туда и правда сходить.

И вот вождь, носильщик резного сидалища вождя, дядя Саймона и сам Саймон вышли из деревни и двинулись по тропе к саймоновской делянке. Птичка по-прежнему сидела все на том же высоком дереве. Вождь опустил-ся в кресло.

— Приступай к работе,— приказал он дяде Саймона.

Дядя взмахнул тесаком—и птичка тут же запела. Отшвырнув в сторону тесак, престарелый дядя лихо заплясал и плясал до тех пор, пока совсем не обессилел.

— Но никто не может повелевать вождем!— воскликнул вождь.

Вскочив со своего резного сидалища, он схватил тесак

и широко размахнулся. Однако срубить куст не успел—запела птичка. Минуту-другую вождь крепился, а потом бросил тесак и плясал, покуда птица не смолкла.

— Сейчас же идем в деревню,—отдал приказание вождь.

И все они: вождь, носильщик седалища, дядя Саймона и Саймон—поспешно зашагали к деревне, а там прошли сразу же к дому вождя.

— Сзывайте всех жителей,—приказал вождь.

Когда жители собрались, вождь распорядился, чтобы каждый мужчина захватил с собой тесак и последовал за ним к делянке Саймона. Так все и сделали, и когда прибыли на место, вождь велел всем приниматься за расчистку делянки. Но едва они взялись за работу, как запела птичка. Все побросали тесаки и пустились в пляс.

Всю ночь вождь и старейшины обсуждали, что же им делать, где найти для Саймона другую делянку, которую он без промедления мог бы начать возделывать, чтобы прокормить свое семейство.

— Кликните всех наших охотников,—приказал вождь.

Когда все охотники собрались, он им строго сказал:

— Ваше дело—охота. Вот мы и поглядим, как вы его делаете.

Велено было охотникам идти к делянке Саймона и пой-

мать или убить зловредную птичку. Прибыв на делянку, охотники зарядили ружья и стали палить в птичку, но та быстро перепархивала с ветки на ветку, и ни одна пуля в нее не попала. Тогда охотники натянули луки и стали пускать стрелы и метать в птичку копья. А та, целехонькая и невредимая, знай себе порхает с дерева на дерево.

— Неужели мы всей деревней так и не одолеем никогда эту коварную певунью?! — в отчаянии вскричал Саймон — он тоже был среди охотников.

И тут один молодой охотник заметил, как птичка опустилась на нижнюю ветку одного из деревьев. Мальчишки, которые тоже прибежали на делянку, начали швырять в нее камнями. Птичка изготавилась взлететь повыше, но молодой охотник уже подполз совсем близко к дереву, где сидела птичка, подпрыгнул и ухватил птичку за лапку.

— Поймал! Поймал! — радостно закричал он.

— Слушайте мою песню! Слушайте! — прошептала птичка и затрепыхала крылышками. Но голос ее утратил прежнее волшебство.

Принесли птичку в дом вождя.

— Посадим ее в клетку, — распорядился вождь.

С тех пор поет птичка в клетке, а люди пляшут, но только когда им самим хочется поплясать. В работе же им помехи нет, и Саймон вернулся на свою делянку. Он ее расчистил, посадил ямс, кукурузу и кассаву и на целый год обеспечил едой все свое многочисленное семейство.

К чему приводит зависть

Один мальчик по имени Око упросил как-то родителей взять его с собой в поле. Они вышли еще до восхода, потому что поле находилось больше чем в двух милях от дома. Взрослые усердно работали, и мальчик им помогал. Когда взошло солнце, все стали завтракать, а после еды расположились отдохнуть, а Око в это время наигрывал на дудочке красивые песни.

Потом мать сказала:

— Брось дудочку, Око! Пора за работу приниматься.

И они опять начали работать. Но теперь Око то и дело останавливался, чтобы сыграть на своей дудочке одну-две песни.

Вечером Око и отец собрали свои мотыги, а мать натащила для очага хворосту.

По дороге домой Око вдруг спохватился, что забыл в поле дудочку. Он хотел за ней вернуться, но отец не позволил.

— Я сделаю тебе другую, — сказал он.

— Пусть тогда у меня будет две дудочки! — ответил Око.

— Если тебе нужны две дудочки, я сделаю тебе две, — сказал отец.

— Тогда пусть у меня будет три дудочки! Не хочу я, чтобы моя дудочка оставалась в поле!

Наконец родители разрешили Око сбегать за дудочкой.

Пришел Око в поле и видит: семеро духов танцуют и поют. Око, обращаясь к ним, пропел:

Духи, дудочку мою вы не видали?
За-за-замериза!
Дудочку, что в поле я забыл?
За-за-замериза!
Я пришел, чтоб взять ее.
За-за-замериза!

Духи, продолжая танцевать, отвечали ему:

Дудочки твоей здесь нету!
Са-вам! Са-са-вам!
Ее взял наш повелитель.
Са-вам! Са-са-вам!
Мы тебя к нему проводим.
Са-вам! Са-са-вам.

И привели духи Око к своему повелителю. Тот предложил мальчику сесть на матрац, весь расшитый золотом, но Око отказался.

— Я — бедный мальчик из бедной семьи, — сказал он повелителю духов. — Я привык сидеть на подстилке из сена или соломы.

Повелителю духов понравилась скромность мальчика. Он хотел уложить Око на мягкую кровать, но мальчик опять отказался.

— Лучше я лягу на простой циновке.

Утром ему показали три дудочки: золотую, костяную и деревянную. Око выбрал себе деревянную дудочку. Повелитель духов пообещал щедро наградить мальчика и принес ему старый горшок.

— Разбей этот горшок перед домом твоего отца, — сказал он.

Око поблагодарил повелителя духов и пошел домой. На пороге он разбил горшок, и — о чудо! — старая убогая хижина тут же превратилась в прекрасный новый дом, в котором весь пол был усыпан монетами. Родители мальчика теперь стали богатыми людьми. Они созвали всех своих друзей, чтобы вместе отпраздновать удачу. Когда пришли гости, они рассказали им, как все это случилось.

Соседка Акунква, одна из приглашенных, очень позавидовала семье Око. На другой день она послала в поле своего сына Нкачи, где перед этим нарочно оставила его дудочку.

Пришел Нкачи в поле и видит: семеро духов танцуют и поют, но в отличие от Око он обратился к ним не с песней, а обычными словами. Так напрямик и попросил духов, чтоб они поскорей отвели его к своему повелителю.

Духи выполнили его просьбу. Повелитель духов предложил мальчику для ночлега старый матрац, но тот сказал, что хочет спать на новом. Он без приглашения развалился на мягкой кровати, а утром потребовал, чтоб ему подарили горшок. Повелитель духов предложил ему на выбор старый и новый, и Нкачи выбрал новый горшок.

— Когда придешь домой, советую тебе... — начал повелитель духов, но Нкачи его перебил:

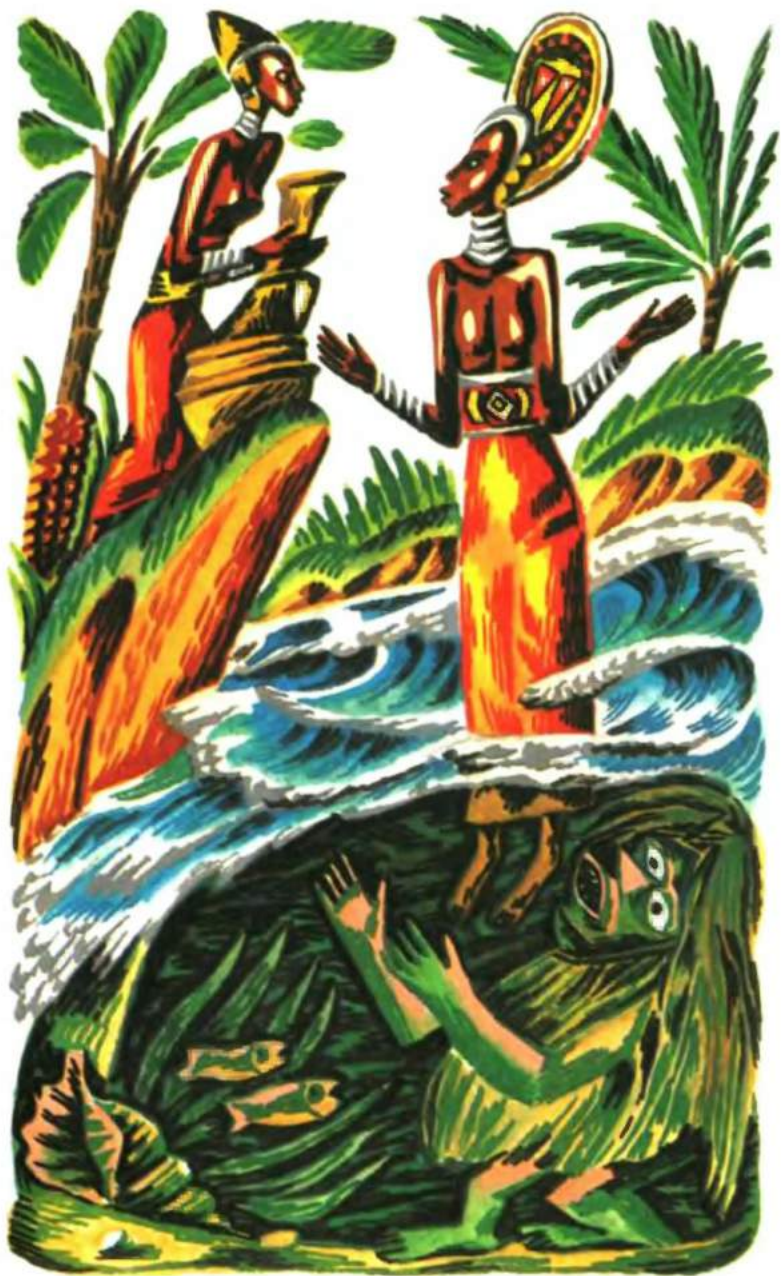
— Я сам знаю, что надо делать.

Поблагодарив повелителя духов, Нкачи пошел домой. Когда Акунква увидела, что идет Нкачи и несет горшок, она выскочила ему навстречу, схватила горшок и бросила на землю. В тот же миг их старая хижина рухнула и Акункву насмерть придавило обломками. Нкачи успел отскочить, но несколько ссадин он все же получил.

Как служанка пыталась убить свою госпожу

Однажды юноша по имени Акпан из селения Оку, что в стране Ибибио, увидел очень красивую девочку и полюбил ее. Во всем Ибибио не было девушки красивее Эмме, и он решил на ней жениться.

В те времена родители невесты требовали от жениха очень большой выкуп, потому что если жена не уживалась

с мужем и хотела уйти, она должна была откупиться, иначе ее продавали в рабство. Такой уж был обычай.

Итак, Акпан принес родителям Эмме богатые дары и был объявлен женихом, но девушка была еще очень молода, и свадьбу решили сыграть, когда она станет взрослой. В назначенный срок родители пришлют Акпану дочь, они дали ему слово.

Прошло семь лет, и родители стали собирать Эмме к жениху. Отец ее был богатый человек и купил в подарок дочери служанку, молодую девушку, которую родители решили продать.

У Эмме была младшая сестренка, она очень любила ее и ни за что не хотела с ней расставаться. Поэтому Эмме упростила мать отпустить ее вместе с собой. И вот утром девушки отправились в путь, причем рабыня несла огромный тюк с нарядами Эмме и с подарками, которые отец посылал жениху. Акпан жил далеко, идти пришлось весь день. Вот уж и селение показалось, но тут дорогу им преградила речка, из которой жители брали воду. Купаться в той заводи никому не разрешалось. Но Эмме этого не знала. Девушки решили поплавать и разделись на берегу. А нужно сказать, что это была не заводь, а омут и на дне омута жил водяной. Рабыня это знала и нарочно привела сюда свою госпожу: пусть водяной затащит Эмме к себе, а она, рабыня, выдаст себя за Эмме и станет женой Акпана. И потому, как только Эмме спустилась к воде, служанка толкнула ее, и Эмме тотчас же утонула.

Младшая сестренка в ужасе закричала и заплакала, но рабыня ей сказала:

— Сейчас же замолчи! Будешь плакать — убью и брошу в речку вслед за сестрой. И не смей никому рассказывать, что видела, особенно Акпану. Я выйду за него замуж вместо твоей сестры. Так что держи язык за зубами, если жизнь дорога. А теперь бери узел и неси.

Увидев рабыню, Акпан страшно огорчился: его невеста оказалась совсем не такой красивой, как он ожидал. Но ему и в голову не пришло, что это не его Эмме, за которую он заплатил богатый выкуп, ведь он не видел девушку семь лет, за такой срок можно сильно измениться. Устроил он пир и созвал всю деревню, однако гости только дивились и в недоумении спрашивали Акпана:

— Ты нам твердил, твоя невеста красавица, заплатил

за нее такой богатый выкуп, а на эту отворотясь не нагладишься, где же были твои глаза?

Акпан только разводил руками.

Сыграли свадьбу, стала служанка женой Акпана. С сестренкой Эмме она обращалась очень жестоко, всеми силами старалась ее извести, ведь если девочка умрет, ей не придется бояться, что страшная тайна раскроется. Она больно била ее за малейшую провинность, заставляла с утра до ночи работать, посылала за водой с огромным кувшином, который девочка едва могла поднять, тыкала в нее горячей головешкой. Акпан спрашивал молодую жену, почему она так жестоко обращается с девочкой, но та отвечала, что девочка — ее рабыня, отец купил ее ей в подарок, и она вольна делать со своей служанкой все, что вздумается.

Однажды девочка пришла к реке со своим огромным кувшином, зачерпнула воды, но сама не могла поднять кувшин на голову, а помочь ей было некому, никого рядом не оказалось. Села она на берег и стала плакать и звать свою любимую Эмме.

Услыхала Эмме свою сестренку, стала просить водяного, чтобы отпустил ее к девочке помочь и утешить. Водяной согласился, но взял с Эмме клятву, что она тотчас же вернется. Увидела девочка сестру, кинулась к ней, обняла и никак не отпускает, просит, чтобы та взяла ее с собой к водяному. Рассказала, как жестоко с ней обращается рабыня, но Эмме велела ей набраться терпения и ждать, скоро она за ее мучения отомстит.

После встречи с сестрой девочка пришла домой счастливая. Служанка набросилась на нее с руганью, почему так долго прохлаждалась, ткнула в спину горячей головешкой и весь день не давала есть.

Назавтра девочка снова пошла к реке, дождалась, пока все наберут воду и уйдут, и, когда наконец осталась одна, снова принялась звать сестру. Но на этот раз Эмме долго не появлялась. Неподалеку от омута сидел в засаде охотник, водяной его видел и не велел Эмме подниматься на поверхность. Но девочка плакала так горько, что у старшей сестры просто сердце разрывалось, и она упростила водяного отпустить ее хоть на минутку. И вот она вышла из воды, и вечернее солнце осветило ее своими лучами — прекраснейшую из женщин, которые когда-либо жили на земле. Эмме с нежностью обняла сестренку,

поставила ей на голову огромный кувшин с водой и тотчас же нырнула обратно в омут.

Охотник был точно громом поражен. Когда он наконец опомнился, он поспешил в деревню и рассказал Акпану, что на его глазах из воды поднялась красавица и помогла девочке поставить на голову кувшин. Он, охотник, уверен, что эта красавица и есть та самая Эмме, которую когда-то полюбил Акпан, ее утащил водяной и держит у себя.

Акпан решил, что надо ему самому поглядеть на эту девушку. Рано утром они вместе с охотником спустились к реке и спрятались в кустах неподалеку от омута.

Вот Эмме показалась из воды, и Акпан тотчас же ее узнал. Стал он думать, как же вызволить любимую из плена. Один из друзей посоветовал ему пойти к колдунье, которая приносила жертвы водяному, и попросить у ней помощи.

Пришел Акпан к старухе, рассказал о своей беде. Она велела ему привести ей белого раба, козла с белой шерстью, кусок белой ткани, белую курицу и корзину яиц. В назначенный срок она бросит дары в омут от имени Акпана, а назавтра водяной вернет ей девушку. Тогда она приведет невесту к Акпану.

Акпан купил все, что велела ему старуха, и отнес ей. Настал день жертвоприношения, и Акпан вместе со старухой и своим другом охотником отправились к омуту. Старуха принялась творить заклинания, потом бросила в воду белого раба, за ним козла, потом курицу, корзину яиц и, наконец, кусок белой ткани. После жертвоприношения все разошлись по домам.

На рассвете старуха спустилась к реке и увидела на берегу Эмме. Она сказала девушке, что она ей друг, пусть Эмме ее не боится, она отведет ее к мужу. Но сначала они пошли в хижину к старухе, там старуха ее спрятала и послала за Акпаном, но велела передать ему, чтобы он вел себя как ни в чем не бывало, служанка до поры до времени не должна знать, что ее злодейство раскрыто.

Акпан потихоньку ускользнул из дому и, никем не замеченный, задворками пробрался к старухе.

Увидела Эмме Акпана, обрадовалась, но тут же спросила, а где ее младшая сестренка. Тогда Акпан попросил своего друга охотника сходить к реке и привести девочку. Охотник встретил сестренку Эмме по дороге, когда она спускалась за водой со своим огромным кувшином, и велел идти с ним к старухе.

Долго Эмме обнимала и целовала свою младшую сестренку, потом все стали думать, что делать дальше, и порешили так: девочка пойдет домой и надерзит служанке, та бросится на нее, а девочка со всех ног сюда, к старухиному дому. Служанка, конечно, погонится за ней, и когда прибежит, то увидит Эмме целую и невредимую.

Сказано — сделано. Девочка вернулась домой и еще с порога крикнула служанке:

— Ты злая, жестокая, зачем ты так меня обижаешь? Никакая ты мне не хозяйка, ты рабыня моей сестры. Погоди, заплатишься ты за свое злодейство!

Выпалила — и что было духу бежать. Рабыня от такой наглости пришла в бешенство, схватила горящую головешку и бегом за девочкой через все село. Но ноги у девочки были проворнее, она добежала до старухиной хижины и юркнула в дверь. Рабыня только протянула руку ее открыть, но тут на пороге встала Эмме. Рабыня сразу же узнала хозяйку, которую она утопила в омуте, и застыла, будто в камень обратилась.

Акпан потребовал преступницу к ответу: как она посмела утопить Эмме и выдать себя за его невесту? Но уличенная рабыня лишь молчала. Да и что ей было говорить?

Созвали всю деревню, рассказали, какой страшный поступок совершила рабыня, и устроили праздник в честь чудесного спасения жены Акпана Эмме. А рабыню сурово наказали.

С тех пор, когда мужчина женится, он всегда сам идет за невестой и ведет к себе домой, чтобы с ней не случилось по дороге несчастья, какое выпало на долю Эмме и ее младшей сестренки.

Волшебный горшок

Продавала одна старуха на рынке отменный суп, заправленный пальмовым маслом. Как старуху зовут, где она живет, никто в округе не знал. Все только гадали, отчего это у нее получается такой вкусный суп, который к тому же всегда горячий-прегорячий.

— Чудеса какие-то, не иначе как тут колдовство замешано, — переговаривались друг с другом люди на рынке, однако суп по-прежнему покупали.

Каждое утро старуха, неся на голове большой черный горшок горячего супа, являлась на рыночную площадь, что возле деревни, и не успевала она расположиться под манговым деревом, как суп весь раскупали — такой он был вкусный и горячий.

Жил в деревне мальчуган по имени Калари. Частенько он лакомился старухиным супом, и захотелось ему узнать, как она его варит, а заодно и где она проживает.

Мальчишки — народ любопытный, и вот как-то вечером последовал Калари за старухой. Прошла она через всю деревню, а потом зашагала по берегу речки. Калари — за ней. Старуха стала подниматься по тропинке в гору, и он — за ней. Боязно стало Калари, но он себя пересилил. И вот подошла старуха к маленькой круглой хижине с тростниковой крышей. Перед хижинкой стоял огромный котел для приготовления пищи.

«Я такого большого горшка отроду еще не видел», — подумал Калари.

Старуха скрылась в хижине, а Калари не мог сдержать любопытство, подкрался тихонечко и заглянул в горшок. Тот был пуст.

Заслышав старухины шаги, Калари спрятался за кустом терновника. Вот из хижины показалась старуха, она подошла к горшку и, воздев над головой руки, пропела такую песенку:

Волшебный горшок, волшебный горшок,
Свари мне суп,
Свари мне суп,
Суп с пальмовым маслом,
Суп с пальмовым маслом
И с курицей.
Свари мне суп, вари мне суп,
Я его продам, а люди купят.
Волшебный горшок, волшебный горшок.

Вскоре Калари услышал за кустом, как закипел и забулькал суп, и увидел, что над горшком поднялся пар. И такой пошел аромат, что у Калари засосало под ложечкой — есть захотелось. Как только старуха опять зашла в хижину, Калари крадучись подбежал к горшку и заглянул под него. Огня под горшком не было. Калари заглянул в горшок: тот был полон горячего куриного супа с пальмовым маслом.

— Хорошо бы его попробовать, — сказал себе Калари

и уже нацелился ухватить кусочек курицы, но тут вдруг старуха вышла из хижины.

— Ах, ах, ах! — вскричала она, увидев, что делает Калари. — Ах, ах, ах!

Калари весь затрясся со страху и со всех ног бросился бежать вниз по тропинке. А вслед ему с горы неслись стоны, крики и рыдания старухи.

Калари добежал до подножия горы и помчался по берегу речки. Бегом миновал рыночную площадь и понесся по деревенской улице. Вот и его дом! Он рассказал родителям и всем деревенским, что с ним приключилось. И показал на гору. Люди поглядели в ту сторону и увидели, что над вершиной поднимается пар.

— Это волшебный горшок кипит, — говорил каждый соседу.

Но с того самого дня никто никогда не видел на рынке старуху с горшком горячего куриного супа, заправленного пальмовым маслом. И никто не отправился на ее поиски, а уж Калари теперь и близко к горе не подходил. Но с тех пор, когда собираются вокруг вершины горы облака, люди говорят:

— Глянь-ка, это волшебный горшок закипел!

Дитя, с которым плохо обращались

Страной Лоло правил повелитель по имени Счастье. У него была красавица жена и дочь Авука — прелестная девочка, отрада отца и матери. Неожиданно заболела и умерла жена повелителя. И повелитель Счастье стал теперь очень несчастен. Без нежных забот жены он не мог как следует выполнять свои обязанности правителя. А прелестная Авука от горя заболела. Приближенные советовали повелителю жениться еще раз, чтобы было кому присматривать за Авукой, и он в конце концов согласился.

Вторую жену звали Энуроф. Она очень любила девочек, и относилась к Авуке с лаской. Вскоре Энуроф понесла. Она просила бога, чтобы он послал ей девочку. Ее молитва была услышана: Энуроф родила дочь.

Девочка была очень хорошенькой, но мать это не радовало, потому что по сравнению с красавицей Авукой ее дочь казалась просто дурнушкой. Теперь Энуртроф разлюбила падчерицу и даже возненавидела ее. А тут между Лоло и соседней страной Дайаруной разразилась война, и повелитель Счастье погиб. Не прошло и двух месяцев, а Энуртроф уже совсем перестала скрывать свою ненависть к Авуке. Она даже есть не давала сироте и как школьный учитель наказывала ее палками. Для своей родной дочери Энуртроф покупала на рынке яблоки, но Авуке она яблок не давала. Злая мачеха нарочно покупала яблоки, потому что знала, что Авука их очень любит.

Как-то утром Авука подобрала гнилое яблоко, которое выбросила ее сводная сестра, и закопала его в землю. Закапывает, а сама печально напевает:

Яблоня моя,
Нда-а,
Нда-а,
Нда-а!
Вырастай!
Нда-а,
Для той,
У которой нет отца,
Нда-а,
Для той,
У которой матери нет.
Нда-да-а, нда-да-а.

Пока она пела, выросла высокая, могучая яблоня. А девочка продолжала:

Яблоня моя!
Нда-а...
Принеси мне яблочек,
Нда-а, нда-а!
Принеси мне яблочек, бедной сироте,
Нда-да-а, нда-да-а.

И яблоня тут же вся покрылась яблоками.
А девочка пела:

Яблочки мои, созревайте!
Нда-а!
Созревайте для меня, сироты!
Нда-а, нда-а!

Яблоки зарумянились, но Авука не могла их достать. И она опять запела:

Яблоки мои, упадите!
Нда-а, нда-а!
Упадите для меня, сироты!
Нда-а! Нда-да-а!

Яблоки упали, а злая Энуртроф слышала шум и прибежала. То, что она увидела, поразило ее. Она сразу смекнула, что Авука — не простая смертная. Энуртроф бросилась перед падчерицей на колени и стала просить прощения. С того дня она больше никогда не обижала девочку.

За добро плати добром

Когда-то, рассказывают, жила Орлица. Летала она, летала и вот однажды увидела возле леса старуху, у которой нога сильно нарывала.

— Что, старая, больно? — спросила Орлица.

— Ох, больно! Ох, больно!

— Помогла б я тебе, — говорит Орлица, — если б вы, люди, не были так неблагодарны. Сегодня сделаешь вам добро, а завтра вы отплатите злом.

— Но я не такая, — отвечает старуха.

— Если ты будешь помнить добро, я тебе помогу. Выждала некоторое время Орлица, потом приказывает:

— Зажмурь глаза покрепче!

Старуха зажмурилась.

— А сейчас открой! Ну-ка, где твой нарыв?

Старуха глянула на ногу — от нарыва и следа не осталось. Снова велела ей Орлица зажмуриться, потом старуха открыла глаза — и видит: лес пропал, словно вовсе его не было. В третий раз Орлица говорит:

— Еще раз закрой глаза.

Старуха закрыла глаза, открыла и увидела, что на месте леса стоят новые дома. И снова Орлица велела зажмуриться. Когда старуха открыла глаза, то дворы и улицы были полны народа. Жизнь кипит!

— Это все твое, — говорит Орлица.

— Спасибо тебе, спасибо! — отвечает старуха. — Чем тебя отблагодарить?

— Ничего мне от тебя не нужно, кроме вон того шерстяного дерева. Хочу на нем поселиться.

— О каком пустяке ты просишь!— воскликнула старуха.— Бери его.

Орлица полетела к дереву, свила на нем гнездо и снесла два яйца. Вскоре вылупились из яиц птенцы, а Орлица улетела за пищей для них.

Жила со старухой внучка, маленькая девочка. Когда Орлица улетела, внучка расхныкалась: «Э-э, э-э...»

— Отчего ты плачешь, моя маленькая?— спрашивает старуха.

— Хочу съесть орленка,— говорит девочка.

— Где я тебе возьму орленка?— отвечает бабушка, а внучка снова заводит: «Э-э, э-э».

— Что случилось?

— Хочу орленка. Если я его не съем, то умру.

Подумала старуха и говорит:

— Неужели из-за того, что я не дам своей любимой внучке орленка, она помрет? Эй, люди! Берите топоры, срубите шерстяное дерево и принесите сюда орлят.

Соседи отправились к дереву, топоры застучали: «Тюк-тюк! Тюк-тюк!» А когда дерево стало валиться набок, один из орлят вспрыгнул на край гнезда и стал звать мать:

Санго-птица! Санго-птица!
Зовет тебя орленок.
Санго-птица!
Не ищи больше пищу, вернись!
Санго-птица!
Санго-о!

Мать услышала птенца; громко захлопали крылья: «Фа! Фа!» Она подлетела и крикнула:

— Сангури!

В тот же миг дерево, хоть оно почти свалилось, сразу выпрямилось, а людей, которые его валили, поглотила земля. Орлица накормила птенцов, потом попрощалась с ними и сказала:

— Я улетаю. Если старуха придет за вами, вы ей не мешайте.

А старуха не может уговориться.

— Ступайте срубите шерстяное дерево и принесите моей внучке орлят,— велит она опять.

Пошли люди к дереву. «Тюк-тюк! Тюк-тюк! Тюк-

тук!» — стучат топоры. Вот дерево стало клониться к земле, и тогда орленок вспрыгнул на край гнезда и стал звать мать:

Санго-птица! Санго-птица!
Зовет тебя орленок.
Санго-птица!
Не ищи больше пищу, вернись!
Санго-птица!
Санго-о!

Он звал ее, звал, а ответа все нет, и тогда дерево ударилось о землю и громко вскрикнуло:

— Кррак!

Люди забрали орлят из гнезда, отнесли их старухе, а один птенец вырвался и вспорхнул на дерево вава. Другого птенца старуха зажарила и отдала внучке, и та стала уплетать его с печеным бананом.

Прошло немного времени, и прилетела Орлица. Видит она — дерево повалено, а на нем сидит ее птенец. Рассказал он ей о том, что произошло, и Орлица полетела в старухину деревню. Прилетела, а внучка как раз доедает ее птенца. Крикнула разъяренная Орлица:

— Поздравляю тебя, старуха!

Потом она улетела прочь от ее дома и на окраине поселка начала творить волшебство.

— Сангури! — сказала Орлица, и пропали все люди.

— Сангури! — И порушились все дома, ни одного не осталось.

— Сангури! — И деревня снова стала лесом.

— Сангури! — И снова стала нарывать старухина нога.

А Орлица говорит ей:

— Видишь, я была права.

Вот почему старики говорят: «Если тебе сделали добро, не плати за него злом».

Мудрый Крокодил

В одной большой-пребольшой пещере жил Крокодил. А с ним множество живности всякой: рыбы — внизу, в озерце, звери и птицы на суше, повыше. Крокодил день-деньской в воде сидел, но порой выползал на сушу, даже из пещеры вылезал на солнышке погреться. И был Крокодил тот не простой, а волшебный.

Раз случился вблизи пещеры охотник. Смотрит — у самого входа на солнце Крокодил нежится. Изготовил охотник лук, нацелил стрелу острую... и вмиг ослеп. Выронил лук со стрелою—воротилось зрение. Перепугался охотник, побежал в деревню, рассказал, что с ним приключилось. Всполошилась вся деревня. Кое-кто сразу за лук да стрелы — и к пещере.

— Непременно поймает этого чудо-Крокодила.

Подходят к пещере, а Крокодил все на солнышке греется. Вскинули тут все луки и разом ослепли.

— Бросайте, бросайте скорее!— кричит охотник.

Послушались его селяне и в тот же миг прозрели.

— Зла от людей не допущу,— сказал им Крокодил и скрылся в пещере. А там его всякая тварь благодарит, дескать, спасибо, что от стрел метких нас всех уберег.

— Пойдем-ка по домам, у нас жизнь своя, у птиц да зверей — своя. И пусть сторожит их этот Крокодил в пещере. Что нам до них!

Да только нашлись головы молодые, горячие, неумные. Снова к пещере их влечет, неужто с каким-то Крокодилом не совладают. Охотились-охотились, да все без толку. Всякий раз Крокодил ослеплял их, стоило лишь луки поднять.

И воцарился на долгие-долгие времена в тех краях мир да покой, а о ружьях в те дни и не слыхивали и в глаза их не видывали.

Самое главное

Самое главное

Жил-был вождь, и мучили его всю жизнь три вопроса: какая самая главная пора, кто самый главный человек, какое самое главное дело?

Думал вождь: знай я ответ на три эти вопроса — весь мир покорю, все, что ни пожелается, свершу, и станет народ за великого мудреца меня почитать.

Множество несметное людей прошло перед вождем, целый сонм ученых мужей, но никто на вопросы эти так и не ответил. Дошли раз до вождя слухи, что живет в отдалении отшельник некий и славен он мудростью. Велел вождь оседлать ему коня и поскакал сам отшельника разыскивать. Едет он чащобою лесною и видит: стоит лачужка, а подле нее старичок дряхленький землю мотыжит. Едва с ног от усталости не валится, но мотыги не выпускает. Соскочил вождь наземь, подошел, поклонился старцу.

— Приехал я к тебе, чтоб ответ на три своих вопроса получить. Какая самая главная пора? Кто самый главный человек? Какое самое главное дело?

Выслушал его отшельник, ничего не сказал в ответ, знай себе землю копает.

— Ты, должно быть, устал, дай помогу тебе, — предложил вождь. Взял у отшельника мотыгу и принялся работать. Потом опять свои три вопроса повторил. И на этот раз не ответил отшельник, лишь сказал, чтоб мотыгу вер-

нул. Но вождь его и слушать не хочет, мотыги не отдает, сам решил дело до конца довести. Вдруг видит: идет навстречу человек, лицо все изранено, кровью залито. Остановил его вождь, добрым словом утешил, сходил к ручью, принес воды, обмыл раны, перевязал. Попросил раненый пить — вождь его напоил. Потом отвел в лачугу, в постель уложил. Да и сам ко сну собираться стал — уже вечер опустился.

Поутру снова к отшельнику пошел. Смотрит — тот семена сажает в почву, что вчера взрыхлил.

— Мудрый отшельник, — взмолился вождь, — неужто так и не ответишь на мои вопросы?

— Полно тебе, — молвил тот, — ты на них уже сам ответил.

— И слыхом никаких ответов не слыхивал, — изумился вождь.

— Ты, видя мою старость и немощь, сжалился надо мной и вызвался помочь. Не останься ты вчера здесь, убили бы тебя разбойники на дороге, те, что путнику лицо изувечили.

Вождь от изумления слова вымолвить не может, а отшельник дальше речь ведет:

— Самая главная пора та, когда ты копал землю, помогал мне. Самый главный в ту пору человек — я, а твоя помощь — самое главное дело. Пришел раненый — и самым главным стал он, и самым главным делом оказалась твоя помощь ему.

Мало-помалу уразумел вождь смысл слов отшельника.

— Помни же, — сказал отшельник на прощанье, — самая главная пора — сегодня, самый главный человек — тот, кто рядом в эту пору. А самое главное дело — вершить добро для того, кто рядом, потому что именно для этого мы и рождены.

Замолчал отшельник, принялся семена сеять, а вождь вскочил на коня да во дворец поскакал. На всю жизнь напутствие отшельника ему запомнилось, и слава о великодушии и справедливости того вождя разнеслась по всему свету.

Два друга по имени Камо

Жили два молодых человека — один на востоке, другой на западе, и обоих звали Камо. Когда они были совсем юные, они жили по соседству, но потом разъехались в раз-

ные стороны и уже не виделись друг с другом. И все же остались они добрыми и верными друзьями.

Однажды Камо, который жил на западе, отправился к предсказателю и говорит ему:

— Хочу я пойти повидаться с моим другом Камо, который живет на востоке. Уж ты постарайся, используй все свое искусство и предскажи, что меня ожидает в этом путешествии.

Предсказатель раскинул песок и поведал вот что: встретится Камо с запада со своим другом Камо с востока не у того в доме, а на тропе, и путешествие его будет удачным.

— Однако,— добавил он,— когда вы вместе придете в деревню, где живет твой друг Камо, не выходи ночью из его дома, что бы ни случилось. А выйдешь — не миновать тебе беды и ты уже никогда не вернешься домой.

Молодому человеку не понравилось такое страшное предсказание, и он обратился к другому гадателю, однако тот повторил ему то же самое. Тогда Камо с запада поверил в их предостережения и сказал себе: «Пойду все же навещу моего друга, но буду все время помнить о том, что они мне сказали».

И вот идет он один день, второй, а на третий повстречал на тропе молодого человека, который шел в противоположном направлении. Остановились они поговорить, и Камо с запада сообщил, куда он направляется.

— Меня зовут Камо,— сказал он,— иду я на восток повидаться с моим верным другом, которого тоже зовут Камо.

— Это я — Камо,— отвечает второй,— и иду я повидать тебя. Ты шел три дня, а я только один. Значит, мы куда ближе к моему дому, чем к твоему. Пойдем ко мне.

И вот обрадованные встречей друзья повернули к дому Камо с востока. Они подружались еще больше, чем прежде, и оба даже помыслить не могли о разлуке.

Однажды ночью Камо с востока вышел из дому и его схватила гигантская змея. Камо так кричал и рыдал, что друг его проснулся от шума и уже хотел выбежать из дому, чтобы помочь, как вдруг вспомнил о предостережении предсказателя. В полной растерянности он остановился, а тем временем крики друга становились все отчаяннее и громче. Понимая, в какую беду тот попал, Камо с запада терзался угрызениями совести.

«Пусть мне грозит опасность,— сказал он наконец сам себе,— но все же я выйду — ведь друг мой погибнет, если я не спасу его».

Схватив меч, он выбежал из дому и увидел, что Камо с востока уже чуть ли не всего целиком заглотала змея. Камо с запада ударил мечом, вспорол змее рот и убил ее. Друг был спасен, но капли змеиной крови попали Камо в глаза, и он тут же ослеп.

Теперь Камо с востока был в безопасности, а его преданный друг, который спас его, потерял зрение.

Камо с востока был так благодарен своему другу и так опечален его участью, что решил сделать все, что только возможно, чтобы помочь ему. Пошел он к предсказателю, чтобы тот дал ему совет.

Предсказатель раскинул песок и вот что ему посоветовал:

— У тебя есть сын. Убей его и омой его кровью лицо друга — тогда он снова прозреет.

Ужасно расстроился Камо с востока от такого совета, потому что очень любил своего сына. Но сказал себе: «Если бы Камо не спас мне жизнь, он бы не ослеп. Но он спас меня, хотя знал, что рискует собственной жизнью. Значит, у меня нет иного выбора, если я хочу спасти его от слепоты».

Камо с востока убил своего сына, омыл его кровью лицо друга, и Камо с запада прозрел. Кто же из них двоих показал себя более преданным другом?

Зять

У одного пожилого человека была единственная дочь, красавица Сангба, перед чарами которой не мог устоять ни один мужчина — ни стар ни млад. Женихи объявлялись один за другим, и каждому отец Сангбы ставил одно условие: если хочет он получить в жены его дочь, пусть перво-наперво доставит ему живую лань. Иные сразу же отступались, другие, искусные и быстроногие охотники, тотчас отправлялись за ланью, да только ни один так и не изловил ее живьем. Что тут поделаешь, приходилось им всем отступаться от красавицы Сангбы.

Однажды явились из дальней деревни два друга.

— Мы пришли к старому отцу, у которого есть дочь Сангба,— сказали они.

Отец вышел из своего дома и приветствовал гостей.

— Я отец Сангбы,— сказал он,— и готов вас выслушать.

Один из молодых людей, Ныла, сказал:

— Я пришел просить, чтобы ты отдал мне свою дочь. Я хочу на ней жениться.

И второй молодой человек, Сефу, сказал, что он тоже пришел ради Сангбы.

Тогда отец девушки сказал:

— Сангба одна, а вас двое, и вы оба просите ее в жены. Тому, кто принесет мне живую лань, я и отдам свою дочь.

Снарядились друзья к охоте, отправились в лес и, стараясь ступать как можно тише, долго ходили по тропам,

покуда в конце концов не наткнулись на лань. И со всех ног пустились за ней вдогонку.

Но Сефу бегал не так быстро, как Ныла, вскоре он стал отставать, а потом, совсем выбившись из сил, сел под деревом.

— Не могу бежать и все тут, — сказал он сам себе. — Да чтоб я когда-нибудь еще погнался за ланью, ни за что на свете! И не нужно мне никаких красавиц. Чего это мне ради Сангбы так надрываться? Ишь набегался — вот-вот сердце из груди выпрыгнет. Мало, что ли, девушек на свете? И не надо ради них ловить лань. Да и что это за сватовство, с живой ланью? Сроду про такое не слыхивал! Посижу тут, подожду Нылу, чтобы нам вместе вернуться.

Сказал все это и заснул под деревом. А когда проснулся, видит: идет его друг, а на спине у него ноша — живая лань.

— Вот я и выполнил наказ старика, — радостно сообщил Ныла. — Настиг все же лань — уж больно нравится мне Сангба. Я бы от нее ни за что не отступился, пусть пришлось бы заночевать в лесу, а назавтра начать все сначала.

Пришли друзья в деревню, где жила девушка, и отдали лань ее отцу. Он приказал заколоть ее и приготовить угощение для молодых людей.

— Вот вам жаркое, — сказал он, — угощайтесь на здоровье. А потом потолкуем про свадьбу.

Когда друзья насытились, отец Сангбы призвал старейшин и обратился к ним со следующими словами:

— Все вы знаете, что Сангба — единственный мой ребенок, она мне дороже собственной жизни, и потому мне так важно, чтобы зять у меня был хорошим человеком, с добрым сердцем. Эти молодые люди пришли ко мне и посватались к моей дочери, а я им сказал: хотите на ней жениться — добудьте мне живую лань. И вот теперь они добыли живую лань и вместе ее принесли. Но поймал-то лань один из них, а второй лань не поймал. Старейшины моей деревни, вам решать. Выберите мне зятя, как выбрали бы для собственной дочери.

Начали старейшины задавать юношам вопросы.

— Пришли вы вместе, и оба сватаетесь к Сангбе. Один из вас изловил лань. Почему же другой не изловил? — был первый вопрос.

Сначала ответил Ныла.

— Пошли мы в лес и выследили лань, — сказал он. — И оба пустились за ней в погоню. Сефу, мой товарищ, бросил погоню, а мне уж так нравится Сангба, что я гнался за ланью, покуда не настиг ее. Спутал я ей ноги и понес в деревню, а на тропе увидел друга — он устал гоняться за ланью и заснул под деревом. На обратном пути он просто меня сопровождал.

Затем заговорил Сефу:

— Никогда я не слыхивал о таком сватовстве — чтобы отцу девушки приносили живую лань. Но все же я пошел вместе с моим другом в лес за этой ланью, да только потом началась такая гонка, что я совсем выбился из сил. Тут я и подумал: чего это ради я несусь как безумный, будто за мной лев гонится? Мало, что ли, девушек в округе? Да и получить их в жены куда проще, чем Сангбу. Сел я под деревом и стал дожидаться Нылу, чтобы вернуться вместе с ним. Вижу: идет он с добычей. Я просто с ним вместе пришел. Больше я не буду свататься к Сангбе.

Старейшины посовещались и наконец вынесли свое решение:

— Тебя, Сефу, который не стал гоняться за ланью, мы выбираем в зятя. Ныла поймал лань, он очень отважный и упорный человек. Если уж захочет убить, то ни перед чем не остановится. Станет кто-нибудь бранить его или давать советы, он и внимания не обратит. Если мы отдадим ему нашу Сангбу, а она в чем-то провинится, он ее побьет и никаких заступников не послушает. Не хотим мы его в зятя. Пусть Сефу будет нашим зятем. Чего в жизни не случается: захочет он наказать нашу дочь за какой-то проступок, а все же нас выслушает со вниманием, если мы придем и попросим за нее. И как бы он ни гневался на Сангбу, он тогда смягчится. Сефу нам нравится, хорошим, добрым он будет нам зятем.

Спор Пантеры с Человеком

Однажды охотник возвращался из лесу. У него кончились пули и порох, поэтому не мог он больше охотиться. Вдруг в тени большого дерева увидел охотник Пантеру, отдыхавшую после удачной охоты и обильной трапезы.

Испугался охотник, пустился наутек, ведь он был

совсем безоружен. Пантера же, заметив охотника, крикнула:

— Подойди поближе! Тебе нечего опасаться.

Но охотник не решался приблизиться к страшному зверю; от страха у него душа в пятки ушла. Однако переборол он себя, приблизился.

— Почему ты бросился бежать, едва завидел меня?— вкрадчиво спросила Пантера.

— Я очень испугался,— признался охотник.— Я решил, что ты хочешь напасть на меня.

— С чего ты взял, что я собираюсь напасть на тебя?

— Но ты же хищница. А вам, хищникам, доверять нельзя, больно вы жестоки и кровожадны. Мне пока что моя жизнь дорога.

— Пожалуй, ты прав, я и впрямь могу показаться жестокой, но это только на первый взгляд. На самом деле тебе следует опасаться не меня, а кое-кого другого.

— Кого же именно?— удивился Человек.

— Смелый охотник, запомни, что я тебе скажу. Тебе следует бояться себя самого.

— Себя самого?— переспросил охотник.— Но я же не стану вредить самому себе. Ты, право, говоришь загадками.

— Не такая уж это хитрая загадка. Подумай — и разгадаешь.

— Я тебя не понимаю,— сказал охотник Пантере.

— Да, я страшный и опасный зверь, это так. Но по-настоящему бояться тебе следует не зверей, а своих собратьев — людей.

— Почему?

— Потому что человек и есть самый жестокий зверь на земле. Ты просто не думаешь о жестокости человека, потому что привык к ней. Человек — твой брат, он всегда рядом с тобой, ты каждый день видишь его, слышишь его смех. Люди кажутся тебе простыми и добрыми, а на самом деле человек подобен океану со спокойной поверхностью и бурливыми глубинами.

— И все-таки я тебе не верю,— отозвался охотник.— Человек — мой брат, он всегда помогал мне, с ним мне всегда было хорошо. Ты ошибаешься, Пантера!

— Хорошо, послушай меня еще немного,— сказала Пантера.— Именно человек, твой брат,— источник всех твоих несчастий. Так ли уж редко бывает, когда тот, с кем ты готов делить пищу и кров, подсыпает отраву тебе в еду, похищает твою жену, встает на твоём пути, из зависти к тебе готов сделать тебя несчастным, оклеветать и даже убить?

— О, любезная Пантера, я не хочу тебя обидеть, но ты видишь в человеке только самое дурное. А ведь в человеке, как во всяком живом существе, есть не только плохое, в нем много хорошего. Конечно, люди не лишены пороков, но нельзя забывать и про их достоинства. Человек, мой брат, добр, отзывчив, он всегда готов выручить из беды, сострадать в горе, прийти на помощь в нужде.

— Все это сплошное притворство!— отвечала Пантера.— О людях надо судить по их поступкам, а не по намерениям. В каждом есть что-то хорошее, но плохого-то все равно больше в десять тысяч раз. Человек, твой брат, лжив, скрытен, высокомерен, спесив. Он так и норовит все захватить для себя одного. Бойся же человека, а совсем не меня.

На том собеседники разошлись. Охотник остался в убеждении, что Пантера ничего не смыслит в людях. Однако на обратном пути, когда он оказался в самом глухом месте леса, на охотника напал его давний недруг, который всегда и во всем завидовал ему. Он подстрелил его, как зайца, и тем самым решил спор в пользу Пантеры.

Чей ребенок?

Мавангу был такой любвеобильный, что взял в жены сразу двух девиц — Кенги и Гунгу. Он расчистил для них участок в зарослях и поровну поделил его между ними. Посеяли там его жены маис, окру, бобы и кассаву, и скоро еды в семье стало хоть отбавляй. И хоть жили и питались они все вместе, каждая из жен гордилась своей делянкой и плодами, которые с нее собирала, и ревниво следила за успехами другой.

Однажды Гунге понадобилось немного бобов для одного кушанья, а на ее делянке их в то время не оказалось, поэтому она зашла на делянку Кенги и набрала бобов там. Кенги заметила пропажу и очень рассердилась на Гунгу. Та повинилась перед ней, но сказала при этом, что особой беды в том не видит, поскольку муж у них один и питаются они все вместе.

Кенги этих ее объяснений не приняла, и в конце концов они договорились так: все, что уродилось на делянке одной, принадлежит только ей, и другая не должна брать это себе. А в остальном жены вполне друг с дружкой ладили.

Случилось так, что однажды, когда обе женщины работали на своих делянках, Кенги почувствовала, как у нее во чреве круто повернулся ребенок, и поняла, что близятся роды. Курение, как известно, притупляет боль, поэтому Кенги принялась искать табак и, не найдя, пошла на делянку к Гунге, чтобы попросить у нее.

Гунга встретила Кенги приветливо, усадила ее отдохнуть и дала табак, чтобы она покурила. И пока Кенги отдыхала на делянке Гунги, у нее начались схватки, и она родила сына.

Гунга в ту же минуту взяла младенца на руки, обрезала ему пупок, обмыла и протерла тельце маслом, в общем, сделала с новорожденным все, что полагается. Когда Кенги пришла в себя, она поблагодарила Гунгу.

— Ты мне очень помогла, Гунга, — сказала она, — и я тебе премного благодарна. Ты так хорошо все сделала для моего ребенка, как будто это твой собственный ребенок. Спасибо тебе большое.

— А он и есть мой собственный ребенок, — отвечала ей Гунга. — Вспомни наш уговор, и тебе ясно станет, что этот мальчик принадлежит мне. И я его не отдам.

Как ни умоляла Кенги, как ни плакала, Гунга стояла на своем. Но все же в конце концов она согласилась, чтобы кто-то рассудил их, и женщины договорились сходить вместе в соседнее селение, где жил Маниломби, и изложить ему свою тяжбу. Маниломби славился своей мудростью и справедливостью, и каждая считала, что он решит спор в ее пользу.

Пришли они к Маниломби, почтительно с ним поздоровались и вручили ему подарки. Маниломби велел им изложить причину спора.

— Я дала жизнь ребенку, — сказала Кенги, — а Гунга отобрала его у меня. Я носила этого ребенка в своем чреве и мучилась родами, потому что он мой сын. Что тут еще объяснять? Это по вине Гунги мы пришли сюда. Пусть она докажет, справедливо ли она поступила.

А Гунга вот что ответила:

— Нет, это мой ребенок, потому что когда я сорвала немного бобов с делянки Кенги, она рассердилась на меня, и тогда мы договорились наперед, что все, что уродится на ее делянке, принадлежит ей одной, а что уродится на моей делянке — мне и что мы никогда больше ничего не возьмем с чужой делянки. Я Кенги не звала, она сама пришла на мою делянку и родила на ней мальчика. Значит, по нашему уговору, мальчик этот мой и она не может отобрать его у меня.

Маниломби все внимательно выслушал и решил, что Гунга поступила по справедливости и ребенок принадлежит ей. Много нашлось таких, что не согласились с решением Маниломби и говорили, что важно не то, где родился ребенок, а кто его родил. Так до сих пор и не пришли односельчане к согласию, справедливо рассудил Маниломби или нет.

Мудрый ястреб

Крепко и горячо любили друг друга девушка Камале и юноша Доуга, наглядеться-нарадоваться один на другого не могли, жизнь в разлуке и не мыслили. Но вот напасть: случилась засуха, и пошел по деревне голод. Много родных и близких смерть унесла. Но любовь Камале и Доуги только окрепла, и дали они страшную клятву у священного дерева: случись одному умереть, другой не покинет умер-

шего до конца дней своих, не отдаст тело ни земле сырой, ни зверям лютым.

Голод не разбирает, молод или стар, отжил свое или только входишь в силу. Скосила вскорости смерть красавицу Камале. Горько печалились о ней родные, да делать нечего, нужно похороны готовить. Один только Доуга и слышать об этом не хочет, не отдам, говорит, тело любимой. Помешался, должно быть, с горя, решили родители девушки. Но рассказал им Доуга про клятву страшную у священного дерева. Что ж, клятва есть клятва. Вынесли тело девушки за деревню, положили под раскидистым баобабом и ушли, один Доуга остался возлюбленную сторожить. Взял он ее на руки, обнял. И просидел так три дня и три ночи.

Летел мимо старый мудрый ястреб. Сел на ветвь баобаб, посмотрел на поникшего юношу с мертвой невестой на руках и говорит:

— Что толку так сидеть?

— Камале — моя возлюбленная, — отвечает Доуга, — и мы поклялись, что, случись одному из нас умереть, другой не оставит тело ни земле сырой, ни зверю лютному, а станет стеречь его до скончания дней своих. Раз я дал клятву — с места не сойду!

Отвечал на это старый ястреб:

— Друг мой, ты юн и неопытен. Невдомек тебе, что все женщины неверны и легкомысленны, добра не помнят и добром платить не умеют. Иди себе с миром, оставь тело мне.

Молвил Доуга:

— Не достанется тебе моя возлюбленная. Может, и не ведаю я про неверность женскую, но и тебе не уразуметь, что такое клятва страшная и каково ее преступить. Так что оставь ты меня с моею возлюбленной, а сам отправляйся восвояси.

Вот каким верным и любящим был Доуга! Полетел ястреб дальше. Да только на другой день снова заявляется, снова на баобаб садится, снова разговор заводит:

— Вижу, ты, Доуга, как сидел, так и сидишь. Что, не дашь мне пожить? Эх, простофиля ты, простофиля. Нашел кому клясться — женщине! Да ни одна женщина такой клятвы не стоит!

Но Доугу не разубедить, не предаст он Камале ни за что на свете. Снова ни с чем пришлось ястребу убираться.

И на третий день прилетел, думал, надоест парню исту-

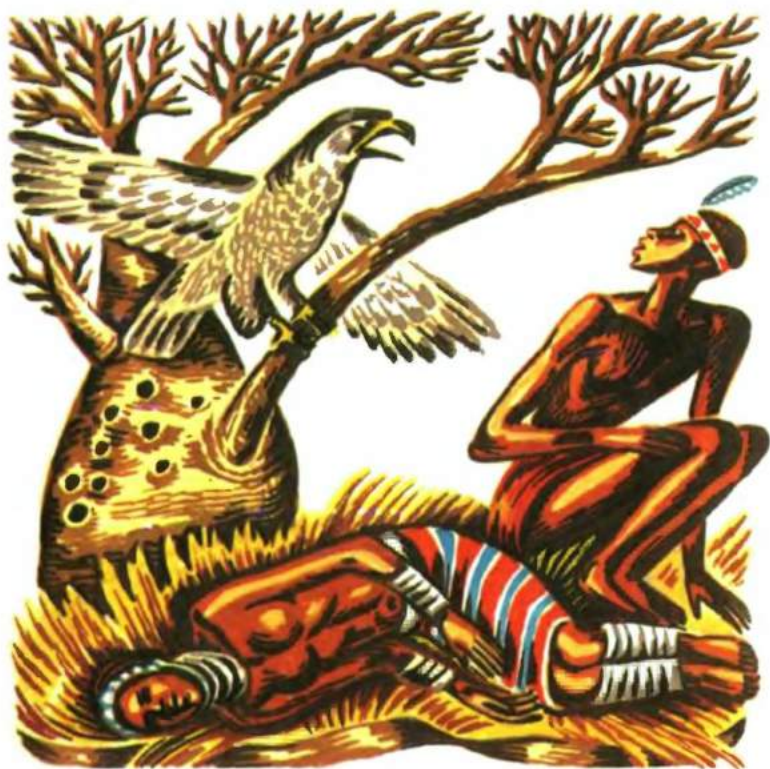
каном подле мертвого тела сидеть, авось отдаст его ястребу. Да напрасно. Прилетел на четвертый день и говорит:

— Видно, друг мой, не удастся мне ничем поживиться. Что ж, не хочешь с этой никчемной женщиной расставаться — не надо. Так и быть, верну я ей жизнь, только крепко помни мои слова: неверны женщины. Сам в один прекрасный день убедишься.

Сказал так, слетел с ветви да прямо девушке на грудь. Приложил клюв к ее устам идохнул три раза. Потом взмахнул крыльями и исчез в вышине.

Смотрит Доуга — глазам своим не верит: вздохнула Камале и глаза открыла. Приподнялась, обняла Доугу. Подхватил он ее на руки и домой понес. И устроили пиршество на всю деревню, горе-печаль позабыли.

Только недолго счастье их длилось. Заболел Доуга и скоро умер. Повезла семья его хоронить, да вспомнила

мать о страшной клятве, которую сын и Камале друг другу давали.

— Надо б сперва с ней посоветоваться,—говорит.

Пошли к Камале, а она слезами горькими заливается.

— Не предавайте Доугу земле сырой,—говорит,—несите тело его за деревню, под тем же раскидистым баобабом положите. Буду день и ночь над возлюбленным сидеть, как некогда он надо мною. Навеки нас клятва связала.

Отнесли Доугу, положили под деревом. Села над ним Камале, голову его к себе на колени положила. День сидит, другой, третий, так три дня и три ночи минуло.

Как и в первый раз, прилетел старый ястреб. Сел на ветвь, поглядел на Камале и спрашивает:

— Что ж ты, девушка, сидишь здесь? Шла бы петь да танцевать. Праздник у вас в деревне. Хороший урожай собрали, не ведать вам больше голода. Иди, там столько подруг твоих и красивых сильных юношей. Что тебе проку от мертвеца? Оставь его мне, а сама иди веселись с живыми. С ними тебе место, а не с мертвым.

Гордо повела головой Камале:

— Не видать тебе, ястреб, моего суженого. Клятву мы дали друг другу, и этой клятвы я не преступлю.

Ничего не сказал ястреб, улетел.

Еще один день прошел. Слышит Камале: смех, песни из деревни доносятся, веселятся все. Стали ей черные думы в голову лезть: а не напрасна ли клятва ее и зачем она так себя изводит? Проходила мимо подружка:

— Пошли со мной. У нас в деревне так весело. Или ты и впрямь себя жизни лишить хочешь из-за Доуги? Будто других парней нет. Пойдем. Долго ты по нему горевала, хватит. Пойдем, там красивых и сильных парней хоть отбавляй, всяк к тебе потянется. Мертвого ты уже ничем не порадуешь, так порадууй хоть живых.

Невтерпеж стало Камале, опустила она голову любимого с колен на сырую землю, встала и за подружкой пошла, а напоследок сказала:

— Доуга умер, его не воротишь, а я еще жива, так и любить мне живого.

И остался Доуга под баобабом один-одинешенек. Прилетел вечером ястреб. Посмотрел-посмотрел, подумал-подумал, опустился Доуге на грудь, приложился клювом к его устам,дохнул три раза,и ожил юноша. Сел и озирается — Камале ищет.

— Смотри, смотри, все равно не вымотришь, — молвил ястреб. — Ушла Камале. Разве не предрекал я, что так все и обернется? Разве не говорил, что все женщины неверны и неблагодарны? Предала она вашу клятву, тебя предала. Заслышала веселье в деревне — враз о тебе забыла.

Понурился несчастный Доуга:

— Прости меня, мудрый ястреб. Верно, не послушал я твоих слов, а в них правда сущая. Спасибо тебе и прости, если можешь. Спасибо за то, что не исклевал ты мое тело молодое, а к жизни вернул. Сослужи уж мне и другую службу. Подскажи: как за порушенную клятву расплатиться?

Облетел ястреб Доугу трижды, обмахнул его своим крылом и говорит:

— Сейчас моими чарами стал ты еще краше, чем прежде, ни одна женщина перед тобой не устоит. Смотри же, не позволяй Камале обнять себя, иначе умрешь. — И, сказав это, прочь улетел ястреб.

Вернулся Доуга домой, умылся, нарядился в лучшее платье, взял меч и пошел на праздник. На площади все пляшут, поют. Смотрит Доуга, а женщин всех до единой к нему вроде сила какая тянет. И среди них Камале: узнала, всех растолкала, подбежала, кричит:

— И близко не подходите! Это мой возлюбленный! Никто его у меня не отнимет! — И тянется к Доуге, обнять хочет. Взмахнул он тут своим мечом и пополам неверную разрубил.

— Не стану больше тела ее стеречь! Пусть звери лютые поживятся!

Глаз, Ухо, Рука и Нога

Собрались однажды вчетвером Глаз, Ухо, Рука и Нога и отправились вместе в лес. Ухо первым уловило какой-то шум, потом Глаз заметил бегущего зверя, Нога тут же пустилась в погоню и настигла его, а Рука схватила, убила и связала все четыре лапы, чтоб удобнее было нести.

Ухо сказало:

— Это я слышало шум, значит, добыча моя.

— Нет, моя, — возразил Глаз. — Это я увидел зверя.

Нога не согласилась:

— Почему ваша? Никто не спорит, Ухо услышало шум, Глаз увидел зверя, но ведь не вы, а я кинулась вдогонку. Раз так, то и добыча моя.

Тут в спор вмешалась Рука:

— Добыча по праву мне принадлежит. Без меня у вас вовсе ничего не было бы, ведь это я убила зверя.

Но Нога по-прежнему настаивала на своем:

— Хоть ты и убил зверя, но бежала-то за ним я, и догнала его тоже я.

Так охотники препирались, пока дело чуть до драки не дошло. И решили они вернуться в деревню, чтобы старейшины рассудили, кто из них прав.

По дороге Ухо запело такую песню:

Если б Ухо не слыхало,
Что б тогда произошло?
Глаз бы не заметил дичь,
И Нога б не побежала.
Разве справилась Рука,
Если б Ухо не слыхало?

Пришли они вчетвером к дому вождя. Тот собрал старейшин, и начался суд. Каждый из жалобщиков изложил свои требования, а Ухо пропело свою песенку.

Судьи выслушали их. Среди присутствующих находился Москит — первый помощник вождя. Когда Ухо, Глаз, Рука и Нога кончили говорить, Москит вынес приговор:

— Добыча принадлежит Уху!

Очень уж ему понравилась песня.

Остальные судьи промолчали. Так приговор и остался без изменения.

Нога, Рука и Глаз печально побрели прочь. Ночью Москит пробрался поближе к Уху и прошептал:

— Тебе принадлежит добыча, тебе одному.

Он рассчитывал получить свою долю за то, что присудил всю добычу Уху.

Но Рука услышала этот шепот и прогнала Москита:

— Пошел прочь, болтун!

Сколько ни пытался Москит напомнить Уху про свою долю, Рука тотчас его прогоняла.

С тех самых пор люди отгоняют рукой москитов, едва те начинают жужжать у них над ухом.

Неблагодарность

Змей спасался от погони и искал, куда бы спрятаться. Видит Змей — расчищает Человек себе поле. Подполз он к нему и говорит:

— Я пришел к тебе, спрячь меня!

— Ладно,— говорит Человек.— Ползи вон на то дерево. Там есть дупло, заберись в него, и никто тебя не увидит.

— На дерево? — зашипел Змей.— Да разве это надежное укрытие?

— Ну, тогда полезай вон в ту муравьиную кучу,— говорит хозяин поля.

— Там меня тоже найдут,— говорит Змей.

— Так где же тебе спрятаться?— спрашивает его Человек.

— Разинь рот пошире,— говорит Змей,— я влезу в тебя, и там уж меня никто не найдет.

— Э-э, нет,— отвечает хозяин поля.— Ты за добро заплатишь злом.

— Да что ты, я не причиню тебе никакого вреда,— пообещал Змей.

— Ну, тогда пусть будет, как ты хочешь,— говорит Человек.— Полезай ко мне в рот и прячься.

Разинул он рот, и Змей заполз к нему в нутро. Только он скрылся, как явились двое охотников, что гнались за ним, и стали все вокруг обыскивать. Но нигде не нашли они Змея и ни с чем вернулись домой.

— Ну вот, ушли они,— говорит Человек.— Давай вылезай.

— Вылезать?— отвечал ему Змей.— Да ты что, спятил? Я вылезу, а ты будешь ублажать себя — есть кускус и пить пальмовое вино. Я тебе очень благодарен, что ты сделал для меня доброе дело, и не трону ни твое сердце, ни печень, но уж кускус я поем и вина попью. Все же и это удовольствие. Нет, нет,— добавил он,— я из тебя ни за что не вылезу.

Услышав такие слова, Человек стал сокрушаться и плакать, а живот у него, оттого что там сидел Змей, начал пухнуть. Пошел он домой, а там собрались вокруг него жены и дочери и спрашивают:

— Что с тобой случилось? Отчего ты так плачешь?

— У меня Змей в животе,— отвечает их муж и отец,— я ему добро сделал, а он платит мне злом.

Тут они все вместе запричитали и заплакали.

Пролетал мимо Журавль, услышал плач и спустился к ним.

— Что это вы плачете? — спрашивает Журавль.

— Да у нашего мужа Змей сидит в животе, — отвечает одна из жен, — вот мы и плачем.

— И всего делов-то? — говорит Журавль. — Ну, этому горю легко помочь. Вот только одно меня смущает: окажу я вам услугу, а вы мне что-нибудь нехорошее сделаете.

— Что ты, что ты! — вскричал пострадавший. — Я тебе всю жизнь буду благодарен. Да я тебя никогда пальцем не трону!

— Вот это хорошо, — сказал Журавль. — Тогда открывай рот.

Человек разинул рот, и Журавль сунул туда свой длиннющий клюв.

Змей почувствовал — что-то движется, и думает: «Ага, это кускус!» Ждет, пасть раскрыл, да только это был журавлиный клюв. Журавль крепко ухватил Змея, потом взмахнул крыльями, взлетел и вытянул Змея из живота Человека, а когда поднялся повыше в небо, выпустил из клюва Змея, тот грохнулся оземь и разбился насмерть.

Тогда Журавль опять спустился и говорит Человеку:
— Я тебе добро сделал, а ты за это подари мне двух цыплят.

Но Человек вдруг схватил Журавля и говорит:

— Вот один цыпленок уже и есть. Теперь только второго изловить!

— Как я предсказывал, так оно и получилось,— печально сказал Журавль.

— А меня твои предсказания не интересуют! — С этими словами Человек отворил дверцу курятника, затолкал туда Журавля и крепко запер.— Пойду поищу второго цыпленка, чтобы сразу двоим перерезать глотку,— добавил он и ушел.

Тут одна из жен и говорит:

— Какая страшная неблагодарность!

Она поднялась, растворила дверцу и освободила Журавля.

— Улетай скорей отсюда,— сказала она.

Журавль вылетел из курятника, но прежде чем взмыть вверх, с силой ударил женщину своими когтистыми лапами и убил ее.

Кто же из троих самый неблагодарный — Змей, Человек или Журавль? Ведь каждый из них повинен в смерти женщины и все трое заплатили за добро злом.

Мудрей вождя

Жил на свете мальчик, имя которого на языке его народа означало «Мудрей вождя».

В том краю, где он жил, правил могущественный вождь. И вот однажды сообщает ему обезьяна, что в соседнем селении проживает мальчик, которого зовут Мудрей вождя.

Разгневался вождь и говорит:

— Дай-ка я его испытаю, этого мальчика с таким странным именем. Разве можно быть мудрей вождя?

Послал вождь обезьяну и двух своих слуг за мальчиком. Отыскали они мальчика и доставили к властителю.

— Значит, ты мудрей вождя?— спрашивает тот.

— Негоже мне такое про себя говорить,— отвечает мальчик,— однако так меня зовут.

— Тогда вот что,— говорит вождь,— подстриги-ка мне волосы.

— Ладно, подстригу, только прежде чем я подстригу тебе, могущественный вождь, волосы, пусть твои слуги нажнут проса и сварят кашу, чтобы мне было что поесть, когда я кончу работу.

Вождь велел слугам нажать проса и сварить кашу. Затем мальчик подстриг вождю волосы, и едва он кончил, как вождь говорит:

— Приставь мне волосы обратно, чтобы все было как прежде.

— А ты, вождь, сперва посади обратно в землю мою кашу, — отвечает мальчик, — тогда и я поставлю обратно твои волосы.

— Как же я посажу обратно в землю кашу? — спрашивает вождь.

— А как я поставлю обратно волосы? — отвечает мальчик.

Потом вождь приказал слугам принести из его амбара ячменя. Те принесли и положили перед вождем и мальчиком, которые сидели друг против друга.

— Возьми зерна, — говорит вождь мальчику, — и приготовь из него напиток повкуснее, чтобы я его сегодня же и попил.

В ответ на это мальчик показал вождю несколько семечек из калемаса и говорит:

— Могущественный вождь, вели своим слугам посадить вот эти семечки, чтобы я сегодня же выдолбил калемасы и мне было во что разливать вкусный напиток.

— Как же можно посадить семечки и вырастить калемасы, да еще разлить в них напиток, и все это сделать за один день?

— А как мне за один день сделать из зерна напиток? — отвечает мальчик.

Вождь подумал, подумал и говорит мальчику:

— Ты, кого зовут Мудрей вождя, приведи сюда моего коня.

Мальчик отправился на конюшню и привел вождю коня.

— А теперь корми его травой так, чтобы ни на минуту не было перерыва, — приказал вождь, — а не сумеешь — будешь жестоко наказан за неповиновение.

Мальчика такое приказание ничуть не испугало. Он запасся сладкой кукурузной кашей и кликнул клич всем городским крысам. В обмен на вкусную кашу крысы согласились каждую минуту приносить с луга траву.

— Твой конь непрерывно жует траву, — сказал мальчик вождю.

Вождь и старейшины смотрят и глазам своим не верят: трава сама идет к коню! Крыс-то под пучками не видно, а трава все движется и движется прямо коню под ноги.

Подивился тут вождь и говорит мальчику:

— Я думал, со мной никто не сравнится, а ты и вправду мудрей меня. Ты мудрей вождя!

Вернулся мальчик в родную деревню к своим родителям, и все они жили долго и счастливо.

Человек, голубь и ястреб

Жил-был на свете человек слепой на оба глаза и с сухими ногами. Однажды вечером сидел он на крылечке и горевал о своей злой судьбе. За что же она его так обделила? И не видит-то он, и пойти никуда не может. Стал человек молиться богу.

Вдруг к нему подлетел голубь и спрятался в складках одежды. Через минуту на крыльцо сел ястреб и стал просить человека, чтобы он отдал ему голубя. Ястреб уже давно ничего не ел, совсем изголодался и непременно должен чем-нибудь подкрепиться, иначе умрет. Пусть человек отдаст ему голубя, а ястреб за это вернет человеку зрение.

Голубь стал умолять человека не выдавать его, ведь ястреб растерзает его и съест, а ему так хочется жить.

— Спаси меня, — просил голубь, — а я за это вылечу твои ноги, ты снова сможешь ходить.

Человек растерялся — что же ему делать? Послал за своим другом и стал с ним советоваться:

— Что выбрать — зрение или ноги? Как бы ты поступил на моем месте?

Друг был тоже озадачен. Думал он, думал, но так и не мог решить, что делать, и наконец сказал:

— Трудную задачу ты мне задал. Нет, решай-ка ты лучше сам, что тебе нужнее — глаза или ноги.

Человек огорчился — как же так, близкий друг и тот отказывается ему помочь. Раскинул он мозгами сам. Потом спрашивает ястреба:

— А если я тебе вместо голубя дам курицу, ты согласишься?

— Конечно, соглашусь. Я кур гораздо больше люблю, только их нигде нет, вот я и погнался за голубем.

— Ну и отлично,— сказал человек,— я тебя накормлю, но ты должен выполнить свое обещание.— Потом обратился к голубю:— Я спасу твою жизнь, но только смотри сдержи свое слово.

Человек дал ястребу курицу, тот ее съел, потом принес человеку каких-то листьев и велел выжать их сок себе в глаза, от этого он прозреет. Человек отпустил ястреба и, когда он улетел, сказал голубю:

— Ну вот, теперь твой черед отплатить за добро, которое я тебе сделал.

Голубь объяснил человеку, что надо сделать, чтобы его ноги исцелились, и улетел.

Человек исполнил все, что велели ему птицы, и не только прозрел, но и получил способность ходить и бегать.

Эта история убеждает нас в том, что в иных случаях жизни мы должны полагаться на свой собственный ум, а не спрашивать совета у друзей и знакомых. Если бы друг дал слепому совет, то у него были бы только зрячие глаза или здоровые ноги. Но друг заставил его решить самого и тем самым помог и прозреть, и исцелить ноги.

Как один охотник занял деньги у своих друзей — Леопарда, Козла, Дикого Кота и Петуха и как потом увернулся от уплаты долга

Давным-давно жил-был в племени калабар охотник по имени Эффионг. Он убивал много зверей и брал за них хорошие деньги. Все в округе знали Эффионга. Один из его друзей, Оукун, жил с ним по соседству.

Эффионг был щедр и расточителен, он кормил и поил всех, кто ни придет к нему в дом, так что в конце концов он разорился и вынужден был снова взяться за охоту. Но счастье, судя по всему, изменило Эффионгу, потому что он бродил по лесу днями и ночами, но дичь ему не попадалась.

Ему уже было нечего есть, и тогда он пошел к своему другу Оукуну и попросил двести монет — родов. Договорились, что в назначенный день друг придет к Эффионгу

за деньгами, только пусть обязательно захватит с собой заряженное ружье.

Незадолго до того Эффионг свел знакомство с Леопардом и Диким Котом, которых повстречал как-то на охоте; кроме того, он также подружился с Козлом и с Петухом, жившими у приятеля, где он однажды ночевал. День уплаты близился, но у Эффионга по-прежнему не было денег. Думал он, думал, как быть, и наконец придумал. Пошел он к своему приятелю Леопарду, попросил в долг двести родов и обещал вернуть все сполна в тот самый день, когда должен был расплатиться с Оукуном. Еще Эффионг сказал Леопарду, что, если самого его не будет дома, когда он придет получать долг, он может убить того, кого там застанет, и съесть. А потом пусть сидит и ждет охотника с долгом. Леопард согласился.

Потом охотник пошел к своему приятелю Козлу и занял у него еще двести родов. На таких же условиях занял он по двести родов у Дикого Кота и у Петуха и каждому сказал, что, если они придут в его, Эффионга, отсутствие, он позволяет им убить и съесть всех, кто им приглянется в его хозяйстве.

В назначенный день охотник рассыпал по двору зерно, а сам ушел, оставив двор пустым. Проснувшись на рассвете, Петух прокукарекал, вспомнил об уговоре с охотником и направился к нему, но увидел, что его нет дома. Петух стал осматриваться, заметил рассыпанное на земле зерно, а так как он еще не завтракал, то и принялся его клевать.

В это время к дому подошел Дикий Кот, понял, что хозяина дома нет, оглядел двор и увидел Петуха, который жадно клевал зерно. Кот тихонько подкрался к Петуху сзади, прыгнул на него, задрал и стал пожирать.

А тут за своими деньгами пришел и Козел и тоже не застал своего приятеля-охотника дома, зато увидел во дворе Дикого Кота, который с такой жадностью уплетал Петуха, что не обратил внимания на приближающегося Козла. А Козел, рассердившись, что ему не вернули денег, бросился на Кота, повалил на землю и ну бодать. Коту такое обхождение не понравилось, но он был меньше Козла и не мог с ним тягаться, поэтому он схватил остатки Петуха и наутек в лес. Так и случилось, что он не дождался охотника и потому потерял свои деньги. Победа осталась за Козлом, и он радостно заблеял. Его услышал Леопард, который как раз шел к охотнику, чтобы тоже получить

долг. Чем ближе он подходил, тем явственнее становился запах Козла, а Леопард уже давно ничего не ел и был очень голоден, поэтому он начал осторожно приближаться к Козлу. Не увидев поблизости своего друга-охотника, Леопард стал подкрадываться к Козлу все ближе, ближе...

А Козел щипал себе траву и не думал ни о какой опасности, ведь он был во дворе своего друга — что ему тревожиться. Время от времени он поднимал голову, кричал: «Ме-е-е!» — и снова принимался жевать свежую молодую траву и упавшие с дерева листья, которые он очень любил. Вдруг на него лавиной обрушился Леопард, вцепился зубами в загривок, перегрыз горло и начал пожирать.

Было около восьми часов утра, друг охотника Оукун уже встал, позавтракал, взял ружье и отправился за своими двумястами родами, которые отдал в долг. Подходя к его дому, он слышал хруст разгрызаемых костей. Он замедлил шаг — ведь он и сам был охотник, — тихонько подошел к забору и, заглянув во двор, увидел Леопарда, который трудился над тушей Козла. Охотник тщательно прицелился, выстрелил и уложил Леопарда на месте.

Теперь Эффионг избавился от четырех своих кредиторов: ведь Дикий Кот убил Петуха, Козел прогнал Дикого Кота, и тот убежал со своей добычей; Козла, в свою очередь, задрал Леопард, а Леопарда застрелил Оукун. Все это значило, что восемьсот родов остались у Эффионга, но он был еще недоволен. Услышав выстрел, он тотчас выбежал из кустов, в которых прятался, и увидел, что Леопард лежит мертвый, а Оукун стоит над ним с ружьем. Эффионг в гневе обрушился на Оукуна: как он посмел убить его любимого друга Леопарда? Горю его нет границ, он расскажет обо всем вождю, и уж вождь-то накажет Оукуна по заслугам. Услышав эту угрозу, Оукун испугался и стал умолять Эффионга не говорить ничего вождю, ибо гнев его будет страшен, но Эффионг был неумолим. Наконец Оукун сказал ему:

— Если ты простишь меня и не станешь рассказывать о моем проступке вождю, я подарю тебе те двести родов, что ты у меня занял.

Именно этого и добивался Эффионг, однако сразу уступить он не мог. Он долго артачился, заставил Оукуна уговаривать себя, но в конце концов согласился и велел Оукуну идти домой, а он будет хоронить своего друга Леопарда.

Оукун ушел, но Эффионг и не подумал хоронить зверя. Он немедленно втащил его в дом и аккуратно снял шкуру. Потом посыпал шкуру древесной золой и отнес на солнце сушить, а мясо стал есть. Выделав шкуру как следует, охотник отнес ее на базар в одно из дальних селений и продал за большие деньги.

С тех пор стоит Дикому Коту увидеть Петуха, как он кидается на него и убивает, чтобы вернуть хоть часть из тех двухсот родов, которые охотник так ему и не отдал.

Вот что должен помнить каждый: никому никогда не одалживайте денег, ведь если люди не смогут вернуть долг, они непременно попытаются отправить вас на тот свет — либо застрелят, либо отравят, либо напустят на вас злые чары с помощью амулетов.

Незадачливые воры

Много лет назад в одной деревне был голод, весь скот перевелся, и мяса нельзя было купить ни за какие деньги. Жители бродили по окрестностям в поисках какой-нибудь живности. И вот два друга обнаружили, что в соседней деревне в одном из дворов водятся свиньи. Они стали просить хозяина продать им хоть двух или трех поросят, но хозяин наотрез отказался и прогнал друзей. А друзья ужасно стосковались по мясу и хотели во что бы то ни стало раздобыть свинью. Думали они, думали и решили украсть — больше им ничего не оставалось.

Ну, хорошо, положим, украдут они свинью, но ведь это только полдела, надо еще отнести ее домой, в деревню, да так, чтобы никто ни о чем не догадался, это тоже не так-то просто. Опять стали друзья думать, и вот что они придумали.

Ночью, в темноте, подкрались они к сараю, где спали свиньи, убили одну из них и положили в гроб, который принесли с собой. Когда взошло солнце, они уже прошли полпути к своей деревне. Несли гроб и пели погребальные песни.

Навстречу им два путника. Увидели друзей с гробом и заспорили:

— По-моему, человек, которого они несут, еще не умер,— говорит один.

— Что за глупости, ну конечно же он давным-давно умер,— возражает другой.

— А ты почему знаешь? — не сдается первый.

— Раз ты не веришь, давай спросим, — горячится второй.

— А что, и спрошу!

Поравнялись путники с друзьями и спросили напрямик, покойника они несут или живого. А так как совесть у наших друзей была нечиста, они до смерти перепугались и не нашли ничего лучшего, как броситься на путников с кулаками.

Но путники оказались сильнее, они скрутили друзьям руки и повели к вождю деревни, чтобы он рассудил их. Вождь допросил и тех и других и велел открыть гроб. Там оказался не покойник и не умирающий, а большая, жирная свинья.

Молодых людей обвинили в воровстве. Они умоляли о снисхождении, твердили, что их толкнул на такой проступок голод, но все равно вождь решил, что за свое преступление они должны отсидеть в тюрьме три года.

Хитрый крестьянин

Жил в одном городе человек, у которого была очень красивая дочь. Девушка была так прекрасна, что к ней сватались не только самые знатные и богатые жители этого города, но даже соседние вожди. Однако все уходило ни с чем, потому что отец девушки подвергал женихов трем испытаниям, которых никто не мог выдержать. Прослышал об этом один хитрый крестьянин, живший в двух днях пути от города, и решил попытать счастья.

Первое испытание состояло в том, что жениха вводили в комнату полную москитов, и он должен был сидеть там, не шевелясь и не отгоняя этих кровососных тварей, которые сотнями впивались в его обнаженное тело. Потом ему предлагали съесть горсть жгучего красного перца и при этом не морщиться и не показывать виду, что у него горит все нутро. И в-третьих, он должен был рассказать историю, которая бы длилась целый день, — начать рано утром и кончить лишь вечером.

Когда крестьянина подвергли первому испытанию, он начал рассказывать отцу девушки и его родным, что по дороге сюда видел необыкновенную лошадь — всю в разноцветных пятнах: «Здесь белое пятно», говорил он, хлопая себя по плечу, «здесь черное», хлоп по другому.

«здесь желтое, тут зеленое, а все остальное», он провел руками по животу и ногам, «белое». Так он отгонял от себя moskitov, а увлеченные рассказом родственники и не догадались об его хитрости. Крестьянина вывели из комнаты и объявили, что он справился с первым испытанием.

Теперь ему предстояло съесть горсть жгучего красного перца, не морщась и не показывая вида, что внутри у него все горит. Прежде чем приступить к этому страшному испытанию, крестьянин рассыпал во дворе на том месте, где он будет сидеть, маисовые зерна. Собрались куры и стали клевать зерна, а он замахал на них руками, закричал: «Кыш, кыш, окаянные, не мешайте мне, кыш!» Вот как ловко крестьянин провел отца и родных невесты во второй раз, никто и не догадался, что он машет от невыносимой боли и что все внутренности у него горят огнем.

Третье испытание состояло в том, чтобы жених рассказывал какую-нибудь историю весь день без передыха. Настало утро, крестьянин едва его дождался, так ему не терпелось пройти последнее испытание и получить в жены самую красивую девушку города.

— После того как я убрал урожай,— начал крестьянин,— я сложил в амбар много мешков с зерном. Прошло немного времени, и я заметил, что в амбаре завелась мышь. Решил выследить ее, притаился в уголке и жду. Прошло с час, и вот появилась мышь. Она прогрызла в мешке дыру, вытащила зерно и побежала с ним к себе в нору. Я стоял не шевелясь. А мышь вернулась, достала второе зерно — и опять к себе в норку. Потом она достала третье — и снова в нору, потом четвертое, пятое...

Все уже давно храпели, ночь спустилась на землю, а крестьянин все говорил, говорил, говорил.

Так и пришлось отцу выдать свою красавицу дочь за крестьянина; ведь только он один и вышел победителем из всех испытаний, остальные женихи потерпели поражение.

Неверная жена и ее дружки

В одной деревне жили муж с женой. Несколько лет после свадьбы они любили друг друга и были счастливы, но вот муж наскучил жене, и она стала тайно развлекаться на стороне с молодыми людьми, живущими по со-

седству. Друг мужа рассказал ему о проказах легкомысленной женщины, но муж пропустил его слова мимо ушей.

Нужно сказать, что он работал по вечерам, и его жене было очень удобно встречаться со своими друзьями. Но вот однажды муж заболел и вернулся домой раньше времени. Откуда же приятелям жены было знать, что муж дома? В сумерки, по заведенному обычаю, один из них пробрался задами к дому своей возлюбленной, вошел во двор, но тут неверная жена увидела его и замахала руками, показывая, что вернулся муж. Испуганный любовник залез в огромный кувшин, что стоял во дворе, и притаился.

Немного погодя на свидание явился еще один молодой человек. Было уже темно, он не видел знаков, которые делала ему его возлюбленная, и потому спокойно вошел в дом и нос к носу столкнулся с мужем. Незадачливый любовник затрясся с головы до ног.

— Ты это к кому? — грозно спросил муж.

Молодой человек вконец растерялся и заикаясь пролепетал:

— Да вот, мне надо отнести к себе кувшин, что стоит у вас во дворе, а он тяжелый, помогите мне взвалить его на спину, одному мне никак не справиться.

— Это можно, это пожалуйста, — охотно согласился муж и пошел за молодым человеком во двор.

— Видите, какой тяжелый,— сказал приятель жены, когда муж взваливал кувшин ему на спину. Незадачливый любовник прошел несколько шагов, шатаясь под тяжестью своей ноши, и начал проклинать все на свете.

— Тебе лучше, чем мне,— сказал любовник, который сидел в кувшине.— Ты хоть на свободе, а я тут совсем задохнулся.

Услышав голос из кувшина, молодой человек до смерти перепугался, как заорет, бросил кувшин и наутек.

Три жены и волшебная каша

У одного крестьянина было три жены, и все три — бесплодные. Муж очень горевал, что жены не рожают ему детей. И вот решил он пойти к колдуну — может, хоть он знает какое-нибудь средство помочь их беде.

Колдун сварил кашу с волшебным зельем и велел мужу накормить этой кашей своих жен. Тогда они обязательно родят.

Отнес муж горшок домой и сказал женам, что это не простая каша, а волшебная, сварил ее колдун и положил особое зелье, которое поможет им зачать и родить детей; пусть они разделят ее на три равные части и съедят.

Старшая и средняя жена не любили младшую, они сговорились меж собой и услали ее под каким-то предлогом, а сами съели всю кашу. Когда младшая вернулась, она увидела, что горшок пуст, лишь на дне осталось чуть-чуть. Делать нечего, соскребла она остатки, доела.

По счастью, зелье, которое положил в горшок колдун, как раз опустилось на дно и все досталось младшей жене, старшая и средняя ели пустую кашу. И вот младшая жена забеременела, а две другие так и не смогли зачать ребенка — не сбылись их надежды.

Как же они завидовали младшей жене! Злые женщины замыслили новое коварство. Они нашли продолговатый камень величиной с новорожденного ребенка, измазали его кровью и спрятали до поры до времени. И вот у младшей жены начались роды. Старшая и средняя принимали ребенка, и когда он родился, тотчас унесли его, а на место ребенка положили камень.

Когда молодая мать пришла в себя, она захотела

посмотреть ребенка. Старшая и средняя тотчас же подали ей вымазанный кровью камень — пожалуйста, вот что она родила, пусть любитесь сколько душе угодно.

Младшая жена не поверила своим глазам. Горю ее не было границ. А коварные женщины отнесли младенца в соседнюю деревню и отдали знакомым на воспитание.

Прошло сколько-то времени. Однажды младшая жена пошла в ту деревню на рынок, и люди рассказали ей, как обманули ее старшие жены, а потом отвели в семью, где рос ее сын. Она тотчас же его узнала, потому что он был очень похож на нее. Младшая жена вернулась домой и рассказала мужу, как подло и жестоко поступили с ней старшие жены.

Чтобы установить, чей это сын, решено было устроить испытание. Каждая из жен приготовит какое-нибудь блюдо, приведут мальчика и поставят перед ним еду. Он должен потянуться именно к той миске, которую приготовила его родная мать.

Старшая и средняя жены всегда обирали младшую, она бедствовала и ей не на что было купить дорогих продуктов, поэтому она приготовила для своего сына простое скромное блюдо. Зато старшая и средняя не пожалели денег и наварили и нажарили роскошной и вкусной еды, уверенные, что ребенок не устоит при виде таких лакомств и тотчас же протянет к ним руку. Итак, привели ребенка и поставили перед ним три миски.

Все были уверены, что миска, которую выставила младшая жена, нипочем не соблазнит мальчика — уж очень еда в ней была простая и невзрачная на вид. Каково же было изумление двух злых и завистливых женщин, когда мальчик без колебаний протянул ручонку именно к ней и начал уплетать за обе щеки. Судьи объявили, что настоящая мать ребенка — младшая жена, и отдали сына ей.

Почему Волк живет в джунглях

В давние времена Волк жил вместе с людьми. Но он не любил своих соседей и, кроме того, совсем не любил трудиться. Он всегда надеялся только на счастливый случай. Когда настала пора возделывать землю, Волк, чтобы его не заставили работать, ушел из деревни. А когда

созрел урожай, он вернулся, надеясь, что сердобольные люди не оставят его голодным.

Ближайшей соседкой Волка была очень трудолюбивая семидесятипятилетняя старушка. Она готовила акару — что-то вроде пирога из бобов и лука, и продавала ее в деревне. Волк любил акару, но старушка никогда его не угощала.

Как-то раз, рано-рано утром, Волк спрятался за красным деревом и стал ждать. Только он увидел, что идет его соседка и несет акару, он завыл. Старушка испугалась, бросила всю акару и убежала, а Волк подобрал и съел. На другой день повторилось то же самое. Бедная женщина пошла с жалобой к вождю. Вождь отрядил десять человек, чтобы они утром проводили старушку. Но едва эти люди услышали странную, наводящую ужас песню Волка, они убежали. Волку и на этот раз удалось полакомиться акарой. На следующее утро вождь послал со старушкой двадцать человек. Но и они испугались. Тогда вождь не на шутку встревожился. Он сказал, что наградит любого, кто сумеет разгадать эту загадку. Первым вызвался дровосек. Он взял с собой пятерых: хромого, глухонемого, слепого и двух знахарей. И вот так, вшестером, пошли они провожать старушку.

Учуяв запах акары, Волк, как всегда, завел свою песню. Трое убежали, а слепой, глухонемой и хромой остались. Волк вышел из-за дерева, чтобы съесть акару, и его поймал глухонемой.

Волка привели к вождю. Вождь посоветовался со своими приближенными. Все решили изгнать Волка из деревни.

Вот почему Волк живет теперь не с людьми, а в джунглях.

Почему нельзя раскрывать происхождение друг друга

Жил некогда один охотник. Каждый день спозаранку уходил он в буш за дичью для пропитания и на продажу.

И вот однажды подслушал он, как лесной кабан Кокоти зовет брата:

— Кокоти Асамоа!

Тот отвечает:

— Я тут, братец, тут!

Первый снова кричит:

— Пришла пора работать на полях. Надо сходить к кузнецу, пусть выкует нам тесаки и наточит их, чтобы могли мы срубить дерево, если понадобится.

Пока братья-кабаны переговаривались, охотник приник к земле и затаился. Вот один брат спрашивает:

— В какую деревню мы пойдем за тесаками?

— В Заречную,— Кокоти отвечает.

— А когда?

— В понедельник.

Охотник выслушал их разговор и пошел домой. В деревне он поделился новостью с вождем, слово в слово передал услышанное в буше. А потом сказал вождю:

— Пошли ребят за бревнами. Когда в понедельник лесные кабаны превратятся в людей и явятся к нам, мы их похватаем и прикуем к бревнам.

Юноши убежали и вернулись с бревнами. Вождь пошел к деревенскому кузнецу и велел наковать много железных скоб. Кузнец спрашивает:

— Зачем тебе столько? Что будешь с ними делать?

И вождь рассказал ему, как охотник ходил в буш и проведал, что в понедельник к кузнецу придут оборотни и попросят сделать им тесаки. Кузнец тут же побежал ковать скобы. Когда работа была сделана, вождь велел глашатаю ударить в железный гонг и объявить:

— В понедельник всем мужчинам и женщинам никуда не уходить из деревни.

Настал понедельник, и утром старуха сказала охотнику:

— Ступай и насыпь перцу, соли и лука на то место, где звери сбросят шкуры. А когда звери уйдут в деревню, натри их шкуры изнутри жгучим перцем. Это надо сделать на тот случай, если некоторым удастся убежать. Они наденут обратно свои шкуры, тут-то перец и начнет их щипать да жечь. Скинут они шкуры обратно и снова станут людьми.

Охотник ушел в буш, спрятался и слышит, как лесные кабаны перекликаются:

— Кокоти Асамоа, уже понедельник, пора идти.

— Пора, пора.

Потом увидел охотник, как лесные кабаны и свиньи сбросили с себя шкуры и обернулись людьми — мужчинами и женщинами. Был среди них знахарь, этот свою шкуру припрятал. Охотник дал свиньям отойти подальше, вышел из укрытия, натер шкуры перцем, отнес к ручью и бросил в воду, чтобы их унесло. Только шкуру знахаря отыскать не мог.

Вернулся охотник в деревню, и тогда вождь пошел к кузнице и велел пришельцам из леса идти к его дому. Те приходят и спрашивают:

— Зачем ты позвал нас?

Вождь говорит:

— Вы из моего племени, но сбежали и жили на стороне. Сегодня, когда вы вернулись, я позвал вас сказать, что впредь запрещаю убежать отсюда.

Звери сказали вождю:

— Мы слышали твои слова. Мы знаем, что охотник все рассказал тебе. Но это не имеет значения. Мы согласны жить вместе с вами, хотя мы вовсе не твоего племени. Но это тоже не имеет значения, мы благодарны охотнику. Только чур не поминать нашего происхождения. Сам молчи и своим накажи. А нарушите уговор — мы перебьем все племя и уйдем.

А надо сказать, что, пока вождь беседовал с пришельцами из леса, знахарь и с ним еще несколько зверей сбежали. Знахарь отыскал свою шкуру и пропал, а остальные вернулись — не отыскиали они своих шкур. Вождь принял поставленное условие, и люди и звери счастливо зажили вместе.

Прошло время, мужчины женились на звериных женщинах, те нарожали детей. Но вот один человек

и бывший кабан сцепились из-за чего-то и подрались. И тот человек в запальчивости крикнул зверю:

— Убирайся, твое место в лесу со свиньями!

Только он сказал это, как у зверей гневно зажглись глаза, они кинулись к дому вождя и сказали:

— Случилось то, чего мы боялись. Какое будет твое решение?

Вождь послал за виновниками беспорядка. Он разобрал дело и рассудил, что звери не должны обижаться: потому что, сказал он, в деревне они уже старожилы, а главное, это первый раз, когда им помянули их происхождение.

Но звери сказали:

— Мы не согласны.

Тогда вождь воскликнул:

— Ах, вот как! Но ведь этот человек сказал правду. Разве вы не лесные свиньи?

— Теперь мы знаем, как поступить! — крикнули разъяренные звери.

И началось побоище. Звери перебили почти всех, в живых осталось человек десять, не больше. Взмолились оставшиеся о пощаде и признали, что справедливость на стороне зверей. Те объявили людям:

— Вы знаете наше условие, его нетрудно запомнить. Если хотите по-прежнему жить вместе, то мы запрещаем вам всякое упоминание о нашем происхождении. А вспомните когда-нибудь о нем и укорите нас, то мы уж поступим по своему разумению.

И люди сказали:

— Никогда больше этого не сделаем. Ведь через это погибло наше племя.

С тех пор люди не смеют говорить о происхождении друг друга, иначе раскрытая тайна принесет гибель.

Почему девушка должна быть женой тому, за кого ее выдали

Жила девушка по имени Квабоасо. Кто бы за нее ни сватался, она привередничала:

— Не хочу идти за такого.

В конце концов родители выдали ее за охотника, хоть она и говорила:

— Фу, на нем водятся клещи. Не хочу такого!

Однажды ей захотелось бананов, и пошла она на плантацию. Достала Квабоасо нож и только приготовилась резать, как видит: на листьях пальм сидят крохотные человечки. Они вмиг попрыгали на землю, окружили Квабоасо и вцепились в нее.

— Так это ты крутишь носом — пусу! пусу! — когда к тебе женихи сватаются? — кричали человечки, повиснув на ней.

Давайте ее пощиплем.

Давайте пощиплем, о!

Пощиплем Квабоасо.

Давайте пощиплем, о!

Закричала от боли Квабоасо, а ее муж-охотник услышал и говорит сам себе: «Надо посмотреть, в чем дело. Не годится злом отвечать на зло». Пришел и видит: волшебные малютки висят на Квабоасо и щиплют ее. Меткий охотник выстрелил, и один человечек упал замертво.

Тогда самый старый говорит остальным:

— Наш приятель пил пальмовое вино, он пьяный. Отнесите его в сторонку и приходите щипать дальше.

Охотник еще раз выстрелил, и еще один человечек упал. Старший опять говорит:

— Этот тоже пил вино и перепился, оттащите его в сторонку.

Охотник перестрелял всех гномов, остался только самый старший. Он крикнул охотнику:

— Подойди сюда, я тебе ничего не сделаю.

Охотник приблизился. Старший и говорит ему:

— Загляни в мой домик, ты увидишь заговорную траву от ружья, а рядом все пули, которые ты выпустил. Забирай свое добро и Квабоасо забирай. Нарви в дорогу бананов и затем бросай по одному. Когда человечки проснутся и кинутся в погоню, бананы будут их отвлекать и вам удастся убежать.

Охотник послушался его совета, нарвал бананов, подхватил на руки Квабоасо и, добежав до дороги, бросил первый банан. Он бросал их потом до самого дома. И вот, когда оставалось пройти совсем немного, человечки стали их нагонять. Он бросил последний банан, те набросились на него и отстали. Охотник же отвел Квабоасо к ее родне, а сам вернулся домой.

Вскоре явились к нему посланные от Квабоасо. Он спросил их:

— Что случилось?

Посланные сказали:

— Квабоасо просит тебя вернуться за ней. Теперь она согласна быть твоей женой.

Охотник им отвечает:

— Спасибо, но я не могу быть ей мужем, потому что на мне еще водятся клещи.

Старики не зря говорят девушкам: «Если тебя отдают замуж — иди за этого человека, потому что может так случиться, что он спасет тебя».

Зависть

Жил однажды на свете человек, и у него было две жены. У каждой жены было по дочери. Старшая жена была плохая женщина, завистливая и злая, и дочь Абео уродилась в нее — ленивая, жадная. Зато младшая жена была добрая, приветливая, трудолюбивая. И в дочери своей, Алейк, воспитала те же качества. Поистине верно говорят: какова мать, такова и дочь.

Алейк торговала кокосовым маслом. Уходила из дому рано утром, а возвращалась уже в сумерки. И вот как-то раз купил у нее масло один человек, только денег у него не хватило, и он предложил Алейк пойти вместе с ним к нему домой, там он с ней расплатится. Алейк согласилась. Но человек — на самом деле это был не человек, а дух в облике человека — предупредил, что идти придется долго, им встретятся на пути две реки — в одной течет черная краска, в другой кровь. Но Алейк была храбрая девушка, она не боялась опасностей и трудностей, не брезговала никакой работой и без страха пошла с человеком.

Долго они шли, час, другой, третий...

Вдруг человек запел:

— Девушка, у которой

Я купил кокосовое масло,

Вернись домой! *(Это должен петь рассказчик.)*

— Вернуться домой?

Нет, я пойду дальше! *(Это должны петь слушатели.)*

— Послушайся меня,

Девушка, вернись,

Скоро твой путь

Преградит Черная река.

— Зачем мне возвращаться?

Я переплыву Черную реку.
— Вернись, девушка, вернись,
Пока не поздно.
— Нет, я не вернусь,
Я пойду до конца.

И вот они вышли к Черной реке, переправились на тот берег и зашагали дальше. Потом человек снова запел:

— Девушка, у которой
Я купил кокосовое масло,
Вернись домой!
— Вернуться домой?
Нет, я пойду дальше.
— Послушайся меня,
Девушка, вернись,
Скоро твой путь
Преградит Кровавая река.
— Зачем мне возвращаться?
Я переплыву Кровавую реку.
— Вернись, девушка, вернись,
Пока не поздно.
— Нет, я не вернусь,
Я пойду до конца.

Раскинулась перед ними Кровавая река. Опять они переправились на тот берег и зашагали дальше. Наконец пришли к дому, где жил человек. Он похвалил Алейк за выносливость и неутомимость и отдал ей деньги за масло. Потом велел идти в огород, где у него росли тыквы-горлянки.

— Там есть очень красивые, яркие и пестрые горлянки, а есть невзрачные на вид, одноцветные, серые,— сказал ей человек.— Ты сорви себе три серых горлянки. Одну разобьешь на перекрестке, где сходятся четыре дороги. Вторую возле своего дома, а третью — в комнате твоей матери, только сначала обязательно закрой дверь.

Так Алейк и поступила. Когда она разбила первую тыкву, появилась большая толпа рабов и слуг, и все они пошли за ней. Возле дома она разбила вторую тыкву и увидела множество сундуков с красивым платьем и дорогими тканями. Слуги и рабы взяли сундуки и понесли за ней в дом. Родители при виде стольких слуг и таких богатств онемели от изумления, потом радостно бросились обнимать девушку. Вечером Алейк ушла с матерью в ее комнату, затворила дверь и разбила третью тыкву. Что же представало глазам женщин? Золотые и серебряные украшения, драгоценные камни, ожерелья из самоцветов. Теперь Алейк с матерью были сказочно богаты!

Щедрые и великодушные женщины разделили свои богатства на три части. Одну они отдали отцу Алейк, другую старшей жене, а третью оставили себе. Но злобная и строптивая старшая жена отказалась от даров младшей; она заставила Алейк рассказать, как она добыла свое богатство, а узнав все, заявила, что у них с дочерью будет еще больше сокровищ.

На следующее же утро старшая жена погнала свою лентяйку Абео продавать кокосовое масло. Девушка уходила из дому рано утром и возвращалась уже в сумерки. И вот однажды какой-то человек купил у нее масло, но сказал, что у него не хватает денег, может быть, Абео пойдет с ним к нему домой, там он расплатится с ней сполна. Абео тотчас же согласилась. Человек предупредил, что путь им предстоит долгий и трудный, надо одолеть две реки — Черную и Кровавую. Но Абео ответила, что долгий путь и реки ее не пугают — уж очень ей хотелось раздобыть себе богатств, да еще больше, чем досталось Алейк.

Итак, они двинулись в путь. Шли долго, час, другой, третий... Вдруг человек запел:

— Девушка, у которой
Я купил масло,
Вернись домой! *(Это должен петь рассказчик.)*
— Вернуться домой?
Нет, я пойду дальше! *(Это должны петь слушатели.)*
— Послушайся меня,
Девушка, вернись,
Скоро твой путь
Преградит Черная река.
— Зачем мне возвращаться?
Я переплыву Черную реку.
— Вернись, девушка, вернись,
Пока не поздно.
— Нет, я не вернусь,
Я пойду до конца.

И вот они вышли к Черной реке, переправились на тот берег и зашагали дальше. Потом человек снова запел:

— Девушка, у которой
Я купил кокосовое масло,
Вернись домой!
— Вернуться домой?
Нет, я пойду дальше.
— Послушайся меня,
Девушка, вернись,
Скоро твой путь
Преградит Кровавая река.

— Зачем мне возвращаться?
Я переплыву Кровавую реку.
— Вернись, девушка, вернись.
Пока не поздно.
— Нет, я не вернусь.
Я пойду до конца.

Раскинулась перед ними Кровавая река. Опять они переправились на тот берег и зашагали дальше. Наконец пришли к дому, где жил человек. Он похвалил Абео за выносливость и неутомимость и отдал ей деньги за масло. Потом велел идти в огород, где у него росли тыквы-горлянки.

— Там есть очень красивые, яркие и пестрые горлянки, а есть невзрачные на вид, одноцветные, серые,—сказал ей человек.—Ты сорви себе три серые горлянки. Одну разобьешь на перекрестке, где сходятся четыре дороги. Вторую возле своего дома, а третью — в комнате твоей матери, только сначала обязательно закрой дверь.

Но Абео не послушалась человека, она сорвала три самые красивые тыквы и ушла.

Когда она разбила на перекрестке первую тыкву, из нее вылетела туча разъяренных ос и ну жалить Абео. Абео припустилась со всех ног бежать. Возле дома она разбила вторую тыкву — из нее выскочили огромные гориллы и злые макаки и накинудись на девушку с побоями. Абео все еще не потеряла надежду разбогатеть, потому она вбежала в комнату матери, захлопнула дверь и разбила третью тыкву. Кто же появился из нее? Гремучие змеи, львы и крокодилы, они набросились на мать с дочерью и сожрали их.

Вот какое зло — зависть, она навлекает гибель на тех, кто ею страдает.

Бродяга и джинн

Джинн был женат на злой и сварливой женщине, сущей ведьме — из тех, что называют диджаджо. Не выдержал он, сбежал от нее.

Бродяга был очень беден, ходил рваный и голодный. И у него жена оказалась диджаджо. И вот однажды наполнил он свой калebas водой и ушел. По дороге ему повстре-

чался джинн. Оба они присели отдохнуть и завели разговор.

— Откуда идешь? — полюбопытствовал джинн.

— Из дому, — ответил бродяга. — Жена у меня настоящая диджаджо, вот я и удрал от нее.

— Понятно. Я тоже удрал от жены, — сказал джинн. — Так что мы с тобой товарищи по несчастью.

Они долго странствовали вместе, пока не добрались до города, обнесенного высокими толстыми стенами.

У ворот джинн замешкался.

— Послушай, друг, — обратился он к бродяге. — Я знаю, что дочь Ламидо, правителя города, невеста на выданье. Я заберусь к ней в голову, и никто не сможет изгнать меня оттуда. Никакими заклятиями. Только при моем появлении я выйду из ее головы. Тебе будут предлагать несметные богатства, власть, но ты не соглашайся. Скажи, что хочешь на ней жениться и ни на что другое не согласен. В конце концов она станет твоей женой. А я женюсь на одной из ее подруг. Пока ее родители не дадут своего согласия, не смей показываться мне на глаза — убью!

Перепугался бродяга, душа в пятки ушла, но возражать не посмел.

Как джинн сказал, так и сделал. Едва они вошли в город, он забрался в голову дочери тамошнего правителя. Начала она бесноваться, срывать с себя одежду. Сколько лекарей призывали — ни один не смог ее исцелить. Наконец все отступились. Тогда-то бродяга и пришел к правителю.

— Я берусь ее излечить, — вызвался он. — Но при одном условии — что ты отдашь мне ее в жены.

— Хорошо, — согласился отец больной девушки.

Бродяга вошел в хижину, где она лежала, и велел снять с нее цепи, в которые ее заковали. Затем он побрызгал на нее водой из кalebаса и прошептал несколько заклятий. Джинн тотчас же выскочил из ее головы и вселился в одну из подруг.

Вот так бродяга женился на дочери Ламидо.

Однажды пришел к правителю отец девушки, которой завладел джинн, и принялся упрашивать его:

— Вели своему зятю, чтобы исцелил мою дочь.

Бродяга долго отнекивался, но в конце концов вынужден был согласиться.

— Хорошо, — сказал он. — Я излечу ее. Только я сделаю это за городскими стенами.

Девушку вывели за ворота. Бродяга переоделся в старые лохмотья, взял свой калebas и, подойдя к ней, громко сказал:

— Я тебя не вижу. Где ты?

А потом вдруг, повернувшись в другую сторону, завопил:

— Ой-ой-ой! Сюда бегут наши диджаджо. И моя и твоя! Пропали мы!

Устрашенный джинн, не оглядываясь, выскочил из головы девушки и пустился наутек, только его и видели. Удрал и бродяга. Жаль ему было покидать красивую молодую жену и богатство, но он боялся, как бы джинн не возвратился.

Беременный муж

Жили на свете муж и жена. Прошло уже несколько лет, как они поженились, а детей у них все не было и не было. Муж очень страдал, что жена ему досталась бесплодная, и наконец решил попросить о помощи колдуна. Колдун сварил кашу с волшебным зельем и дал ему, но предупредил, что всю кашу должна съесть жена, пусть муж к ней даже не прикасается. А если хоть кусочек случайно попадет ему на руку, пусть он ни в коем случае не слизывает его, а тотчас же бежит к воде и хорошенько вымоет руку. Муж поблагодарил колдуна и сказал, что, конечно же, он ни за что не станет пробовать кашу.

Идя домой, он споткнулся о камень, выронил из рук горшок, тот разбился, и каша вывалилась на землю. Муж глядел на нее как зачарованный — никогда в жизни он не видел такой удивительной каши: жирная, ароматная, вот, наверно, вкусная-то! Попробовать бы... Нет, нельзя, колдун не велел, разве можно его послушаться. А если все-таки лизнуть языком?.. Так он стоял и сам с собой спорил.

Наконец не выдержал — уж очень был велик соблазн, — взял чуть-чуть пальцем и попробовал. Потом стал собирать кашу в горшок для жены. Но каша ему до того понравилась, что половину он съел сам.

Так и случилось, что оба они забеременели, и жена и муж. Беременный мужчина — вот чудеса-то, вот потеха! О таком никто никогда и не слыхивал.

Живот у мужа начал расти. Он встревожился — неужто там и в самом деле ребенок? Но ведь он мужчина, как

же он будет рожать? Опять он пошел к колдуну, который сварил ему кашу с зельем, и стал просить, чтобы тот вызволил его из беды.

Но колдун ему ответил:

— Я же предупреждал тебя, что каша для твоей жены, тебе нельзя есть ни крошки. Ты меня не послушал, а теперь поздно, я уже ничего не могу поделать. Так-то, друг, что посеешь, то и пожнешь.

Почему рождение близнецов считается в Серки счастливым предзнаменованием

Давным-давно жило на свете племя, которое считало, что рождение близнецов предвещает несчастье. Поэтому всех близнецов сразу же убивали или относили в лес на съедение зверям. Так приказывал вождь селения, называемого Серки.

И вот однажды в одной семье родилось два брата — оба крупные, красивые, со светлой кожей. Все, кто видел младенцев, восхищались их крепостью и красотой и в то же время горевали, что такие замечательные дети должны погибнуть. Родители решили во что бы то ни стало спасти своих сыновей, пусть даже им самим придется расстаться с жизнью.

В положенное время вождь призвал к себе родителей и повелел им убить детей. Родители отказались. Вождь разгневался и прогнал родителей с глаз долой, пусть убиваются из деревни и никогда больше не возвращаются. Муж и жена согласились, собрали свой скарб, взяли близнецов и ушли. Семья поселилась в лесу.

У близнеца, которого называли Айбой, была на лбу темная родинка, у другого было две родинки на лбу, и ему дали имя Сайба. Братья росли сильные, ловкие, красивые. Они вместе играли, вместе работали, вместе охотились, очень любили друг друга и никогда не расставались.

Однажды, идя по лесу, они увидели, что на земле лежит человек, возле него лужа крови и весь он с ног до головы покрыт ранами. Братья испугались и хотели убежать, но раненый слабым голосом позвал их. Братья пожалели несчастного и решили помочь ему.

Человек сказал им, что его ранили во время битвы

между жителями Серки, того самого селения, из которого изгнали родителей близнецов, и другим племенем.

— Враги вот-вот победят нас,— сказал он.— Мне пришлось оставить поле боя, я больше не мог сражаться. Прошу вас, возьмите этот амулет и пойдите к людям моего племени, помогите им, иначе им не выстоять.

И с этими словами раненый испустил дух.

Сайба и Айба знали, что они родом из Серки, и потому решили помочь его жителям. Они пошли к отцу с матерью и объявили им о своем решении. Отец воспротивился.

— Вождь не примет вашей помощи, даже на глаза к себе вас не пустит. Когда вы родились, он приказал вас умертвить, а после того как мы отказались, изгнал из деревни.

Но братья твердо стояли на своем и непременно хотели идти на подмогу своему племени. Мать их поддержала, и в конце концов отец согласился.

Итак, братья пошли воевать за свою родную деревню. Айба встал во главе одного отряда, Сайба во главе другого. Они сражались отважно и храбро и не только освободили всех жителей Серки, которых враги взяли в плен, но и отняли всю награбленную добычу. Среди освобожденных пленников оказалась и дочь вождя. Наконец враги с позором бежали, оставив поле брани за Айбой и Сайбой и их воинами.

В честь победы племя устроило пир. В разгар застолья один из жителей Серки заметил, что среди них сидят два незнакомца. Ему объяснили, что это те самые храбрецы, которые принесли им победу. Дядя близнецов попросил вождя и всех тех, кто был на пиру, приглядеться к молодым людям, ведь они им явно знакомы.

Но никто так и не узнал братьев. Тогда дядя близнецов напомнил, что когда-то в их деревне родилось двое близнецов, один с одной родинкой на лбу, другой с двумя, что родители отказались умертвить детей и за это семью изгнали из деревни.

— Наши храбрые воины и есть те самые близнецы,— заключил он.

Вождю стало стыдно, он горячо просил прощения у близнецов за свою жестокость, и те его простили. После пира вождь велел принести богатые подарки для родителей братьев и послал с близнецами целый отряд воинов передать, что просит их вернуться в деревню. К всеобщей радости родители согласились, переехали с сыновьями в де-

ревню и стали жить там, окруженные любовью и почетом, сам вождь всегда с ними советовался.

С тех пор люди уверовали, что рождение близнецов приносит счастье.

Пальцы руки

Все пять пальцев на руке — братья. Почему же Большой палец стоит отдельно от всех остальных? Да потому что он сам так захотел.

Однажды родители куда-то ушли, и младший из братьев, Мизинец, сказал, что хочет есть. Безымянный ему ответил:

— Потерпи, вот вернется мать и всех нас накормит.

— Еще чего — ждаты! — возразил Средний палец. — Пойдемте лучше к соседям, найдем у них чего-нибудь.

— А вдруг хозяин нас увидит, что тогда? — спросил Указательный.

— Вы идите, если хотите, а я дома останусь, — сказал Большой палец.

С тех пор Мизинец, Безымянный палец, Средний и Указательный всегда рядом, а Большой палец от них врозь.

Любитель яиц

Жил некогда человек, который больше всего на свете любил куриные яйца.

Однажды купил он риса, цыплят и отправился к своей невесте. Она сварила рис, поджарила цыплят и позвала своих подруг. Это был настоящий пир! Когда все поели, посмеялись, поговорили, девушки разошлись и влюбленные остались одни.

Но тут из угла комнаты, из-за большого кувшина-канари, вышла, кудахча, курица. Жених заметил ее и сразу смекнул: «Там, в углу, за кувшином наверняка ее гнездо. И в гнезде наверняка — куриные яйца!»

Он ни о чем другом не мог больше думать, так ему захотелось яиц. И тогда он сказал невесте:

— Прости, я должен уйти!

Напрасно она его удерживала, напрасно уговаривала. Ему оседлали его коня, но перед тем как уйти, он сказал девушке:

— Пойди поддержи моего коня! А я пока попью воды на дорогу.

Девушка вышла из хижины. А он бросился в угол за кувшин-канари, собрал все яйца из гнезда несушки и спрятал их себе под рубашку.

Вышел он из хижины со своей хрупкой добычей, простился с девушкой и стал осторожно влезать на коня. И тут одно яйцо выкатилось у него из-под рубашки. А за ним — второе, а за ним — третье и еще четвертое.

— Ох, что это такое падает, мой возлюбленный? — вскричала девушка.

— А, не обращай внимания, — ответил жених. — В это время года у нас в деревне все мужчины несут яйца.

Как Иджапа оплакивал свою лошадь

Была у Иджапы-черепахи прекрасная белая лошадь необыкновенной красоты. Когда он восседал на этой лошади, все смотрели на него восхищенными глазами, и сердце его преисполнялось гордостью. Вместо того чтобы работать в поле, он разъезжал целыми днями на своей лошади. Заедет, бывало, на городскую рыночную площадь и с упоением слушает, как люди говорят: «Важная, видать, особа». А если окажется в деревне, скачет прямо к дому вождя, ожидая торжественной встречи. И всякий раз его ожидания оправдывались. Вожди устраивали в его честь пышные пиры, укладывали спать на богатое ложе, а утром с почестями провожали. Никогда еще Иджапе не жилось так хорошо.

Однажды заехал он в город Васима. Красуется на своей лошади перед жителями, а они ахают: не иначе как важный торговец или доблестный воин, возвращающийся с поля сражения. Дошла весть о появлении незнакомца и до правителя города — оба. Иджапу приняли приветливо, с подобающим почетом. Отвели в дом для гостей, накормили. А когда наступила ночь, сказали:

— Спи спокойно. Мы позаботимся о твоей лошади.

Но Иджапа попросил:

— Пусть она останется здесь, в доме для гостей.

— Но такого еще никогда не бывало.

— Мой конь для меня все равно что родной брат. Мы всегда спим в одной комнате.

Остался конь со своим хозяином. Среди ночи конь вдруг стал громко хрипеть. Иджапа зажег светильник, подошел к коню и увидел, что он уже мертв.

— Мой конь! Мой прекрасный белый конь умер! — закричал он.

Прибежали члены семьи оба.

— Не убивайся так, — сказали ему, — все лошади рано или поздно умирают.

Однако Иджапа не унимался. Он вопил так громко, что в конце концов разбудил самого оба, и тот пришел узнать, в чем дело.

— Да не голоси ты так! — сказал он Иджапе. — Я отдам тебе одну из моих лошадей.

Немного погодя привели прекрасного коня. Успокоился Иджапа, поблагодарил оба, и тот вместе со всей своей семьей отправился к себе. При свете лампы Иджапа пристально разглядывал своего нового коня. И вдруг громко запричитал:

— Боже, как я страдаю! Боже, как велика моя потеря!

Снова прибежали слуги. За ними и вся семья оба. Но сколько ни утешали Иджапу, он продолжал заливаться слезами. Наконец оба спросил:

— Почему ты рыдаешь? Ведь тебе подарили нового коня, не хуже старого.

Но Иджапа возразил:

— Как мне не рыдать? Твой дар и впрямь прекрасен. Так же прекрасен был и мой старый конь. Если б он не умер, у меня стало б целых два коня. А теперь только один. — И он зарыдал пуще прежнего. — Боже, какое горе! Какое несчастье! Горькая моя судьба!

Никак не могли его утешить. Наконец оба сказал:

— Ну, если уж ты так сильно терзаешься, я удовлетворю твоё желание — подарю еще коня. Только ради бога замолчи, весь город из-за тебя не спит.

Слуги привели еще одного коня, такого же прекрасного, как и первый. Иджапа перестал кричать, поблагодарил оба за его доброту. Все разошлись и опять легли спать. Не спал только Иджапа. Все думал, какое счастье ему привалило. Был один конь, а теперь целых два.

Тут взгляд его упал надохлого коня, и он снова заголосил:

— Какое горе! Какое несчастье!

Снова собрались обитатели дворца. И снова оба утешал его:

— Хотя и велика твоя потеря, ты должен взять себя в руки. На то ты и мужчина. Нельзя же вечно горевать по мертвой лошади.

— Никак не могу унять свою печаль,— сказал ему Иджапа.— Как взгляну на мертвого коня, так вспомню, что всего несколько часов назад он был жив. Как тут удерживать слезы? Будь он жив, у меня сейчас было бы три коня.

Оба устал, был рассержен, но приказал привести еще одного коня.

— Ну, теперь ты счастлив? — спросил он.— У тебя целых три коня. Так что замолчи наконец, а мы пойдем спать.

Только все заснули, Иджапа снова завопил:

— Какое горе! Какое несчастье!

Тогда оба приказал слугам отнять у Иджапы трех коней и вытолкать его взашей. И не стало у него ни одного коня. Пошел он пешком, как простой человек, и с позором вернулся в родную деревню. А ведь выезжал как важная особа!

Кто дольше проспит

Близко ли, далеко ли жили в одной деревне два лентяя, ленивее на всем белом свете не сыскать. И заспорили они в один прекрасный день, кто же из них ленивее. До драки б дошло, кабы не так ленивы были. И решили они состязаться: кто дольше проспит.

Созвали деревенских старейшин, чтобы спор их рассудить. Пришел домой первый лентяй, стал к долгой спячке готовиться: развел в очаге большущий огонь, улегся и крепко заснул. И не почуял, что долетели искры до соломенной крыши, занялась она, и запылал дом. Спит лентяй, беды не ведаёт. Уже к ногам пламя жадное подбирается. Всполошилась деревня — заживо сгорит лентяй! Давай спасать! Кое-как вытащили из горящего дома, у

самого ноги уже тлеют, а он знай себе посапывает. Закричали люди:

— Проснись! Очнись, лежебока!

Проснулся лентяй да еще ворчит:

— Чего раньше времени подняли? Только разоспался, весь сон разогнали!

На следующий день и второй лентяй в спячку. В дом не пошел, испугался, во дворе лег. Спит он, спит, а ветер тучи черные нагнал, и зарядил дождь. Да такой сильный, что скоро все дороги в реки превратились, ни пройти, ни проехать. Подхватил поток спящего и к морю понес, а тот даже не пробудился. Навстречу ему рыбина великая. Посмотрела, подивилась и — ам! — проглотила соню. Вильнула хвостом и дальше поплыла. На беду, мимо той деревни путь ее лежал. Ну и поймали ее рыбаки. Тяжеленная рыбина — не поднять. Вспороли ей брюхо, глядь, а там их сосед-лентяй, спит себе, похрапывает. Закричали тут люди:

— Вставай! Все на свете проспал!

Потянулся тот и говорит:

— Чего спать не даете? Не успел глаз смежить — будите!

Приздумались старейшины: кого же из двух ленивцев победителем признать?

Три охотника

Жили когда-то Самба-с-Гор, Самба-с-Равнины и Садингале — Самба-Отовсюду. Все они были охотниками, и у каждого была своя собака. Охотились они порознь, каждый в своих угодьях.

Самба-с-Равнины отправился в саванну и охотился весь день. Дичи было много, охота оказалась удачной. Набил он газелей, антилоп и к вечеру сделал привал под огромным баобабом. Тот баобаб был так стар и толст, что вокруг его ствола нужно было идти целую неделю.

Самба-с-Равнины развел костер и начал жарить себе на ужин целую антилопу. Но не знал он, что внутри этого баобаба живет злой дух со своею собакой.

Выскочила собака из баобаба, хотела отхватить кусок антилопы. Но Самба-с-Равнины ударил ее палкой и прогнал.

— Кто ударил мою собаку? — завопил злой дух.

— Я ударил твою собаку, — ответил охотник.

Выскочил злой дух из баобаба, и началась у них борьба. Одолеп злой дух охотника, оглушил, ударил о землю, а потом подвесил к ветви баобаба за волосы. И вместе с ним — его собаку.

Самба-с-Гор охотился не один, а два дня. Он добыл много дичи, много коз, трех буйволов и леопарда. К вечеру пришел он со своей добычей к баобабу и воскликнул:

— Вот так баобаб! И листва-то какая густая! Здесь я и заночую.

Он развел костер и начал жарить себе на ужин целого буйвола. Но тут выскочила собака злого духа и попыталась отхватить кусок буйволятины. Самба-с-Гор прогнал ее палкой.

Тут же выскочил злой дух, закричал:

— Это ты ударил мою собаку?

— Я ударил, — ответил охотник.

И началась у них борьба. Боролись они долго, но злой дух все-таки одолеп. Оглушил он охотника и подвесил к ветви баобаба за волосы. А вместе с ним — его собаку.

Остался только один Садингале — Самба-Отовсюду. Он сказал:

— Раз мои друзья не вернулись, я пойду на охоту завтра,

На другой день он отправился охотиться. Он убил тридцать слонов. Пятнадцать привязал к своему поясу, а пятнадцать связал и взвалил на голову и пошел обратно. Так дошел он до баобаба. Но хоть и быстро он шел, его вши съели дочи́ста пятнадцать слонов, привязанных к поясу.

Свалил Садингале оставшиеся пятнадцать слонов в свой походный котелок, поставил его на огонь, начал варить себе похлебку на ужин. Когда похлебка была готова, выскочила собака злого духа и хотела утащить одного слона. Охотник так наподдал ей, что она взвилась и застряла на вершине баобаба.

Вылез злой дух, взревел:

— Кто тронул мою собаку?

— Я тронул, — ответил охотник.

Вросился на него злой дух и началась у них схватка не на жизнь, а на смерть. До самой ночи сражались они. Но все же Садингале одолел злого духа и подвесил его к самой высокой ветви баобаба за волосы.

Переночевал Садингале, отдохнул. А наутро вырвал с корнем баобаб, взвалил на плечо и домой зашагал.

Возле своей деревни увидел он старуху, которая собирала арахис, — груди землю бороздят, зад кверху торчит. Не удержался Садингале и со всего размаху ударил старуху по заду баобабом, на ветвях которого висели Самба-с-Равнины, Самба-с-Гор и злой дух со своей собакой.

Обернулась старуха, удивилась:

— Что за муравей укусил меня в зад? Ай-яй-яй!

Чья находка?

Повстречались однажды на дороге трое и решили дальше идти вместе. Один нес в руке котомку, в которой лежали кушанья, завернутые в пальмовый лист. У другого тоже была котомка, и в ней — хлеб из кассавы¹, тоже завернутый в пальмовый лист. А у третьего была только собака, которая бежала рядом с ним по тропе. Шли они, шли, а потом захотелось им есть. Сели они на тропе, и те двое, что несли котомки, развернули пальмовые листья. Тот, у которого была сваренная еда, сказал:

— С чем же мне все это есть? У меня ведь нет хлеба.

¹ К а с с а в а — растение со съедобными клубнями.

Путник, у которого был с собой хлеб из кассавы, сказал:

— Хлеб-то у меня есть, а вот кушаний никаких.

А третий сказал:

— У меня ни кушаний, ни хлеба нет, одна только собака. Но ведь мы так долго шли вместе, а по обычаю, путники делятся своими припасами. И отцы нас тому учили.

Сели они рядом и съели всю снедь приготовленную и весь хлеб из кассавы, остались одни пустые пальмовые листья, в которые была прежде завернута еда. Листья они забросили в кусты, и пес, что сидел в сторонке, покуда путники ели, кинулся за листьями и стал их вылизывать.

А мужчины снова пустились в дорогу. Немного погодя хозяин пса сказал:

— Пес-то мой поотстал, еще и не найдет нас. Пойду позову его, а вы нас подождите.

— Пойди сходи за своим псом, а мы васждемся, — согласились его спутники и сели у тропы.

Вернулся хозяин пса к тому месту, где они полдничали, а пса нет. Стал он искать в кустах, куда они забросили листья, — видит, его пес обгладывает останки слона. Он отогнал пса, взял себе слоновий бивень, и вернулись они с псом к своим попутчикам.

— Пес мой в кустах нашел кости слона, — сказал он им. — Вот дойдем до придорожной деревни, я продам там бивень и отблагодарю вас за еду, которую у вас съел.

Спутники его насупились.

— Не можешь ты продать бивень, — сказал один из них, — это ведь часть слона, который по праву принадлежит мне. Мои кушанья были завернуты в пальмовый лист, а его я бросил в кусты. Не брось я его в кусты, не найти бы тебе слона. Вот и выходит, что слон принадлежит мне!

— А как ты узнал, за чьим листом побегал пес — за твоим или за моим? — спросил второй спутник. — Всякому ясно, что побегал он за хлебом из кассавы, а хлеб был мой. Значит, и слон этот не твой, а мой!

— Неправильно вы оба говорите, — вступил в спор обладатель бивня. — Пес-то ведь шел со мной, и слона нашел он, а за чьим листом он побегал — какое это имеет значение? Нет, этот слон — мой!

Но те двое не согласились с ним.

— Мы ведь поделились едой и с тобой, и с твоим псом и ничего у тебя взамен не просили. Не накорми мы тебя, ты и идти бы не смог. Тогда мы и без тебя нашли бы слона. За еду, что ты съел, мы у тебя ничего не просим, но присваивать слона ты не имеешь права.

Так они спорили и спорили и все никак не могли прийти ни к какому решению. Может, и сейчас еще спорят, кто знает. А как вы считаете, чей слон?

Три друга и мешок денег

Однажды три друга шли по дороге и нашли мешок денег. Они очень обрадовались и взяли деньги себе.

На окраине города друзья остановились отдохнуть. Они были очень голодны и решили подкрепиться. Достали из мешка несколько монет и послали самого младшего в город за провизией.

Когда он ушел, один из оставшихся предложил другу убить третьего и поделить деньги пополам — ведь так им больше достанется. Друг подумал и отказался. Но тот настаивал, убеждал, твердил, что никто об их злодействе не узнает, соблазнял богатством. В друге разгорелась жадность, и он в конце концов согласился.

Тем временем младший из друзей купил в городе еды и двинулся в обратный путь. Шел, шел, и вдруг точно какой-то голос стал нашептывать ему в ухо: «А ведь можно их обоих убить, тогда все деньги достанутся мне». Но другой голос тотчас произнес: «Да как ты мог такое подумать! Совершить преступление, пролить крови!» Два голоса стали спорить, но в конце концов голос алчности победил голос совести, и юноша вернулся в город, купил яду и отравил еду. «Скажу им, что я поел по дороге и больше не хочу, — решил он. — Они отравятся, умрут, а денежки все мне достанутся».

Два друга приготовили тяжелые дубинки и ждали третьего. Когда он пришел и стал вынимать из мешка еду, они ударили его по голове, он и слова не успел промолвить, упал и умер. Совершив свое черное дело, они начали есть, но едва проглотили несколько кусков, как упали мертвые. Так три приятеля убили друг друга собственными руками, и деньги не достались никому.

Три умельца

Жили когда-то три умельца.

Один так лягался, что все его боялись, и его изгнали из деревни.

Второй был таким ловкачом, что его тоже изгнали.

А третий был таким силачом, что и его изгнали.

Встретились они, рассказали друг другу о своих несчастьях и подружились. Пошли они вместе искать себе место, где бы поселиться. Долго шли через лес, потом по саванне. И одолела их жажда. Нигде не могли они отыскать ни ручья, ни речки. Остановились, начали совещаться. И решили:

— Пусть каждый проявит свое умение. Иначе мы умрем от жажды.

Первый подпрыгнул, ударил пяткой в землю, и на том месте, куда он ударил, образовалась яма, со дна которой забил родник, — целый водоем с прозрачной водой!

Второй наклонил этот водоем, чтобы все трое могли напиться в свое удовольствие.

А когда все напились, третий взвалил водоем себе на плечо и сказал:

— Возьмем-ка его с собой, чтобы воды у нас всегда было вдоволь.

Скажите, кому из троих умельцев отдать предпочтение?

Ловкий, Меткий и Набожный

Жили в одной деревне трое юношей, звали их в народе Ловкий, Меткий и Набожный. И впрямь, один в ловкости равных себе не имел, другой стрелял без промаха, третий в молитве преуспел. А избранницы их жили в другой деревне — край неблизкий. И порешили раз юноши суженых к себе в деревню привести. Тронулись в путь. Идут они и видят — течет на пути речка. Перешли ее вброд, благо она пересохла почти. Добрались до деревни, где их невесты поджидали. Устроили пир горой, четыре дня и четыре ночи веселье не смолкало, а на пятое утро собрались друзья в обратную дорогу.

Дошли до речушки. Смотрят: она вспучилась, из берегов вышла, бурлит, клокочет. Стали путники гадать, как

на ту сторону переправиться. Один предложил даже вспять повернуть, да не согласились товарищи.

И надумал каждый свою удасть испытать. Первым вышел к реке Набожный со своею невестой. Преклонил колени и начал молиться истово. Разверзлись воды бурные и пропустили Набожного с его суженой. И вновь залокотала, забурлила река.

Настал черед Меткого. Выпустил он стрелы из лука, и легли они точно одна в другую, словно мост через пучину перекинулся. Перебежал на другой берег Меткий, невесту на руках перенес. И обрушился мост из стрел в воды быстрые, снова закипела река.

Подошел и Ловкий. И так и сяк пробует — не получается. Раззадорился, изловчился, обвинил ногами-руками невесту, оттолкнулся, что было мочи, и прыгнул. Подняло их высоко над потоком, пронесло далеко — до самого берега. И так все перебрались через реку целыми-невредимыми. Только вот вопрос: кто же из друзей больше отличился?

Состязание

Эта история про состязание на ловкость и силу. Слушайте!

У одного вождя было три сына, очень хороших сына, и все они славились как замечательные наездники. Надумал отец поделить между ними свое имущество, но все никак не мог решить, кому из сыновей отдать бóльшую долю. Позвал он старейшин и говорит:

— Я позвал вас рассудить по справедливости. Три моих сына покажут свою ловкость и силу, а вы решите, кто из них самый искусный, и ему я отдам бóльшую долю того, чем владею.

Юноши оседлали коней и отъехали на некоторое расстояние от большого баобаба, который рос возле загона, — на этом баобабе они должны были показать свою сноровку и силу. Начал состязание старший сын. Он пустил своего коня в галоп, на всем скаку пронзил дерево своим копьем и проскочил на коне сквозь дыру, проделанную копьем. Старейшины и отец захлопали в ладоши — так им это понравилось. Юноша почтительно поклонился и отъехал в сторонку.

Настала очередь второго сына. Он подскакал к баобабу, чуть натянул поводья, и они с лошадейю перемахнули через баобаб, не задев ни одной его ветви. И снова все захлопали—такое мастерство явил средний сын.

Как же младшему превзойти братьев? Сел он покрепче в седле, поскакал галопом к баобабу, ухватился за него да как рванет вместе с корнями из земли. Помахал он сначала баобабом перед отцом, а затем подъехал к старейшинам. Все громко захлопали. Юноша поставил вырванное из земли дерево перед старейшинами, поклонился и отъехал.

Долго совещались старейшины и все никак не могли решить, кто же из братьев превзошел других в силе и ловкости. А вы как считаете?

Как излечиться от страха

Шел однажды человек по имени Байе через лесные заросли. Был он один и шел долго-долго, шел издалека. И очень оголодал. Зашел он в деревню. Там его так хорошо встретили, так сытно накормили, что Байе решил остаться. Взял он в жены девушку из местных и мирно прожил с ней много лет.

Но вот однажды, после обильной трапезы, вздумалось Байе пойти в лес нарубить толстых веток на ручки для мотыг. И не знал он, что в чаще развелось много хищных зверей, забредали сюда даже львы.

Едва углубился Байе в лес, ему вдруг дорогу заступил повелитель джунглей и грозно зарычал. От страха Байе наложил в штаны, затрясся и посерел. Лев шагнул к нему. Байе взвизгнул, подпрыгнул и исчез в густых зарослях колючего кустарника. Лев ходил, ходил вокруг, но никак не мог добраться до человека. Он сторожил его целую неделю, а потом ему надоело, и он ушел восвояси.

Байе сидел среди колючек и не знал, благодарить ему судьбу или проклинать, потому что выбраться он не мог и уже ослабел от голода.

Проходил как-то поблизости охотник. Байе услышал шаги человека, окликнул его:

— Эй, кто там идет?

— Я.

— Кто—я? Что здесь делаешь?

— Я охотник. Ищу в лесу дичь.

— Друг мой охотник, помоги мне, вызволи меня отсюда!

— А как ты туда попал, в эти колючие заросли?

— Рыжий страх загнал меня сюда.

— Ах так? Значит, рыжий страх и вызволит тебя отсюда.

— Как это так?

— Сейчас увидишь.

Охотник набрал сухой травы и обложил ею заросли колючего кустарника. А потом внезапно запалил сухую траву со всех сторон. Взметнулось рыжее пламя! От страха Байе бросился вперед головой, сам не понял, как продрался сквозь колючки и выскочил из зарослей.

Охотник встретил его веселым смехом. Они обнялись и с тех пор стали большими друзьями.

Браслет вождя

Сказ мой про вождя, про его колдовской браслет, про молодого красавца, про его жен да про их неразумных детей. Так слушайте!

Жил-был вождь, знатный да богатый, и любил он больше всего на свете играть в игру бо. Всякого гостя с собой играть усаживал, а надо сказать, играл он прескверно, потому и проигрывал. Победителю в награду давал поносить на два дня свой золотой браслет, но с условием: потеряет гость браслет—голову долой.

Но браслет тот был не простой, а колдовской. Признавал он только запястье вождя, а с чужого, как ночь придет, так и соскочит незаметно и катышком, катышком прямо в озерцо, там его поутру вождь и вылавливал. А гостя жизни лишал, дескать, не выполнил уговор. И вскоре совсем с вождем в бо играть перестали — кому охота с жизнью расставаться!

Раз пришел в деревню юноша, ликом красив и сердцем добр. Зазвал его вождь к себе. Была у него дочь, молодая да пригожая. Увидела юношу—влюбилась без памяти. И, зная об отцовском коварстве, наказала юноше не играть с ним в бо.

— Сядешь играть да выиграешь—не сносить тебе головы. А проиграть не удастся—хуже отца еще никто не играл.

Не внял наказу юноша, сел играть с вождем. И конечно, выиграл. По обычаю, дает ему вождь браслет, по обычаю же, и об условии говорит.

Ночью, как и водится, сполз колдовской браслет с руки—только его и видели. Понял юноша поутру, что стряслось, да поздно. Дай хоть попрощаюсь с невестой своею, думает. Рассказал ей все, лишь головой покачала девушка.

— Не послушал ты совета моего, не поверил мне! Да что теперь об этом толковать, бежать надо! Схоронимся на твоей сторонке, там нас отец не достанет!

Прихватила девушка пожитки кое-какие и в дорогу со своим суженым отправилась.

Бегут они, бегут, силы на исходе, подкрепиться бы надо, не то догонит стража. Видят: поле, в том поле люди, и несет им девушка снесь в корзине. Стала дочь вождя ту девушку упрашивать, продай да продай. Та и говорит:

— Продать не продам, для пахарей обед несу. Но ты по душе мне пришлась, а еще больше—спутник твой. Коли

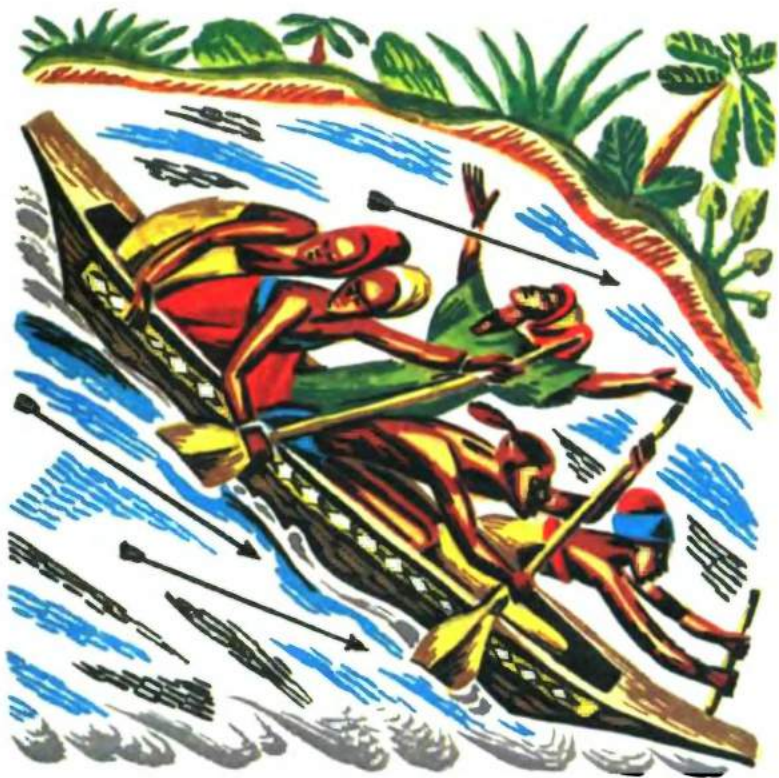
с собой меня возьмете и муж твой меня женою назовет, накормлю!

Делать нечего, пришлось беглецам соглашаться. Утолили они голод и снова в путь. И девушка с ними.

Бегут они, бегут, снова силы на исходе, напиться бы, да вблизи ни ручейка, ни колодца. Все сильнее жажда, все жарче солнце палит. Тут навстречу девушка с кувшином — работникам в поле воду несет. Бросились к ней обе жены, умоляют за любые деньги хоть глоток продать. А она в ответ:

— Денег мне не надо, только люб мне муж ваш. Коли возьмете меня третьей женой — напою.

Делать нечего, согласились беглецы. Напились и вчетвером дальше побежали. Долог ли путь их был, короток ли, только пришли они на берег широкой реки. А переправы нет. Как быть? Идти брод искать? А по пятам за ними

воины вождя, вот-вот настигнут, пропали, видать, беглецы. Смотрят, а по реке лодка быстрая бежит, гонит ее проворным веслом девушка. Кликнули—мол, все, что хочешь, проси, только на другой берег переправь—а она и говорит:

— Не нужно мне ваше злато, не нужно добро всякое. Переправлю вас на другой берег, только пусть муж ваш и меня в жены берет.

Чего тут думать-гадать, согласились они, сели в лодку, в один миг на другом берегу очутились, не догнать их теперь. Спасся юноша от коварного вождя.

Много воды утекло в той реке с тех пор. В мире и согласии жил спасенный со своими четырьмя женами. А у них разум быстрый, руки умелые, вскорости богатство и благоденствие в доме их воцарилось. И родила каждая по сыну.

Раз ушел их муж возлюбленный на охоту, и приключилась с ним беда. Укусила его змея, и умер он в одночасье. И завета никакого не оставил. Как же меж детьми наследство разделить? Говорит сын первый:

— Кабы не моя мать, не уберется бы отец от коварного вождя. Она его бежать подговорила.

Говорит второй:

— Кабы не моя мать, умерли б они с голоду по дороге. Она отца накормила.

Говорит третий:

— Кабы не моя мать, умерли б все от жажды. Она отца напоила.

И четвертый не отстаёт:

— Кабы не моя мать, догнали б их воины вождя. Она отца на лодке перевезла.

Итак, каждая из четырех жен спасла жизнь мужу. Так чьему же сыну наследство по праву принадлежит?

О хвастливом Бала и неверной Диуме

С детства дружили Бала и Диуме, вместе играли, никогда не разлучались. Выросли—предложил Бала Диуме замуж за него пойти, да заупрямился отец девушки — согласия не дает. Но разве это помеха, только окрепла любовь их. Диуме на других юношей и смотреть не желает. А удалась она пригожей, от женихов отбою нет, только всякому отказ выходит. Так и оставалась Диуме без мужа, все верность своему Бала хранила. А чтобы почаще его вспоминать, взяла к себе его сестру младшенькую.

Возгордился Бала от такой верности. Сидит, бывало, с дружками-приятелями, хлещет пиво да похваляется:

— Моя Диуме и не взглянет ни на одного мужчину. Никто ей не мил, кроме меня. Так что без толку женихи ее порог обивают, сохранит мне Диуме верность.

И дошли его хвастливые речи до самых глухих деревень, везде прознали про верность Диуме. И вознамерились некоторые проучить Бала.

Один юноша решил увести красавицу Диуме. Пришел он в ее деревню, смотрит, сидит при дороге старуха.

— Скажи-ка, бабушка, где тут живет верная Диуме? — спросил юноша и протянул старухе золотой.

Указала она ему дом Диуме, поблагодарила и вздохнула.

— Напрасна щедрость твоя, напрасно и путь такой прошел. Диуме и смотреть ни на одного мужчину не хочет—один Бала ей люб.

Лишь усмехнулся юноша, не внял словам старухи, пошел к дому Диуме. Заслышала она шаги, не успела служанку послать разузнать, кто и зачем явился, глядь, а гость незванный уже на пороге стоит.

— Премного наслышан о тебе, Диуме. Говорят, ты на мужчин и смотреть не желаешь, верность хранишь своему Бала. Но не зря же я издалека шел, не зря отыскать тебя хотел и теперь, раз нашел, уведу с собой. Вот тебе двадцать золотых — со мной ты заживешь безбедно.

Испугалась сперва Диуме—уж больно напорист гость, но быстро в руки себя взяла.

— Уходи, незнакомец, подобру-поздорову, пока мой возлюбленный тебя не видел! А увидит—живым тебе отсюда не выйти.

Услышала разговор этот младшенькая сестренка Бала, та, что у Диуме в доме жила. Побегала она что было мочи за Бала. А тот, беспечный, сидит пиво пьет.

— Брат, поспешай! Явился издалече странник, хочет Диуме с собой увести.

Молвил самоуверенный Бала:

— Не видишь, что ли, мужчины делом заняты, а ты с какой-то чепухой лезешь? Вы уж, друзья мои, не взыщите, мала она еще, сама, поди, не понимает, о чем толкует.

Не отступает малышка, брата теревит. Не вытерпел он наконец, пошел за ней к дому Диуме.

— Чей это шакалий вой слышу я в доме?

— А чей это шакалий вой слышу я на подворье?—отвечал самозванец.

Распахнул Бала дверь, набросился на соперника. Бились они, бились, ни один верх взять не может. Всю силушку свою положили, уж дышат едва, а ни один не сдается. Шепчет тут сестренка Бала:

— Отойди, братец, в сторонку, дай мне с врагом расправиться.

Отошел Бала, ударила раз кулачком своим маленьким сестра, и наземь свалился гость незванный. Выволок его Бала со двора, пришел тот в себя да убрался восвояси.

Вскорости еще один странник в деревне объявился. И тоже — к Диуме свататься. И ему старуха при дороге повстречалась, дал он ей пять золотых.

— Спасибо, добрый человек. Богат ты, видать, и щедр. Коль и Диуме, не скупясь, одаришь—получишь ее а жены. У Бала ни злата, ни серебра столько нет.

Смело вошел юноша в деревню. Повстречал у входа служанку Диуме, а та ему и говорит:

— Коли жизнь тебе, странник, дорога, поворачивай. Чужакам сюда вход заказан.

Дал ей странник десять золотых и попросил кланяться госпоже. Подивилась служанка его щедрости и храбрости, передала поклон Диуме. Крепко призадумалась верная Диуме: «Если уж служанке моей он десять золотых не пожалел, значит, безмерно богат. Значит, и меня ждет богатство и довольство».

И приказала впустить гостя.

Приветствовал он Диуме так:

— Хоть живу я далеко отсюда, но и до наших краев дошла весть о твоей красоте и верности. И решил я отыскать тебя во что бы то ни стало. Захочешь—озолочу, захочешь—любого ради тебя одолею. Никого не страшусь. Дам тебе все, что ни пожелаешь. Садись со мной на коня, поедem в мои края.

И не выдержала верная Диуме.

— Что ж, будь по-твоему. Не люб мне больше Бала! Много ль доброго он мне сделал?—Вскочила в седло к страннику, и были они таковы.

Да только разговор их подслушала маленькая сестренка Бала. Бросилась к брату—он, как бывало, все с друзьями за пивом дни коротает.

— Пospешай, братец, беда! Увез странник твою Диуме! Не поверил Бала.

— До чего ж надоела ты мне! Оставишь ли когда-нибудь меня в покое? Сама не понимаешь, о чем толкуешь! Неужто найдется на белом свете мужчина, с кем Диуме убежать бы согласилась?!

— Пospешай, братец, пока не поздно!—твердит ему сестра.—Сбежала твоя Диуме, неверной на деле оказалась.

Бала—домой, видит, правду сестренка сказала. Разъярился Бала, поклялся, что либо беглянку отыщет, либо во все домой не вернется. Схватил меч, оседлал коня и поскакал в погоню.

Ветром мчит, коня не шадит, и стал он Диуме и ее нового избранника догонять. Увидела Диуме, говорит своему спутнику:

— Гонится за нами презренный Бала. Ни за что к не-

му не вернусь. Если случится вам драться, во что бы то ни стало одолей его.

Поравнялся Бала с беглецами, кричит Диуме:

— По своей ли воле ты так поступила?

— По своей!—Диуме отвечает.

— Неужто такова твоя воля, чтоб меня предать и с чужеземцем убежать?—не верит ушам своим Бала.

— Сказала же: на все моя добрая воля! А теперь отпавляйся-ка восвойся, а не то не сносить тебе головы, во прах обратит тебя мой возлюбленный.

Не отступил Бала. Стали лошади как вкопанные, спешили всадники, повесил новый избранник Диуме бурдюк с водой на сук и меч обнажил... И Бала к бою изготовился, да только его меч возьми и переломись надвое! Чужестранец рад-радешенек, надвинулся на Бала, мечом замахнулся, а тот тоже—пополам! Сошлись врукопашную. Никак один другого не одолеет. Видит Диуме: без ее помощи не обойтись. Соскочила наземь, схватила Бала за ноги и повалила. Вмиг скрутил его новый жених, крепко-накрепко руки-ноги связал.

— Бросим его здесь да дальше поедem,—предложил он Диуме.

— Ну уж нет!—за все решила отомстить Диуме.—Разведем костер и сожжем его!

И заплясали-заиграли вокруг несчастного Бала огненные языки.

Решил жених Диуме жажду утолить. Снял бурдюк с дерева, глядь—а оттуда змея ядовитая! Ужала его, и упал он наземь бездыханный. А змея оборотилась вдруг сестрой Бала! Весь путь с беглецами была, своего часа дожидалась. Бросилась она к брату, с костра сняла, руки-ноги развязала.

А Диуме лежит на земле, своего возлюбленного оплакивает. Подошел к ней Бала.

— Ах, Диуме, Диуме! Изменила ты мне. Так я на твою верность полагался, а ты меня предала! Не стану я тебя бить, не буду жизни лишать, а отвезу в нашу деревню, пусть все люди на неверную полюбуются. И наказание тебе такое определю: жить тебе до скончания дней незамужней.

Взмолилась несчастная Диуме:

— Лучше убей меня, чем позорить! Как мне теперь в деревню возвращаться? Люди ж пальцами начнут показывать, насмехаться. Дай мне лучше умереть здесь!

Но непреклонен Бала. Должно наказать такое вероломство—другим неповадно будет. Отошла безутешная Диуме в сторону, села и говорит:

— Ни за что с места не сдвинусь!

И не успела это промолвить, как в большой гриб превратилась.

И по сей день, встретится вам гриб в лесу, шелкните по шляпке пальцем, мол, привет, Диуме! Он непременно вам в ответ кивнет.

Как верблюды удачу принесли

Жил некогда человек по имени Али, и хотелось ему больше всего белый свет повидать, в дальних краях удачи поискать. И говорит он жене однажды:

— Завтра в дальний путь отправляюсь. Поброжу по белу свету, авось и повезет в чем.

Не хотела жена его отпускать, но слова не сказала поперек — вольному воля.

Поутру ушел Али из дому куда глаза глядят. По пути нанимался всякую работу справлять, чтоб с голоду не умереть. У одного хозяина поработает чуток — дальше идет, у другого задержится — и снова в путь. Так едва ли не полсвета обошел, всякого насмотрелся, да и деньжонок подкопил. Как раз хватило, чтобы верблюдов купить.

Идет он со своими верблюдами, а навстречу путник.

— Приветствую тебя! — говорит.

— И тебе привет! — Али отвечает.

Потолковали о том о сем, а на прощанье путник и говорит:

— Подари мне что-нибудь, я тебе совет дам, не прогадаешь.

Отдал ему Али одного верблюда. И сказал ему путник:

— Попадется тебе река, первым вброд не ходи, пусть другой кто сперва попытает.

Поблагодарил его Али и пошел своим путем. Долго ли, коротко ли был он в пути, только повстречался ему еще один путник. И тоже говорит:

— Подари мне что-нибудь, я тебе совет дам, не прогадаешь.

Расстался Али и со вторым своим верблюдом. Предупредил его путник:

— Случится тебе отдыхать, не ложись под дуплистым деревом.

И его поблагодарил Али. Идет дальше. Идет себе, идет, а навстречу — мальчик.

— Подари мне что-нибудь, Али,— говорит,— я тебе совет дам, не прогадаешь.

Отдал ему Али последнего верблюда.

— Наберись терпения,— сказал мальчик,— разгневаешься — гнев не показывай.

— Спасибо тебе! — поблагодарил Али и дальше путь держит. Вскорости попались ему двое погонщиков, гнали они тридцать верблюдов.

— Пойдем с нами,— говорят,— втроем легче управиться.

Согласился Али, и погнали они верблюдов втроем — на каждого по десять. Вот подошли к реке. Широко разлилась, поля прибрежные затопила. Разделся один из погонщиков, в воду полез. Да в омут угодил — только его и видели. Поостереглись Али и другой погонщик, стали брод в безопасном месте искать.

Перебрались через реку, смотрят, перед ними лес дремучий. А день уж к вечеру клонится, да и устали они изрядно, вот и решили в лесу на ночлег стать. Расстелил погонщик циновку под большим дуплистым деревом, а Али, памятуя о совете, на опушке место выбрал. В полночь выползла из дупла змея гремучая и погонщика ужалила, жизни лишила. Поутру увидел

Али, что стряслось, погоревал-погоревал, да делать нечего — пошел спрашивать, не знает ли кто, откуда погонщики родом и куда верблюдов гнали. Надо же чужое добро вернуть. Одного спрашивает, другого, третьего — никто ничего не знает. Стал Али терпение терять. Да спохватился вовремя.

И погнал всех верблюдов в родные края, истосковался он по дому, по жене. И она ему обрадовалась несказанно.

— Что белый свет повидал — хорошо, но куда лучше, что целым-невредимым домой воротился, — говорит.

— И не просто целым и невредимым, — Али отвечает, — но и удачу свою сыскал. Мне ее верблюды принесли.

И зажил Али с женой безбедно и согласно.

Волк-принц

Жил в маленьком городке один человек, и была у него дочь красоты несказанной. Подошло время ее замуж выдавать, стали женихи свататься, удалые, пригожие, да только отец красавицы ни одному не рад, получше, мол, дочка сыщется. Съезжались отовсюду знатнейшие из знатных, достойнейшие из достойных, и всяк себя лучше другого выставляет — лишь бы руки красавицы добить-

ся. Только напрасно — отец одно твердит: «Получше жениха себе дочь сыщет». Отступились женихи, отчаялись — легче звезду с неба достать, чем красавицу сватать.

А она и сама не рада, что все так оборачивается, и у матери сердце за дочь болит. И давай они отцу выговаривать, дескать, негоже так привередничать. Устыдился в конце концов отец и решил поехать на ярмарку высокородных женихов и выбрать своей дочери мужа. Втайне поклялся он богу Опа, что не станет привередничать, первый встречный на ярмарке и наречется избранником дочери. Опрометчиво поклялся, не подумал, что самый первый может оказаться не самым достойным.

Лишь ближайшему другу поведал о своей клятве. А тот по секрету своему племяннику, красавцу принцу, тоже безуспешно сватавшемуся за красавицу. Прознав о клятве, юноша пустился на хитрость. Переоделся в волчью шкуру и ранехонько появился на ярмарку. Отец красавицы тоже приехал пораньше, глядь, а навстречу волк! Вот те на! Вот тебе и первый встречный!

— Горе мне, горе! — только и простонал несчастный отец.

Не нарушать же клятву. Бог Опа все видит, и суд его суров — страшная и позорная смерть ждет отступника. Делать нечего, повел отец своей дочери «самого достойного» жениха — волка.

А красавица с матерью сидят, разделись, ждут не дождутся обещанного жениха. Только смотрят, едет отец не с принцем, не с вельможей знатным, а с волком! Ну кричать, ну стенать, да слезами горю не поможешь. Думает девушка: возьму волка в мужья — помогу отцу клятвы не преступить, откажусь — позор падет на мою голову. Видит она, как отец с матерью убиваются, пожалела их и согласилась за волка замуж пойти.

Повел ее волк в джунгли, да только до лесу дошли, скинул он шкуру волчью и предстал пред девушкой прекрасный принц. Отправились они не в чащу лесную, а в роскошные хоромы.

И ладно зажили молодые, отец с матерью на них не нарадуются. Вот ведь как бывает: и волк в дом счастье принести может.

Двое странников

Пришли в деревню под вечер двое странников. Сперва, как положено, к вождю — с приветом и просьбой приютить на ночь. Сказал вождь:

— Вы — мои гости, а гостям у нас всегда рады! Особый дом для них стоит, там и переночуете, там вас и покормят. Помните лишь, что есть у нас старый-престарый обычай: каждого, кто захрапит, предают смерти. Крепко помните об этом, случись вам во сне захрапеть — больше не проснетесь!

Напутствовал их так вождь и проводил к дому для гостей. Стали путники спать укладываться. Среди ночи как засопит, как захрапит один: «Уфф-хха, уфф-хха!»

Слышит его товарищ: со двора уж другие звуки доносятся: «Дзынь-дж, дзынь-дж!» То селяне ножи вострят. Вспомнил странник о древнем обычае, стал друга будить, а тот знай себе сопит да храпит пуще прежнего: «Уфф-хха, уфф-хха». Начал ему товарищ подпевать, и сложилась такая песня:

Уфф-хха, уфф-хха,
Мы пришли издалека.
Здесь нас на ночь приютили,
Напоили, накормили,
Отдыхаться нам пора,
Уфф-хха, уфф-хха.

Громче и громче пел он, так что храпа и не слышно. Слушали-слушали селяне песню, и так она им понравилась, что принесли барабаны, стали подпевать и в пляс пустились. Вся деревня танцевала и веселилась до зари.

Утром странники пришли к вождю попрощаться, за ночлег благодарить. Пожелал им вождь счастливого пути, да еще и денег дал.

— Это награда за песню. Вы принесли в нашу деревню праздник. Спасибо.

Тронулись приятели в путь. И разгорелся у них спор: как деньги разделить. Тот, что храпел, говорит:

— Бóльшая часть по праву моя. Спи я тихо и спокойно, не сочинить бы тебе песню, посему и награды бы не было.

Отвечал его спутник:

— Верно. Не храпи ты ночью, не сочинить бы мне песню. Но не забывай, кабы не песня моя, тебе бы го-

ловы не сносить. Селяне уже ножи точили, тебя порешить собирались. Так что отдай ты большую часть мне.

Спорили они, спорили, так к согласию и не пришли. Как же их рассудить?

Красавица Нсия

Жили в деревне Бонтуку трое юношей. И каждому досталось в наследство по одной волшебной вещице: одному — зеркальце, что ни пожелаешь, все в нем увидишь, другому — веер из чудесных перьев, взмахнешь — и враз в любом месте очутишься, третьему — хлыст-чудобой, хлопнешь над умершим — тот вмиг оживет.

Все трое были без памяти влюблены в красавицу Нсию, дочь вождя, но всем отказал ее отец.

— Рано вам о женитьбе думать. Какие вы мужчины? Только одежду мужскую носите, а делами достойными пока не отличились. Проявите себя, докажите истинное свое мужество, посмотрю, кто преданнее всех мне служит, того и выберу в мужа дочери.

И отправились все трое к морю, там скорее испытать себя на деле можно. Ни в пути, ни в работе не разлучались. Достанет, бывало, первый зеркальце, на родную деревню Бонтуку любитесь, на красавицу Нсию да друзьям обо всем докладывает.

Вот раз смотрит он в зеркальце и видит — Нсия бездыханная лежит, вся деревня ее оплакивает. Вскричал юноша:

— Братья, умерла наша Нсия! Лежит в доме, и вся деревня слезы горючие льет. Нам поспешать домой надо — кому ж хоронить нашу возлюбленную! — И зарыдали все трое безутешно.

Собрались было домой, да вспомнил тут второй юноша о веере своем волшебном и говорит:

— Пешком нам вовремя не поспеть, держитесь крепче, братья, за меня, авось донесет нас всех веер. — И взмахнул им над головой.

Глазом моргнуть не успели юноши, как в родной деревне Бонтуку оказались, прямо у дома вождя, увидели мертвую красавицу — пуще прежнего зарыдали.

И тут третий юноша достает свой хлыст-чудобой. Повел им три раза над головой Нсии и воскликнул:

— Очнись! Нсия!

И ожила девушка, как ни в чем не бывало поднялась.

Подступили к красавице юноши.

— Вот и проявили мы себя, любовь свою доказали. Решай, Нсия, кто из нас самый достойный, самый любящий. Того и бери в мужья.

Думала, Нсия, думала, ничего не надумала, судили-рядили все в Бонтуку, так и не рассудили. Кто ж все-таки достойнейший избранник?

Великодушная жена

Жил в стародавние времена торговец Океке. Каждый день спозаранку отправлялся он на базар, накупал товару и потом разносил по округе. Жил с ним по соседству еще один торговец, шутник и проказник, каких поискать.

Однажды вернулся он с базара раньше Океке и прямехонько к нему домой. Жена того, Укбала, подумала, что муж вернулся, обед собрала, а сама по хозяйству хлопочет, кто пришел — не видит. Сел хитрый сосед за стол да весь обед и съел.

Воротился домой Океке.

— Подай-ка поесть, жена! — кричит.

— Да я ж тебя уже потчевала! — жена ему в ответ.

Стали они тут ссориться, правду искать. Да всяк при своем остался.

На следующий день снова проказник сосед Океке опередил, снова жена его за мужа приняла, снова, подвоха не чуя, обедом накормила. Поел сосед и был таков.

— Почему обед еще не готов? — осерчал Океке, вернувшись.

Изумилась Укбала и огорчилась несправедливости такой. Снова они повздорили.

И на третий день соседу неймется: опять к обеду подоспел, выждал, когда Укбала отлучится, и съел все, что она мужу приготовила. Опять Океке без обеда остался, опять давай жене выговаривать. Пуще прежнего разъярился.

— Не нужна мне такая жена нерадивая. Иди-ка ты прочь!

Схватил ее наряд свадебный да башмачки, бросил все в маленькую лодку, жену туда посадил и от берега лодку оттолкнул. А река широкая, полноводная, течение быстрое. Вмиг утлый челн подхватило и унесло, только и видел его Океке.

Несет река Укбалу день, несет два, и видит она: рыбаки на берегу сеть починают. Кликнула она на помощь, бросились рыбаки в воды быстрые, спасли Укбалу-изгнанницу, ее платье и башмачки свадебные.

Говорит ей один рыбак:

— До чего ж ты статна и пригожа. Будь моей женой!

— Нельзя мне никак, — наотрез отказалась Укбала. — Домой я путь держу, в края родимые.

Не стали неволить ее рыбаки, и пошла Укбала дальше. День идет, два идет, наконец добралась до отчего дома.

— Отец, — говорит, — дозвожь и мне торговым делом заняться.

Тот согласился, дал ей денег. Накупила Укбала товаров, стала по деревням разносить. И вскоре она и сама стала в довольстве жить.

А у Океке тем временем дела все хуже и хуже. В долги залез. И дом отдал, да только все без толку.

Отправился он куда глаза глядят, то в одном месте побирается, то в другом. Добрался он и до городка, где Укбала жила. И случилось им на базаре повстречаться. Признала Укбала в оборванце мужа своего, и дрогнуло ее сердце. Повелела слуге к себе в дом оборванца привести. Да только и там Океке не признал ее. Наказала Укбала слуге помыть и постричь гостя, накормить-напоить его досыта и спать уложить.

Исполнил слуга все, что госпожа приказала. А Укбала нарядилась в платье свадебное и башмачки и мимо Океке прошла — авось узнает. И только она с ним поравнялась, заскрипели, зашептали волшебные башмачки: «Укбала и Океке. Укбала и Океке».

И горько зарыдал Океке.

— Откуда эти башмачки у тебя? — спрашивает.

— Мои они, со дня свадьбы мои. Неужто не признал ты меня, Океке? Я жена твоя, помнишь, посадил ты меня в челн и пустил по реке полноводной?

Воззрился на нее Океке в страхе. Как казнил он себя за содеянное! Да только поздно горевать.

— Не бойся меня! — Укбала его успокаивает. — Денег у меня сейчас предостаточно. Хочешь — оставайся, будь, как и встарь, мужем моим.

И остался Океке. Зажили они с Укбалой славно и ладно, и вновь к Океке удача в делах торговых вернулась.

Строптивая Бинта

Давным-давно жила в одной деревне девушка по имени Бинта. Была она горда и строптива. Ни с кем Бинта не дружила, подруг у нее не было, и всех юношей она прогоняла с презрением.

Когда девушки, ее одногодки, собирались плясать при луне, Бинта уходила к себе и никто не мог ее выманить из дому. Зато после полуночи, когда игры и пляски кончались и усталые девушки расходились по домам, Бинта одна выбегала на деревенскую площадь, плясала, хлопала в ладоши и пела:

Нет никого — я не грущу,
Я одна пляшу!
Нет никого — ночь да луна,
Я пляшу одна.

И так в одиночку плясала она каждый раз.

Многие юноши влюблялись в стройную Бинту. Но она всем отказывала. И вот один смелый юноша фула сказал себе: «Я женюсь на Бинте! Что бы она ни делала, что бы ни говорила, а быть ей моей женой!»

Поговорил юноша со своими друзьями, и они согласились ему помочь: очень им хотелось проучить строптивую Бинту!

Поговорил юноша с родителями Бинты, и они тоже согласились ему помочь. Бинте давно уже пора было выйти замуж, а она все привередничала!

Дождлся юноша ночи, и, когда девушки вышли плясать при луне на деревенской площади, нарядил он своего лучшего друга в лохмотья и шкуры, нацепил на него погремушки и колокольчики, надел ему на голову страшную маску с рогами. Стал его друг похож на чудище лесное, страшилище ночное. Объяснил ему юноша фула подробно, что надо делать, а сам ушел к себе в хижину и стал ждать.

Наплясались девушки при луне и разошлись по домам. После полуночи выбежала на площадь Бинта и снова, как всегда, начала кружиться, хлопать в ладоши и петь:

Нет никого — я не грущу,
Я одна пляшу!
Нет никого — ночь да луна,
Я пляшу одна.

И тут, в самый разгар ее пляски, выскочило из темноты чудище лесное, страшилище ночное, загремело погремушками и колокольчиками и завывло глухим диким голосом:

Конг-конг, бинто-чинто!
Донон ищет Бинту!
Конг-конг, чинто-бинто!
Я ищу горячку Бинту!

Услышала это Бинта, увидела чудище-страшилище и в ужасе бросилась бежать. А страшилище — за ней!

Прибежала девушка к хижине своей матери и начала просить:

Мама, мама, открой мне дверь!
Мама, сжался,пусти меня скорей!
Чудище гонится за Бинтой твоей,
Страшное чудище, не человек и не зверь!

А из темноты уже слышался звон колокольчиков и глухой дикий голос:

Конг-конг, бинто-чинто!
Донон ищет Бинту!
Конг-конг, чинто-бинто!
Я ищу гордячку Бинту!

— Я сама боюсь Донона!— ответила Бинте мать.—
Беги к своему дружку!
Но Бинта побежала к отцу.

Отец, отец, открой мне дверь!
Отец мой милый,пусти меня скорей!
Чудище гонится за Бинтой твоей,
Страшное чудище, не человек и не зверь!

Но и отец не впустил Бинту.

— Беги к своему дружку! — сказал отец. — Только он тебя спасет!

Побежала Бинта к своему брату, от брата к замужней сестре, от сестры к другим родичам, но никто не впустил ее, никто не открыл ей дверь. А чудище-страшилище все преследовало Бинту по пятам.

И тогда гордячка Бинта в отчаянии бросилась к юноше фула. Сразу открыл он ей дверь, схватил ружье и выстрелил в чудище. Завопило оно диким голосом и умчалось в темноту, гремя колокольчиками и погремушками.

Провела Бинта ночь с влюбленным в нее юношей. А наутро сказала:

— Я не вернусь ни к матери, ни к отцу. Я нашла себе мужа по сердцу. Мужа, который любит меня и ничего не боится!

Хитроумный и вор

Жил в одной деревне очень богатый и очень скупой человек, и не было для него большей радости, чем считать и пересчитывать свое золото. Хранил он его в мешочках, которые прятал в потайном месте, и каждый вечер доставал все мешочки, чтобы полюбоваться на свое богатство и еще раз все пересчитать.

Прослышал про богатея один предприимчивый воришка и решил, что надо ему урвать хоть толику этого золота. С этой целью он познакомился с богатеем, вошел с ним в дружбу и вызнал все его привычки, а затем как-то вечером, когда богатей имел обыкновение пересчитывать золото, спрятался в темном углу у него в доме. Богатей вышел на минутку за чем-то, вор сцапал два мешочка с золотом и давай деру.

Обнаружив кражу, богатей чуть не помер с тоски. Он сразу же смекнул, кто украл, однако никаких доказательств у него не было, и тогда он обратился к судье, который славился у них в округе своим умением распутывать самые сложные дела. Услышав об этом, вор испугался и немедленно обратился за помощью к человеку, который славился своим хитроумием.

Хитроумный внимательно выслушал рассказ вора о том, как все произошло, а потом сказал ему:

— Я тебе в этом деле помогу, но прежде чем дать тебе совет, — а он наверняка вызовет тебя из беды, —

ты должен пообещать отдать мне после суда половину золота, которое ты похитил у богача.

Вор охотно согласился на это условие и молил лишь об одном: чтобы хитроумный поскорее преподал ему спасительный совет.

— Ну хорошо, слушай, как надо сделать. Перед тем как отправиться в суд, взлохмать себе волосы, в тот день не умывайся и оденься в какое-нибудь тряпье. А веди себя так, будто начисто лишился рассудка. Тебя спрашивают, а у тебя на все один ответ: «Бе-е, бе-е». Блещешь, как козел, и все тут. Ни словечка не произносишь. Если ты не скажешь ни слова и будешь изображать сумасшедшего, судья не сможет ни в чем признать тебя виновным.

Вор исполнил совет в точности: на суд он явился в ужасном виде и вел себя как безумный. И на каждый вопрос, который ему задавали, ответ был один: «Бе-е, бе-е!» Судья не мог ничего выяснить и наконец, разгневавшись, прекратил разбирательство, так ничего и не добившись. А вор, ликуя, отправился домой вкушать удовольствия от несправедливо добытого богатства.

Назавтра пришел хитроумный к вору, чтобы получить с него половину похищенного золота. Вор встретил его у входа в хижину, а когда советчик потребовал обещанное вознаграждение, в ответ только заблеял: «Бе-е, бе-е». Понял хитроумный, что его провели, и отправился восвояси, не получив за свой совет ни единой монеты. Шел он от хижины вора, а вслед ему несло: «Бе-е, бе-е...»

Мудрая Черепаха

Самой мудрой среди всех зверей и животных считается Черепаха. И вот однажды Черепаха решила собрать всю мудрость, какая есть в мире, сложить ее в тыкву-горлянку и повесить на дерево.

Долго она трудилась, но наконец исполнила свое намерение, собрала всю мудрость, какую только нашла, и сложила ее в тыкву-горлянку. Горлянку она привязала себе на шею и полезла на дерево, чтобы повесить. Тыква висела у нее на груди и мешала, Черепаха свалилась, но снова начала взбираться на дерево и снова свалилась. Так повторялось много раз.

Неподалеку сидел Человек и наблюдал за Черепахой. Наконец он подошел к ней и сказал:

— Эх ты, а еще считаешься самой мудрой среди всех зверей! Перекинь тыкву на спину, она и не будет тебе мешать, а так ты нипочем не влезешь.

Черепаша перекинула горлянку на спину и без труда влезла на дерево — ведь теперь ей ничто не мешало. И тут Черепаша расстроилась: оказывается, она не всю мудрость собрала в свою горлянку, много ее еще осталось в мире. Видно, всю и не собрать, да и не вместит ее сосуд из тыквы. И что самое обидное, Человек-то, судя по всему, мудрее Черепашки.

Да, даже умнейшие из нас порой совершают глупости.

Лев и Коза

Однажды на пышном зеленом лугу паслась Коза. Вдруг до ее слуха донеслось рычание. Коза оглянулась и увидела клетку, а в клетке — Льва. Она хотела убежать, но Лев жалобным голосом просил ее подойти. Коза приблизилась к клетке.

Изголодавшийся Лев стал умолять Козу отпереть дверцу и выпустить его. Коза сказала, что не доверяет Льву — вдруг он задерет ее и съест. Но Лев клялся, что не причинит ей никакого зла, что он будет ей всю жизнь благодарен, и Коза в конце концов отомкнула клетку и выпустила Льва.

Оказавшись на свободе, Лев горячо поблагодарил Козу за услугу. Но едва Коза успела сделать несколько шагов прочь, как он уже решил ее съесть — ведь неизвестно, попадется ли ему сегодня какая-нибудь добыча, а он уже так давно голодает, можно и с голоду умереть. Лев набросился на Козу и схватил ее.

Коза была потрясена вероломством Льва.

— Я же спасла тебя, выпустила из клетки, так-то ты меня отблагодарил! — закричала она.

В это время мимо них проходил Человек.

— Что у вас за спор? — спросил он.

Коза ему все рассказала.

— Где клетка? — спросил Человек.

— Вон стоит, — показала Коза.

— Давайте вот что сделаем: подойдем к ней и вы мне покажете, как все было, тогда я смогу рассудить, кто из вас прав, а кто виноват, — сказал Человек.

Итак, все трое подошли к клетке.

— Стало быть, это та самая клетка и есть? — еще раз спросил Человек.

— Да, та самая, — подтвердил Лев.

— И ты в ней сидел? В какой позе?

Лев показал.

Человек вошел в клетку и сел.

— Так?

— Нет, совсем не так, — возразил Лев.

— Тогда войди сам и покажи, — приказал Человек.

Лев вошел в клетку, но не успел он сесть, как Человек захлопнул дверцу и запер ее.

— Вот тебе достойное наказание за неблагодарность, — сказал он Льву. — А ты, Коза, запомни, — продолжал он, — нельзя помогать всем без разбору. Хищник он хищник и есть, от него добра не жди.

Прилив и Гольян

— Скажи-ка мне, друг, когда идет на ущерб луна? — накатываясь на берег, спросил у Гольяна Прилив.

— Не приставай ко мне, — ответил Гольян, — а то я сейчас умру от жажды. Я ищу, где мне напиться.

Прилив очень удивился.

— Что за чушь ты несешь, Гольян? — сказал он. — Ты ведь живешь в воде, а ищешь, где напиться?

— Но ты накатился и спросил меня, когда идет на ущерб луна, — отвечал Гольян. — Луна поднялась, и ты поднялся; ты ведь с ней связан, с Луной, а я тут плаваю, в глубине, и вижу лишь ее бледное отражение. Ты говоришь, что я несу чушь, а сам-то что спрашиваешь?

Как Калао стала черной

Начнем рассказ о том, как Калао стала черной.

Жил давным-давно человек, у которого было четыре жены — Цесарка, Курица, Куропатка и Калао. Когда жены готовили мужу еду и приносили, он приказывал все унести и выбросить собакам. Ел он только то, что готовила ему Калао, и даже знать не хотел, что еда, приготовленная другими женами, была вкусней и лучше.

И вот пришло время, и у каждой из жен родился ребенок.

Однажды, когда женам надо было работать на полях, они оставили своих детей каждая в своей хижине и перед уходом наказали мужу:

— Если дети расплачутся, накорми их. Еду мы оставляем в хижинах. Поедят малыши и успокоятся.

С этими словами они ушли.

Ребенок Курицы вдруг заплакал.

Муж вошел в хижину Курицы, попробовал соуса, который та приготовила, и удивился:

— Ох-ох-ох! До чего же вкусный! Вот уж не ожидал!

Потом покормил ребенка и вышел.

Вскоре заплакал ребенок Цесарки. И в ее хижине муж отведал соуса, и он тоже ему очень понравился. Опять он покормил ребенка Цесарки и вышел.

А потом расплакался ребенок Куропатки. И снова муж зашел в ее хижину, отведал соуса, приготовленного Куропаткой, и нашел его превосходным. Дал поесть ребенку и вернулся к себе.

Тут разревелся ребенок Калао. Муж побежал в ее хижину, попробовал ее соуса и чуть не выплюнул. Этот пресный, грубый соус и сравнить нельзя было с теми, которые готовили остальные жены. А ему приходилось есть эту дрянь каждый день! Но что мог он сделать теперь?

Когда все жены вернулись домой, он не сказал им ни слова.

Вечером Калао, как обычно, приготовила ужин и принесла его супругу. Но тот велел выбросить все собакам.

За ней вошла Куропатка со своим любимым вечерним блюдом, за ней — Курица, за ней — Цесарка. Муж приказал запереть дверь и никого больше не пускать. И в тот вечер, и во все другие вечера он ел только еду, которую готовили ему эти три жены. А от Калао не принимал ничего.

Вскоре он сказал своим женам:

— Я отправляюсь в далекий путь. Когда увидите, что куриный насест совсем побелеет, знайте: мое возвращение близко!

И он ушел. Долго длились его далекие странствия. Но вот куриный насест совсем побелел, и муж вскоре вернулся. Он принес своим трем женам в подарок по жемчужному ожерелью, и только одной Калао он дал ожерелье из ракушек улиток.

Но Калао не знала, что подарил ее муж другим своим женам. Она бегала по двору, она злилась и металась. Вот забежала в хижину Цесарки и спросила:

— Что подарил тебе муж, когда вернулся?

Промолчала Цесарка. Калао забежала к Курице. Но и та ничего не сказала.

На другой день все жены должны были идти за водой. Едва рассвело, Калао заглянула во все хижины и спросила Куропатку, Цесарку и Курицу:

— Вы пойдете сейчас с кувшинами к водоему?

— Да, пойдём, — ответили ей все три жены.

Они вышли со двора и пошли друг за дружкой к водоему.

Калао шла, пританцовывала, топала ногами и подпрыгивала, и ее ожерелье из ракушек улиток постукивало и звенело.

Вот пришли они к водоему, к деревенскому пруду. Калао быстро сбросила свою одежду, пань¹, и принялась

¹ Пань — набедренная повязка.

еще веселее приплясывать, и ожерелье из ракушек улиток зазвенело еще громче. Куропатка, Цесарка и Курица, не торопясь, тоже разделись, и тут Калао увидела, что чресла их опоясывают ожерелья из красных жемчужин. Сердце ее раздулось от злости. Калао накинула одежду и побежала домой. Там она привязала своего ребенка за спину, поставила на голову свой черный от сажи котел и бросилась бегом к деревне своих родителей. Надо бы ей взглянуть на небо, тогда б она увидела грозовую тучу. Да котел мешал!

И вот, едва отбежала она от деревни, хлынул дождь! Колючки цеплялись за ее пань, и Калао кричала:

— Отцепись от меня! Нет у меня больше мужа, нет у меня свояков!

А дождь все лил и лил и смывал жирную сажу с котла. И текла сажа на Калао, и скоро вся она сделалась черной, как сажа.

Вот почему до сих пор Калао такая черная.

Охотник и Леопард

Голодная выдалась пора. Никакой еды во всей округе. Даже такой искусный охотник, как Ньянге, и тот ничего не мог раздобыть. Три дня он ходил по лесам в поисках какого-нибудь зверя, да так и пришлось ему возвращаться домой с пустыми руками.

Подходит он к своему жилищу и слышит: с высокого дерева, что растет возле самого его дома, несутся чьи-то громкие крики. Взглянул он наверх и видит: огромный Леопард застрял в развилке между двух сучьев.

— Помоги мне, добрый отец Ньянге! — кричит Леопард.

— Да как ты туда попал? Какая сила тебя забросила?

— Ты сперва вызволи меня из этой ловушки, а потом уж я расскажу тебе, как все случилось, — отвечает Леопард.

Ньянге был сильный и добрый человек, он помог Леопарду высвободиться, тот спустился с дерева и вот что рассказал:

— Это слон разбушевался от голода. Я хотел его успокоить, а он обхватил меня хоботом и забросил на дерево. Спасибо тебе, отец Ньянге, за то, что помог спуститься. Ты спас мне жизнь, но уж коли кто спас кому

жизнь, то должен помочь и дальше. Я два дня просидел на дереве, и за все это время у меня во рту и крошки не было. Умоляю тебя, дай что-нибудь перекусить.

— Да где же мне найти еду для тебя? — спросил охотник.

— Ну хоть что-нибудь, хоть самую малость? — ныл Леопард.

Ничего не оставалось Ньянге, как отдать одну из своих собак. Леопард сожрал ее в одну минуту, а потом говорит:

— Ты мне только аппетит раздразнил. Теперь давай что-нибудь еще.

Ньянге отдал Леопарду и свою вторую собаку, а тому все мало.

— Я тебе все отдал, что имел, — сказал Ньянге. — Ничего у меня больше нет.

— Ну, если ничего больше нет, тогда я съем тебя самого, — говорит ему Леопард.

— Ах ты, злодей! — вскричал Ньянге. — Как же ты можешь такое сотворить? Ведь я спас тебе жизнь да еще отдал на съедение моих охотничьих собак, которые помогали мне добывать пропитание. Ах ты, неблагодарный!

И начали они спорить. Мимо ковыляла Черепаха, услышала их спор и говорит:

— Помолчите-ка минутку, сейчас я решу, должен Леопард съесть Ньянге или не должен. Только это чепуха какая-то: как же Ньянге умудрился снять тебя с дерева, Леопард? Не мог ты сидеть на этом дереве. Это невозможно.

Пришлось Леопарду показывать Черепахе, как это было: прыгнул он на дерево и снова застрял между сучьев. И тогда Черепаха сказала:

— Застрели его, Ньянге, потому что он неблагодарный дикий зверь. Хотел сожрать тебя — человека, который спас ему жизнь, да и сожрет, чего бы мы тут ни решили. Застрели его, Ньянге, и дело с концом.

Ньянге хорошенько прицелился и застрелил Леопарда.

Как родился сын у Оби

Долгие годы прожил Оби со своей женой Нгози, а детей у них не было. Ничто не радовало Оби и Нгози. Наконец решил Оби попросить совета у колдуна.

— Если хочешь, чтобы я тебе помог, — сказал колдун, — принеси мне молоко буйволицы, слезы слона, львиный клык, хвост обезьяны и мозг льва.

Оби простился с женой и отправился в путь-дорогу. Навстречу — кролик. Рассказал ему Оби, что не знает, где раздобыть молоко буйволицы.

— Я тебя выручу, — сказал кролик и поскакал к знакомой буйволице.

— Здравствуйте, уважаемая, — сказал он ей. — Не хотите ли побегать со мной наперегонки? Или вам это не под силу?..

Обиделась буйволица и согласилась. Кролик, поднимая тучи пыли, запрыгал по густым зарослям. Буйволица вслепую побежала за ним и застряла в колючем кустарнике. Дергалась, дергалась, так и не выпуталась. Кролик позвал Оби, и он спокойно надоил молока.

Пошел Оби дальше. Смотрит, слон рыдает над телом умершего сына. Пришлось снова обратиться за помощью к кролику. Подбежал кролик к слону и говорит:

— О великий владыка, вашим слезам не пристало падать на землю.

Подставил кролик плошку, собрал слезы и отнес их Оби.

— Это еще не все, — признался ему Оби. — Мне надо бы добыть клык льва и хвост обезьяны.

Кролик вернулся назад к слону и сказал с сочувствием:

— Великий владыка оплакивает своего любимого сына, а тем временем львы и эти мерзкие обезьяны насмеются над ним.

Разъярился слон. Двинулся он к ближайшему львиному логову и вызвал льва на поединок. В ожесточенной схватке лев потерял клык и бежал. Затем слон решил наказать обезьян. Как только те увидели слона, они бросились врассыпную, но слон мощным хоботом ухватил одну из них за хвост и оторвал его. Кролик упросил слона подарить ему львиный клык и оторванный обезьяний хвост и отнес их Оби.

— Ну, а теперь мне пора по своим делам, — сказал кролик.

Оби от всего сердца поблагодарил кролика, и они расстались. Сидит Оби, ломает голову, как достать ему львиные мозги. А мимо проходит осел.

«Попрошу-ка у него совета», — подумал Оби и отправился следом. Только собрался окликнуть осла, выпрыгнул

на тропу лев, тот самый, что обломал клык в битве со слоном. С яростью ринулся он на осла, а тот лягнул льва изо всех сил копытами и раскроил ему череп. Так Оби добыл львиные мозги.

Возвратился Оби к колдуну и говорит:

— Выполнил я твое условие: принес и молоко буйволицы, и слезы слона, и клык льва, и хвост обезьяны. А вот и самое ценное — мозги льва.

— Молодец, — похвалил его колдун. — У тебя обязательно будет сын.

Смешал колдун все принесенное и приготовил снадобье для Нгози. Так родила женщина, у которой долгие годы не было детей.

Когда сын вырос, он привел к себе домой осла и кролика.

— Вы помогли отцу в трудную минуту, — сказал он, — теперь я буду помогать вам.

И он поил и кормил этих животных до самой их смерти.

Заяц, Вождь и доло¹

Заяц с Вождем поспорили.

Заяц сказал:

— Я со своей единственной женой готовлю доло быстрее, чем ты со всеми своими женами.

Вождь ответил:

— Хвастун ты отчаянный! Как может твоя единственная жена сделать доло быстрее всех моих жен, и чтобы оно было готово раньше?

Ответил Заяц:

— А давай-ка попробуем!

И он поднялся и побежал к своей жене, которую звали Поко.

Он помог своей жене растолочь красное просо, которое уже проклюнулось и высохло, и помог ей натаскать сколько нужно воды.

Вождь тоже приказал своим женам растолочь просо и послал их за водой. И вот они с кувшинами-канари на головах отправились гуськом за водой.

¹ Доло — хмельной напиток, разновидность пива.

Но хитрый заяц обогнал их всех и спустился в колодец со своей мандолиной.

Когда жены Вождя подошли к колодцу, он начал наигрывать на мандолине и запел:

Что за женщины пришли сюда?
Что за женщины пришли сюда?
Я возьму сейчас мандолину,
Заиграю, как никогда!

И буду играть и петь, тра-ля-ля!
И буду играть и петь, тра-ля-ля!
И буду играть и петь, тра-ля-ля!
Пока все они не запляшут!

Когда жены Вождя слышали треньканье мандолины, когда слышали песенку Зайца, они начали спрашивать друг друга:

— Слышите? Слышите? Слышите эту песенку?

А Заяц все наигрывал на мандолине и пел:

И буду играть и петь, тра-ля-ля!
Пока все они не запляшут!

Тут жены Вождя бросили свои кувшины-канари и пустились в пляс вокруг колодца.

А Вождь все ждал и ждал их, и ждал понапрасну. Наконец он призвал слугу и послал узнать, почему его жены не возвращаются.

Слуга поднялся и побежал.

А в это время, пока жены Вождя плясали вокруг колодца, жена Зайца дома готовила доло.

Когда слуга добежал до колодца и приблизился, Заяц запел другую песенку:

Что за слуга прибежал сюда?
Что за слуга прибежал сюда?
Возьму я свою мандолину,
Заиграю, как никогда!

И буду играть и петь, тра-ля-ля!
И буду играть и петь, тра-ля-ля!
И буду играть и петь, тра-ля-ля!
Пока тот слуга не запляшет!

Слуга остановился, прислушался, а Заяц опять заиграл и запел свою песенку, и пел так лихо, что слуга ничего не спросил у женщин и сам вместе с ними пустился в пляс, кружась вокруг колодца.

Удивился Вождь:

— Что там делают мои жены? Почему не возвращаются? И где мой слуга?

Он отправил свою первую жену узнать, что случилось.

Но когда она пришла к колодцу и услышала песенку Зайца под мандолину, она тоже вошла в хоровод и пустилась плясать.

Тогда Вождь решил сам посмотреть, почему никто не возвращается..

Он вскочил на своего скакуна и помчался к колодцу.

Заяц услышал цокот копыт и запел по-другому:

Что за Вождь лихо скачет сюда?

Что за Вождь лихо скачет сюда?

Я возьму свою мандолину,

Заиграю, как никогда!

И буду играть и петь, три-ля-ля!

И буду играть и петь, тра-ля-ля,

Прокля Вождь не услышит меня,

Пока Вождь не соскочит с коня

И со всеми здесь не запляшет!

И он пел так весело и задорно, что Вождь соскочил с коня и пустился в пляс вместе со всеми.

И все они плясали, плясали, кружились и кружились.

А Заяц все пел и играл на мандолине, играл и пел...

Но вот он решил, что жена его уже успела приготовить доло, что она все уже сделала. И он замолчал. Не слыша больше песенки, не слыша звуков мандолины, танцоры остановились и с удивлением уставились друг на друга.

Вождь вспомнил, что послал женщин за водой, чтобы приготовить доло. Он приказал женщинам набрать воду, скорее идти домой, скорее готовить доло. И они заспешили, заторопились. А когда все ушли, Заяц вылез из колодца и по кустам, чтобы никто не заметил, добежал до дома. И страшно обрадовался, когда увидел, что его жена успела за это время приготовить доло!

Он поставил кувшин-канари с доло себе на голову, велел жене взять такой же кувшин с доло, и они отправились к Вождю.

Представ перед Вождем, Заяц сказал:

— Вот мое доло, Вождь! Я не только обещал, но и сделал: мое доло готово, оно в этих кувшинах. А твое готово? Где оно?

Удивился Вождь. Начал спрашивать Зайца, как это он успел так быстро. И Заяц рассказал Вождю, как его жен-

щины отправились за водой к колодцу, как они слышали песенку под мандолину и, вместо того чтобы набрать воды для доло, принялись плясать и прыгать, прыгать и плясать. Потому они и не успели приготовить доло.

А под конец Заяц сказал:

— Вот почему я и поспорил с тобой, Вождь, что моя единственная жена приготовит доло скорее, чем все твои женщины!

Вождь не знал что ответить и сидел молча, словно ему рот зашили.

Так и кончается эта сказка.

Конко-сом, рыба голая, усатая

Дождь шел днем, и дождь шел ночью. Дождь шел в начале недели, в середине недели и в конце недели. Дождь шел все время.

Обильные, частые ливни переполнили старицу. Дождевая вода размыла старое русло, на дне которого под слоем старого ила крепко спал в черной норе сом Конко, голая рыба с усами.

Вздулась старица, вышла из берегов, и большая волна унесла сома Конко далеко-далеко на бесплодную землю саванны.

Пришел вечер, воды старицы отступили тихонько в свое прежнее русло, оставив сома на песке. К счастью, множество дождевых ручейков и короткий разлив водоема увлажнили землю, и Конко-сом провел ночь хоть и не очень спокойно, но без особых тревог, под любопытными взглядами мигающих звезд.

Но вот звезды исчезли,— Конко-сом так и не успел понять их немой язык,— пропели вторые петухи, и подул свежий утренний ветерок. Начал Конко уже засыпать — и вдруг почувствовал острую боль в левом усе.

Открыл Конко-сом глаза и увидел рядом со своим песчаным ложем куропатку Воло. Это она ухватила его за ус своим крепким коротким клювом.

А Воло-куропатке просто нечего было делать. С тех пор как пошли дожди, воды было вдоволь повсюду, и Воло уже не приходилось бегать до самой старицы для утренних омовений. Вот она и не знала, чем заняться в утренний час.

Еще до восхода солнца просыпалась куропатка Воло и расхаживала повсюду, бегала везде, носилась где попало, пробуждая всех своим надоедливym резким криком и треском крыльев, громким треском, похожим на треск маиса на огне. Всех будила она до рассвета, и своих соседей, и случайных путников, остановившихся отдохнуть в саванне на ночь.

Увидела Воло-куропатка слезу в глазах Конко и решила, что сом наконец проснулся. Выпустила она его ус из клюва и сказала:

— Братец мой Конко, мы давно не виделись! Я надеюсь, ты провел ночь спокойно?

Было это приветствие слегка ехидным, но Конко-сом еще не совсем очнулся от дремоты и ехидства не заметил. А потому он ответил вежливо и любезно, как полагается всякому воспитанному сому:

— Да, спасибо, я провел ночь в мире с тобой.

— Извини уж меня, что я тебя разбудила так рано и так невежливо, — сказала тогда куропатка Воло. — Приглашаю тебя позавтракать. Пойдем с этой песчаной земли на поля, где зреет или уже созрел урожай. Пойдем поедим всяких вкусных вещей вволю! Пойдем поворуюем на крестьянских полях!

— Поесть? Что мы можем там поесть? Воровать? Что мы можем там своровать?

— Просо, мой милый родич! Маис, фасоль, арахис, мой милый родич!

— Я не могу пойти на поля. Мне туда не добраться. И я ничего не могу там сделать, даже поесть не смогу.

— Я одолжу тебе все, что понадобится. Все, что ты только захочешь.

— У меня нет лап.

— Я тебе одолжу!

— У меня нет когтей.

— Я тебе одолжу!

— У меня нет клюва.

— Я тебе одолжу!

— У меня нет крыльев.

— Я тебе одолжу!

— У меня нет перьев.

— Я тебе одолжу!

Куропатка Воло одолжила сому Конко все, чего ему не хватало, чтобы отправиться завтракать на поля крестьян.

И вот оба они на ухоженном поле, где уже созрел урожай.

Принялись они носиться от куч маниоки с медово-сладкими корнями к метелкам маиса, от манса к стеблям со сладкой фасолью.

Время от времени куропатка Воло поднимала голову, настораживалась и оглядывалась.

Уже много раз воровала она урожай у людей и зверей и всегда была настороже. Она хорошо слышала и далекий неясный шум, и каждый легкий подозрительный шорох, и глубочайшее безмолвие.

Куропатка Воло, едва-едва вылупившись из яйца, уже знала, как и куда ей бежать от малейшей опасности. Лучше всего она различала мерную, тяжелую поступь крестьян и почти неслышный шаг осторожных охотников.

И на этот раз, услышав хорошо знакомую ей мерную поступь хозяина поля, крестьянина Кеба, куропатка Воло вытянула шею, еще раз прислушалась и закатила глаза.

— Верни мне все, что я тебе одолжила! — закричала она Конко-сому. — Верни мне тотчас и лапы, и когти, и крылья, и перья.

Конко-сом вернул куропатке лапы и когти, крылья и перья и остался посредине поля совсем голый.

А Воло-куропатка подхватила свое добро, оперилась и взлетела перед самым носом крестьянина Кеба.

— Пррри-веттт!

Хозяин поля, крестьянин Кеба, вытаращил глаза, когда увидел усатую рыбу Конко на грядке с фасолью.

— Что это? Рыба кормится на моем поле?

И тогда Конко-сом пожаловался ему тихим голосом:

На твоём я поле,
Да не по своей воле!
Куропатка пришла ко мне, —
Теперь она улетела, —
Сказала: «Пойдем кормиться на поле!»
Я ответил ей: «У меня нет лап».
«Я тебе одолжу», сказала она.
Я ответил ей: «У меня нет крыльев».
«Я тебе одолжу», — сказала она.
Я ответил ей: «У меня нет когтей».
«Я тебе одолжу», сказала она.
Я ответил ей: «У меня нет перьев».
«Я тебе одолжу», — сказала она.
Привела меня куропатка Воло,
На твоём я поле,
Да не по своей воле.
А Воло улетела, пррри-веттт!

Пел Конко-сом очень тихо, и очень нежно, и очень грустно, но крестьянин Кеба уже взвешивал на руках его голое тело без чешуи и мечтал об отменной ухе, или сочном кускусе, или каком-нибудь вкусном блюде с жирной подливкой. Все это могла приготовить Тара, самая младшая из четырех его жен.

И вот бросил Кеба-крестьянин поющего сома Конко, рыбу голую и усатую, в мешок и отнес своей самой молодой и красивой жене.

— Посмотри-ка, Тара! — сказал он. — Вот тебе рыба: она кормилась на нашем поле.

— Рыба кормилась на поле? Как заяц? Слыхано ли такое? — воскликнула юная Тара, хлопая в ладоши.

— Ну, не совсем, как заяц, эта рыба воровала на грядках.

— Рыба воровала на поле? Видано ли такое? — поразила молодая жена крестьянина Кебы.

И в ответ ей Конко-сом снова запел тихо и жалобно:

Я на вашем был поле,
Но не по своей воле!
Куропатка пришла ко мне, —
Теперь она улетела, —
Сказала: «Пойдем кормиться на поле!»
Я ответил ей: «У меня нет лап».
«Я тебе одолжу», — сказала она.
Я ответил ей: «У меня нет когтей».
«Я тебе одолжу», — сказала она.
Я ответил ей: «У меня нет крыльев».
«Я тебе одолжу», — сказала она.
Я ответил ей: «У меня нет перьев».
«Я тебе одолжу», — сказала она.
Привела меня куропатка Волю,
Я на вашем был поле,
Да не по своей воле,
А Волю улетела, — пррри-ветт!

Была Тара самой юной из жен крестьянина Кебы, но вовсе не самой глупой. В родной хижине ее многому научили. И узнала она от старых людей немало, прежде чем попала в хижину мужа. Но ни разу в жизни Тара не видела поющих рыб, не слышала, чтобы рыбы кормились на крестьянских полях!

И сказала Тара:

— Эту рыбу нельзя класть в котел даже с самыми лучшими пряностями, она не годится даже для самого сочного кускуса или риса с подливкой! Этот сом — не для еды. Если мы его съедем, нам не будет покоя.

— Что же нам с ним делать? — спросил Кеба-крестьянин.

— Отнесем его вождю Фаме.

Крестьянин Кеба был человеком добрым и кротким и всегда старался угодить молодой жене. Отказавшись от сочного кускуса и жирной подливки, он отнес вождю Фаме сома Конко, рыбу голую, усатую.

С немалым трудом и не скоро добрался крестьянин Кеба до Фамы. А когда добрался, сказал Кеба:

— Фаме, я принес тебе рыбу, которую я поймал на своем поле!

Приближенные Фамы уставились на Конко-сома, рыбу голую, усатую, похожую на обожравшуюся змею, и стали спрашивать друг друга:

— Может, этот человек не в своем уме?

— Может, он рехнулся?

— Рыба в поле?..

— Рыба?..

— Посреди полей?..

Вождь Фаме был стар и многоопытен. Он знал, что крестьяне немногословны, ибо им чаще приходится иметь дело с молчаливой землей-кормилицей, чем с людьми. И поэтому вождь просто спросил:

— А что она делала на твоём поле, эта рыба, голая и усатая? Ответь мне, человек!

— Она там кормилась, о Фаме!

— Рыба кормилась на поле?

Даже вождь Фаме был поражен.

И тогда Конко-сом в ответ на его вопрос запел тихо и жалобно:

Я был на том поле,
Да не по своей воле!
Куропатка пришла ко мне,—
Теперь она улетела,—
Сказала: «Пойдем кормиться на поле!»
Я ответил ей: «У меня нет лап».
«Я тебе одолжу»,— сказала она.
Я ответил ей: «У меня нет когтей».
«Я тебе одолжу»,— сказала она.
Я ответил ей: «У меня нет крыльев».
«Я тебе одолжу»,— сказала она.
Я ответил ей: «У меня нет перьев».
«Я тебе одолжу»,— сказала она.
Я был на том поле,
Да не по своей воле.
Привела меня куропатка Воло,
А сама улетела,— пррри-веттт!

Фама-вождь был мудр и преисполнен знаний, однако и он никогда не слышал о поющей рыбе, да еще такой, которая ходила бы на поля кормиться вместе с куропатками.

И решил Фама-вождь оповестить об этом неслыханном чуде весь свой народ и всех своих соседей. Повелел он бить в тамтамы, призывая всех людей явиться к нему в пятницу, дабы все увидели и услышали рыбу голую и усатую, которая кормится на полях и жалуется на свою судьбу в тихой и грустной песне.

И когда пришла пятница, Фама-вождь приказал своему гриоту Мабо показать всем собравшимся удивительного Конко-сома, поющую рыбу, что кормится на полях.

— Поющая рыба?

— Которая кормится на полях?..

Все переспрашивали друг друга и не верили своим ушам.

— Как это рыба может кормиться на наших полях? — изумлялись подданные вождя Фамы.

— Как это рыба может петь? — еще громче вопрошали люди из соседних деревень.

— Да, эта рыба кормится на полях и поет! — уверил всех Мабо, гриот вождя Фамы.

Воцарилась мертвая тишина, и в этой тишине гриот Мабо поднес к своему правому уху усатую, голую морду Конко-сома.

Но ни одного звука не издали толстые губы рыбы без чешуи. Конко-сом, голый Конко молчал. Не пел и не говорил.

Трижды вопрошал его Мабо, придворный гриот, но Конко-сом продолжал молчать.

Сам вождь Фама обратился к поющей рыбе.

Конко-сом не ответил и вождю.

Не знал вождь, что рыба голая и усатая может только трижды пропеть свою песню на суше. Он подумал, что Конко-сом не хочет открывать свою тайну перед всей этой толпой, что собралась на него поглазеть. Никакая тайна не может быть достоянием всех и каждого.

Повелел Фама своему гриоту Мабо вынести Конко-сома за пределы владений и распорядиться с ним, как гриот захочет.

Мабо-гриот твердо знал, что нельзя убивать певца, что бы он ни пел, о чем бы он ни рассказывал. Даже если он говорит слова, неугодные сильным мира сего! Таким слова — всегда чистая правда, а если бы всех певцов

убивали за правду, ни сам Мабо-гриот, ни предки его, гриоты, не прожили бы на земле и дня.

И вот Мабо-гриот унес Конко-сома далеко-далеко, к Большой реке.

Там он выпустил в воду рыбу голую и усатую и сказал ей на прощание:

— Брат мой певец, никогда не кормись воровством на крестьянских полях!

Но едва повернулся гриот спиной к реке, как услышал из глубины песню Конко-сома:

Брат мой гриот,
Всего страшней тот,
Кто в долг обещает,
Кто нас обольщает.
Мабо-гриот,
Когда час придет,
Они все отбирают,
Нас в беде оставляют.
Бойся этих обманщиков,
Брат мой, Мабо-гриот!

Крокодилова родня

Крокодилова родня

Всю жизнь богатей крокодил прожил в почете и уважении. А умер — все звери и птицы на похоронах собрались. Отошел траур, пришло время наследство делить. И тут заспорили звери и птицы, кто крокодилу ближайший родственник, ибо кому, как не родне, богатство достанется.

Сказали птицы:

— Крокодил нашего роду-племени.

— Как бы не так! — зарычали звери. — Какая вы ему родня? Крокодил на вас совсем не похож. Вы в перья одеты, он — в крепкую кожу-броню.

Отвечали птицы:

— Верно, перьев, как у нас, у него нет. Но зачем судить по тому, что после рождения появляется, лучше судить по тому, откуда жизнь истоки берет. А у нас и у него они одни и те же — мы вывелись из яйца. Вот начало всех начал. Таким он у матери на свет появился. Наш он, наш, мы его законные наследники.

Не на шутку разъярились звери, услышав такое.

— Ишь, чего захотели! Крокодил — наш родич, нам его наследство и достанется!

Собрались лесной совет. Решили так: пусть звери свои доводы представят, почему крокодил им родня, и пусть птицам докажут, что не в яйце вовсе дело.

Держали слово звери:

— Верно, когда ищешь родства, нужно до самых истоков дойти. Но яйцо еще ничего не объясняет. Вся жизнь изначально из яйца произошла. Так что судить надобно не по происхождению, а по жизни. Жизнь — единственное мерило. Вырос крокодил, и стало у него четыре лапы, как у нас. Лапы — вот что главное, по ним и судить. Так что отдавайте-ка наследство нам!

Заверещали, загалдели птицы:

— Вы говорите, что у нас перья, а не кожа-броня. Посмотрите на себя, у вас тоже брони и в помине нет. Шерсть да мех! Один смех! И про жизнь вы неправильно говорите. Не тогда она у крокодила началась, когда ноги выросли. Он уже в яйце жил. А вы совсем и не из яйца рождаетесь. Не видать вам наследства!

Но звери не сдавались и по сей день спорят, никакой лесной совет их не рассудит. Может, вам удастся?

Лев — царь зверей, но не людей

Собрал как-то Лев зверей в своем дворце на совет. Приветствовали его звери лесные и кланялись низко. Молвил Лев:

— Собрал я вас для того, чтобы решить, как с человеком бороться. Житья от его козней нет.

Думали-думали, наконец Слон предложил для всех зверенышей школу устроить и учить их всему, что старшие уразумели.

— Кого же мы в учителя возьмем? — Лев-повелитель спрашивает.

— Возьмите меня, — вызвалась Гиена.

— А чему ты наших малышей учить станешь? — Лев вопрошает.

— Научу их пошире пасть раскрывать, погромче рычать да зубы пострашнее скалить. Ох как испугается человек!

— Как бы не так! — пискнул Заяц. — Большим зверям хорошо, а каково нам, малышам?

Задумалась Гиена, но что ответить не нашла.

— Лучше учить наших детенышей в траве прятаться, тогда нас эти вонючие двуногие не заметят, — предложил Заяц.

— Ох и насмешил же ты! — воскликнул Слон. — Где ж такая трава растет, что меня укроет?

Подняли звери Зайца на смех.

— Лучше меня учителя не сыскать! — похвастал Шакал.

— Ну-ка Расскажи о своем умении! — потребовал Лев.

— Познал я в жизни три истины, их и молодым передам. Первая: увижу, где пожить можно, сперва осмотрюсь, безопасное ли место — потому и в капкан не попадаю.

— До чего ж ты мудрый! — закивали звери.

— Вторая истина такова, — продолжал Шакал, — подойду к реке или ручью напиться, разведая сперва, нет ли кого поблизости. И даже если нет ни души, я голову к воде не клоню.

— Как же ты тогда пьешь? — изумился Заяц.

— А вот как: опущу в воду хвост, а потом отбегу туда, где безопаснее, воду с хвоста и слизываю. И так несколько раз, пока не напьюсь.

— А как ты ночью спишь? — спросила Гиена.

— В этом как раз и есть третья моя премудрость, — Шакал отвечает. — По ночам я делаю так: с одного места прокричу, перебегу на другое, потом — на третье, заберусь в чащобу, где ветвей не разнять, где листва сухая, там-то и ложусь. Стоит кому на сухую листву наступить — зашуршит, у меня сразу — уши на макушке.

— Да ты и впрямь мудрец, — признали звери.

— Что ж, быть тебе учителем наших малышей, — решил Лев. И стали все зверята к Шакалу в школу ходить, учились все прилежно, кроме Львенка.

— Ну что мне человек? — усмехался он. — Коли встречается, свалю крепкой лапой, растерзаю острым когтем.

Раз шли после уроков Львенок и Зайчонок. Глядь, а на встречу человек. Стоит Львенок, диву дается: что за странное существо? Человека он раньше и в глаза не видывал.

Подошел человек, рядом присел, поздоровался со Львеном почтительно — как-никак царский отпрыск.

— Что-то ты ни на одного зверя не похож, — говорит ему Львенок. — И почему-то я тебя у отца во дворец не видал ни разу.

Отвечал человек смиренно:

— Потому не ходок я во дворец к всемогущему

Льву, что стыдно мне. Тело мое шерстью не прикрыто, да и хвоста у меня нет.

Повелел Львенок человеку построить шалаш.

— Уж больно солнце яркое мне докучает,— говорит.

Сделал человек крепкий остов из жердей, веревками связал — клеть получилась. А Зайчонка давно и след простыл, как человека завидел — деру дал, только пятки засверкали. Так что один на один Львенок с человеком остался.

— Что ж, достопочтенный царевич, милости прошу,— человек зазывает,— посмотри, мягко ли, тенисто ли.

Забрался Львенок в шалаш, попросил еще и вход закрыть. Завалил человек вход, а сам пошел, набрал охапку сучьев да листьев сухих. Разложил он все это вокруг шалаша и поджег.

— Ну-ка ты, бесхвостый, выпускай меня поскорее, не видишь — горю! — Львенок кричит.

— Запомни же, глупый и хвастливый звереныш, сегодня ты впервые повстречал человека. Ну, где твои сильные лапы и острые когти? Ты ж грозил растерзать меня. А видишь, обернулось так, что твоя жизнь в моих руках.

— Прости, прости меня, человек,— взмолился Львенок,— глуп я и дерзок. Не губи.

— Что ж, пощажу я тебя,— сжалился человек и открыл вход.— Только крепко запомни: Лев — царь зверей, но не людей.

Двадцатипятилетний сильнее всех

Жили-поживали на белом свете добрые друзья — красивый молодой Лев и полосатая Гиена. Однажды Лев спрашивает Гиену:

— Скажи, друг, кого ты больше всех боишься?

— Дикого быка,— отвечает ему Гиена.— Он крушит все вокруг, топчет муравейники и так страшно ревет, что все звери дрожат от страха.

А потом сама спрашивает Льва, кого больше всех на свете боится он.

— Больше, чем всех зверей, и уж, конечно, больше, чем дикого быка, я боюсь двадцатипятилетнего мужчину,— отвечает Лев.

— Вот уж чепуха-то,— говорит Гиена.— Да ты одолей хоть одного дикого быка, а я за это запросто одолею двадцать двадцатипятилетних мужчин.

— Ну тогда прощай до вечера,— говорит Лев,— а вечером поглядим, что получится.

Приходит вечером Гиена к Льву, а тот занят — гриву свою расчесывает. Поприветствовали друзья друга.

— Надеюсь, ты не забыл, о чем мы условились,— спрашивает Льва Гиена.— Что до меня, то у меня слово — закон.

— Ничего я не забыл,— отвечает Лев.— Выбирай быка, и я с ним расправлюсь.

Укрылись Лев с Гиеной в зарослях у тропы, и тут как раз идут на водопой дикие быки, а с ними Бык — крушит все вокруг, топчет муравьиные кучи и ревет так, что воздух дрожит. Гиена показала Льву на Быка и дрогнувшим голосом говорит:

— Одолей вот этого...

Лев как прыгнет на Быка и задрал его в одну минуту. Устроили они с Гиеной пир горой, а на завтра пришли под вечер к той же тропе и спрятались в кустах. Пождали немного, видят, идет по тропе молодой мужчина. В одной руке большая палка, в другой — котелок с едой.

— Одолей вот этого, — говорит Гиене Лев.

Гиена подскочила к мужчине, а тот на нее и внимания не обратил, идет себе спокойненько по тропе, только сказал Гиене:

— Ты, Гиена, поосторожней. Гляди, какую пыль подняла.

Еще раз подскочила Гиена к молодому мужчине, но тот на нее даже не взглянул, только опять за пыль попрекнул. Лев уже посмеиваться начал.

Бросилась Гиена на молодого мужчину в третий раз и разозлила-таки его. Размахнулся тот да с такой силой стукнул Гиену по башке, что даже конец палки обломился и угодил Льву в глаз.

— Ну, что я тебе, Гиена, говорил! — крикнул Лев и бросился прочь.

А Гиена еле в себя пришла после такого удара. Отыскала она своего друга, который все еще тер глаз, и решили они, что впредь никогда не станут кидаться на людей, а уж тем паче на двадцатипятилетних мужчин.

Заяц, Лев и Белый Термит

Жил когда-то Лев, и была у него виноградная лоза, обвивавшая большое высокое дерево. С этого виноградного дерева лакомился виноградом только сам Лев и его семейство.

Время пришло, виноград почти созрел, и Лев запретил даже приближаться к своему виноградному дереву не только зверям из лесу, но даже своим сородичам. Он приказал окружить виноградное дерево изгородью из колючего кустарника и сам уселся сторожить.

Прослышал об этом Заяц-хитрец. И отправился в джунгли. Нарезал лиан, тонких и толстых, положил всю кучу себе на голову и пошел обратно, мимо сада Льва.

«Фру-фру-фру!» — шуршали лианы, раскачиваясь на его голове.

Заслышал это «фру-фру-фру» Лев, окликнул Зайца:

— Куда ты тащишь столько лиан, братец Заяц?

Ответил Заяц:

— Как, разве ты не слышал, дядюшка Лев? Разве ты не знаешь, что скоро налетит страшный ураган и все

только и думают, как спастись и спрятаться? Поэтому я и отправился в лес, нарезал лиан, чтобы привязаться покрепче самому и привязать всех моих сородичей, чтобы нас не унесло.

— Ох, неужто! — беспокоился Лев. — Иди скорее сюда, помоги мне, чтобы я тоже спасся от урагана!

— Нет уж, — ответил Заяц. — Не могу я тебе помочь, дядюшка Лев, потому что, если я задержусь, не успею привязать всех своих сородичей и сам не успею привязаться. Ведь когда задует ураган, он нас всех разнесет в клочья! Потому и не могу я остановиться, не могу помочь тебе...

— Трус! — заревел Лев. — Если ты мне не поможешь, сам умрешь и все твои родичи умрут, потому что я сейчас прикажу отнять у тебя все лианы и привязать

ими меня и моих родичей, а когда поднимется ураган, он унесет тебя и всю твою родню!

Заяц вроде бы задумался, опечалился, а потом сказал: — Пусть будет по-твоему, я тебе помогу!

Он пробрался через колючую изгородь, выбрал самые толстые и прочные лианы и крепко-накрепко привязал Льва к виноградному дереву возле самых корней. А потом начал разбирать колючую изгородь вокруг виноградного дерева.

Лев ревел от злости, но ничего не мог поделать. Он понял, что хитрый Заяц его обманул, но как он мог отвязаться?

А братец Заяц разобрал колючую изгородь, влез на вершину виноградного дерева и начал оттуда, сверху, созывать всех лесных зверей:

— Приходите, звери лесные, большие и маленькие! Нет больше колючей изгороди! Лев сидит привязанный! Все, кто хочет, могут взобраться на дерево и отведать сладкого винограда!

И все звери лесные, большие и маленькие, прибежали, прискакали и наелись винограда до отвала.

Тогда Заяц слез с виноградного дерева и спрятался среди густой травы. Очень ему хотелось посмотреть, что теперь будет делать Лев.

А Лев увидел, что почти весь его виноград съели звери лесные, и чуть не умер от злости. Сердце его разрывалось. Но что он мог сделать, привязанный?

И тут ко Льву приполз дальний родич не родич, а так, не поймешь его кто, — просто Белый Термит. Подполз он ко Льву и спросил:

— Нужно ль за добро платить добром?

— Да, — ответил Лев. — За добро мы всегда воздаем добром.

Трижды спросил его Белый Термит.

Трижды Лев ответил:

— Да. За добро мы всегда воздаем добром.

Тогда Белый Термит сказал Льву:

— Если так, я тебе помогу. Я перегрызу все эти лианы и освобожу тебя.

Он перегрыз лианы, которыми Лев был привязан к дереву, и Лев встал, Лев вскочил! И все звери лесные попрыгали с виноградного дерева и, крича от страха, помчались кто куда.

Лев поднял голову и увидел, что все виноградные гроздья исчезли, кроме как на самой верхушке, — остальные все съели звери лесные.

Но все же Лев радовался, потому что избавился от лиан, снова стоял свободным.

Лев сказал Термиту:

— Братец Белый Термит, не знаю, как тебя отблагодарить! Но вот что: через семь дней у нас будет праздник поминовения мертвых. Приходи, буду рад тебя попотчевать!

Заяц, сидя в густой и высокой траве, все это услышал.

Ему тоже хотелось побывать на этом празднике. Но если он пойдет и Лев его узнает, — не миновать беды!

Убежал Заяц тихонько, чтобы никто его не видел и не слышал.

В утро накануне праздника прибежал Заяц к Белому Термиту.

— Братец Белый Термит, правда ли, что Лев пригласил тебя на праздник поминовения мертвых?

— Да,— ответил Белый Термит.

— А ты знаешь, что Лев собирается сделать во время этого праздника?

— Откуда же мне знать? Когда такой могучий господин приглашает тебя, разве пойдешь и спросишь, что он собирается делать? Так что я уж пойду, а там будь что будет.

— Не ходи, послушайся меня! — взмолился братец Заяц.— Потому что я знаю, что собирается сделать Лев. Когда он вернулся домой, то объявил своим людям, что разгневался на всех зверей лесных, на всех жителей деревни, кто близко подходил к его виноградному дереву, и всех велел убить, когда они придут на празднество. Вот оно как! Конечно, ты, братец Белый Термит, его выручил. Однако Лев очень зол и на тебя, потому что, если бы ты пришел пораньше и пораньше перегрыз лианы, которыми он был связан, он бы раньше освободился, а главное — спас бы свое виноградное дерево. А так сидел он связанный, и все звери лесные лакомились его виноградом. И почти все съели! А все из-за того, что ты приполз слишком поздно! Лев до сих пор в ярости и убьет тебя первым.

— Ох, неужели это вся его благодарность? Неужели он на такое способен? Ладно же, я не пойду на его празднество и не буду больше думать о нем, раз он хочет убить меня после всего, что я для него сделал. Нет, не пойду я к нему!

— Ты правильно рассудил,— сказал Заяц.— Ты умница!

Вот какой хитрый был Заяц!

Он поспешил к себе домой и начал готовиться.

На другое утро разоделся он в праздничные одежды, надел всякие украшения и отправился ко Льву на праздник поминовения мертвых в маске Белого Термита.

Когда Заяц вошел во владения Льва, остановился он и трижды крикнул, подражая голосу Белого Термита:

— Вожды! Вожды! Вожды!

Лев сказал своему сыну:

— Пойди посмотри, кто этот чужак? Кто зовет меня? Сын Льва, совсем еще ребенок, побежал и сказал:

— Это братец Белый Термит.— И прибавил: — Ты же сам его пригласил!

А братец Заяц и на самом-то деле так переоделся, перекрасился, что стал совсем похож на Белого Термита.

Лев приказал впустить его в хижину, предназначенную для самых почетных гостей, в прекрасную хижину, совсем новую.

Братец Заяц вошел в нее, осмотрелся и разлегся отдохнуть в этой новой хижине.

А вскоре начался праздник, и гостям стали подавать всякие вкусные блюда.

Братец Заяц ел за троих, и тут еще принесли доло, сладкое доло, еще не перебродившее, и доло старое, очень крепкое,—все было к услугам гостей. Заяц наелся и напился до отвала. С полным животом растянулся он на циновке, чтобы отдохнуть.

Но перед этим хитрый братец Заяц незаметно собирал во время еды кости, и куриные и говяжьи, все кости, которые мог найти. И наполнил этими костями свой мешок.

Но вот Лев позвал своего сына и велел ему отнести дорогому гостю самое отменное доло. Мальчик пришел в хижину как раз тогда, когда отяжелевший от обильной еды и от крепкого доло Заяц сладко уснул. Во сне белый колпак съехал у него набок, и одно длинное ухо высунулось наружу.

Когда мальчик увидел это ухо, он очень удивился:

— Смотри-ка! Что бы это могло значить?

Он побежал и рассказал про длинное ухо гостя своему отцу.

— Да не может этого быть!—вскочил Лев.— Не мог братец Заяц прийти ко мне. Ни за что он на это не осмелится! Разве он меня не знает? Нет, нет, братец Заяц не может сюда прийти. Отнеси это доло нашему дорогому гостю и помалкивай.

Мальчик вернулся в хижину, поставил кувшин, но тут вдруг споткнулся, упал, на шумел и разбудил брата Зайца. Тут мальчик как следует его разглядел и бросился бегом вон из хижины. Братец Заяц сразу сообразил, что теперь ему не миновать беды. Он вскочил и стремглав пустился наутек.

Увидел его Лев и все понял.

Он выбежал из хижины со своими слугами, со своими детьми, и со своими приближенными, и со всеми гостями, которые пришли на празднество. И все они устремились в

погоню за Зайцем. Целую свору собак пустили по его следам.

Когда братец Заяц увидел, что собаки его настигают, он сунул руку в мешок и бросил им горсть костей. Собаки остановились, и началась у них грызня из-за этих костей.

Братец Заяц помчался дальше, а люди Льва—по его следам. Но вот отставшие были псы снова начали догонять. Снова Заяц бросил им щедро костей из мешка. И опять собаки, забыв о нем, передрались между собой. А Заяц все бежал, бежал и бежал...

Так бежал он три дня, и никто не мог его догнать. Но на четвертый день Заяц зашатался от усталости и не знал уже, где ему спрятаться.

Вдруг он увидел густые заросли колючего кустарника.

Одним прыжком он спрятался в самой чаще и затаился.

Собаки учуяли его, окружили заросли, но добраться до Зайца сквозь колючки не могли. Только лаяли от злости.

А Заяц отдохнул, одним прыжком выскочил из колючих зарослей и помчался дальше.

Вскоре увидел он баобаб с большим дуплом и спрятался в этом дупле.

Но собаки мчались по его следам.

Первая с разгону проскочила мимо баобаба, вторая влетела в темное дупло.

Она заметила в темноте Зайца, и Заяц испугался, что она его узнает. Тогда он закричал хриплым голосом:

— Что такое? Что это значит? Кто врывается в почтенный дом, как вор, как злодей, как бандит? Здесь лежит в темноте несчастный старик, который и двинуться уже не в силах, а его вдруг топчут ногами! Кто этот вор, кто злодей, кто бандит?

Собака так перепугалась, что выскочила стремглав из темного дупла. А на ярком свету совсем взбесилась и набросилась на других собак. И все они перегрызлись.

Увидел это Лев, испугался, как бы все его собаки не взбесились. Приказал слугам переловить их и убить. А сам поспешил со своими людьми вернуться домой.

Через три дня братец Белый Термит все-таки собрался навестить Льва. Он пришел к воротам ограды и трижды прокричал:

— Вожды! Вожды! Вожды!

Лев сам вышел посмотреть, кто это его зовет. Увидел, что это Белый Термит. Но решил, будто снова братец Заяц осмелился прийти на малое празднество, которое всег-

да устраивали через три дня после большого праздника поминовения мертвых.

Приказал Лев схватить и связать братца Белого Термита. Началась тут свалка и драка, и пока разбирались, кто из них кто, братцу Белому Термиту здорово досталось. И палками его избили, и всю одежду на нем изодрали! И только когда остался он голый, все увидели, что это на самом деле Белый Термит. Тогда Лев приказал отпустить его с миром.

Вот почему мосси говорят: «Люди неблагодарны! Что бы ты для них ни сделал, никогда не получишь достойной награды».

Мудрые псы

Однажды девять диких псов отправились на охоту. На пути они повстречали Льва, который сказал, что тоже вышел поохотиться, и предложил действовать сообща. Псы согласились, и весь день они охотились вместе. К вечеру они задрали десять антилоп.

— А теперь пойдемте поищем кого-нибудь умного, и пусть он поделит между нами мясо как положено.

— Что за нужда, — ответил один пес. — Разве для этого требуется какая-то особая мудрость? Нас ведь десять, и антилоп мы задрали десять. Каждому по одной, вот и поделили как положено.

Тут Лев вдруг поднялся на дыбы да как стукнет своей лапшей смельчака и ослепил его.

Псы затихли, прибились друг к дружке. Потом один отважился и говорит:

— Лев — царь всех зверей, он один над всеми. Дадим ему девять антилоп, значит, всех вместе их получится десять. Нас девять, мы возьмем себе одну антилопу, и нас тоже получится десять. Вот так мы правильно поделим добычу.

Льву это решение очень понравилось, и он с важным видом прошелся взад-вперед перед псами.

— А ты, однако, не дурак, — сказал он, — не то что твой брат. Очень даже не дурак! Как это ты додумался до такого мудрого решения?

— Да ты ударил моего брата и ослепил его, царь зверей, — отвечал пес, — тут я сразу и додумался.

Наказание за спесь

Белка слышала буквально от всех, что Олениха необыкновенно умна и находчива. Казалось, все были просто влюблены в нее за редкостный разум. Вот и мечтала маленькая Белка встретить где-нибудь Олениху и поговорить с нею. Как-то утром Белка встретила в лесу зверя, какого раньше никогда не видела. «Это и есть Олениха»,—решила она.

— Приветствую вас, мудрейшая из мудрых!—проговорила Белка.

Но та даже не удостоила ее ответом. Однако Белка не спешила уходить, а решила во что бы то ни стало дожидаться Олениху, чтобы все-таки поговорить с нею. И впрямь, часа два спустя спесивая Олениха вернулась. Белка сделала ей шаг навстречу, но Олениха смерила ее таким презрительным взглядом, что Белку оторопь взяла. Наконец она решилась произнести:

— Как поживает ваш супруг, мудрая госпожа?

Олениха лишь головой повела и горделиво удалилась, но сразу же вернулась.

— Несчастный звереныш,—сказала она,—и как ты не боишься разговаривать со мной? Твои родители этого делать не смели, а теперь, когда их нет в живых, ты решилась на то, чего не смели они! С чего ты взяла, что я за мужем? Ну-ка, говори, наглый косоглазый зверек, сколько ты знаешь хитростей?

— Только одну, о мудрая госпожа,—печально признала Белка.

Олениха рассмеялась.

— Какую же хитрость ты знаешь?

— Если встретится слон, надо быстро залезть на дерево,—скромно проговорила Белка.

И опять Олениха рассмеялась. Потом она сказала:

— Пошли со мной на вершину утеса. Там я покажу тебе очень много хитростей.

Едва они расположились на вершине, как примчались два слона. Белка мигом вскарабкалась на дерево, а гордая Олениха осталась на земле. Вот слоны и затоптали ее.

— Спасите же себя своими хитростями!—крикнула с дерева Белка, которая оттуда не могла видеть, что Оленихи уже нет в живых.

Что важнее?

Всем известно, как трудолюбивы белки, и вот одна Белка возделала себе замечательную делянку. Трудилась она не жалея сил, и так была занята всякими работами на земле, что и не подумала о том, чтобы проложить дорогу к своей делянке, и бегала туда-обратно, просто перепрыгивая с дерева на дерево.

Случилось так, что Паук, охотясь неподалеку, набрел на Белкину делянку и залюбовался ею: близилось время уборки урожая, и колосья гнулись от тяжелых налитых зерен. Паук поискал дорогу к делянке и, не найдя, тут же смекнул, что к чему, и замыслил недоброе дело.

На следующий день Паук возвратился на Белкину делянку, да не один, а со всем своим семейством, и закипела работа. Проложив дорогу, пауки заплели ее паутиной и набросали мусору, чтобы казалось, будто по этой дороге давно ходят. А затем паучье семейство принялось за уборку урожая. За этим занятием и застала их Белка, которая, как всегда, прискакала сюда по деревьям. Страшно Белка рассердилась и потребовала от Паука объяснения, по какому праву он забирает с ее делянки урожай.

— С твоей делянки? А почему ты считаешь ее своей? — спросил Паук.

— А потому, что я расчистила землю, вспахала ее и засеяла зерном. Я трудилась не жалея сил, а теперь пришло время собирать урожай. Какие могут быть сомнения, что это моя делянка?

— В таком случае, где же дорога, по которой ты сюда ходила? — спросил коварный Паук.

— Зачем мне дорога, если я могу ходить по деревьям? — ответила Белка.

— Вот в том-то и загадка, — насмешливо сказал Паук. — Где это слыхано, чтобы кто-то возделал делянку, а дорогу к ней не проложил?

Белка обратилась в суд, но суд решил, что еще никогда ни у кого не было делянки, к которой бы не вела дорога, а поскольку дорога принадлежала Пауку, значит, и делянка — его.

И вот Паук со своими домочадцами собрали урожай. Они обмолотили колосья, ссыпали зерно в большие кули и понесли продавать на базар. Но на пути к базару их застигла гроза, и пришлось им бросить кули на дороге, а самим искать убежища в зарослях. Едва ливень кончился.

паучье семейство вернулось за своей поклажей. И видит — вот незадача! — стоит на тропе большой черный Ястреб, раскинув крылья и прикрыв ими кули с зерном.

— Благодарим тебя, незнакомец, за то, что ты сберег сухим наше имущество,—заговорил с ним Паук.

— Ваше имущество? Да разве оно ваше?—отвечал Ястреб.—Где это видано, чтобы зерно оставляли на дороге, даже не прикрыв его? Мое это зерно, и сейчас я пойду продавать его на базар. Будь здоров, Паучище, и не воображай о себе невесть что.

С этими словами Ястреб забрал все кули и отправился на базар.

Беспечный Богомол

Во время сухого сезона насекомые много работают на своих полях. Ведь когда начнутся дожди, они не смогут покинуть свои жилища и будут питаться лишь тем, что успели запасти. Поэтому теперь, во время сухого сезона, все насекомые усердно наполняли амбары и кладовые.

Кузнечик и Богомол были друзьями. Богомол беспечно пел песни, а его друг работал. Кузнечик не раз говорил Богомолу, что пора убирать зерно.

— Успеется,—отвечал ленивый Богомол,—времени еще много.

Богомол рассказывал Кузнечику всякие истории, но тот его не слушал, а продолжал трудиться. И до того Богомолу это надоело, что он решил дружить не с Кузнечиком, а с Пчелой. Он начал развлекать своими песенками и танцами Пчелу, а за это получал от Пчелы еду и питье.

Но случилось так, что Богомол заболел. Двадцать восемь дней он не спал, не пел и не танцевал и даже не выходил из дому. Наконец он поправился и сразу же принялся за прежние свои забавы.

— Почему бы тебе не поработать хоть немного? Ты же теперь здоров,—говорит, бывало, Пчела.

— На следующей неделе,—отвечал ленивый Богомол,— на следующей неделе...

В тот год сезон дождей начался раньше, чем обычно, но непогода не застала насекомых врасплох: они уже запасли себе еду на все дождливые, ненастные дни. И только один Богомол испугался не на шутку. Во время болезни он съел все свои прошлогодние припасы. Он пытался взять в

долг у Кузнечика хоть немного зерна, но тот лишь головой покачал.

— Иди к Пчеле, там тебе, может быть, и дадут зерно,— сказал Кузнечик.

Пошел Богомол к Пчеле, но и там его ждал отказ. На исходе второй недели Богомол умер.

Сказка про Леопарда

Леопард так много охотился в своем лесу, что быстро расправился со всеми слабыми и неловкими зверями, а те, что уцелели, стали осторожны и хитры, вот Леопарду и не удавалось никого поймать.

Думал он, думал и придумал притвориться мертвым. Звери соберутся, чтобы оплакать и похоронить его, как положено, а он набросится на них и сожрет.

Решено — сделано. Леопард завалился на спину, оскатил пасть, ну точь-в-точь мертвый. А тут еще и мухи налетели, облепили его.

Бежала мимо Антилопа, видит, Леопард бездыханный валяется в пыли. Ох и взволновалась же Антилопа! Тут же кинулась сообщать жителям леса скорбную весть. Все звери очень огорчились и пришли оплакивать Леопарда, хоть многим из них пришлось натерпеться страха от него.

Больше прочих печаловала Белка. Горько рыдала, убивалась и не отходила от тела Леопарда. А Заяц-хитрец держался в сторонке и внимательно ко всему присматривался. Тут-то он и заметил, что бока мертвого Леопарда слегка вздымаются, совсем незаметно для собравшихся. Тогда Заяц спел такую песенку:

Разве умер страшный зверь?
Разве умер?
Он ведь дышит, поглядите!
Он ведь дышит.

На макушке высокого дерева сидела маленькая Обезьянка-сирота. Она, как и Заяц, привыкла всего бояться. Услышав песенку, Обезьянка присмотрелась и тоже заметила, что Леопард тихонько дышит. Тогда и она повторила песню Зайца, добавив к ней такие слова:

Мы останемся в сторонке,
Мы не станем хоронить.
Мы останемся в сторонке
И не станем отпевать.

Только эти два маленьких зверька понимали, как опасно приближаться к Леопарду. Остальные не послушались их предостережений. Обступив плотным кольцом Леопарда, они плакали, причитали и каждый по-своему выражали скорбь.

Потом все хором запели поминальную песню и под эту песню понесли Леопарда на кладбище. Антилопа и Бородавочник тащили его за передние лапы, другие помогали им сзади. И вдруг Леопард как вырвется! Никто глазом не успел моргнуть, как он набросился на глупых

зверей. Вмиг прикончил Антилопу и Бородавочника. Белке тоже досталось — Леопард исполосовал своими страшными когтями ее мордочку. У Белки по сей день остались отметины от Леопардовых когтей. Остальные бросились врассыпную и спрятались кто куда.

А Заяц и Обезьянка долго смеялись над глупцами, которые не видели ничего дальше кончика своего носа.

Кот и Пантера

В давние-предавние времена Кот жил в лесу вместе с другими дикими зверями. И водил он дружбу с Пантерой, своей дальней родственницей.

Кот был великим охотником. Его ловкость, сноровка и проворство помогали ему справляться с любой добычей, какая только ни попадалась на пути. Никому не удавалось спастись от железных кошачьих когтей. Потому-то Кот был всегда сыт и доволен жизнью. Очень ему завидовали за это все родичи.

Пантера хоть и была сильнее Кота, но куда ей тягаться с ним в ловкости да гибкости. От Пантеры, бывало, добыча ускользнет, а Кот ее вроде бы играючи нагонит и вмиг расправится.

Однажды Пантера долго следила за тем, как охотится Кот, удивляясь скорости и точности его движений. Наконец Пантера решила попробовать охотиться так же, как он. Но не вышло у нее ничего. Тогда она попросила Кота взять ее на выучку. Тот охотно согласился.

Занятия начались. Но Кот был очень хитер и недоверчив. Он не спешил раскрывать своей приятельнице все секреты охотничьего мастерства. Для начала он показал ей, как надо ловить добычу прямо перед собой. Пантера оказалась способной ученицей, и первый урок ей очень понравился.

В следующий раз Кот собирался научить Пантеру, как надо ловить добычу справа и слева. Но урока не получилось. Пантера была так голодна, что, забыв обо всем на свете, бросилась на своего учителя, чтобы схватить и съесть его. Однако недаром Кот считался самым лучшим охотником. Он ловко увернулся от страшных лап Пантеры, прыгнул в одну сторону, в другую, потом изловчился и полоснул острыми когтями шкуру неблагодарной ученицы.

Не успела та опомниться, как он вскарабкался на самую верхушку высокого дерева. И там, сидя в безопасности, произнес:

— Моя дорогая Пантера, ты выпила всю воду из колодца, не осталось там ни капли. Тем хуже для тебя. Я очень рад, что не успел обучить тебя всему, что сам умею. Не то пришел бы мне конец.

Так Кот спасся от Пантеры, но на душе у него стало беспокойно. Побаивался он все-таки своей коварной подруги — а вдруг она как-нибудь подстержет его и отомстит. И решил Кот перебраться поближе к человеку. А Пантера на всю жизнь сохранила на своей шкуре следы от кошачьих когтей.

Вот почему Кот стал домашним животным, а у всех Пантер шкура пятнистая.

Господин Черепаха и его тесть

Однажды господин Черепаха решил выяснить, кто умнее — он или его тесть. Позвал он свою жену и говорит:

— Слушай, ведь я умнее, чем твой отец. Понять не могу, почему все говорят, будто он — первый хитрец и шутник.

— Правильно, — сказала жена, — ты по сравнению с ним — дитя. Мой отец начал над всеми подшучивать и хитрить, когда на свете еще никого не было!

Господин Черепаха так расхохотался, что даже упал. До чего ж глупа его жена!

— Объясни мне, — наконец проговорил он, — над кем же он шутил и кого обманывал, если никого еще на свете не было? Вот почему я всегда считал, что разговаривать с женщиной нет никакого смысла. Сами себе во всем противоречат. Да и вообще я не из тех, кто на болтовню время теряет.

В тот же вечер господин Черепаха послал к Агади-тестю своего сына Нвамби с такой хитрой просьбой: пусть тесть купит ему хорошего пальмового вина, да только не местного и не привозного.

— Для важных гостей, которых я ожидаю, — объяснил он.

Нвамби пришел к деду и передал это поручение, но Агади не удивился: он хорошо знал своего зятя. Через

несколько минут он послал к Черепахе соседа. Тот передал, что вино уже куплено и что можно прислать за ним кого угодно, только этот посыльный должен быть не мужского и не женского пола. На это у Черепахи не хватило сообразительности. Он ничего не смог придумать. Подождав немного, Агади отправил к зятю другого соседа: пусть, мол, присылает за вином кого угодно, но только чтоб этот посыльный не дотрагивался до тыквенной бутылки, в которой понесет вино. Это условие было не проще предыдущего, а может быть, даже труднее.

Господин Черепаха позвал жену и все ей рассказал. Жена засмеялась:

— Я ж предупреждала тебя, что второго такого хитреца, как мой отец, не отыскать. Тебе ли с ним тягаться! Ты бы лучше попросил его, чтоб он тебя научил всем своим шуткам и хитростям.

Но разве мог господин Черепаха признать себя побежденным? Конечно, нет. Он сказал жене, что просто хотел испытать своего тестя.

Состязание хитрецов

Как-то в погожий день господин Крыса отправился проводить своего больного дедушку. Проходя мимо одного из домов, он заметил стоящего на пороге Черепаху, своего давнего соперника.

— Добрый день, господин Черепаха,— сказал он.— Это ваш дом?

— Рад видеть вас, мой ученый друг. Да, я здесь живу,— ответил Черепаха.— Прошу вас, заходите и отведайте орех колы.

Господин Крыса вошел. Друзья-соперники сели. Потом господин Черепаха, извинившись, вышел на минутку в кладовую и возвратился, неся круглый, прекрасно отполированный камень. Его он и предложил гостю в качестве угощения.

— Вот орех колы, господин Крыса,— улыбнулся он,— расколите его и кушайте! А я сейчас велю жене принести перца, приготовленного из хребта крокодила.

«Ах ты старый хитрец и проказник! — подумал господин Крыса.— Ну, погоди у меня!»

— Простите, господин Черепаха,— сказал он,— мне нужно выйти ненадолго, я скоро вернусь.

Он и впрямь вернулся очень быстро, а в руках держал какую-то старую тряпицу.

— Господин Черепаха, — сказал он, — очень вас прошу, помогите мне поднять этим куском ткани землю.

— Но это невозможно! — вскричал хозяин.

Крыса лукаво взглянул на Черепаху и проговорил:

— А разбить камень, словно орех колы, возможно?

На том друзья и распрощались. Напоследок господин Черепаха попросил Крысу зайти к нему еще разок.

На обратном пути от больного дедушки Крыса еще раз навестил своего приятеля Черепаху. На сей раз Черепаха дал ему курицу и петуха и попросил вернуть их, когда курица запоет петухом, а петух снесет яйцо. Господин Крыса поскреб в затылке, поблагодарил и пошел домой. В тот же вечер он преспокойно убил курицу и петуха, разделал их, а мясо зажарил с приправами. Получился очень вкусный ужин.

Миновала неделя, и в базарный день Черепаха, разрисовав свое тело мелом, а лицо — углем, побежал на рыночную площадь. И там, на виду у всех, стал горестно вопить и плакать. Народ обступил его со всех сторон, спрашивая, что случилось.

— О, беда, беда! — рыдал Черепаха. — Сегодня утром я узнал, что мою мать убили на войне, а отец умер от родов!

Все недоуменно переглядывались — что за шуточки! Один только господин Черепаха сразу понял, в чем тут дело. Он очень расстроился и пошел домой.

Черепаха-обжора

Великий голод опустошил землю. Каждый день умирало самое меньшее по десять животных. А те, кого смерть щадила, стали похожи на скелеты. Только один Бык выглядел так, словно скудость пищи шла ему впрок. И никто не знал, что в самом дальнем конце леса имелась у него хижина, в которой он ел и пил. Трижды в день тайком пробирался туда Бык, произносил волшебные слова, и перед ним появлялась любая еда.

Господин Черепаха обратил внимание, что Бык день ото дня все больше жиреет. Как-то утром он навестил Быка и напрямую спросил, почему у него такое здоровое, крепкое тело. Бык и рассказал ему о своей тайне.

— Пожалуйста, любезный Бык, возьмите меня сегодня с собой! Иначе я умру от голода,— взмолился Черепаха.— Мне бы только разок поесть вдоволь. Я никому не расскажу о вашей хижине.

— Нет,— отрезал Бык.— Знаю я твою хитрость!

— Раньше я вправду хитрил и шутил,— простонал Черепаха.— Но теперь я совсем другой. Сжальтесь надо мною, господин Бык, вспомните, что говорили наши предки: «Друг тот, кто в беде руку подает».

— Ну ладно, приходи попозже,— сказал Бык и ушел.

Днем Черепаха, прихватив с собой кожаную сумку, в которую насыпал золы, пошел к Быку. Когда они отправились в лес, Черепаха проделал в сумке дыру, из которой тонкой струйкой высыпалась зола. Когда они пришли в хижину, Бык произнес несколько слов, и хижина тотчас же наполнилась разной едой. Господин Черепаха, который, как известно, никогда сыт не бывает, впервые в жизни наелся досыта. Вечером он решил поужинать в волшебной хижине один. Он легко нашел дорогу по золе, которая днем высыпалась у него из сумки. В хижине он повторил слова, которые при нем говорил Бык. Появилась еда, и он ел, пока не наелся, а наевшись, решил еще и домой прихватить еду. Он опять повторил магические слова, но тут вдруг стены хижины рухнули, и господин Черепаха оказался погребенным под обломками. Вскоре пришел ужинать Бык. Увидев Черепаху, он рассердился, схватил палку и отколотил обжору так, что переломал ему все четыре ноги.

С этого дня черепаха не может быстро ходить.

Как медлительный, но упорный победил в беге

Как-то однажды звери поспорили о том, кто из них лучший бегун.

Заяц с гордостью заявил о своем превосходстве: ведь он самый быстрый зверь. Ко всеобщему удивлению, Черепаха тоже заявил, что бегаёт быстрее всех.

— Проворством я уродился в дедушку,— объяснил он.

Другие звери тоже говорили, что быстроту, ловкость и силу они унаследовали от своих предков. Впрочем, их спор вскоре прекратился.

— Пусть состязаются Заяц и Черепаха,— решили все. Многие уговаривали Черепаху не тягаться с Зайцем, но тот стоял на своем:

— Я слов на ветер не бросаю. После состязания вы поймете, кто на что способен.

И вот состязание началось. Черепахе и Зайцу предстояло пробежать пять миль. Встречать бегунов на рыночной площади должны были Лев, Тигр, Леопард и Лиса. Никто не понимал, как может рассчитывать на успех Черепаха. Ведь там, где Зайцу достаточно сделать один прыжок, Черепахе надо пройти не меньше сотни шагов.

Заяц пробежал две пятых пути и вернулся на площадь. Его встретили бурными приветствиями. Он снова побежал, перегнал Черепаху и, одолев три пятых пути, остановился перевести дух. Он прилег и незаметно для себя уснул. Проснувшись, Заяц побежал дальше. Он бежал, не глядя по сторонам, не останавливаясь. Если на пути попадалось какое-нибудь препятствие, он не обходил его стороной, а единым махом перескакивал. Черепаху он больше не встретил. «Наверное, я принял его за камень на тропе и через него перескочил»,— решил Заяц. Но когда он прибежал к финишу, его освистали. И тут Заяц увидел, что Черепаха уже там и принимает поздравления.

— Вот что скажу я вам, друзья мои,— не торопясь говорил победитель.— Дедушка мой отличался большим упорством, а я уродился в него.

Неблагодарный господин Черепаха

Однажды случилось так, что животные ослушались предков, за что те в наказание наслали на них великий голод. И не осталось во всей звериной стране почти никакой еды.

Голод достиг таких размеров, что царю зверей пришлось разрешить «смертельные состязания».

— Каждый из победивших в состязаниях имеет право убить соперника и употребить его в пищу,— сказал царь.— Но если побежденный предложит выкуп, победитель может его отпустить. Понимаю, что это

не лучший способ выйти из положения, но другого я не вижу.

Большая часть животных одобрила это решение.

Баран и его друг Черепаха тоже решили попытаться счастья в состязаниях. Баран победил и убил всех своих противников. А Черепаха потерпел поражение. Спас его Баран, внеся за него выкуп.

— Ищи противника, который меньше тебя,— посоветовал Черепахе Баран.

Тогда господин Черепаха вызвал на состязание Летучую Мышь. Ему удалось подбросить противника вверх, и, казалось, победа была уже в его руках, но Летучая Мышь — опытный борец — не упала. И опять Черепаха оказался побежденным. Летучая Мышь взяла серп, чтобы зарезать Черепаху, но Баран опять спас друга: на этот раз он отдал за него двух убитых животных.

Спустя несколько часов господин Черепаха встретил маленького козленка и вызвал его на поединок. Козленок принял вызов. И Черепаха впервые в жизни вышел победителем. Мать козленка хотела заплатить выкуп, но Черепаха никого и слушать не пожелал, даже Барана, который пытался заступиться за малыша. Черепаха убил козленка и сварил его мясо.

Одно ухо козленка он отдал Барану. Но потом, выждав для приличия немного времени, Черепаха пошел к Бара-

ну и потребовал ухо обратно. Но тут ему вдруг стало стыдно.

— Не надо, я пошутил, можешь съесть это ухо,— сказал он Барану.— А теперь давай пойдем на озеро Боро попьем воды!

Они напились озерной воды, а на обратном пути Черепахе опять стало жаль подаренного уха.

— Я все-таки хочу получить назад ухо козленка,— сказал он.

Но Баран уже съел ухо и предложил Черепахе взамен уха двух убитых животных.

Но упрямый Черепаха не соглашался.

— Либо верни мне ухо, либо отдай всех убитых животных,— потребовал он.

Баран не стал спорить с Черепахой. Он отдал ему всех животных, но решил так его проучить, чтобы тот на всю жизнь запомнил.

Дома Барану пришла в голову хорошая мысль. Он слепил из клейкого эсо фигуру своего отца и поставил ее перед домом. Поздно вечером мимо проходил господин Черепаха. Хоть он и был отъявленным хитрецом и негодником, но старших почитал. Не подозревая о проделке Барана, он приблизился к «старцу».

— Привет тебе, игади! — сказал он.

Но «старец» не ответил.

— Я сказал, привет тебе, игади! — повторил господин Черепаха.

Но «старец» опять промолчал.

Тогда господин Черепаха разозлился, размахнулся и отвесил «старцу» оплеуху. И тут его правая рука увязла в клейком эсо. Он размахнулся левой рукой, но и левая рука увязла. Разъярившись, Черепаха принялся бить «старца» ногами, но после первого же удара обе его ноги тоже прилипли к эсо.

Господин Черепаха закричал от испуга. На крик вышел Баран.

— Ты убил моего отца! — вскричал он.

— Атами, Атами,— позвал он жену.— Принеси острый нож!

— Не убивай меня, не убивай меня! — молил господин Черепаха.— Я отдам тебе все мое добро.

— Ну, если отдашь, я тебя пощажу,— сказал Баран и освободил приятеля.

Потеряв все, господин Черепаха тоже решил пуститься на хитрость. Из толченой маниоки он слепил фигуру своего дедушки и отнес к дому Барана. Потом забрался на кокосовую пальму и стал выжидать, что выйдет.

Но как только Баран увидел статую, он сразу смекнул, что Черепаха что-то замыслил.

— Атами,— позвал он жену.— Ну-ка, свари из этой маниоки суп!

Раскололи фигурку на кусочки и сварили. Потом Баран пригласил всех соседей на пир. Гостям по вкусу пришлось угощение, а раздосадованный Черепаха покинул укрытие и присоединился к общему веселью.

Почему Черепаху часто находят в ямах

Нквоагу—самый большой рынок в стране животных. Если кому-то надо что-нибудь купить или продать, то идут на рынок Нквоагу.

Господин Черепаха знал об этом. И вот в один из рыночных дней он притаился за покинутым муравейником, подождал, пока торговля будет в полном разгаре, и принялся во все горло вопить:

Духи предков, хозяева Нквоагу, идут сюда, идут!
Как смели осквернить вы священный Нквоагу!
О, горе! Нарушен древний обычай предков!
Всем, кого духи настигнут, худо будет, худо!

Звери слышали это, побросали свои товары и разбежались кто куда. Все знали, что Нквоагу—священное место, но вождь устроил здесь рынок и этим, конечно, оскорбил богов.

Когда рыночная площадь совсем опустела, Черепаха покинул свое укрытие и взял все, что ему понравилось. В сумерках звери вернулись к своим товарам, и тут они увидели, что лучшие вещи исчезли.

В следующий рыночный день господин Черепаха опять спрятался за муравейник и опять спел ту же песню:

Духи предков, хозяева Нквоагу, идут сюда, идут!
Как смели осквернить вы священный Нквоагу!
О, горе! Нарушен древний обычай предков!
Всем, кого духи настигнут, худо будет, худо!

И опять звери в смятении покинули рынок, и опять Черепаха мог взять все, что хотел.

Зато в третий раз отыскался храбрец, который не убоился встречи со зловещими духами. И был это смелый Филин. Разрисовав себе лицо мелом и углем, он сел около муравьиной кучи. Торговля была в полном разгаре, когда вдруг снова зазвучала страшная песня:

Духи предков, хозяева Нквоагу, идут сюда, идут!
Как смели осквернить вы священный Нквоагу!
О, горе! Нарушен древний обычай предков!
Всем, кого духи настигнут, худо будет, худо!

Господин Черепаха спокойно и уверенно вышел из укрытия и принялся собирать все, что ему нравилось. Тут Филин и поймал вора прямо на месте преступления.

Стали животные думать, как наказать преступника.

— Ух, негодник Черепаха! Убить его! Убить!—раздавалось вокруг.

Черепаху вынесли смертный приговор. Его заперли в маленькой хижине. На другой день должна была состояться казнь. Вечером Алиа получила разрешение попроситься с мужем.

— Принеси мне огири¹,—попросил жену Черепаху. Алиа принесла огири.

— А теперь натри им все мое тело,—велел муж.

Алиа так и поступила. Наутро все животные собрались, чтобы посмотреть, как будут казнить Черепаху. Его выволокли из хижины, и тут в нос собравшимся ударил едкий отвратительный запах огири, такой невыносимый, что все брезгливо отвернулись.

— Бедняга, да он уже умер! Надо труп бросить в яму!—сказал господин Многоножка.

— Многоножка прав,—отозвались Филин и Голубь.

Отнести покойника к ближайшей яме вызвался Коршун. Он швырнул Черепаху в яму, а когда все ушли, тот как ни в чем не бывало выбрался из ямы и поспешил домой.

С тех пор Черепаха очень любит прятаться в ямах.

¹ Огири — приправа черного цвета, приготовляемая из заквашенных дынных семечек.

Как Гиена, Черепаха и Антилопа делили добычу

Гиена, Черепаха и Антилопа были большими друзьями. Дружба их была столь крепкой, что господин Черепаха выдал свою дочь за Антилопу, а тот послал своего сына прислуживать Гиене. Гиена же, в свою очередь, послал дочь ухаживать за новорожденным ребенком господина Черепахи.

Как-то однажды друзья отправились на охоту. Они выследили и убили ягненка, потом сову, а когда они отдыхали под деревом ироко, мимо проскакала большая зебра, и все трое погнались за ней, настигли и убили.

— Друзья, уже темнеет, — сказал господин Гиена, — давайте поскорей разделим добычу и отправимся по домам. Кстати, как мы будем делить добычу?

— А вот как, — сказал господин Антилопа, — вы возьмете себе сову, ягненка пусть возьмет Черепаха, а я возьму зебру. Что вы на это скажете, господин Черепаха?

— Глупости! — зарычал возмущенный господин Гиена.

Изо всех сил ударил он Антилопу по лицу, и тот в страхе пустился наутек.

— А теперь, когда дурак Антилопа нас покинул, как мы будем делить добычу? — спросил Гиена Черепаху.

— Нет ничего проще, — ответил, откашлявшись, Черепаха-хитрец. — Сова пойдет вам на завтрак, ягненка вы съедите на обед, а зебру сварите на ужин.

— Вот это верно! Да вы просто мудрец, господин Черепаха!

А по пути домой Черепаха зашел к Антилопе. Господин Антилопа еще не совсем оправился от удара, нанесенного Гиеной. Посоветовавшись, Черепаха и Антилопа решили больше не водить дружбу с коварным Гиеной.

Большое испытание

Вождь Нкапи, глава и правитель всех животных, получал множество донесений о жестоких убийствах. Поэтому он придумал новый закон, запрещающий убивать.

— Кто нарушит этот закон, — сказал вождь Нкапи, — того повесим на рыночной площади.

Маленькие зверьки были в восторге от нового закона. Ведь раньше хищники безнаказанно убивали их, ни в чем не повинных малюток.

А незадолго перед тем господин Кабан женился. Он очень любил свою молодую жену Свинью, с которой познакомился, когда они оба работали у вождя Нкапи.

Как-то раз Кабан решил испытать жену и проверить, можно ли доверять ей секреты. Он выкопал у себя за домом яму, потом ее засыпал и, вздыхая и всхлипывая, пошел к жене.

— Я поссорился с соседом Селезнем, вышел из себя и ударил его по голове, а он упал и умер. Я только что закопал его тело за нашим домом, — сказал он.

— О горе! — воскликнула жена. — Покажи мне скорей это место.

Муж отвел ее к только что засыпанной яме. Свинья долго сокрушалась, потом сказала:

— Мой дорогой супруг, ни о чем не беспокойся. Пока ты сам никому об этом не скажешь, никто ничего не узнает.

Два дня спустя все хватились, что пропал Селезень. Снарядили целый отряд, искали-искали, но так и не нашли. Никто не знал, что Селезень просто ушел в дальнее селение, где его ждала невеста. Никого, кроме Кабана, он об этом не предупредил. Вот почему Кабан мог сказать жене, будто убил соседа.

Случилось так, что на следующий рыночный день Кабан из-за чего-то повздорил со своей женой. Тут-то она и пошла к вождю и объявила о гибели Селезня. Вождь, в сопровождении шести приближенных, подошел к дому Кабана, и Свинья указала им то место, где муж закопал убитого. Кабана посадили в тюрьму и назначили день казни. Как ни отрицал Кабан свою вину, вождь Нкапи ему не верил. Даже после того как раскопали яму и тела Селезня не обнаружили, Кабана продолжали держать в тюрьме. Много дней провел он там безо всякой еды. Наконец он признался вождю Нкапи, что просто испытывал свою жену, но вождь все еще сомневался в правдивости Кабана. Он решил сходить в то дальнее селение, где Селезень недавно справил свадьбу. Убедившись, что сказанное Кабаном — правда, вождь заплатил ему за несправедливо понесенное наказание.

Вернувшись домой, Кабан первым делом прогнал жену.

— Ты не выдержала испытания, — сказал он ей.

Господин Все

Тысячу лет тому назад животные делились на умеющих летать и на не умеющих. Те и другие дружили между собой. Раз в году они справляли большой общий праздник, а у летающих животных был к тому же еще один праздник, особый, — в честь неба, где они раньше жили, и справляли они его на небе. Животные, которые не могут летать, на праздник Неба не попадали.

Самолюбивый господин Черепаха чувствовал себя из-за этого несчастным. И вот он решил, что должен во что бы то ни стало попасть на праздник летающих животных. Он пошел к ним и рассказал о своем желании.

— Но это невозможно, господин Черепаха, ведь у вас нет крыльев! — ответили ему.

— В том-то и дело, — сокрушенно ответил Черепаха. — Поэтому я и прошу у вас помощи.

— Идите пока домой и приходите к нам завтра, — сказали летающие животные.

Когда Черепаха ушел, они принялись обсуждать, как ему помочь.

— Надо его взять, — решил Дятел. — Он ведь прославленный путешественник! К тому ж умеет вести себя в гостях. Я думаю, — продолжал свою речь Дятел, — что его можно отнести на небо. Я сам его отнесу. У меня есть большая сумка. В ней господину Черепахе будет удобно.

Всем понравилось предложение Дятла, но Голубь придумал еще лучше.

— Пусть каждый даст господину Черепахе по три пера, — сказал он. — Эти перья мы к нему приклеим, и тогда он сможет полететь вместе с нами.

Мысль Голубя все одобрили.

Черепаха чуть с ума не сошел от радости, когда узнал, что птицы берут его с собой.

До праздника оставалось два дня. Черепаха учил всех, как подобает вести себя в гостях.

— Сейчас вы не должны ни есть, ни пить, — наставлял он, — потому что невежливо оставлять еду, которую приготовят для нас хозяева неба. А теперь, — продолжал он, — пусть каждый из вас придумает себе новое имя, ибо небесные жители не захотят называть вас земными именами.

Цапля решила назваться Черной Красавицей, птица Ткач выбрал имя Посланец, Ворона назвала себя Дважды Красавица. Что ж, вполне хорошие имена. А сам господин Черепаха после долгих раздумий выбрал себе совсем простое имя — Все.

Наконец птицы полетели на праздник. Черепаха был великолепен в своем разноцветном оперении. Он, правда, немного нервничал и потому казался слегка неуклюжим. Ведь он впервые оторвался от земли. Животным, живущим на небе, очень понравились гости, особенно их учтивость. После обычных приветствий подали орехи колы. Потом на крыльцо, где сидели гости, вынесли громадное блюдо риса.

— Кто будет это есть? — спросил Черепаха слугу.

— Все, — ответил слуга.

— Друзья, — обратился к своим спутникам Черепаха, — теперь вы поняли, почему я посоветовал вам взять себе новые имена? Животные, живущие на небе, принимают гостей по-особому. Здесь каждого потчуют по отдельности и начинают, как видите, с самого важного гостя.

Принесли мясо. И опять все съел один Черепаха. А вот вино он не смог один выпить и остатками вымыл руки.

Тем временем гости начали терять терпение. И вдруг, к их удивлению, кто-то объявил, что пир окончен.

— Но мы так ничего и не ели! — воскликнул голодный Ястреб.

Вот и выяснилось, что Черепаха их обманул. Птицы взъярились, отобрали у обманщика свои перья и улетели. Черепаха умолял их отнести его на землю, но они его и слушать не стали. Один только Вьюрок сказал ему:

— Я бы помог вам, господин Черепаха, но ведь мне не под силу унести вас.

— А мы вот что сделаем, — предложил Черепаха. — Полетите к моей жене и скажите ей, чтоб она вынесла из дома все подушки, циновки, мягкие вещи и сложила их кучей.

А Вьюрок сказал жене Черепахи совсем другое: пусть, мол, она вынесет из дома все жесткие вещи — топоры, ножи, мотыги. С неба Черепаха не мог разглядеть, что лежит на земле. Он разжал руки и прыгнул. От удара его панцирь раскололся вдребезги. Пришлось бежать к Муравью, чтобы он склеил панцирь. А следы от склейки видны и по сей день.

Как Паук перехитрил Сло니ху и Гиппопотамиху

Однажды настал великий голод—ни на земле, ни в воде не осталось ничего съестного. И Паук, и его дети от голода стали прозрачными. И вот однажды пришел Паук к Слонихе и сказал:

— Да продлит Аллах твои дни. Меня послала к тебе госпожа вод, Гиппопотамиха. Она велела передать, чтобы ты послала ей сотню корзин с зерном, а доставить зерно должен я. Когда окончится сбор урожая, она пришлет тебе в благодарность громадную лошадь. И еще она велела передать, что ее слова предназначены только для ушей, равных ей по положению, поэтому никто, кроме тебя, не должен их слышать.

Слониха ответила:

— Хорошо, я сделаю все, что она просит.

Приказала Слониха принести сотню корзин и повелела юным слонам доставить зерно на берег реки.

— Сложите свой груз и возвращайтесь домой,—сказал Паук слонам.—Я должен войти в воду и сообщить госпоже Гиппопотамихе, что она может забрать зерно.

Молодые слоны ушли. А Паук, конечно же, мигом отправился домой, позвал жену и детей, они забрали зерно с берега реки и отнесли его на себе в хижину.

На рассвете Паук вновь появился на берег реки и спустился под воду. Он подошел к трону, где восседала госпожа Гиппопотамиха, в окружении своих советников, сам уселся неподалеку и сказал:

— Да продлит Аллах твои дни, о госпожа.

Госпожа ответила:

— Приветствую тебя. Зачем изволил пожаловать?

Паук ответил:

— Меня призвала к себе госпожа земли, Слониха, и велела тебе передать, что есть у нее зерно, но не из чего сварить похлебку, и просит она тебя, чтобы ты дала ей сотню корзин с рыбой. Когда наступит срок собирать урожай, она подарит тебе огромную лошадь.

— Очень хорошо,—ответила Гиппопотамиха.

— И еще она говорит,—добавил Паук,— что эти слова предназначены только для ушей, равных ей по положению.

— Хорошо,—ответила Гиппопотамиха.

Она приказала принести корзины с рыбой, юные гиппопотамы подняли их, вынесли на берег реки и там сложили.

— Хорошо, а теперь возвращайтесь,—сказал Паук.— Я должен пойти и привести молодых слонов.

Но один из гиппопотамов возразил:

— Если мы уйдем, кто-нибудь съест всю рыбу.

— Можете не беспокоиться,—никто к ней не притронется,—сказал Паук.— Если же вы останетесь и появятся слоны, получится неладно, вы ведь знаете, что молодые люди из разных племен не должны встречаться. Это может плохо кончиться. Придется вмешиваться старшим. Вы же знаете поговорку: «Бананы ел сын, а живот болит у отца».

Один из гиппопотамов сказал:

— Верно.

И они нырнули в воду. Паук побежал домой, привел жену и детей, и они унесли всю рыбу. А потом начали сучить веревку. Когда наступило время сбора урожая, они ссучили веревку невиданной длины,—как отсюда до Баджимсо. И вот госпожа Слониха сказала:

— Пойдите и приведите Паука.

И Паука привели и спросили:

— Помнишь ли ты обещанье, переданное тобой от госпожи Гиппопотамихи?

— Да, помню,—ответил Паук.— Пойду и напомним ей о нем.

И он ушел. Явился на берег реки, подыскал большое дерево, привязал к нему толстую веревку, другой ее конец отнес госпоже Слонихе и сказал:

— Смотри, вот веревка от лошади, которую дарит тебе госпожа Гиппопотамиха. Завтра они будут поднимать лошадь из воды, и госпожа просила тебе передать, чтобы ты нашла большое дерево и привязала к нему этот конец веревки. Когда рассветет и ты увидишь, что дерево качается, пусть молодые слоны ухватятся за веревку и тянут за нее что есть силы—не так-то легко вытащить огромную лошадь.

— Правда ли это, Паук?—не поверила госпожа Слониха.

— Истинная правда,—отвечал он.

Затем Паук отправился к госпоже Гиппопотамихе и сказал:

— Госпожа Слониха дала мне лошадь для тебя, но я не могу привести ее; я дотащил конец веревки, который она привязала, до реки и прикрутил к дереву; когда рассветет, пусть гиппопотамы тянут за веревку—ведь лошадь очень велика и пуглива.

На заре молодые гиппопотамы вышли из реки и нашли дерево, к которому была привязана веревка. Дерево так раскачивалось, что казалось, вот-вот упадет. Тогда ухватились они за веревку и начали тянуть. А за другой конец тянули молодые слоны. Видят и те и другие—ничего у них не получается, кликнули на помощь товарищей. И снова тянут молодые слоны, а с другого конца тянут молодые гиппопотамы. Так продолжалось до вечера, а потом все выбились из сил и легли спать.

На другой день, пораньше, пробудились слоны и гиппопотамы, и снова взялись за веревку, и тянули ее до тех пор, пока солнце не встало у них над головами. Тогда госпожа Гиппопотамиха решила:

— Пора отдохнуть, идите и спросите Слониху, да и сами посмотрите, что за лошадь дает она мне. Сил нет ее вытащить.

И Слониха обратилась к слонам:

— Перестаньте тянуть. Пусть кто-нибудь пойдет и посмотрит, что за лошадь дает мне госпожа Гиппопотамиха. Сил нет ее вытащить.

Молодые слоны повстречались на полдороге с молодыми гиппопотами.

— Нас послали к госпоже Слонихе посмотреть, что за лошадь дает она нашей госпоже. Тянем со вчерашнего дня, никак вытянуть не можем,—сказали гиппопотамы.

А слоны в ответ:

— А мы идем к госпоже Гиппопотамихе, хотим узнать, что за лошадь дает она нашей госпоже. Но теперь все стало ясно. Придется нам вернуться и рассказать своей госпоже, что Паук солгал, никакой лошади нет и в помине.

Вернулись молодые гиппопотамы и сообщили госпоже всю правду. Вернулись молодые слоны и доложили госпоже всю правду. Слониха сказала:

— Мне-то что за дело? Я ничего не должна Гиппопотамихе. Это она у меня в долгу.

А Гиппопотамиха ответила:

— Мне-то что за дело? Я ничего не должна Слонихе, это Слониха у меня в долгу.

Обсудили происшедшее советники обеих сторон и решили, что тут явный обман. Гиппопотамиха послала передать Слонихе:

— Не следует нам гневаться друг на друга. Ты и я — обе одинаково могучи. Надо уладить дело миром. Подождем, пока объявится Паук.

Начали они искать Паука. А Паук спрятался, затаился. Вскоре он опять до того изголодался, что стал совсем прозрачным. Вышел он из своего убежища, пошел отыскивать пищу и вдруг наткнулся на шкуру антилопы: антилопа умерла, кто-то съел ее мясо, а шкуру с головой и копытами оставил. Поднял Паук шкуру и накинул ее на свое тощее тело. Попалась ему навстречу госпожа Слониха. Увидела его госпожа, но не узнала, подумала — перед ней старая дряхлая антилопа.

— Послушай, Антилопа, — попросила Слониха, — не поищешь ли ты для меня Паука?

— Ты ищешь Паука? — сказала мнимая антилопа. — Будь осторожна. Я вот поссорилась с Пауком, и он околдовал меня. Я совсем зачахла.

— Ну тогда, если встретишь его, не говори, что я его искала.

И мнимая антилопа сказала:

— Хорошо, не скажу.

Слониха вернулась к себе домой.

А Паук сбросил шкуру антилопы, догнал Слониху и сказал:

— Я слышал, ты меня разыскиваешь.

Задрожала Слониха и ответила:

— Нет, нет, ничего подобного.

Паук вернулся туда, где оставил шкуру, облачился в нее и пополз дальше.

Вскоре наткнулся он на госпожу Гиппопотамиху.

— Не видела ли ты, Антилопа, Паука?—спросила она. Паук сказал ей то же самое, что и Слонихе.

— Никому не говори, что я ищу его,—испугалась она.

Отойдя в сторонку, Паук сбросил шкуру антилопы и последовал за нею.

— Я слышал, ты разыскиваешь меня?

Увидела Гиппопотамиха Паука и с громким плеском кинулась в воду.

Так Паук перехитрил и Гиппопотамиху и Слониху.

Лев и пятеро кроликов

В стране животных свирепствовал великий голод. Засуха породила его. Всем грозила голодная смерть. Как-то раз пятеро кроликов бродили в поисках еды. О нет, они не рассчитывали на изысканные яства. Они хотели хоть чем-то унять мучительный голод. Подойдя к реке, кролики увидели на берегу тело мертвой обезьяны. Возблагодарили они предков и тут же приступили к делу, но, увы, их когти оказались слишком тупыми, чтобы разделать мясо. Пока кролики думали, как быть, пришел Лев, такой же голодный, как и они. Увидев пищу, Лев очень обрадовался. Кролики тоже обрадовались и охотно согласились с ним поделиться: ведь у Льва когти острые и длинные.

Поначалу Лев хотел разделить мясо на шесть одинаковых частей, но потом передумал и разделил его на две половины: одну отдал кроликам, а другую забрал себе. Он сказал, что это—«доля мясника». Кролики возмутились было, но Лев пригрозил, что заберет себе все, они и умолкли.

Потом Лев подошел к кусту, что рос поблизости, нарывал листьев и стал заворачивать в них мясо: ему не терпелось отнести его своей молодой жене.

Тем временем кролики придумали одну хитрость. О, они не сдавались! Трое из них притворились мертвыми, а остальные двое, как только Лев вышел из-за куста, рассказали ему о гибели своих товарищей.

— Мы всегда умираем по трое. Таков наш обычай,—сказали они.—А теперь пора умирать и нам. Но нас только двое. Поэтому тебе тоже придется умереть. Ты будешь как раз третьим.

— Мне? Умирать?—испугался Лев.— Нет, нет! Я не готов к смерти! Я только что женился! И кроме того, я, я...— Так и не придумав ничего, Лев бросил мясо и убежал. А кроликам только того и надо было.

Голубь и Дятел

Голубь и Дятел были закадычными друзьями. Голубь жил на небе, а Дятел—на земле. Голубь был еще холостяком и частенько навещался в гости к женатому Дятлу. Всякий раз, когда он к ним приходил, супруги его радушно принимали, угощали, а перед уходом еще и давали еду с собой. Дятел всегда просил жену принимать Голубя как следует, даже если его самого не будет дома.

Однажды, когда Голубь зашел, как обычно, к Дятлу, его угостили плодом хлебного дерева и сладкой тапиокой, а с собой дали рису.

— А завтра я приду к тебе в гости,—сказал на прощание Голубю Дятел.

Расхохотался Голубь.

— Опомнись!—вскричал он.—Я на небе живу, а ты и летать-то не умеешь!

Обидели Дятла слова друга, а тот продолжал:

— Я тебе сделаю подарок ценой в тридцать каури¹, если только ты сумеешь попасть ко мне домой.

На следующее утро Дятел велел жене завернуть для Голубя пять чашек риса.

— Если он спросит обо мне, скажи, что я пошел к родственникам в дальнюю деревню,—сказал он ей, а сам залез в пакет с рисом.

Когда пришел Голубь, жена Дятла, как всегда, накормила его, а с собой дала пакет, в котором спрятался муж. Голубь поблагодарил хозяйку и ушел. «Интересно,—думал он по дороге домой,—что в пакете? Больно он тяжелый!» Однако Голубь ни о чем не догадался.

Придя домой, он оставил пакет на кухне, а сам отправился отдыхать в комнату. Вот тут Дятел разорвал пакет и выбрался из него.

Ох и удивился же Голубь, увидев Дятла.

¹ Каури — перламутровая раковина, служила разменной монетой в Африке.

— Как ты сюда попал?—спросил он.

Потом он пошел на кухню и увидел, что пакет с едой надорван.

— Ах ты бессовестный!—воскликнул Голубь.—И давно ты занимаешься этим грязным делом? Теперь-то я понимаю, почему у меня пять дней назад пропал суп!

В ярости он сбросил Дятла на землю.

С тех самых пор Голубь и Дятел—лютые враги.

Как Голубь стал летать

Всеми уважаемые Селезень и Фламинго выращивали маниоку, которую потом продавали на рынке. А если у них не все раскупали, то остатки они разносили по отдаленным селениям. В тот год Селезень и Фламинго вырастили еще и маис и понесли его на рынок. Но почему-то спроса на маис совсем не было, вот и пришлось им отправиться на другой рынок, что находился в двух днях пути от их селения.

Они отправились в путь рано утром, но к полуночи успели пройти лишь половину пути. Поначалу решили приятели заночевать около священного места в ближайшем селении, однако раздумали. Места все-таки незнакомые, еще, чего доброго, нападут на них грабители, отнимут деньги и товар. Возвращаться с полпути тоже не имело смысла, и решили они попроситься к кому-нибудь на ночлег. Они постучались в ближайший дом, хозяин вышел, приветливо поздоровался, а когда узнал, чего им надобно, пригласил к себе. Потом он дал им еды и ушел, пожелав спокойной ночи.

— Куда бы нам припрятать деньги?—спросил перед сном у Фламинго его приятель.

— Давай спрячем в корзину с маисом,—предложил тот.

Хозяин с хозяйкой слышали этот разговор. Ночью, когда гости уснули, они незаметно пробрались в их комнату и выкрали деньги.

Наутро Селезень и Фламинго хватились денег, позвали хозяев, но те прикинулись удивленными. Уж как они сочувствовали своим случайным постояльцам! Делать нечего, пошли Селезень и Фламинго к вождю и рассказали о том, что приключилось с ними.

— Это очень плохо,—сказал вождь.— В моем селении у путников пропали деньги! Очень, очень плохо!

Вождь объявил, что наградит того, кто разоблачит преступника, но дело-то оказалось не из простых. Найти вора не удавалось. Тогда вождь пошел к своим соседям—животным, которые не могут летать. Он всегда говорил, что эти животные необыкновенно умны.

— Тому, кто поможет отыскать вора, я подарю крылья, и он сможет летать, как мы,—пообещал вождь.

Расследовать преступление вызвался Голубь. Он отвел Фламинго и Селезня на рыночную площадь и там дал им колокольчик.

— А теперь вы должны вернуться к своим вчерашним хозяевам,—сказал он.— Пусть у одного из вас на голове будет колокольчик. Если вы не обманываете и у вас действительно украли деньги, то колокольчик звенеть не будет, в противном случае он зазвенит.

Селезень и Фламинго сделали так, как им велели. А Голубь тем временем спрятался и тайком наблюдал за ними. Колокольчик не звенел, и Голубь понял, что путники не солгали.

Потом Голубь привел на рыночную площадь хозяина и хозяйку. Им он тоже дал волшебный колокольчик.

— А теперь идите домой с этим колокольчиком на голове. Если вы виноваты в воровстве, колокольчик зазвенит, а если не виноваты—не зазвенит.

Опять Голубь стал тайком наблюдать за хозяином и хозяйкой. И вот он слышит, как женщина сердито говорит мужу:

— Это ты вор!

— Нет, нет!—отвечает он.

Снял муж колокольчик с головы своей жены и надел его на себя. Колокольчик в тот же миг залился звоном. Голубь вышел из своего укрытия и во всеуслышанье объявил, что они — воры. Вождь, узнав, что Голубь разоблачил преступников, дал ему в награду пару крыльев.

С тех пор Голубь летает.

Городская Мышь и сельская Мышь

Однажды городская Мышь шла по своим делам и увидела сельскую Мышь, которая грызла прошлогодние зерна маиса и высохший, жесткий, как камень, арахис.

— Здравствуй,— сказала городская Мышь.

— Здравствуй,— ответила ей сельская.

— Как ты можешь есть такие отбросы, не понимаю,— продолжала городская Мышь.— Вот у меня, например, вдоволь вкусной свежей еды, и мне не надо за нее трудиться,— похвасталась она.

— Да неужто? — удивилась сельская Мышь.

— Уж ты мне поверь. Идем со мной, сама убедишься. Тебе так понравится в городе, что ты навсегда там останешься, про свои поля и думать забудешь.

Сельская Мышь пошла со своей новой приятельницей. Вот наконец и город. Они юркнули в дом и забрались в кладовую. Каких тут только припасов не было! Глаза разбегались.

— Ну вот, милости прошу, угощайся,— сказала городская Мышь.

Только они принялись за еду, как за дверью раздались шаги.

— Бежим! Бежим скорей, если тебе жизнь дорога! — крикнула городская Мышь сельской, и обе они кинулись наутек.

На улице сельская Мышь отдышалась и сказала:

— Ну уж нет, я возвращаюсь к себе домой. Пусть у меня еда не такая вкусная, зато я ем ее спокойно и ничего не боюсь. Какая радость от богатства, если его могут каждую минуту отнять?

Вьюрок и дудочка

Вьюрок и Филин были большими друзьями. Они очень любили друг друга и частенько придумывали себе всякие развлечения. Однажды Филин предложил Вьюрку проверить, смогут ли они продержаться восемь дней без пищи. Вьюрок охотно согласился, и в назначенный день оба полетели к высокому дереву ироко, чтобы там, вдали от всех, провести свое испытание. Первый день миновал благополучно. Вьюрок с Филином пели и веселились. Но уже на второй день Филин стал страдать от голода. Однако гордость не позволяла ему признаться в этом. Так терпели они наказание, которое сами себе придумали. На четвертый день им уже было не до песен, а Филин не мог даже встать на ноги. На пятый день Филин скончался. Вьюрок

был потрясен смертью друга, хоть и досадовал на него: ведь Филин мог в любую минуту прекратить состязание.

Вьюрок отнес тело Филина к себе домой, мясо съел, а из костей сделал дудочку. Вьюрок всегда любил музыку, он неплохо пел, а теперь, когда появился музыкальный инструмент, музыка стала его самым любимым занятием.

Как-то раз Коршун услышал, как Вьюрок играет на дудочке. Музыка так ему понравилась, что он попросил Вьюрка хоть на время дать ему свою дудочку. Просьба Коршуна польстила Вьюрку, и он согласился, но с условием, что Коршун вернет ее через несколько часов.

Дома Коршун отдал дудочку своей старой матери и сказал:

— Храни, мама, эту вещь и никому, кроме меня, не давай.

Ждал, ждал Вьюрок свою дудочку, но тщетно. Пошел он к дому Коршуна и видит: сидит на пороге слепая старуха и держит его дудочку. Вьюрок потребовал, чтобы она вернула ему дудочку, но мать Коршуна велела ему подойти поближе. Он подошел, и мать Коршуна ошупала его тело. Она поняла, что это не ее сын, и дудочку не отдала. Вьюрок вернулся домой, обмазался глиной и воткнул в эту глину много перьев. Когда слепая мать Коршуна опять его ошупала, то решила, что это ее сын, и отдала дудочку.

Вернулся Коршун. Он хотел поиграть, но не нашел дудочку. И тут мать сказала ему, что дудочку уже отдала.

— Я ж говорил тебе, чтоб ты никому ее не отдавала! — рассердился Коршун.

Он схватил нож и убил мать. Вскоре Коршуна стали мучить угрызения совести. Тогда он отправился в добровольное изгнание. Вернулся он только через девять месяцев.

С тех пор и до сего времени Коршун уходит в изгнание каждый год.

Как ослеп господин Многоножка

Коту надоела холостяцкая жизнь, и он решил жениться. Выбор его пал на самую красивую девушку селения. Скопив сумму, нужную для выкупа невесты, он попросил друзей пойти вместе с ним в дом вождя Кролика.

— Я хочу жениться на вашей дочери,— обратился Кот к вождю.

Вождь Кролик расправил длинные усы и искоса поглядел на Кота.

— Так, так, так, так,— начал он,— все зависит от моей дочери: если она примет ваше предложение, я возражать не стану.

Кролик позвал дочь и спросил, хочет ли она выйти за Кота.

Девушка кивнула.

— Хочу,— сказала она,— но при одном условии: пусть поменяет глаза. Слишком уж они красные, как у хорька. Я боюсь его глаз!

— Господа,— проговорил Кролик,— вы слышали, что сказала моя дочь?

Кот и его друзья заявили, что в следующий рыночный день они придут опять.

В ту ночь Кот не смог заснуть. Мысль о том, что он может потерять самую красивую невесту в селении, наполняла его тоской. Наутро он пошел к Индюку. Он хотел, чтобы Индюк одолжил ему на время свои глаза, но тот отказался наотрез. Тогда Кот пошел к Многоножке и рассказал ему о своих затруднениях.

— Я уже один раз одалживал свои глаза,— вздохнул Многоножка,— но мне их не вернули. Пришлось обращаться в суд. Только тогда получил я глаза обратно.

— Вам просто не повезло в тот раз, господин Многоножка,— сказал Кот.— Недаром говорят: «Один грязный палец пачкает всю руку».

Но слова Кота не подействовали на Многоножку.

— Простите, господин Кот, но я ничем не могу вам помочь,— сказал он.

Кот и так и этак упрасивал Многоножку, даже слезу пустил, но напрасно. Пришлось ему уйти ни с чем. Однако на другой день, едва рассвело, он опять явился к Многоножке. Тот еще спал. Разбудив его, Кот бросился перед ним на колени. Сердце Многоножки смягчилось. Он велел Коту прийти вечером.

На закате Кот уже был в доме Многоножки.

— Завтра утром, как только проснетесь, сразу же верните мне глаза,— сказал Многоножка.

Кот поклялся, что так и сделает.

Потом он пошел в дом вождя Кролика. Невесте очень понравились новые глаза Кота.

— Сегодня же пойду жить к тебе! — воскликнула она.

Кот заплатил Кролику выкуп и увел его дочь к себе домой. Счастлив он был безмерно. Еще бы! Ведь он стал мужем самой красивой девушки селения! «Но если я верну Многоножке глаза,— рассуждал Кот,— я потеряю жену!»

На другой день спозаранок Кот уложил все свои вещи в сумку и в мешок и вместе с женой ушел в другое селение.

Так и не дождавшись Кота, Многоножка ощупью добрался до его дома, но никого там не застал. Многоножка всех спрашивал, где теперь живет Кот, но этого не знал никто. Проклиная себя за доверчивость, он вернулся домой ни с чем.

Так ослеп господин Многоножка.

Непослушный цыпленок

Однажды курица наставляла цыплят, как надо себя вести, чтобы не попасть в беду. Например, если они увидят ястреба, пусть тотчас же бегут и прячутся, ну и конечно же, ни в коем случае нельзя близко подходить к колодцам.

Через несколько дней один цыпленок бродил в поисках корма и вдруг увидел колодец. Он вспомнил предостережения матери и тотчас же убежал. На завтра он снова случайно оказался неподалеку от колодца, но вместо того, чтобы убежать, стал думать: а чем же так опасны колодцы, почему курица-мать не велела подходить к ним? И вот цыпленок приблизился к самому краю колодца, но ничего дурного не произошло.

«Интересно, а что там, внутри?» — подумал цыпленок. Его разобрало такое любопытство, что он совсем забыл о страхе. Он вспрыгнул на каменный край и заглянул внутрь.

К великому своему изумлению, он увидел в колодце другого цыпленка. Цыпленок повернул голову — тот, внизу, тоже повернул голову. Цыпленок расправил крылья — тот, внизу, тоже расправил крылья. Цыпленок запищал — и тот запищал.

Цыпленок рассердился — вот нахал, как он смеет его передразнивать! — и взъерошил перья, готовясь к драке. Его недруг тоже приготовился драться и тоже взъерошил перья. Цыпленок в ярости прыгнул вниз на своего врага. Но, увы, никакого врага в колодце не оказалось, цыпленок упал в воду. Он изо всех сил бил крыльями, звал на помощь, но никто его не услышал.

Наконец он сообразил, что увидел в колодце не врага, который его дразнил, а свое отражение, и вспомнил предостережения матери. Горько пожалел цыпленок о своем непослушании, но поздно — так он и утонул в колодце.

Почему лисы всегда ловят петухов

Давным-давно, в незапамятные времена, Лиса при виде Петуха всегда кидалась наутек — она думала, что гребешок у него на голове огненный: ведь гребешок красный, и огонь красный, а Лиса очень боялась огня.

Петух удивлялся, чего это Лиса от него бежит. Наконец ему удалось с ней заговорить.

— Почему ты всегда от меня убегаешь? — спросил он. — Ведь я обыкновенная птица и никакого зла тебе причинить не могу.

— Я тебя боюсь, у тебя на голове огонь, — ответила Лиса.

— Никакой это не огонь, это просто гребешок, — засмеялся Петух. — Будь у меня на голове огонь, я бы и сам давно сгорел.

— Не знаю, не знаю, — говорит Лиса. — Каких только чудес на свете не бывает.

— Можешь сама потрогать, — предложил Петух. — Не обожжешься, он не горячий.

Лиса с опаской протянула лапу и дотронулась до гребешка. Гребешок и в самом деле оказался совсем не горячий и очень мягкий.

Теперь, встречаясь с Петухом, Лиса всякий раз трогала его лапой за гребешок. А потом ей пришлось в голову попробовать, каков он на вкус. И она откусила гребешок и поняла, что никогда в жизни не едала ничего вкуснее.

С тех пор лисы и охотятся за петухами, потому что очень любят их гребешки.

Почему обезьяны похожи на людей

Однажды царь зверей Лев созвал на совет всех своих подданных — и носорогов, и слонов, и антилоп, и рыб, и птиц, и бабочек с жуками. Явились они к нему, уселись кругом, и Лев начал:

— Я уже давно наблюдаю за людьми и понял, что они нас отовсюду выживают. Заняли чуть не всю землю, но им мало земли — они поднялись в небо, и их самолеты пугают птиц, их суда плавают по рекам и по морям и не дают покоя рыбам, они прорыли под землей шахты и тоннели, и теперь кротам и прочим подземным тварям жить стало совсем невозможно. Давайте вместе думать, как же остановить людей, иначе скоро нам всем конец наступит!

Стали звери думать, но ничего дельного никому на ум не приходило. Кто-то предложил начать против людей войну, но ему возразили, что воевать против людей бесполезно, ведь у зверей нет ни винтовок, ни пулеметов, ни пушек, их тут же уничтожат. Надо найти какое-то другое средство.

Обратились к Черепахе, которая славится своей мудростью, и вот что изрекла Черепаха:

— По-моему, мы сами должны стать людьми, это самый верный способ. Тогда мы будем равны и никто не сможет никого притеснять.

Черепахино предложение зверям понравилось. Но вот только как его осуществить? Что надо сделать, чтобы превратиться в людей? Опять обратились к Черепахе:

— Помоги нам стать людьми.

— Ладно, помогу. Я сварю волшебное зелье, налью его в чан, вы все один за другим окунетесь в зелье и станете людьми.

Звери очень обрадовались, а Черепаха сказала, что сейчас же примется за дело. К завтраму зелье будет готово.

На радостях звери принялись бить в барабаны, дуть в дудки, плясать и петь. Подняли такой шум и гвалт, что разбудили Черепаху, которая легла отдохнуть. Она приползла из своей норы на поляну поглядеть, что стряслось.

— Почему вы так расшумелись? — спросила она.

— Как почему? Завтра в это время мы уже будем людьми, вот мы и радуемся, устроили праздник.

— Вон оно что... — Черепаха укоризненно покачала головой. — Вы пока что звери и так бесчинствуете, чего же от вас ждать, когда вы людьми станете?

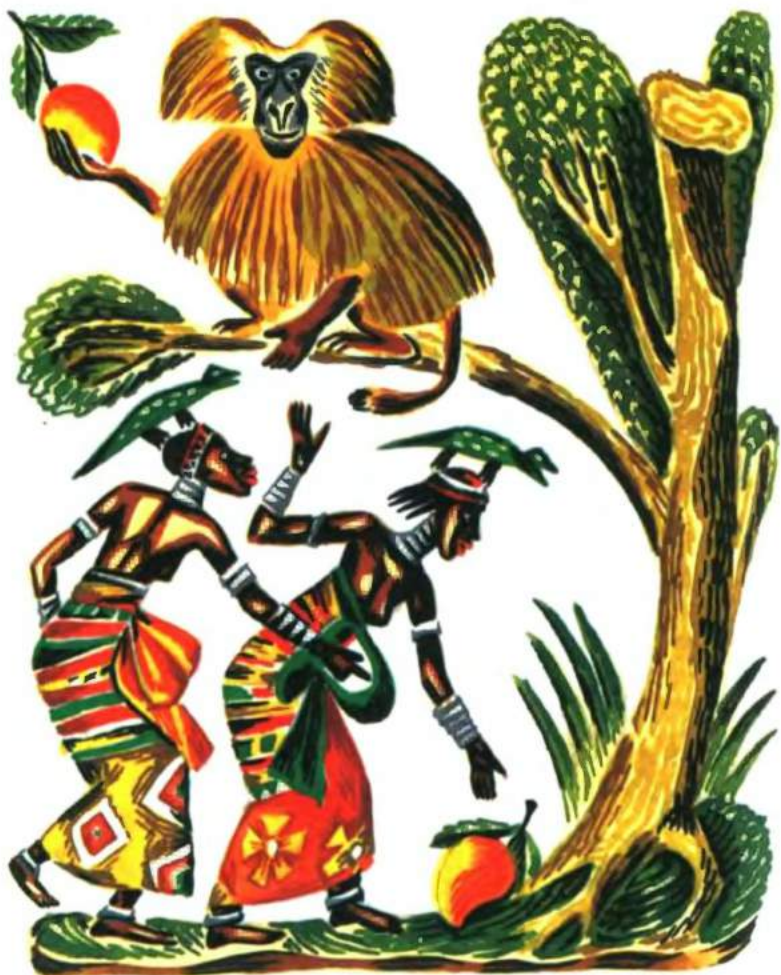
И с этими словами Черепаха уползла к себе, разбила чан, и волшебное зелье вылилось на землю.

Назавтра звери пришли к Черепахе, чтобы сделаться людьми, но увидели, что чан разбит, а зелье вытекло, осталась крошечная лужица на дне. Некоторые звери бросились к чану, стали мочить в остатках зелья лапы и обмазывать себя. Эти звери были обезьяны — мартышки, шимпанзе и гориллы. Вот почему они похожи на людей, а все остальные животные, рыбы и птицы — нет.

Сватовство к принцессам-ящерицам

Жил в давние годы король ящериц, у которого были две красавицы дочери, а как их звать, знал только один отец-король. Пришла пора выдавать дочерей замуж, и тогда король объявил, что отдаст дочек тому, кто назовет ему их имена, а в придачу подарит каждому зятю мешок денег.

Надо ли говорить, что от женихов отбоя не было!

Всем мужчинам окрест хотелось заполучить в жены дочь короля и мешок денег в придану, да только никто никак не мог угадать имя хотя бы одной из девушек.

А Павиан решил схитрить. Целых три дня он, спрятавшись, следил, чем занимаются королевские дочери. А на четвертый день купил Павиан два плода манго. Очень спелых и красивых на вид. Прихватив их с собой, взобрался Павиан на одно из деревьев, под которыми имели обыкновение играть королевские дочери.

Долго ждал Павиан, но вот одна из сестер отлучилась куда-то. Тогда Павиан бросил вниз манго. Девушка, которая осталась под деревом, стала звать сестру, чтобы поделиться с ней плодом. Она стала звать сестру по имени. Так Павиан узнал, как зовут одну из королевских дочерей.

Павиан набрался терпения и стал дожидаться, пока отлучится вторая сестра. Опять он бросил вниз манго, и девушка, оставшаяся под деревом, тоже стала звать сестру, чтобы поделиться с ней находкой. Она назвала ее по имени, и так Павиан узнал имя второй сестры.

В те времена в королевстве ящериц было установлено очень строгое правило: никому не разрешалось разговаривать с самим королем. Если кто хотел поговорить с королем, он высказывал свое дело главному советнику короля, по прозвищу Старый Ящер, а уж тот передавал все королю.

На следующий день, после того как Павиан узнал имена королевских дочерей, он отправился во дворец. Там было полным-полно ящериц. Павиан сообщил Старому Ящеру, что хочет жениться на дочерях короля, а Старый Ящер передал это королю.

— Пусть скажет, как зовут моих дочерей! — повелел король.

Павиан назвал имена Старому Ящеру, а тот повторил их королю.

— Вот тебе я и отдам обеих моих дочерей и два мешка с деньгами в придачу, — объявил король. — Бери моих дочерей в жены, Старый Ящер, потому что ты назвал их имена.

Очень разгневался Павиан. Дождался он ночи и под покровом тьмы украл большого петуха, который принадлежал королю. Павиан убил петуха и съел его, а затем отправился к жилищу Старого Ящера и подбросил туда кости и перья королевского петуха.

— Но это еще не все! — грозно буркнул Павиан.

Нагрел он чуть ли не до кипения пальмовый сок и поднес его Старому Ящеру.

— Выпей-ка соку, он такой вкусный, — вкрадчиво сказал Павиан.

Старый Ящер сдуру глотнул соку и обжег себе горло. После этого Павиан поднес горячего сока слуге Старого Ящера.

— Попей-ка сладкого соку,— сказал Павиан, и ничего не подозревавший слуга выпил и тоже обжег себе горло.

Наутро королю доложили, что пропал один из его лучших петухов. Король приказал созвать во дворец всех своих подданных.

— Где мой петух? — спросил король.

— Старый Ящер украл его! — громко выкрикнул Павиан. — Кости и перья валяются в его жилище.

— Так это ты украл моего петуха? — грозно спросил король Старого Ящера.

А тот и ответить не может — так сильно он обжег себе горло горячим пальмовым соком, только головой кивает.

— Это правда, что Старый Ящер украл моего петуха? — спрашивает король слугу Старого Ящера.

А тот тоже кивает — ведь и он обжег себе горло горячим пальмовым соком, да так, что слово вымолвить не может.

Тогда сказал король всем собравшимся во дворце:

— Пусть Старый Ящер и назвал имена моих дочерей, но он украл у меня петуха. Поэтому я не отдам ему в жены моих дочерей и не дам ему два мешка денег в придачу.

Так вот и вышло, что Старый Ящер и Павиан не женились ни на одной из королевских дочерей и не получили ни одного мешка с деньгами.

Храбрый маленький цыпленок

Умер у цыпленка старый отец-петух, умер он в дальней деревне и оставил цыпленку наследство — одну ракушку каури. Дал он эту ракушку каури в долг зятю вождя той деревни, но так и не успел этот долг востребовать.

И вот отправился маленький цыпленок в дальний путь за своим наследством.

Встретил он по дороге корявый сук. Толкнул его сук, и упал цыпленокверху лапками. Поднялся он, отряхнулся и сказал:

— Здравствуй, корявый сук! Извини, я тебя не заметил.

— Куда ты идешь, маленький цыпленок? — спросил его сук.

— Я иду за наследством моего отца, — ответил цыпленок.

— Возьми меня с собой, — попросил сук.

— Хорошо, — ответил маленький цыпленок.

Он взял корявый сук, положил его в свой заплечный мешок и пошел дальше.

Встретился ему дикий кот.

— Ага, вот и мой обед идет! — обрадовался кот.

Но цыпленок ему сказал:

— Нет, ты меня не съешь! У меня важное дело.

Тогда спросил кот:

— Куда ты идешь?

— Я иду за наследством моего отца.

— А меня возьмешь с собой? — спросил кот.

— Хорошо, — согласился цыпленок, сунул кота в заплечный мешок и пошел дальше.

Встретилась ему гиена.

— Куда идешь, маленький цыпленок? — спросила гиена.

— Я иду за наследством моего отца.

— Возьми меня с собой.

— Давай! — согласился цыпленок, сунул гиену в заплечный мешок и пошел дальше.

Встретился ему лев.

— Куда ты идешь, маленький цыпленок? — спросил лев.

— Я иду за наследством моего отца.

— Не возьмешь ли меня с собой?

— Хорошо, — согласился цыпленок, сунул льва в мешок и пошел дальше.

Тут ему навстречу вышел слон.

— Куда путь держишь, малыш?

— Иду за наследством моего отца.

— Возьми меня с собой, — попросил слон.

— Отчего ж не взять, — согласился цыпленок и сунул слона в заплечный мешок.

На перекрестке двух дорог повстречался ему храбрый воин.

— Куда ты идешь, маленький цыпленок? — спросил воин.

— Я иду за наследством моего отца.

— А мне с тобой можно?

— Почему же нельзя? — ответил цыпленок. Сунул он воина в заплечный мешок и зашагал вперед.

Долго шел маленький цыпленок и наконец добрался до деревни, где жил должник его отца. Увидел должник цыпленка, побежал к вождю и сказал:

— В нашу деревню пришел цыпленок-чужестранец. Он хочет стребовать с меня старый долг. Он меня разорит!

И тогда сказал вождь:

— Как посмел он явиться в мою деревню! Я ему покажу старый долг! Вскипятите-ка воды и ошпарьте этого цыпленка. Пусть он подохнет!

Дочь вождя захлопала в ладоши и закричала:

— Я сама понесу калebas с кипятком! Я сама его ошпарю! А потом ошиплю и сварю!

Поставила она себе на голову калebas с кипятком и поспешила к цыпленку.

Увидел ее цыпленок, развязал свой мешок и говорит:

— Выходи, корявый сучок! Покажи свою удалы!

Выскочил сук из мешка, бросился под ноги дочери вождя. Споткнулась она, упала, и весь кипяток вылился на нее. Ошпарилась она чуть не до смерти.

Тогда сказали люди:

— Надо бросить этого цыпленка в курятник: там старые злые куры его заклюют.

Но в курятнике маленький цыпленок выпустил из мешка кота и сказал:

— Выходи на волю, твое время пришло.

Дикий кот передошил всех кур, потом выбрал самую жирную курицу, съел ее и убежал.

Сказали приближенные вождя:

— Надо бросить этого цыпленка в хлев. Там его затопчут козы. Надо же как-то от него избавиться!

Но в хлеву цыпленок развязал мешок и молвил гиене:

— Выходи, пришел твой час.

Выскочила гиена, загрызла всех коз, потом выбрала самую жирную, схватила ее и убежала.

Сказали тогда люди:

— Бросим его в загон для быков!

И цыпленка бросили в загон. Но там он сказал:

— Лев, выходи из мешка! Пришел твой час!

Выскочил лев из мешка и убил всех быков. Потом выбрал самого откормленного, съел его и ушел.

— Найдется управа на этого проклятого цыпленка или нет? — закричали люди. — Бросим его к верблюдам в загон! Уж они-то затопчут его насмерть!

И цыпленка бросили в загон для верблюдов.

Но в загоне маленький цыпленок сказал:

— Выходи, слон, на волю, настал твой черед!

Вышел слон, из мешка и убил всех верблюдов. Тут люди стали перешептываться:

— Видно, этот цыпленок здесь не умрет. Надо вернуть ему то, что мы задолжали его отцу, и пусть убирается. Но в джунглях мы его догоним, убьем и снова завладеем его наследством.

Отдали они маленькому цыпленку ракушку каури, и цыпленок ушел из деревни.

Но едва он скрылся из виду, все мужчины деревни вскочили на коней, все, как один, даже сам старый вождь. И бросились они за цыпленком в погоню.

Услышал цыпленок за спиной конский топот, увидел многочисленных всадников. Развязал он мешок и сказал:

— Выходи, храбрый воин, пришел твой черед!

Вышел воин, перебил всех всадников и убил самого вождя. Потом он вернулся в ту деревню и сам сделался вождем.

А маленький цыпленок со своим наследством благополучно вернулся домой.

Вот и все, сказка кончилась.

Смерть осла

Дохлый осел ветры не пускает.

Пословица племени бамбари

Все на свете знают и всегда знали, что у зайца Лёка острый язык. Это его единственное достояние и его единственное оружие.

Многие испытали на себе остроту его языка, и все под конец притерпелись, только поживались, когда заяц Лёк, подергивая носом, изрекал неоспоримые, трижды неприятные истины или делал еще более неприятные намеки.

Недовольство изъявлял только М'Бам-осел, который знал зайца куда хуже, чем гиена Буки, старый, непримиримый враг зайца Лёка, и конечно, хуже, чем все прочие жители саванны, — из племени пернатых или племени мохнатых, таких, как лев Гайенде, Нисье-слон,

М'Билла-лань, Натт-индюшка, Тиокер-куропатка. И даже хуже обитателей рек, озер и болот: крокодилихи Диассиги, и жабы М'Ботта, и всех их сородичей.

М'Бам-осел жил в этих краях совсем недавно. Поэтому, видно, он и опростоволосился. А может быть, во всем виноват его ослиный нрав. Так, во всяком случае, говорили все их соседи, ближние и дальние, и даже случайные прохожие.

Заяц Лёк мало кому доверял, но относился ко всем терпимо, и, однако, даже его терпение лопнуло!

Жил М'Бам-осел рядом с зайцем Лёком, и разделяла их дворы всего лишь глинобитная стена. И о чем бы заяц ни говорил, М'Бам-осел все подслушивал и все принимал на свой счет.

Упомянул заяц как-то об ушах, которыми бог-создатель не обделил его в день раздачи ушей.

— Сколько ни трясى головой, — сказал он, — от своих ушей не избавишься, будь они короткие или длинные!

М'Бам-осел решил, что это про него сказано.

Заговорил как-то заяц о слабоумных и сказал:

— Дурак Дофф и нити не спрядет, а дай ему готовый моток — все перепутает!

М'Бам-осел, как всегда, решил, что это тоже про него.

Заговорили как-то в доме у Лёка о шкурах, и заяц заметил:

— Встал на молитву, — не все ли равно, какая под тобой шкура, хорошая или плохая.

М'Бам-осел решил, что заяц намекает, будто его ослиная шкура плоха и презренна в глазах Серинь-марабута.

И еще М'Бам-осел обижался и оскорблялся, когда заяц Лёк повторял старую мудрую поговорку:

— Сколько в пыли ни катайся, шкуру перепачкаешь, а блох не передавишь!

Ведь любимая забава ослов — кататься в пыли, брыкаться, реветь и громко пускать ветры.

Как уже было сказано, жили заяц Лёк и М'Бам-осел по соседству, и осел слышал все, о чем говорил заяц у себя во дворе или в хижине со своими детьми, соседями или с прохожими путниками.

Но у Лёка уши были еще более чуткими, чем у осла, он тоже прекрасно слышал все, что осел говорил о нем своим родичам, и скоро узнал, какие чувства питает осел к нему и его зайчатам.

С каждым днем осел ненавидел Длинноухого все силь-

нее, злоба переполняла его ослиное сердце, разливалась по всему его телу и скапливалась в копытах задних ног. Поэтому где бы заяц ни встречал осла: на тропинках ли, ведущих в поля, на деревенских ли улочках, на водопое или на площади совета, — он всегда держался от своего врага подальше.

Но однажды, несмотря на свой благодушный и веселый нрав, он рассердился и громко заметил:

— На дураков не зря надевают путы! А про путы верно сказано: «Сколько путы ни мой, от них все равно воняет».

Тут уж не оставалось места для сомнений: распроклятый заяц издевался над самим М'Бамом и над всем ослиным племенем! М'Бам-осел слышал еще мальцом, что люди заставляют его родичей-ослов таскать днем тяжелые выюки, а по вечерам спутывают им ноги и палками выгоняют их на пастбище.

В тот же день принялся заяц чинить ограду, отделявшую его двор от двора осла. И, замазывая глиной трещины в стене, он вскричал:

Когда ослы гешатся — о стену чешутся,
А когда развлекаются — режут и брыкаются,
Боже спаси от таких соседей!

Услышав его, осел М'Бам пожалел, что поселился рядом с Длинноухим. Вся его родня, родичи его жен, все его жены и даже дети укоряли его, что он слишком долго терпит насмешки зайца, и говорили, что ему давно уже пора проучить наглеца. Однако проучить зайца было не так-то легко. Целый день старался М'Бам загнать его в угол, прижать к непролазным зарослям или к подножью дерева, к обрыву или к черному берегу или застать врасплох на узкой тропинке — но тщетно! Заяц был слишком хитер!

К вечеру вся ослиная семья собралась на совет. Долго они судили-рядили и под конец решили: для спасения ослиной чести М'Бам непременно должен хотя бы разок лягнуть зайца.

Но есть поговорка: «Чтобы утереть верблюду слюни, надо допрыгнуть до его морды». На другое утро проснулся Лёк и подумал: «Почему за стеной у ослов так тихо?»

Долго раздумывать он не стал и отправился в поле. Зато дети Лёка, зайчата, когда проснулись, очень удивились.

Солнце давно уже встало, а за стеной у ослов почему-то никто не ревел, не брыкался, не дрался и не ругался. И совсем уже всполошились зайчата, когда слышали жалобные вопли, стоны, плач и причитания.

— Что случилось в доме соседа? — спрашивали они друг друга.

Но долго удивляться им не пришлось.

Тхойе-попугай, глашатай их деревни и всей округи, прилетел к ним и прокричал:

— Сосед ваш М'Бам ночью занемог и, не дожив до утра, скончался! Несчастная семья его в отчаянье и горе! Дети М'Бама и его родичи поручили мне известить об этом всех жителей деревни, но прежде всего вашего отца. Ведь он их ближайший сосед, а ближайший сосед почти что родственник...

— Наш отец давно в поле! — ответили зайчата.

Попугай Тхойе полетел в поле, нашел там зайца и сообщил ему о кончине его соседа.

— М'Бам умер?

Заяц Лёк так удивился, что замер с поднятой мотыгой.

— Да, его дети сказали мне об этом, я сказал твоим детям, а они сказали, что ты здесь.

— М'Бам умер? — повторил заяц. — И господь призывал его, даже не предупредив ни разу?

Но спрашивал он, видно, самого себя, а не Тхойе-попугая, глашатая с кривым клювом, потому что тут же добавил:

— Что ж, пусть господь упокоит его душу и не спешит призывать к себе нас!

И заяц вонзил мотыгу в жирную землю, снова принимаясь за работу.

— Но послушай, Лёк, — прокричал Тхойе-попугай, глашатай с круглым языком, — дети покойного М'Бама просили, чтобы ты зашел к ним в дом.

— Чтобы я зашел к ним в дом? — еще больше удивился заяц. — Зачем?

— Ты ведь их ближайший сосед, — объяснил деревенский глашатай.

— А что мне делать у них в доме?

— Право же, я не знаю. Они вопили, рыдали и причитали и только сказали мне сквозь слезы, чтобы я привел тебя, Лёк.

— Ладно, пойдем! — согласился заяц Лёк.

Лёк поскакал по тропинке, а Тхойе полетел за ним.

перепархивая с куста на куст, и вскоре они приблизились к дому М'Бама.

Вдова, дети и вся родня усопшего встретили зайца Лёка скорбно и почтительно. Старший из сыновей М'Бама, Фали, сказал:

— Дядюшка Лёк, перед тем как покинуть нас навсегда, в тот утренний час, когда земля уже остывала, отец, собрав последние силы, прошептал: «Упроси нашего Лёка, чтобы он прочел над моими бренными останками погребальную молитву!»

Заяц сделал три шажка вперед и спросил:

— А где же эти бренные останки?

— Тело нашего отца вон в той большой хижине, — ответил старший из сирот.

Лёк подошел с ним к двери большой хижины, сунул внутрь свой нос и тотчас повернулся к ослиной семье, которая следовала за ним по пятам.

— Вы говорите, что М'Бам умер?

— Да, дядюшка! — ответил Фали, старший сын М'Бама. — Он скончался с последним криком Сэкха-петуха.

— Вы ошиблись, он вовсе не умер — жив! Радуйтесь! Мне незачем читать молитву.

И заяц поскакал к себе домой, так как было уже слишком жарко для работы в поле.

Но едва он вошел в свою хижину, как Тхиейе-попугай перепорхнул через стену и снова позвал его к М'Баму.

Заяц прибежал к большой хижине, сунул в открытую дверь мордочку, сморщил нос и объявил:

— Я же вам говорю, М'Бам не умер. Лежит он, правда, на спине, но ноги у него согнуты, а у дохлых ослов они прямые как палки.

И заяц вернулся к себе.

Но едва он начал снимать сандалии, как за ним снова прилетел Тхиейе-попугай и отвел его к большой хижине. М'Бам лежал на спине, и ноги его торчали вверх, словно палки.

— Но почему у него не раздут живот и зубы не оскалены? — удивился заяц. — Нет, он еще не подох!

Заяц Лёк пересек двор М'Бама, переполненный рыдающей родней и соседями, и уже дошел до своего двора, когда старший из сирот осла, Фали, догнал его и снова попросил вернуться.

Теперь М'Бам и впрямь был похож на дохлого осла. Брюхо его вспучилось и раздулось, как десять бурдюков,

верхняя губа завернулась на широкие ноздри, нижняя отвисла на жирный подбородок, а вокруг оскаленных желтых зубов уже вились и жужжали неугомонные сплетницы — мухи.

Лёк просунул в дверь свой нос и сказал:

— Да, мои бедные дети, М'Бам очень похож на покойника. И лежит он на спине, и ноги у него торчат, словно колья из ограды, и брюхо раздуло, будто он один объел целое пастбище или сожрал все зерно из амбара, да и зубы у него оскалены, как у всех мертвецов, — неизвестно только, рыдает ли он от горя или хохочет от радости, что попал в ослиный рай. Но признайтесь, он пускал перед смертью ветры?

— Нет, нет! — воскликнул Фали, старший сын осла М'Бама.

— Ну, тогда, значит, М'Бам... — начал заяц Лёк, отступая на шаг. — Значит, М'Бам... — повторил он.

И тут вдруг в большой хижине раздался громоподобный треск, заглушивший все вопли и рыдания, и ужасное зловоние распространилось по всем четырем углам двора.

— Значит, М'Бам жив-живехонек! — договорил заяц Лёк. — Потому что пока еще никто не выдывал и не слыхивал, чтобы дохлый осел пускал ветры!

И заяц Лёк, весело подпрыгивая, ускакал к себе.

С тех пор осел М'Бам избегает зайца Лёка.

Буки в раю зверей

Давным-давно в Сенегале все звери были в мире между собой. Жили они в лесах и на обширных равнинах по берегам волшебной реки Фалемэ.

Светлая глубокая река, в водах которой сверкали золотые блестки, была царством бегемота Лебэра, крокодила Маймаило, жабенка М'Ботта, а также цапли Корады и утки Канкал. На тенистых берегах, в большом лесу и в зеленой саванне все животные, малые и большие, жили под властью мудрого правителя Гайенде-льва. Все были счастливы и жили в мире, все, от Ниейе-слона и до паука Диаргоня, от обезьяны Потанаре до быстрой змеи Джанны.

Но в этом раю зверей жил демон с душою более черной, чем ночь. Этим демоном была гиена Буки, из-за нее-то и случилось несчастье.

Отведала Буки однажды нежного мяса молодых животных, и страх воцарился на берегах счастливой реки Фалемэ.

Расскажу вам, как это случилось.

В бескрайной саванне, в лесах и на лугах звери веками жили мирно и помогали друг другу.

На каждой поляне маленькие зверята собирались под надзором обезьян, которые забавляли их своими гримасами. И каждый день, утром и вечером, матери приходили кормить детей молоком.

Сначала мамаша Диамала, длинноногая жирафа, просовывала шею между деревьями и пела:

Маленькие жирафчики, маленькие Диамалы!
Посмотрите, пришла ваша добрая мама!
Пейте мое сладкое, белое молоко,
И шейки у вас вырастут
До самых облаков!

И маленькие жирафчики бежали к ней на своих хрупких ножках.

Затем прибежала лань М'Билла, самая добрая из всех матерей, и пела:

Маленькие оленята, дети мамы М'Биллы,
Бегите скорей пить ваше молоко,
Чтобы глаза ваши темными и прекрасными были,
А ножки бегали быстро и легко!

И так до самой ночи.

Слонята прибежали пить молоко, чтобы у них вырос хобот, львята — чтобы у них была красивая грива, зайчата — чтобы у них выросли усы и длинные уши.

Буки слушала эти песенки, но думала только о том, как бы сожрать всех этих глупых детенышей.

Однажды вечером подошла она к краю поляны и как можно нежнее запела:

Маленькие Кобы, малышки антилопы,
Бегите скорей к вашей доброй маме!
Напейтесь молока и будете ходить
С большими красивыми рогами!

Доверчивые маленькие Кобы приблизились, и — крак-крак! — захрустели их косточки в могучих челюстях Буки; гиена разорвала их и сожрала.

С тех пор Буки каждый вечер выбирала новую жертву, и каждый вечер еще одна мать напрасно звала своих детей, заливаясь слезами.

Тревога охватила зверей. Малыши исчезали один за другим, и никто не мог понять, что с ними случилось. Поговаривали даже, что это стервятник Тани уносит их в небеса — больше никому! Волновались звери и горевали, а Буки продолжала убивать их малышей. И так было до тех пор, пока на поляне не осталось никого, кроме зайчонка, сына Лёка, такого же хитрого, как его родители.

Всем известно, что зайчиха учит детей своих прежде всего осторожности. А этот зайчонок был лучшим из учеников своей матери.

Буки приблизилась к тому месту, где прятался в кустах зайчишка, сын Лёка, и запела:

Маленький зайчик, беги ко мне скорее,
Пей молоко мое вкусное быстрее!
Напейся всласть, мой зайчик милейший,
И будешь ты слышать даже шорох малейший.

Однако зайчонок, сын Лёка, не вылез из своего убежища. Подражая грубому голосу Буки, он ответил:

Мама-зайчиха, что с тобой случилось?
Почему у тебя такой хриплый голос?
Ты где-то простыла наверняка,
Не хочу я сегодня пить молока!

Буки не стала упорствовать и ушла. Однако немного погодя она вернулась, подкралась как можно ближе к зайчонку, прыхав в траве, и едва слышным голосом снова завела свою песенку:

Маленький зайчик, беги ко мне скорее,
Нет молока моего жирнее!
Поней его всласть, не будь упрямым
И станешь таким же толстым, как мама!

Зайчонок, сын Лёка, пошевелил ушами, открыл один глаз, но не двинулся с места. Он только ответил:

Голос у тебя стал нежнее и тише,
Но я разглядел тебя лучше и ближе:
Слишком у тебя длинные клыки,
А уши у тебя слишком коротки!

Буки снова убежала, полная ярости, и поклялась, что обязательно выманит этого проклятого заячьего сына из

его норы. Она привязала на голову пучок сухой травы и еще раз попытала счастья. Но зайчонок ей ответил в последний раз:

Твое молоко я не стану пить,
Потому что ты мне вовсе не мать!
Слишком толстая у тебя голова,
А вместо ушей — сухая трава!

Тем временем лев Гайенде и его приближенные собрались на тайный совет.

Шакал Тилль, которого заподозрили было в убийстве детей, сказал в свою защиту хитрую речь:

Повелитель, все наши дети пропали,
Кроме детей зайца Лёка, —
Разве не трудно понять:
Это Лёк во всем виноват!

Бедный заяц в страхе не знал, что ответить.

Но тут ему в голову пришла спасительная мысль. Он увидел, что Буки нет на собрании. И вот Лёк попросил царя зверей послать кого-нибудь узнать, не постигла ли его зайчонка такая же горькая участь, как и всех остальных.

Сам Гайенде отправился вместе с зайцем, и они нашли Буки около дома Лёка.

— Дядюшка Гайенде! — сказал Лёк. — Сдается мне, что во всем виновата гиена! Дай мне один день, и ты сам в этом убедишься.

— Хорошо, — сказал справедливый и добрый владыка лев. — Но ты должен доказать это всем зверям.

Вечером заяц Лёк изложил свой замысел льву. И Гайенде согласился с зайцем.

И вот, когда поднялась луна, все звери по знаку льва распростерлись на земле на приречной равнине, как будто всех их внезапно сразила смерть. А Лёк отправился к жилищу Буки.

Гиена жила на краю леса в такой темной и мрачной хижине, что все боялись к ней приближаться. Лёк задрожал всем телом, услышав, как хохочет Буки и ее семейство. Однако он подошел ближе и увидел, что они сидят вокруг дымного очага и пожирают остатки слоненка, несчастного сына мамы Ниейе.

Затаился заяц Лёк в тени и жалобно закричал:

— Сестрица Буки, я принес тебе горестную весть! Все

наши братья мертвы! Они лежат бездыханные и больше уже не встанут! Я пришел к тебе исполнить последнюю волю покойного повелителя нашего льва Гайенде!

— Кто это так говорит со мной из темноты?

— Это я, заяц Лёк, единственный оставшийся в живых вместе с тобой, моя старшая сестра.

Буки тотчас подумала о бесчисленных трупах, которые лежат в темноте на равнине, и о том, как она попирует. Но все-таки она насторожилась: «А вдруг этот проклятый Лёк вздумает оттягать у меня часть такого прекрасного наследства?» И спросила гиена Буки зайца:

— А что тебе сказал перед смертью наш повелитель Гайенде? Кто из нас двоих должен его заменить?

Хитрый заяц ответил жалобным, плаксивым голосом:

— Дядюшка Гайенде сказал:

Буки — старшая из моих дочерей;

Пусть все наследство достанется ей!

Гиена тут же собрала всю свою семью. Все они с жутким хохотом схватили кто корзину, кто калebas, кто нож, кто топор, и мрачное шествие отправилось вслед за Лёком.

Буки никак не могла поверить в такое счастье.

— Ты не ошибся? — снова спросила она. — Все наши бедные братья действительно мертвы?

— Увы, все мертвы, все мертвы, и мы больше не увидим их в живых!

— И повелитель Гайенде действительно сказал, кому принадлежат все их останки? — еще раз спросила Буки, прибавляя шаг.

— Увы, он сказал и повторил:

Буки — старшая из моих дочерей;

Пусть все наследство достанется ей.

Тут Буки зашагала еще быстрее, а за нею вся ее семья. Так добрались они до обширной равнины, где все звери лежали, притворяясь, будто их постигло величайшее из несчастий — смерть.

Буки не могла удержаться от хохота. Радостно закричала она:

— Дети мои! Тут нам хватит мяса надолго! И еще какого мяса! Куда более сочного и вкусного, чем у всех тех глупых детенышей, которых мы до сих пор ели!

Она приблизилась ко льву Гайенде и сказала:

— Как хорошо, что ты умер! Теперь я богата, теперь я королева джунглей! Я начну с тебя свой пир!

Но когда она приблизилась с ножом в руке, Гайенде только приподнял веко и уставился на Буки своим зеленым глазом, величественным и суровым.

От одного его взгляда Буки приросла к земле. Она не могла пошевелинуться, не могла убежать. Лев медленно приподнялся, и рычание его огласило ночь. И все звери вскочили по его знаку.

Можете себе представить, что было с Буки! Даже Диамала, мирная жирафа, даже М'Билла, кроткая лань, — все матери хотели отомстить за своих детей — кто ударом рога, кто ударом копыта, кто ударом когтистой лапы.

Но с этого дня все животные прячут своих малышей от чужого глаза и в саванне и в джунглях. Кровь пролилась, и мир уже не вернулся в долину волшебной реки Фалемэ, где когда-то, давным-давно, был рай зверей.

Говорящее дерево

После дождей в край Буки вернулось благоденствие. Теперь гиена легко находила пищу для себя и своей семьи. Ни о чем не заботясь, она целыми днями бродила повсюду, выискивая больных или увечных животных, чтобы попить, когда наступит ночь.

И вот однажды во время такой прогулки очутилась гиена поблизости от огромного старого баобаба. Вдруг Буки заметила, что большое дуло в стволе дерева приоткрывается, словно пасть, будто дерево хочет зарычать или заговорить. Одна из ветвей баобаба вытянулась, как рука, склонилась к земле, но потом вдруг замерла неподвижно.

— Ты хочешь со мною заговорить? — с удивлением спросила Буки.

И вдруг баобаб протянул самую большую ветку и хлопнул гиену по голове, да так, что та растянулась без памяти. Когда Буки пришла в себя, она осторожно приоткрыла один глаз и увидела, что дерево склонилось над ней и обмахивает ее своими ветвями. Заметило дерево, что Буки пришла в себя, выпрямилось и сурово сказало:

— Никогда не задавай мне подобных вопросов. И не

вздумай со мной шутить. Здесь никто не знает, что я могу видеть, слышать и говорить. Если кто-нибудь осмелится задать мне один из трех вопросов: «Дерево, ты меня видишь?», «Дерево, ты меня слышишь?», «Дерево, ты можешь со мной поговорить?», то он тут же падает мертвым у моего подножия!

Буки кое-как поднялась и со всех ног помчалась прочь от грозного исполина.

Но когда наступил вечер, гиена сказала себе: «Если я уговорю других зверей задать баобабу эти запретные вопросы, он их убьет, и мне достанется легкая добыча!»

Буки, как известно, пожирает падаль, на худой конец приканчивает больных или раненых животных. Но она настолько труслива, что не решается нападать на здоровых зверей, даже, казалось бы, самых беззащитных.

И вот на другой день отправилась гиена к лани М'Билле. Была М'Билла такой кроткой и наивной, что верила всем подряд.

— М'Билла, нежная подруга, — сказала Буки, подразумевая, что мясо лани нежно на вкус, — ты знаешь всю саванну, но знаешь ли ты баобаб, который может видеть?

— Дерево, которое видит? Неужели это возможно? — воскликнула М'Билла, удивленно распахнув свои большие глаза.

— Да я сама об этом никогда не слыхала. Только вчера узнала. Стоит подойти к этому баобабу и спросить: «Дерево, дерево, ты меня видишь?» — и баобаб сразу вытаращит на тебя глаза!

Лань была доверчива и любопытна. И захотелось ей самой увидеть такое чудо.

Гиена Буки привела ее к баобабу и сказала:

— Подойди поближе и спроси: «Дерево, ты меня видишь?»

Несчастливая лань приблизилась к баобабу и спросила:

— Дерево, ты меня видишь?

И тотчас узловатая ветвь стукнула ее по голове и убила.

Буки дождалась ночи, чтобы как следует попировать. Она была счастлива, что нашла такой прекрасный способ без труда наедаться до отвала.

На следующий день гиена Буки отыскала осла, который щипал травку недалеко от деревни.

— Вот еще один дурень, сгодится мне на ужин! — сказала себе Буки.

Но едва она приблизилась к ослу, тот обернулся и сердито завопил:

— Ты что, надеялась захватить меня врасплох, подлая тварь? Разве ты не знаешь, для чего природа дала мне такие длинные уши? Для того, чтобы слышать малейший шорох за тысячу шагов! Я тебя давно поджидаю, чтобы стукнуть копытом!

— Не сердись на меня, мой добрый друг! Я вовсе не желаю тебе зла. Я просто искала умного собеседника, чтобы поговорить.

Осел не привык к таким похвалам и был очень польщен. Он заревел во весь голос, чтобы показать, что он не только умен, но и хороший певец.

— Так вот, мой друг,— продолжала Буки,— ты сам сказал, что слух у тебя превосходный, не так ли? Однако я знаю кое-кого, кто мог бы тебя превзойти.

— Ну-ка, ну-ка, скажи мне, кто слышит лучше меня?

— Пожалуйста, скажу. Это баобаба на опушке леса.

— Ты что, надо мной смеешься?

— Вовсе нет! Если не веришь, пойдем со мной. Когда ты подойдешь к подножию баобаба, спроси: «Дерево, ты меня слышишь?» И сразу получишь ответ.

Осел тотчас же отправился с Буки на поляну. Тут их и заметил заяц. Лёк никогда не доверял гиене Буки и, заподозрив неладное, незаметно отправился следом за странной парочкой.

Когда осел с гниеной пришли на поляну, Буки поотстояла, а осел приблизился к баобабу и громко заревел:

— Дерево, ты меня слышишь?!

И сразу же получил ответ. Правда, не совсем тот, которого ожидал.

Дерево свалило его одним ударом толстой ветви.

Лёк это видел, кое-что понял, а об остальном догадался. Поэтому он не стал дожидаться ночи, не стал смотреть на зловещую трапезу Буки, а потихоньку удрал.

Через несколько дней рано утром Буки нос к носу столкнулась с Лёком. При виде хитрого зайца гиена едва не задохнулась от бешенства. Давно она мечтала за все его проделки отомстить Лёку. Тут ей пришла в голову прекрасная мысль: отвести зайца к баобабу! Пусть-ка дерево его прихлопнет. Ради такой мести Буки готова была даже отказаться от более достойной добычи.

— Лёк, я счастлива тебя видеть,— проговорила она как можно ласковее.— Забудем наши ссоры, забудем вра-

жду! Голод — плохой советчик, и я готова простить тебе все твои злые шутки. Давай помиримся!

Заяц сразу понял, что коварная Буки задумала какую-то подлость, и решил быть настороже.

— Благодарю тебя за добрые слова, — ответил он. — Но какие дела заставили тебя сегодня подняться в такую рань?

— До меня дошел удивительный слух, друг мой Лёк. Ты, если верить молве, все знаешь, но знаешь ли ты, что в наших краях появилось говорящее дерево?

— Говорящее дерево? — притворно изумился Лёк. — В жизни не слышал ничего глупее!

— Да, да, говорящий баобаба! Пойдем со мной, я тебе его покажу. Сам увидишь!

— Конечно, с удовольствием. Но что надо сделать, чтобы убедиться в таком чуде?

Буки подробно объяснила ему, что надо делать.

— Главное, не забудь громко спросить: «Дерево, ты можешь со мной говорить?»

— Как, как ты сказала? — переспросил заяц Лёк. — После прошлогоднего голода у меня совсем память ослабла.

И заяц сделал вид, что никак не может запомнить вопрос. Пришлось Буки повторять его без конца всю дорогу к поляне. Но она не теряла терпения.

Так дошли они до баобаба, и заяц вроде бы наконец запомнил, что ему надо спросить.

На поляне Буки хотела было, как всегда, остаться позади, но заяц Лёк забеспокоился.

— Сестрица, сердце мое чует недоброе! — зашептал он встревоженно. — Нет, один без тебя я к дереву не пойду. Я боюсь! Пойдем вместе, иначе я убегу.

Буки поняла, что зайца так просто не проведешь. «Но чего мне бояться? — подумала она. — Почему бы мне не пойти вместе с Лёком? Говорить-то с деревом будет он! Его дерево и прикончит!»

— Очень уж ты недоверчивый, брагек Лёк, — сказала гиена. — Но я тебя понимаю. Ладно, чтобы рассеять твои подозрения, я пойду с тобой.

И вот они вместе приблизились к баобабу. Тут Буки сделала зайцу знак, чтобы он задал дереву свой вопрос.

— Дерево, могу я... Дерево, можешь ты... можешь ты... — путаясь и заикаясь, начал заяц и тут же запнулся.

Ничего у него не получалось! Он уж и по лбу себя стучал, и в затылке скреб, но никак не мог вспомнить вопроса.

— Дерево, можешь ты?.. Дерево, можем мы?.. Дерево... можешь ты мне?.. Дерево, можно с тобой...

И когда он в двадцатый раз начал: «Дерево, можешь ты...» — у гиены Буки лопнуло терпение, и она зарычала зайцу на ухо:

— ...со мной говорить!

И в тот же миг — крак! — огромная ветвь обрушилась на Буки и проломила ей голову.

С тех пор заяц Лёк с удовольствием прислушивается к голосам деревьев и трав, когда ветер заставляет их шелестеть и шептаться в сумерках, но он уже никогда ни о чем не пытается их расспрашивать.

Как Буки хотела снести яйца

Ранним утром, еще по росе, едва заяц Лёк отыскал в песке ямку посуше, к нему подбежала гиена Буки.

— Чего это ты от меня всегда прячешься?—спросила она с угрозой.

— А чего мне от тебя прятаться?— возразил заяц Лёк, хотя прекрасно знал, почему он сам и все его родичи избегали гиену Буки.

Солнце еще не взошло, трава была мокрой, лапы зайца не высохли, а зубы гиены были слишком близко от его хребта. Поэтому заяц Лёк повторил:

— С чего мне от тебя прятаться, почтенная Н'Джур? Я просто нашел себе ямку, где прохладнее, чем в траве у тропинки.

— Ах, вот оно что! — прогнусавила гиена Буки.— А я вот вся промокла ночью, схватила насморк и кашель. Слышала я, будто парное молоко — лучшее средство от хрипоты. Слушай, Лёк! Тут неподалеку одна, без пастуха, пасется корова Нагг. Вымя у нее полней, чем полный бурдюк. Пойди-ка поговори с Нагг, пока пастух не вернулся. А я подберусь сзади и пососу хоть немножко теплого молока!

Заяц Лёк знал, с кем имеет дело. Уж если Буки-гиена привяжется, от нее так легко не отделаешься.

Пришлось зайцу побежать к корове Нагг.

Всем известно, что Нагг ничему толковому не научилась ни дома, ни в школе. Однако она все-таки понимала, что сырая от росы трава не на пользу ее брюху. В тот ранний час корова Нагг медленно отщипывала верхушки побегов травы, которые слабые лучи утреннего солнца и ветерок уже немного подсушили.

— Здравствуй, Нагг!— обратился к ней заяц.— Я давно уже тебя заметил, но трава была слишком сырой, и я не мог к тебе подойти.

Корова помотала головой. Заяц думал, что она приветливо и вежливо кивает на его любезные слова. И вдруг услышал мрачное мычание, предсмертный стон боли, от которого у него ошетинились все волоски на шкуре и уши встали торчком.

Нагг повалилась на бок, и гиена Буки стала раздирать ее тушу на части.

Зайца Лёка трудно было чем-нибудь удивить. От Буки он ждал любой пакости. Он посмотрел на издыхающую корову и сказал:

— Где же мы теперь найдем молоко?

— Молоко? Ха-ха! — захохотала Буки. — Плевать мне на молоко! Что я, сосунок? Ты взгляни лучше: сколько в этой корове мяса, сколько костей! Это же не просто удача, это подарок богов. Помоги мне разделать тушу, тогда нам будет легче утащить ее отсюда. Я знаю Малалапуло, ее пастуха, и вовсе не хочу с ним сегодня встречаться. Если он застанет меня здесь...

Пришлось Лёку разделять тушу Нагг, помогая своей опасной соседке, с которой, того и гляди, попадешь в беду!

А солнце наконец взошло, и саванна пробудилась после долгого крепкого сна. Отовсюду слышались звериные и птичьи голоса. Даже самые отъявленные сони просыпались, громко позевывали. Надо было как можно скорее уходить подальше от этого места. Чего доброго кто-нибудь нагрянет!

И заяц предложил Буки:

— Давай я сбегая за хворостом для костра.

Но Буки возразила:

— Сырое мясо куда лучше на вкус!

— А я больше люблю мясо жареное, печеное и даже вареное, — ответил ей заяц.

— Ладно, будь по-твоему! Только за хворостом пойду я сама, — решила Буки-гиена, опасаясь, что заяц всполошит и приведет к ее добыче всех обитателей джунглей.

И гиена отправилась за хворостом.

Заяц Лёк подумал, что с него хватит неприятностей, сейчас, пожалуй, самое время удрать.

Все зайчата с самого детства с молоком матери впитывают страх перед гиеной и отвращение к ней. Они учатся никогда не упускать возможности сыграть с гиеной Буки злую шутку.

Потряс заяц головой, похлопал длинными ушами и только тогда наконец избавился от страха, который испытывал с того самого мига, когда гиена застала его в песчаной ямке.

Он отпрыгнул в сторону, посмотрел направо, посмотрел налево и, чтобы немного размяться, поскакал к баобабу, тень которого тянулась к туше глупой коровы Нагг.

Обежал заяц вокруг баобаба и вдруг замер, поднимая

мордочку и наморщив нос. В стволе баобаба он заметил дупло.

Заяц быстренько перетаскал по частям в дупло мясо и кости, требуху и шкуру коровы, оставил одну лишь голову, да и ту зарыл в землю, так что снаружи торчали только рога. А сам спрятался в дупле и скорчился там, как погребенный воин.

— Лёк! Эй, Лёк! — услышал он голос Буки. — Где ты, сын беды? Что ты сделал с моей коровой? Я вижу только нахальных мух, которые пьют ее кровь наперегонки с ненасытной жадной землей!

Буки тащила огромную вязанку хвороста и так сгибалась под этой тяжестью, что ее зад, и без того обвислый, волочился по траве.

— Мы здесь, я и твоя корова! — ответил ей глухой голос, похожий на отдаленный рокот боевого тамтама.

— Где это здесь? — спросила гиена Буки, поворачиваясь во все стороны.

— Здесь, под землей! Когда ты ушла, ненасытная земля разверзлась и поглотила нас. Я вишу, зацепившись за коровьи ноздри, и ничего не вижу. Подо мною черная бездонная дыра. Наверное, только коровьи рога нас и держат, меня и голову этой несчастной Нагт.

Голос звучал неизвестно откуда, печально и глухо, как далекие отзвуки грома.

Буки сбросила хворост и закрутилась, низко приседая. Вдруг она заметила коровьи рога, торчащие из земли. Ухватила гиена за рога, дернула — и полетела вместе с коровьей головой кувырком!

— Хум-хум! — рывкнула Буки, поднимаясь. — Видно, у земли и впрямь острые зубы и ненасытное брюхо... Лёк! Эй, Лёк! Где ты теперь, сын беды?

— Зде-е-есы!..

— Где?

— Зде-е-есы!

Ба-Нйоли, страусиха, пробежала неподалеку и услышала вопли Буки и глухой, странный голос, от которого загудела ее маленькая страусиная голова. Подбежала она, захлопала крыльями и затанцевала вокруг гиены, как борец.

— Что случилось, почтенная Буки? — спросила страусиха Ба-Нйоли.

Рассказала ей Буки-гиена, что потеряла Длинноухого.

— Лёк, эй, Лёк, где ты?

— Я zde-е-есы!

— Наверное, он на дереве, — сказала страусиха Ба-Нйоли, поднимая маленькую голову.

— Нет! — ответила Буки-гиена. — Голос слышится из-под земли. Лёк, о Лёк, где ты?

— Я zde-е-есы!

Страусиха Ба-Нйоли обежала, приплясывая, вокруг баобаба, заметила дупло и сунула туда свою маленькую голову.

— Да вот же он, внутри дерева! — крикнула она гиене Буки.

— И корова тоже там?

— Какая корова? Чья корова?

— Это не твое дело! Посмотри и скажи мне: Лёк там один или вместе с коровой?

— Подожди, я просуну голову подальше...

И Ба-Нйоли засунула в дупло баобаба не только маленькую голову, но и почти всю свою длинную шею, голую и красную, как зад обезьяны Голо.

Заяц Лёк быстро отодрал от ствола баобаба прядь крепких волокон и сделал из него петлю. Когда Ба-Нйоли просунула в дупло голову, заяц накинул ей петлю на шею и затянул посильнее.

— Вуйе яйе о! О, моя мама!— застонала Ба-Нйоли.— Ты меня душишь, Лёк! Отпусти меня, умоляю... Я сейчас снесу яйцо... и мое яйцо... разобьется! Отпусти! О, я так и знала... я снесла яйцо... Ты видишь его, Буки? Оно не разбилось?..

— Конечно, разбилось, да еще как разбилось!— ответила гиена, доедая белок и желток и вылизывая скорлупу огромного страусиного яйца.— Но утешься, оно не пропало зря. Давно я не пробовала ничего вкуснее, честное слово. Почаще бы такое случалось!

Заяц Лёк услышал слова гиены, услышал, как она жадно причмокивает. Отпустил он страусиху и сказал гиене Буки:

— Право же, Буки Н'Джур, ты еще глупее, чем я думал. Твои собственные яйца еще крупнее и еще вкуснее яиц Ба-Нйоли. Но верно сказано: всегда кажется, будто кускус у соседки вкуснее!

— О чем ты говоришь?— всполошилась Буки.— Разве я тоже несу яйца?

— Ну конечно, как и все другие звери и птицы, тетушка, как и все на свете! Как курица Ганар, как жаба М'Ботт, как Джанна-змея и как рыба Джэн. Ты тоже несешь яйца, как и все на свете. Надеюсь, ты не станешь этого отрицать?

— Уверю тебя, дядюшка Лёк, я об этом сама ничего не знала!

— Ну, это меня вовсе не удивляет. Ты ведь никогда не оглядываешься назад! Ты рыщешь, ищешь, вынюхиваешь, выскинаешь и суешь свой нос всюду, кроме того места, где он тебе больше всего пригодился бы. Впрочем, ты, наверное, давно уже потеряла нюх!

— А ты сам когда-нибудь ел мои яйца?

— Еще бы, и сколько раз!

— И часто я их несу?

— Так же часто, как все остальные, и может быть, даже чаще,— уверил гиену заяц Лёк.

— Куда же деваются мои яйца?— забеспокоилась гиена.— Что с ними бывает потом?

— То же самое, что было с яйцом Ба-Нйоли. За тобой всегда следят любители яиц и подбирают их на дороге. Тем более что яйца гиены считаются отменным лакомством. Уж я-то в этом знаю толк! И никто не может понять, почему ты сама предпочитаешь им падалы! Все думают, что у тебя просто испорченный вкус...

— Неужели яйца у меня такие же вкусные, как яйцо Ба-Нйоли?— еще раз спросила гиена Буки.

— Говорю тебе: в десять раз вкуснее!

Буки-гиена совсем уже поверила зайцу, но на всякий случай спросила Ба-Нйоли, хотя и знала, что страусиха глупа и мало в чем разбирается:

— Скажи, ты тоже видела мои яйца?

Ба-Нйоли-страусихе не хотелось казаться глупее других. Раз Лёк говорит, будто все знают, что Буки несет яйца, значит, так оно и есть. И страусиха подтвердила:

— Конечно, я тоже видела.

— Какая досада, что я одна ни разу их не отведала!— закручинилась гиена Буки.

— И правда, обидно,— согласился заяц Лёк.— Но, если хочешь, можешь их попробовать хоть сейчас. Встань на место Ба-Нйоли и просунь голову в дупло баобаба. Я тебе сдавлю тихонько шею, и... сама увидишь! Таким способом ты снесешь столько яиц, сколько сама захочешь. Но у меня условие: когда кончишь нести яйца, ты выпустишь меня из дупла. Клянешься?

— Клянусь!— ответила гиена.

Буки просунула в дупло свой нос, уши, всю голову и толстую шею.

Но заяц, пока говорил с гиеной, уже сплел из волокон баобаба крепкую веревку и сделал большую петлю, куда больше и куда прочнее той, что он накинуд на голую шею безмозглой страусихи Ба-Нйоли.

Гиена сунула в петлю свою вонючую морду, свои острые уши и тяжелую голову. И тогда заяц Лёк затянул петлю вокруг ее толстой шеи, заткнувшей дупло баобаба. И потянул изо всех заячьих сил.

Буки так и не снесла яйца.

Гиенам, понятное дело, никогда не нести яиц.

Буки-сирота

Умер старый дед гиены Буки, умер старый Н'Джур, последний и единственный ее родственник.

Ко дню его смерти остался от стада Буки последний единственный бык. И пришлось его зарезать, ибо обычай повелевает в таких случаях принести богатую жертву, одарить неимущих и задобрить всех предков гиен, чтобы они благосклонно встретили дух старого Н'Джура, когда он

предстанет перед ними и будет рассказывать о деяниях своего племени.

Буки-гиена не стала звать ни мясника, ни помощника мясника, ни ученика помощника мясника, она не стала звать ни мавра, ни раба мавра, чтобы зарезать, ободрать, разделать и разделить быка, предназначенного в жертву.

Задыхаясь и обливаясь потом, Буки сама зарезала и ободрала быка, кое-как разделала тушу, а вот делить мясо она не стала.

Сошлись к ее дому плакальщицы, уже охрипшие от воплей, собрались огорченные соседи и родичи, чтобы выразить свое сочувствие последней гиене в их краю, последней и единственной наследнице старого Н'Джура. Сошлись и увидели, что Буки сидит перед тремя кучами мяса, — это было все, что осталось от жертвенного быка.

Удивились плакальщицы, соседи и дальние родичи гиены, что так мало мяса им осталось.

Начали они спрашивать:

— А кому достанутся эти три кучи мяса? Нищим странникам? Беднякам? Или, может быть, Буки пожертвует их святым людям?

Но Буки-гиена ответила на это:

— Первая часть — для меня. Вторая часть — для покойного Н'Джура. А последняя часть достанется тому, кто первый ее коснется. Но вы видите, я уже положила на нее мою лапу!

Рыдания плакальщиц смолкли, слова утешения и сочувствия замерли на устах родичей гиены Буки. Старейшего из племени гиен в том краю покойного Н'Джура похоронили кое-как, второпях, и все разошлись, возмущенные и оскорбленные. Только муха Вэнь и ее неисчислимое племя остались с гиеной Буки и не покидали ее, пока гиена оплакивала своего деда Н'Джура... и пока жрала все мясо жертвенного быка.

Буки-гиена не чтит обычаев предков, не берегла родовых воспоминаний. Схоронила она своего деда Н'Джура, сожрала его быка, очистила все кости добела и решила, что там ей больше делать нечего, а молиться за усопшего и стеречь его могилу ей даже и в голову не пришло.

Покинула она свой опустевший дом, деревню и ушла. И не осталось в том краю никого из многочисленной когда-то семьи гиен. Никто из потомков не воздавал больше

должных почестей мертвым предкам, и никто не охранял могил рода Н'Джура.

И решили старейшины: если кто-нибудь еще осмелится назвать себя Н'Джуром, его следует убить на месте без всякого сострадания.

А Буки-гиена все бегала, бегала и как-то поздно вечером забрела в соседнюю деревню. Уселась она под деревом на площади, где собирается совет, и услышала, как Йенекатт, гриот и глашатай, объявляет о решении старейшин.

Встревожилась Буки, вскочила и говорит:

— Пойду-ка я домой!

А потом повернулась к старому кабану-бородавочнику М'Бам-Алу и добавила:

— Прощай, сосед Н'Джур, доброй тебе ночи!

Заволновались все, начали вопрошать с угрозой:

— Кого тут называли Н'Джуром? Кто это Н'Джур?

— А тот, с кем я сейчас попрощалась!—ответила гиена Буки и юркнула в темноту, не задумываясь над тем, что станет с М'Бам-Алом, который остался на площади посреди разгневанных жителей деревни.

Но джунгли, где ветер разносит все новости, когда Тхийе-попугай и Голо-обезьяна встречаются на тропинках или в ветвях деревьев, внизу или наверху, и начинают судачить и сплетничать,— джунгли все слышат и знают. И скоро все узнали, что Буки-сирота стала изгоем без роду без племени и даже без имени, потому что отреклась от могил своих предков.

И теперь за ней следили тысячи глаз, тысячи ушей прислушивались к ее шагам, ей грозили тысячи клыков и когтей, рогов и бивней. Выли джунгли, грозно рычала саванна, вселяя страх в сердце Буки. Куда бы она ни кинулась, ее встречали возмущенные крики, хохот, свист и насмешки.

Буки бежала все дальше и дальше и наконец добралась до земли, где рогатый скот жил рядом с людьми, под их бдительной охраной.

И были там воды изобильные в реках текущих, в заводях стоячих. И похоже было, скот не подыхал там ни от старости, ни от болезней, потому что Буки нигде не нашла ни одного дохлого ягненка.

Подкралась Буки к полям и увидела мужчин, которые взмахивают мотыгами. И показалось ей, будто мотыги обрушиваются на ее хребет.

Обежала Буки поля стороной и увидела у колодца под

деревьями женщин с детьми на спинах. И еще— юных девушек. Они громко пели, хлопая в ладоши, и громче всего в их песне звучало одно имя.

Прислушалась Буки и различила это имя—Келефа Ба!

Когда бросишь в калebas с мутной водой камень алун, муть оседает и вода просветляется. Так и замутненная память гиены Буки прояснилась от этого имени.

Столько раз повторяла его в своих сказках о людях мамэ Буки, бабушка-гиена! Рассказывала она о стране Келефы Ба, единственной стране, где предкам ее, гиенам, не приходилось рыскать в поисках пропитания, где предкам ее, и предкам Танна-стервятника, и предкам Сакхе, могильного червя, и всем его родичам всегда приносят царские жертвы.

Мамэ Буки была стара и не помнила почти ничего из тех песен, которые пели когда-то в честь ее предков в стране Келефы Ба.

Но теперь голоса женщин с детьми за спиной и голоса юных девушек отчетливо доносились до гиены Буки. И она их слушала. Она жадно слушала песнь благодарности!

Лежал Келефа Ба
На термитнике близ Бариа
Без погребения сорок дней
Под открытым небом.
И только его копые,
Прославленное Тамбо,
Лежало возле него
Под открытым небом...

Пожиратели мертвецов
Слетались со всех концов,
Но никто не тронул его
Мертвое тело.

Стервятники в небе кружили
И так меж собой говорили:
«Мы не тронем Келефу Ба,
Он кормил нас при жизни досыта
Телами своих врагов!»

Пожиратели мертвецов
Сбегались со всех концов,
Но никто не тронул его
Мертвое тело.

Гиены рычали в чаще
И всем угрожали:
«Горе тому, кто коснется
Останков Келефы Ба!

Всякий раз, идя на охоту,
Он кормил нас при жизни досыта
Добычей Тамбо, копья своего!»

Пожиратели мертвецов
Сползались со всех концов,
Но никто не тронул его
Мертвое тело.

Могильные черви сползались,
Из-под земли вылезали
И шептали друг другу:
«Нам Келефа Ба столько раз
Отдавал свои жертвы!
Мы не станем покойного есть,
Не тронем его останки!»

И Келефа Ба пролежал
На термитнике сорок дней,
Но никто не тронул его
Беззащитное тело.

Сакхе, могильный червь, и его потомки, по всей вероятности, нашептали слова этой песни бабушке всех гиен мамэ Буки. И она иной раз напевала эту песню своим внукам и внучкам, хотя Буки-гиена совсем ее забыла.

Но Сакхе, могильный червь, и его потомство все помнили и спустились под землю, чтобы и там охранять останки Келефы Ба.

Только предки гиены Буки не сдержали слова и ничего не сделали для останков Келефы Ба. Слишком долгим показалось им погребальное бдение над телом героя, да и соблазн был слишком велик. И гиены бежали из страны Келефы Ба.

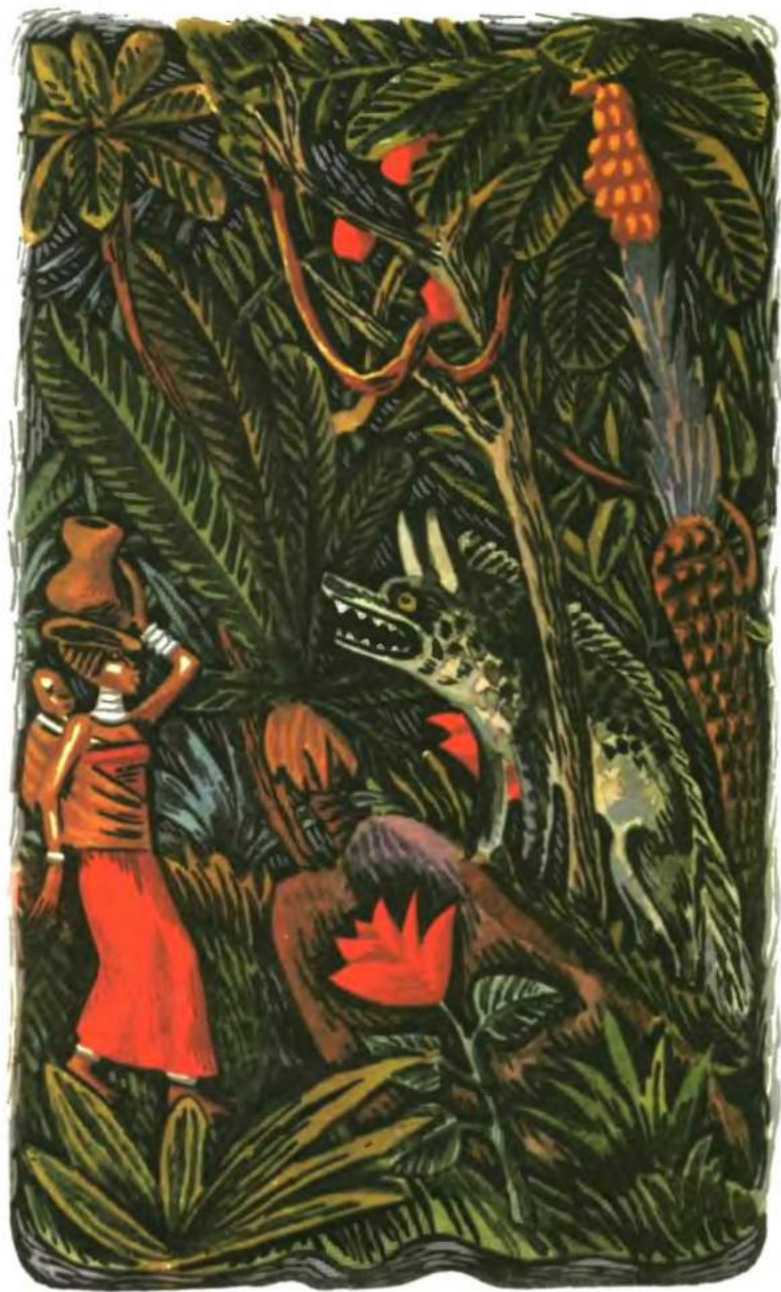
Смолкла песнь благодарности, утихли крик и смех, женщины с детьми за спиной и юные девушки ушли от колдца, где собирались дважды в день—на рассвете и перед закатом солнца.

Задремала гиена Буки в тощей тени колючего молочая. И разбудил ее плач и крики.

Встребенулась Буки, повела чутким носом, огляделась и увидела: по тропинке от деревни к полям идет женщина с калебасом на голове и ребенком за спиной.

Была это Кумба-Дёркисс, и несла она завтрак мужчинам. В родной деревне, да и во всех окрестных деревнях про нее говорили, будто Кумба-Дёркисс не боится даже черта, потому что сама она злее всех чертей.

Но откуда было знать это гиене Буки?

Буки, пошатываясь, вышла на тропинку и остановилась перед Кумбой-Дёркисс.

Облизнулась жадно гиена Буки и спросила:

— Послушай-ка, Завтрак, отчего твой Обед так ревет?

Кумба-Дёркисс сразу смекнула, почему гиена назвала ее Завтраком, а сына ее Обедом. Повернулась она через правое плечо к своему сыну Магатту, который унаследовал скверный нрав своей матушки и орал изо всех сил, и закричала еще громче, чем он:

— Замолчишь ты или нет? Я уже скормила тебе одну гиену. Неужели тебе этого мало, хочешь еще?

Буки испуганно прижала уши и метнулась в заросли.

Так она и не съела ни Завтрака, ни Обеда.

Сметливая Крыса

Много, много лет тому назад Гиена, Козел и Крыса отправились странствовать. А навстречу им—Куунг, чудовище страшное-престрашное: посмотришь—сердце обрывается.

Спрашивает Куунг:

— Куда путь держите?

— Задумали жениться. Хотим заработать на выкуп,— отвечают Гиена и Козел.

Но Крыса оказалась похитрее.

— Я знаток магических заклинаний,—отозвалась она.— Иду колдовать.

— Напиши мне такое заклинание, которого никто, кроме тебя, не знает,—потребовал Куунг.

— Я бы написала, да не на чем,—сказала Крыса.— А жаль. Это заклинание сделало бы тебя еще более могущественным.

— Напиши на коже Гиены,—предложил Куунг.

— Только возьми у нее кожу сам. Мне-то она не даст.

Куунг повернулся к Гиене:

— А ну-ка дай мне кусок своей кожи.

Перепуганная Гиена сразу же повиновалась. Крыса написала заклятие и, зная, что Куунг — большой любитель сладкого, окунула кусок кожи в мед.

— Слижи заклятие, а кожу возврати мне: я напишу тебе другое.

По жадности Куунг проглотил разом и кожу, и заклинание.

— Что ты наделал? — заверещала Крыса. — Где мы возьмем еще кусок кожи?

Глянул Куунга на Гиену, а та тут же кинулась наутек. Куунга — за ней. А Крыса и Козел — в другую сторону. Тем дело и кончилось.

Сметливость — лучшая помощница в опасности.

Не такие уж умные черепахи, как воображают

Созвал вождь всех своих подданных — и людей и зверей. И все его советники тоже собрались. Созвал вождь всех для того, чтобы установить законы, и один из этих законов был такой: целых шесть месяцев никто из его подданных не должен есть ямс.

— И нам тоже положено соблюдать этот закон? — спросили у вождя советники.

— И вам тоже, — ответил вождь.

Одним из советников был Черепаха. Он поднялся и спросил, делается ли исключение для вождя.

— Нет, — сказал вождь, — зачем же мне уклоняться от собственных законов?

— Ваше высочество, — продолжал Черепаха, а если вы нарушите один из этих законов, какое будет вам наказание?

— Если случится так, что я нарушу мною же установленный закон, — отвечал вождь, — я лишусь права быть вашим вождем.

Сход подошел к концу, и советники вождя разъехались кто куда, а за ними разошлись и все подданные — люди и звери. Вождь вскочил на коня и поехал к себе домой.

Спустя какое-то время несколько советников тайно собрались обсудить, как бы им устроить так, чтобы сам вождь нарушил один из установленных им законов.

— Тогда он потеряет право быть вождем и кто-нибудь из нас заменит его.

— Я знаю, как это устроить, — сказал Черепаха.

Все начали его спрашивать, что он придумал, но Черепаха сказал, что в таком деле важно сохранить тайну — иначе, мол, ничего не получится.

В намеченный день Черепаха взял очень свежий и сочный ямс, вкусно его сготовил, а потом, захватив ямс с

собой, отправился к тропе, по которой вождь имел обыкновение ездить на сход. Черепаха поставил миску с ямсом возле тропы, а сам притаился под листьями.

Вскоре на тропе показался вождь. Он ехал медленно, потому что был очень голоден. Увидев миску, вождь придержал коня, спешился и только тогда разглядел в миске аппетитно сготовленный ароматный ямс. Вождь огляделся по сторонам—никого нет. Тогда он подошел к миске и откусил от ямса кусок.

— Ты ешь ямс, вождь!—крикнул из своего укрытия Черепаха.

Вождь замер от неожиданности. Он опять поглядел по сторонам и опять никого не увидел. Тогда он взял ямс и откусил от него еще раз.

— Ты ешь ямс, вождь!—снова крикнул Черепаха.

Вождь еще раз поглядел вокруг и только тут заметил под листьями хитреца Черепаху. Вождь повинился и попросил Черепаху никому про его проступок не рассказывать. Но Черепаха отказал ему в этой просьбе и даже внимания не обратил на слова вождя.

— Ну как знаешь,—сказал вождь,—однако пора нам ехать на сход.

С этими словами он вскочил на коня, а Черепаха последовал за ним.

Все советники уже были в сборе, когда прибыли вождь с Черепахой. По обычаю, вождь занял почетное место, но не успел он сесть, как Черепаха крикнул:

— Кто ел ямс, вождь?

Вождь сразу же поднялся с почетного места, и Черепаха замолчал. А вождь сел рядом с советниками на деревянную скамью.

Принесли еду и питье. Едва вождь прикоснулся к своей доле, как Черепаха опять крикнул:

— Кто ел ямс, вождь?

Ни слова не сказав, вождь отдал свою долю Черепаху, и тот замолчал. Но сильно вождь осерчал и, как только сход закончился, сел верхом на коня и сказал:

— Не забывайте, советники, что я все равно могущественнее и сильнее, чем все вы!

И тут он вдруг сцапал Черепаху и ускакал вместе с ним.

— Помогите! Помогите! — вопил Черепаха, но ни Лев, ни кто другой из советников не бросились ему на выручку.

Черепаша просит, умоляет, на помощь зовет, а вождь будто и не слышит, едет все дальше и дальше. Доехал он до горного кряжа, одна на другую громоздились тут острые скалы.

— Вот теперь расплачивайся за свое коварство,— сказал вождь и швырнул Черепашу об уступ скалы.

Вот почему черепахи так неуклюже двигаются—будто у них по сей день все тело болит.

Леопард, Белка и Черепаха

Давным-давно, еще в незапамятные времена, на земле свирепствовал голод. Батат не родился, деревья не давали плодов, маис не шел в рост, не вызревали орехи на кокосовых пальмах, даже перец не завязывался, и не зацветала бамя.

Леопарда эти беды ничуть не печалили, ведь он-то питался одним лишь мясом, и хотя травоядные животные сильно отощали, он по-прежнему жил припеваючи, не знал ни в чем нужды.

Но поскольку все жаловались на голод, Леопард решил заранее обеспечить себя едой на будущее и созвал к себе всех зверей и животных. Когда они собрались, он обратился к ним с такой речью. Все знают, как он силен и могуч и как много ему нужно еды, питается он мясом, а животных в их краях полным-полно, так что ему лично голод не грозит, хоть бы все вокруг него умирали голодной смертью. И потому пусть все, кто здесь собрался, приведут к нему на обед своих бабушек, если не желают быть съеденными, а когда он, Леопард, покончит с бабками, то начнет есть их матерей. Пусть животные приводят к нему бабок по очереди — сегодня один, завтра другой, послезавтра третий, животных-то много, так что до матерей их дело дойдет не так уж скоро. Может, к тому времени голод и вообще кончится. Но как бы там ни было, он, Леопард, не желает испытывать недостатка в еде, и если звери откажутся приводить к нему на обед своих родственников, он станет есть их самих.

Молодняк, который собрался на совет к Леопарду, испугался этой угрозы и, чтобы спасти свою собственную шкуру, согласился каждый день приводить Леопарду на обед своих бабок и матерей.

Первой привела свою престарелую бабушку Белка.

Бабушка была тощая и больная, с облезлым хвостом. Леопард в мгновение ока ее проглотил, но даже червячка не заморил.

— Что это за обед? — сердито проворчал он. — А ну, кто следующий?

Тогда Дикий Кот подвел к Леопарду свою старую бабу, но при виде ее Леопард рывкнул:

— Убрать эту падаля и подать мне мягкого сочного мяса.

Следующей на очереди была Антилопа. Бедняжка никак не могла решиться. Наконец она двинулась к Леопарду на своих больных дрожащих ногах, и он в одну минуту расправился с нею. Антилопа была старая и жилистая, но Леопард объявил, что на сегодня с него, так уж и быть, хватит, он сыт.

Завтра еще несколько зверей привели к Леопарду своих престарелых бабушек. И вот настал черед Черепахи. Но Черепаха была очень умная, она подговорила несколько зверей сказать Леопарду, что ее бабушка умерла, и Леопард отпустил Черепаху с миром.

Через несколько дней в округе не осталось ни одной бабушки, и теперь зверям надо было вести на съедение прожорливому Леопарду своих матерей.

Бабок звери почти не знали и потому расстались с ними без особой жалости, но отдавать ненасытному Леопарду любимых матерей им было очень жалко. Особенно горевали о своих матерях Белка и Черепаха. Как их спасти? Черепаха думала, думала и наконец придумала. Все звери знали, что ее мать жива-живехонька, потому что она со всеми дружила и всех привчала, стало быть, обмануть Леопарда во второй раз ей не удастся, она это понимала. И вот Черепаха велела своей матери забраться на высокую пальму и жить там, пока не кончится голод, а она будет приносить ей еду. Каждый день Черепаха-мать будет спускать вниз корзину, а дочь будет класть ей туда провизию. Корзину Черепаха сплела сама и привязала к ней длинную веревку. Веревка была такая прочная, что вполне могла выдержать Черепаху, когда та, соскучившись по матери, поднималась ее проведать.

Несколько дней все шло как по маслу, на рассвете Черепаха подползала к пальме, на которой жила ее мать, и клала ей в корзинку еду. Старушка поднимала корзину и принималась завтракать, а Черепаха не спеша отправлялась по своим делам.

Леопард между тем каждый день пожирал кого-нибудь из зверей. Настал черед Белки вести ему на обед свою мать, а так как Белка умом не блистала, то и не сумела придумать никакой хитрости, хоть очень любила свою мать. Так Леопард ее и съел. Тут Белка вспомнила, что Черепаха-то не отвела к Леопарду не только свою мать, но и бабушку, и решила ее выследить.

На следующее утро, когда Белка собирала орехи, она увидела ползущую Черепаху и стала следить за ней, а так как Белка находилась на самой макушке и умела быстро перепрыгивать с дерева на дерево, то она ни на минуту не теряла Черепаху из виду, а Черепаха даже не заметила, что по ее следу идут. Вот Черепаха приблизилась к пальме, на которой жила ее мать, положила еду в корзину, которая уже стояла на земле, влезла туда сама и дернула за веревку в знак того, что все готово, можно поднимать. Корзина стала подниматься, а немного погодя спустилась вместе с Черепахой. Белка следила за ними, не спуская глаз, и как только Черепаха уползла, она кинулась к Леопарду.

Леопард спал. Когда он проснулся, Белка ему сказала:

— Вот ты съел мою бабушку и мою мать, а Черепаха-то тебе еще никого не привела. Сегодня ее очередь тебя кормить, а она спрятала свою мать на дереве.

Услышав это, Леопард рассвирепел и приказал Белке тотчас же вести его к пальме, где жила мать Черепахи.

Но Белка возразила:

— Нет, старуха спускает корзину только на рассвете, когда приходит Черепаха. Иди-ка ты утром пораньше, она поднимет тебя наверх, ты ее и съешь.

Леопард согласился. На следующее утро, едва пропел петух, Белка повела Леопарда к пальме, на которой пряталась мать Черепахи. Старушка уже спустила на землю корзину в ожидании еды. Леопард залез в корзину и дернул за веревку. Старая Черепаха стала тянуть корзину вверх, но даже не смогла оторвать ее от земли, ведь Леопард был очень тяжелый. Сообразив, что так дело не пойдет, Леопард стал сам карабкаться по стволу вверх — он же отлично лазил по деревьям. Забравшись на макушку, он нашел там старую Черепаху, но у нее был такой твердый панцирь, что разгрызть его Леопард не смог. Тогда он в бешенстве швырнул Черепаху на землю, а сам слез с пальмы и пошел восвояси.

Вскоре к пальме подползла Черепаха, увидела на земле

корзину и, по заведенному обычаю, дернула за веревку, однако ответа не получила. Тогда она стала внимательно осматривать землю под деревом и скоро нашла свою мать. Старая Черепаха была мертва, панцирь ее был разбит. Черепаха сразу же поняла, кто убил ее мать, и решила, что больше она ни с кем из зверей знаться не будет и всегда будет жить одна.

Почему у черепахи залатан панцирь

Бывает, придет голодная пора, сколько ни ищи, нигде еды не добудешь. Вот и маялись жители одного селения, и только один-единственный Пес не голодал — посчастливилось ему отыскать в ближнем лесу дерево, плоды которого были съедобны. Однако никто в селении не знал, где Пес добывает себе еду.

Проживала в том же селении семья черепах — муж да жена, — и так они изголодались, что с утра до вечера следили за Псом: все ждали, когда тот выбросит объедки, чтобы подобрать эти объедки и хоть немного утолить голод. Наконец не выдержали они и решили поговорить с Псом начистоту.

— Сосед, а сосед, — сказал Черепаха-муж Псу, — нет у нас больше сил — так мы оголодали. Будь так добр, скажи, где ты добываешь себе пропитание?

Раз, второй, третий они его попросили, в конце концов Пес пожалел их и раскрыл свою тайну, взяв с них клятвенное обещание, что они никому ничего не расскажут. Черепахи пообещали. Пес показал черепахам дерево в лесу, на котором росли съедобные плоды, и позволил их есть.

Радоваться бы черепахам такой удаче и благодарить соседа, да жадность их одолела, задумали они нехорошее дело. Отправились черепахи к заветному дереву тайком, когда Пса там не было, наелись до отвала, так что уже и лапами еле двигали, да еще прихватили с собой большую корзину, доверху полную плодов.

Вскоре пес заметил, что плодов на дереве сильно поубавилось. Решил он выследить вора, спрятавшись в кустах и стал ждать, кто же явится. Видит, ползут его соседи черепахи да тащат за собой большую корзину. Пес выждал, покуда они не начали набивать корзину плодами, а

потом как выскочит из-за дерева да как залает на неблагодарных.

— Ну, теперь не ждите пощады! — в ярости таявал он. А у черепах даже панцири ходуном ходили от страха.

Черепаха-муж стал умолять Пса простить их, только видит, ничего не выходит, и пополз прочь. Добрался до болота и нырнул в него. Но Пес уже был на берегу, он схватил большую палку и стал колотить по Черепахе. Ударит Черепаху что есть силы, а тот почему-то поет, делает вид, что ему очень весело и хорошо, а промахнется Пес, Черепаха стонет, будто ему очень больно. Но тут проходил мимо умный человек, поглядел он, что происходит, и объяснил Псу, в чем черепашня хитрость. Тогда Пес изловчился и, ухватив Черепаху, вытянул его из болота и с такой силой швырнул о ствол большого дерева, что панцирь у того треснул и раскололся на кусочки.

Решив, что он убил Черепаху, Пес ушел. Но черепахи, хоть и небольшие по размеру, но очень сильные и выносливые животные, и мало-помалу Черепаха начал приходить в себя. Шел по тропе путник, думал, камень лежит, и пнул ногой. Тут хитрый Черепаха как начнет вопить:

— Посмотри, что ты наделал! Ты же мне панцирь расколол!

— Да не кричи ты, — говорит путник. — Я ведь мастер на все руки, могу, что хочешь, починить.

— Ну, если так, значит, и мой панцирь починишь, — говорит ему Черепаха.

Путник достал из мешка инструменты и приладил один к другому куски разбитого панциря. Поглядите-ка на черепаху — сразу видно, что панцирь-то у нее из кусков сложен.

Черепаха и Змея

Давным-давно, в незапамятные времена, Черепаха и Змея были закадычными друзьями. Они жили в одном доме и ели из одного котла. Звери глядели на них и радовались такой дружбе.

Однажды Змея приползла домой страшно голодная. «Зачем мне делить этот вкусный обед с Черепахой? — подумала она. — Съем-ка я его весь сама, мне тут и одной еле-еле хватит».

И Змея обвилась вокруг котла, так что Черепахе было не подойти.

Черепаха тоже очень хотела есть, к тому же на обед была ее любимая мясная похлебка с бататами, кокосовым маслом и душистыми приправами. Но она не могла подступить к котлу и молча глядела, как Змея поедает их обед.

— Почему ты не подпускаешь меня к котлу? — спросила она наконец. — Я тоже хочу есть, мы ведь всегда обедали вместе.

— Я больше тебя, — сказала Змея. — Видишь, я несколько раз обвилась вокруг котла. Стало быть, я сильнее, и потому весь обед — мой.

Так Змея и съела всю похлебку одна. Черепаха задумалась.

Назавтра она сплела из тростника длинную веревку, привязала к своему хвосту, другой конец обмотала вокруг котла и начала есть, а Змея, как ни старалась, не могла подступить к котлу.

Нужно сказать, что Змее тоже очень хотелось есть, к тому же на обед была ее любимая мясная похлебка с бататами, кокосовым маслом и душистыми приправами. Она стояла в сторонке и смотрела, как Черепаха ее поедает.

— Почему ты не подпускаешь меня к котлу? — спро-

сила Змея Черепаху.— Я тоже очень проголодалась. Вспомни, мы же всегда обедали вместе.

— Вчера сила была на твоей стороне,— ответила ей Черепаха,— а сегодня на моей.

Так Змее и не досталось ни кусочка.

Когда надо, то и слабый становится сильным.

Лев, Черепаха и Кабан

Однажды три самых умных зверя — Лев, Черепаха и Кабан — собрались вместе и решили, что отныне все звери должны жить в мире и согласии. Договорились, что для начала нужно подружиться им самим, они покажут всем остальным пример. Льву эта мысль понравилась, но он подумал еще немного и сказал:

— А чтобы не обидеть друг друга ненароком, пусть каждый из нас признается, что ему больше всего не по душе.

Кабан с Черепахой согласились, что Лев хорошо придумал.

Первой предложили высказаться Черепахе.

— Больше всего на свете я не люблю, когда обо мне судачат за глаза,— призналась Черепаха.

— Мне это нипочем, судачьте сколько хотите, хоть в глаза, хоть за глаза,— возразил Кабан.— А вот если мне кто наступит на хвост, такого я никому не спущу.

— Мне тоже наплевать, когда обо мне судачат, и на хвост если кто наступит — не беда,— сказал Лев.— Зато я не выношу, чтобы мне смотрели в глаза.

Звери поклялись соблюдать уговор и не обижать друг друга. Потом Черепаха сказала, что у нее дела, и уползла. Только она скрылась из глаз, как Лев спрашивает Кабана:

— Интересно, а что говорят про Черепаху, когда ее нет?

— Да панцирь у нее уж очень безобразный,— объяснил Кабан.

Через несколько минут Черепаха вернулась. Она никуда не уползала, а все время сидела в траве поблизости и слышала, что о ней говорили Лев и Кабан. Она страшно рассердилась и в гневе уставилась Льву прямо в глаза.

Лев пришел в бешенство и кинулся на Черепаху, но нечаянно наступил Кабану на хвост. Кабан не стерпел такого оскорбления и кинулся на Льва.

Дрались они долго и яростно, все звери собрались глядеть на них. Сначала они просто стояли и смотрели, потом стали один за другим ввязываться в драку. С тех пор они все стали заклятыми врагами.

«Не хочешь, чтобы тебя злили,— не говори о том, что тебе не по душе»,— этим мудрым правилом должны руководствоваться в своих отношениях не только звери, но и люди.

Лев, Обезьяна и умная Птица

Свалился молодой Лев в глубокую яму и, как ни старался, как ни прыгал, не смог из нее выбраться. Сидит он в яме день, сидит второй, сидит третий, а есть ему нечего.

— Вот и смерть моя пришла,—говорит сам себе Лев. А на четвертый день увидел Лев высоко над ямой Обезьяну. Скачет себе с ветки на ветку.

— Обезьяна, а Обезьяна!—взвывает молодой Лев.— Помоги мне, сделай милость!

Обезьяна остановилась, глянула в яму, а там Лев.

— Ну, конечно, помогу,—отвечает Обезьяна.— Только как помочь-то?

— А ты спусти в яму хвост,—говорит Лев,—я за него ухвачусь и вылезу из ямы. Спаси меня!

Обезьяна этот план одобрила, прыгнула на ветку, что свисала над самой ямой, спустила хвост и говорит Льву:

— Ну, хватайся!

Лев ухватился, выбрался из ямы и с ходу сцапал Обезьяну передними лапами.

— А теперь я тебя съем,—сказал Лев.

— Да как же это так? — запричитала Обезьяна.— Почему ты хочешь меня съесть?

— Да потому, что вот уже четвертые сутки пошли, как у меня во рту ни кусочка не было,—отвечает Лев.

— Но меня ты не должен есть,—возразила Обезьяна,—я тебе жизнь спасла. Ты меня благодарить должен.

Как раз в эту минуту села на ветку большая черная Птица.

— О чем это вы так спорите?—спросила большая черная Птица.

Обезьяна ей про все рассказала: и как она хвост в яму спускала, чтобы выволить Льва из беды, и как Лев, вместо того чтобы ей спасибо сказать, заявил, что он ее съест.

— Ты, Лев, неправильно поступаешь,—сказала Льву Птица,—она ведь тебе жизнь спасла.

— Да я есть хочу,—отвечает Лев.—Если я ее сейчас же не съем, я помру от голода. Вот уже четвертый день, как у меня во рту и кусочка не было.

Умная черная Птица решила попытаться спасти Обезьяну, и вот что она придумала.

— Покуда ты ее не начал есть,—сказала Птица,—позволь мне задать тебе три вопроса. А ты мне на них ответь.

— Ладно,—согласился Лев.—Спрашивай, я отвечу.

— Первый вопрос такой,—начала Птица.—Правда ли, что Обезьяна спасла тебе жизнь?

— Да, это правда,—ответил Лев.

— Вопрос второй,—продолжала Птица,—вот о чем:

правда ли, что вот уже четвертый день, как у тебя нет совсем никакой еды?

— Да, правда,—отвечал Лев.

— Мой третий вопрос вот какой,—продолжала Птица,—а поблагодарил ли ты Обезьяну за то, что она тебя спасла? Сказал ли ты ей спасибо?

— Нет,—отвечает Лев,—не сказал.

— Нехорошо ты сделал, что не поблагодарил Обезьяну,—сказала Птица.—Ты поблагодари ее, пока еще не съел.

— Ладно,—сказал Лев,—уж так и быть. Только вот как это сделать?

А у черной умной Птицы уже и ответ наготове:

— Поклонись ей до земли, она это заслужила.

Тут Лев выпустил из лап Обезьяну, обхватил голову и склонил ее до земли в знак благодарности.

— Удирай, Обезьяна! Ты спасена,—крикнула большая черная Птица и сама поскорее тоже улетела прочь.

— Я спасена,—радостно взвизгнула Обезьяна и в мгновение ока, перескакивая с ветки на ветку, взмыла к самой верхушке дерева, что росло вблизи.

Видит неблагодарный Лев—убежала Обезьяна. Однако и Обезьяна тоже извлекла из этого происшествия хороший урок. С тех пор она уже никогда не бросается на помощь львам.

Ворон-певец

Голодная Лиса выползла из норы и увидела на дереве Ворона. В клюве у него был большой кусок мяса.

— Здравствуй, Ворон!—крикнула Лиса.—До чего же день сегодня хорош!

— Привет,—проговорил Ворон, не выпуская из клюва мяса.

— А я сижу и люблюсь тобой,—продолжала Лиса.—До чего ты красив! А уж голос у тебя—заслушаешься. Очень я люблю, когда ты поешь.

— Правда? — спросил Ворон и горделиво поднял голову.

— Еще бы! Я нарочно вылезла из норы, чтобы тебя послушать. Спой, пожалуйста, порадуй меня,—льстиво говорила Лиса.

Раскрыл Ворон клюв, каркнул, мясо и упало на землю. Лиса тотчас же схватила его и скрылась в норе, Ворон и опомниться не успел.

— Эх, верно говорят: что упало—то пропало,—вздыхнул Ворон.—Но я-то, дурак, петъ вздумал, поделом мне наказание.

Как Боров жернов искал

А эта история про Черепаху и Борова, двух странствующих торговцев. Товар они покупали в одном месте, а затем отправлялись на дальние рынки и продавали там, что купили. Делом вроде бы занимались одним и тем же, а доходы имели разные. Боров на торговле разбогател, а черепашие семейство все беднело и беднело.

Кончилось тем, что решил глава черепашийей семьи бежать в дальние края, чтобы скрыться от одного своего заимодавца. Только супруга его рассудила иначе и отправилась повидать Борова. Повела она ему все о мужнином злосчастье.

— Ты уж помоги нам, сделай такую милость!—попросила Черепаха.

Боров навел справки и уверился, что Черепаха рассказала ему все по правде. И тогда одолжил своему другу много денег. В тот вечер пировала черепашийей семейка, а наутро глава семьи отправился к Борову поблагодарить его и условиться о том, что деньги он вернет по истечении двенадцати месяцев.

Накупили себе черепахи всякой еды и одежды. И решили не рисковать больше деньгами в торговле, а заняться земледелием.

— Вот продадим урожай,—сказала Черепаха-жена,—и возвратим Борову весь долг.

Только уж больно ленив был ее муженек. Время шло, а он и лапой не шевелил. Каждый день жена его спрашивала, когда же он примется за работу, и каждый день он отвечал: «Скоро, скоро». А сам только и знал, что болтал с дружками-приятелями да покупал себе пестрые рубахи да всякие сладости и напитки.

Миновало двенадцать месяцев, а делянки и в помине не было. Одолженные деньги тем временем подошли к кон-

цу. Послал Боров слугу напомнить черепахам, что пора возвращать долг, а те велели слуге сказать, что, мол, болен хозяин и прийти не может. Только вскоре после того рубил Черепаха ветки для очага и видит, идет к ним сам Боров. Удивился Боров: быстро же Черепаха оправился от болезни! А тот ему отвечает: слуга, мол, что-то напутал, вовсе он не болен, а просто очень занят делами, вот и не мог прийти.

— Ну ладно,—отвечает Боров,—но все же пора тебе выплачивать долг.

— Да я уже почти все собрал, самая малость осталась,—соврал Черепаха.—Погоди еще денька два, и я выплачу тебе все сразу.

— Я бы предпочел получить сейчас, что есть,—сказал Боров.

— Погоди до завтра,—гнул свое Черепаха.—Завтра я продам кукурузу и отдам тебе долг полностью.

Боров согласился и пошел домой, а черепахи стали ломать головы, как им выйти из положения.

Назавтра Боров пожаловал снова. Злой-презлой, потому что так и не дождался своих денег. Черепаха, едва его завидев, поскорее лег навзничь и на грудь себе положил плоский камень. Будто жернов лежит на полу.

Боров входит в хижину, а там одна Черепаха-жена.

— Муж куда-то пошел,—говорит она Борову,—когда вернется, не сказал.

Тут уж Боров не стерпел, схватил он, как ему показалось, жернов и в ярости зашвырнул его далеко в заросли. И даже не взглянул, куда жернов упал. Ему и невдомек было, что зашвырнул-то он своего должника!

А Черепаха-жена как завопит:

— Боров выкинул мой жернов! Боров выкинул мой жернов!

Так громко она жаловалась, что собрались односельчане. А немного погодя и злосчастный ее муженек смешался с толпой, делая вид, что только что вернулся откуда-то.

— Знаешь ли ты, что жернов этот у меня особый,—сказал Черепаха Борову,—и стоил мне немало денег. Как раз столько, сколько ты мне одолжил. Покуда ты его не разыщешь, я тебе мой долг отдавать не стану.

Боров кинулся в лес, да где ему было отыскать жернов! Он все кусты обшарил, всю землю вокруг своим пятчком взрыл. Так и роет и ищет с тех пор!

Сверчок и Жаба

Жили-поживали два друга—Сверчок и Жаба. Не только пировали и веселились, но и трудились вместе. Начался сезон дождей, и стали Сверчок и Жаба каждый день ходить вместе на делянку, которую они сперва расчистили в зарослях, а теперь готовили под посадку. Работали дружка споро, перекапывали и боронили землю, а чтобы было чем подкрепиться, когда устанут и проголодаются, приносили с собой бобы и масло.

Как-то раз, когда пришло время обеда, видят Сверчок и Жаба, что кончились у них запасы масла, остались одни только бобы. В тот день поработали они на славу и порядком устали и проголодались.

— Надо нам отдохнуть и поесть бобов,—говорит Жаба.— Жаль вот только, кончилось масло.

— Разведи огонь и поставь на него горшок с бобами,—говорит ей Сверчок,—а масло я сделаю.

Жаба развела огонь, поставила горшок с бобами, а Сверчок, дав ей нужные наставления, скакнул на бобы. Жаба исполнила все в точности, как ей было велено, и тогда Сверчок запел такую песенку:

Масло, масло я кручу.
Я бобы с ним есть хочу!

Вслед за другом запела и Жаба, пропела она эту песенку несколько раз, и из Сверчка потекло на бобы масло. Сверчок выпрыгнул из горшка, и дружка вкусно пообедали. Отныне Сверчок, как только наступало время обеда, прыгал в горшок. Жаба пела песенку—и текло на бобы масло. А однажды сказала Сверчку Жаба:

— Дай-ка завтра я сделаю масло.

Отправились на следующий день дружка на свою делянку и, как всегда, хорошо потрудились, а когда проголодались, Сверчок развел жаркий огонь и поставил полный бобов горшок в самое пламя. Жаба прыгнула в горшок, а Сверчок запел песенку:

Масло, масло я кручу,
Я бобы с ним есть хочу!

Спел он песенку раз, спел второй—нет масла, ничего у

Жабы не получается. А огонь все жарче разгорается, и тут вдруг запела **Жаба**:

Ах, Сверчок, спаси меня,
Вызовь друга из огня,
А не то погибну я!

Сверчок кинулся поскорей гасить огонь, но пока он его притушил и **Жаба** смогла выскочить из горшка, она так сильно раздулась, что казалось, вот-вот лопнет. Бобы тем временем подгорели и стали совсем несъедобными. Остались в тот день друзья без обеда. **Жаба** не только раздулась, а еще и ободрала себе спину, и стала она у нее кожая и жесткая.

С тех самых пор все жабы на земле такие толстые, будто раздутые, а уж ежели злятся, то кажется, вот-вот и лопнут. А Сверчок как вспомнит иной раз ночью про это происшествие, так вдруг и зальется смехом в своем закутке. Люди слушают и дивятся: чего это он?

Почему голова у паука Кваку Анансе маленькая

Рассказывают, что давным-давно, еще в незапамятные времена, в стране настал голод, и вот в один прекрасный день паук Кваку Анансе отправился на поиски пропитания для себя и своей жены Асо. Шел он, шел и увидел вдалеке речку, а возле нее каких-то людей. На самом деле это были не люди, а духи. Духи эти стояли посреди реки и вычерпывали из нее воду, чтобы наловить рыбы.

— Братья, а можно я с вами тоже буду вычерпывать воду?—спросил Кваку Анансе.

— Можно,—ответили духи.

Анансе вошел в воду и тут увидел, что духи, оказывается, выливают ее своими черепами.

— Видишь, чем мы работаем? Можем снять тебе голову, возьмешь ее в лапы и будешь нам помогать,—предложили духи Анансе.

— Снимите, буду вам очень благодарен,—ответил Кваку Анансе.

Итак, духи сняли голову у Кваку Анансе, он взял ее в лапы и принялся вместе с духами выливать из реки воду. Духи трудились и пели песню:

Мы духи, мы духи,
Осушим мы реку,
Наловим мы рыбы.
А черпаем воду
Мы своей головой,
Своей головой,
Своей головой.

— Какая хорошая песня,—сказал паук.— Можно, я тоже буду с вами петь?

— Пой,—ответили духи. И паук громко запел:

Мы духи, мы духи,
Осушим мы реку,
Осушим своей головой.
Мы черпаем воду
С тех пор, как
Господь создал мир.
Мы духи, мы духи,
Мы черпаем воду
Своей головой,
Своей головой.

Песня кончилась, умолк и Анансе, и тогда духи ему сказали:

— Ну вот, воду мы всю вычерпали, рыбы наловили, даем тебе полную корзину. Неси ее домой и ешь на здоровье. Поставь голову на плечи и ступай себе. Но запомни хорошенько—если ты когда-нибудь запоешь нашу песню, голова у тебя тут же отвалится и упадет.

— Большое спасибо, вы дали мне столько рыбы, что нам с женой теперь надолго хватит,—отвечал паук.— А песню вашу я петь не буду — зачем она мне?

— Ну и прекрасно, прощай,—сказали духи.

Паук отправился домой. Духи тоже забрали свою рыбу и тоже двинулись в путь. Отошли немного и снова запели свою песню:

Мы духи, мы духи,
Мы черпаем воду,
В реке ловим рыбу.
А черпаем воду
Своей головой,
Своей головой.

Паук услышал и, сам того не замечая, подхватил:

Мы черпаем воду
С тех пор, как господь
Создал мир.
Мы духи, мы духи...

И в ту же минуту голова его слетела с плеч и упала на землю. Анансе поднял ее, прижал к груди и закричал — Духи, духи, у меня голова оторвалась, помогите! Духи услышали паука и сказали:

— Видно, паук не послушался нас, запел и потерял голову, а теперь вот зовет нас. Давайте вернемся и посмотрим, в чем дело.

Только они повернули обратно, как к ним подбежал запыхавшийся паук.

— Братья, мои дорогие братья! Голова у меня оторвалась и упала, я виноват перед вами, вы меня предупреждали, что нельзя петь, но умоляю, простите меня. Придайте мою голову на место:

Духи взяли голову Кваку Анансе, поставили на место и сказали:

— Ну смотри, если ты снова запоешь нашу песню и у тебя отвалится голова, не зови нас — больше мы к тебе на выручку не придем. Прощай же!

И духи пошли своей дорогой дальше. Немного погодя они снова запели. Анансе тут же подхватил песню, и вдруг — хлоп! — голова его упала на землю и покатилась по тропинке. Он нашел ее, поднял и приставил, но только не к шее, а — вы уж меня извините — к задку. Анансе кинулся прочь с дороги в траву, и она зашелестела, раздвигаясь в стороны.

— Спаси меня, тропинка! — стал просить Анансе. — Когда я разбогатею, я тебя щедро отблагодарю.

Вот почему у паука Анансе голова крошечная, а туловище огромное. Надо было слушать духов и не быть таким рассеянным.

Почему Летучая Мышь летает только ночью

Давным давно, в незапамятные времена, птицы и звери вели между собой войну. Летучая Мышь не воевала, потому что никак не могла решить, к какой же стороне ей примкнуть.

Наконец она увидела, что перевес берут птицы, и полетела к ним. Птицы удивились и стали спрашивать, что она тут делает.

— Я ведь тоже птица, вы разве не знаете?— сказала Летучая Мышь.— Вот у меня крылья, смотрите.

И птицы приняли ее к себе.

Но тут счастье переменялось, и победу стали одерживать звери. Летучая Мышь переметнулась к ним. Кто-то из зверей, видевших ее в лагере птиц, сказал:

— Ты что тут делаешь? Шпионишь?

— Почему шпионю? Я тоже зверь,— сказала Летучая Мышь.— Видишь, какие у меня зубы?

И она открыла пасть и показала всем свои маленькие острые зубы.

Но звери прогнали ее. Тогда она вернулась к птицам, но те тоже не захотели ее принять. С тех пор ни птицы, ни звери не хотят знаться с Летучей Мышью и она вылетает из своей пещеры только ночью.

Леопард и Зебра

Старый Леопард изнывал от жажды. В поисках хоть какого-нибудь источника он обошел все холмы, все низины в округе, но напрасно. В тот год найти воду было очень трудно, потому что сухой сезон длился дольше обычного. Наконец Леопард увидел поляну со свежей сочной травой. «Наверное, поблизости есть вода»,— решил Леопард. Вскоре он действительно вышел к небольшой речке. Возблагодарив предков, Леопард жадно принялся к воде.

Утолив жажду, Леопард огляделся. Вода в реке была чистая, прозрачная. Лишь у самых берегов росли какие-то водяные растения. Вдруг Леопард увидел Зебру, которая пила воду ниже по течению.

— Слушай, Зебра,— сказал, приблизившись к ней, Леопард,— зачем ты бросаешь в воду комья грязи? Разве ты не видишь, что мутить воду, которую я пью?

— Простите меня, господин,— пролепетала испуганная Зебра,— но ведь вода течет от вас ко мне.

— Ах да, верно... Но я вот что вспомнил,— продолжал Леопард,— твой отец избил меня на прошлой неделе!

— Простите, господин, но мой отец умер, когда я была совсем еще маленькой! — удивилась Зебра.

— Верно, верно, прошу прощения, — буркнул Леопард. — Значит, это была твоя мать!

Зебра еще больше удивилась.

— Вы ошибаетесь, господин! — воскликнула она. — Моя мать умерла десять лет назад!

— Ну что ты мне все перечишь! — взревел Леопард. — Не все ли равно, кто меня побил?

И, бросившись на Зебру, он разорвал ее на куски.

Сказка о лягушачьем вельможе и двух его женах

Послушайте, какая незадача вышла с вельможным Кумбото из лягушачьего царства.

До старости Кумбото дожил, но мудрости не нажил, только чванливей и тщеславней стал. Была у него жена — особа в лягушачьих краях уважаемая и стряпуха отменная, да только надоела она Кумбото. Надумал он новую жену, краше и моложе старой, в дом привести. Коли надумал — быть посему! Поселил он молодую на западном краю своих владений, а старую — на восточном. Сам же посередине обосновался. Сидит с дружками-приятелями, точит с ними лясы день-деньской.

Раз затеяли обе жены в одно и то же время похлебку варить. Вот подзывает старшая жена сына.

— Зови отца, я ему похлебку вкусную сготовила.

И молодая тоже свое чадо кличет:

— Зови отца, я ему похлебку вкусную сварила.

Подбежали сыновья к отцу, один с запада, другой с востока, и в один голос ему:

— Иди, отец, отведай маминой похлебки.

Кумбото лишь головой поводит, то на одного, то на другого сына смотрит. Куда же идти, думает: на восток, к старой жене? Тогда молодая решит, что не пленяет больше мужа ее красота. А пойти на запад, к молодой, старая обидится: ни во что, мол, не ставит меня — как-никак главная жена в доме. Скажет, совсем на старости лет сдурел Кумбото: разве может девчонка несмышленная вкусную еду сготовить?! Так к какой же все-таки жене идти? Как ни крути, одной из жен позор и обида выходит.

Сидит, качает головой Кумбото. С отчаянья затянул на своем лягушачьем языке:

Ува-ква-ква!
Беда! Беда!

Слушают люди, говорят: «Вон лягушка заквакала», — и невдомек им, что это Кумбото на свою участь сетует: «Беда! Беда!» И по сей день все гадают, куда ж идти. Кто добрый совет даст?

Черепаша и Кабан

Кабан и Черепаша очень дружили и всегда обедали вместе — то Кабан ходил к Черепаше, то Черепаша к Кабану. Но вот Кабану надоело кормить Черепашу, и однажды он сварил обед, кликнул Черепашу, а сам обхватил котел лапами.

Черепаша и так пыталась подступить к котлу, и эдак — никак ей не дотянуться, и вдруг нечаянно наступила Кабану на лапу.

— Ах вот ты как, я тебя обедать пригласил, а ты мне лапу отдала! — закричал Кабан.

Черепаша обиделась и ушла, но по дороге придумала, как отомстить.

Назавтра она приготовила обед, взяла веревку, один конец привязала себе к хвосту, другой обмотала вокруг котла и позвала Кабана обедать. Кабан потянулся к котлу, а Черепаша как закричит:

— Ах так, я тебя обедать позвала, а ты мне хвост отдал!

— Какой же это хвост? — удивился Кабан. — Это веревка.

Так и люди придумывают всякие хитрости, когда хотят кого-нибудь отвести.

Усу-нетопырь

Много, много веков назад, еще до сотворенья людей, между птицами и зверями шла ожесточенная война. Не участвовал в ней лишь Усу. Но когда ему показалось, что птицы одолевают, он присоединился к их стану. Но

тут звери пустились на хитрость: выдернули все деревья на земле, так что птицам стало негде передохнуть, пришлось им летать все время. Тогда Усу перебежал к зверям.

В конце концов два враждующих стана заключили между собой мир. И тут встал вопрос: «Кто же такой Усу? Зверь или птица? Кем его считать?»

Никто не мог решить этот вопрос. Сошлись на том, что он — ни птица, ни зверь.

Усу оказался в одиночестве.

— Раз я не птица, парящая в небе, не зверь, обитающий на земле,— в гневе воскликнул он,— пусть день превратится для меня в ночь, а ночь — в день. Так я и буду жить отныне!

Цыплята Окуку

Матушка Атулу, овца, и ее маленькие ягнята паслись на лугу. И вот налетел коршун Нкво и унес одного из них. Атулу даже не заблела.

«Здесь что-то не так,— подумал Нкво.— Не нравится мне ее молчание».

Он опустился и вернул матери ягненка.

На другой день Нкво увидел матушку Окуку, наседку, и ее цыплят. Он медленно заскользил над ними. Окуку заметила его тень и что есть мочи захлопала крыльями. Нкво тут же схватил одного из цыплят и понес его ввысь. Окуку закудахтала и неистово забила крыльями.

«Она истощила все свои силы и уже не опасна для меня»,— подумал коршун.

С того времени он охотился только на цыплят.

Анансе доказывает, что он старейший

Заспорили однажды животные и птицы, кто из них старейший и заслуживает наибольшего уважения. Каждый твердил:

— Я — старейший.

Спорили они, спорили и наконец решили — обратимся к судье. Добрели они до дома паука Анансе и сказали ему:

— Никак не можем рассудить — кто из нас старейший.

Тогда призвал Анансе своих детей, принесли они скорлупу ореха кешью. Уселся в нее Анансе, да с таким важным видом, точь-в-точь вождь, восседающий на изукрашенной резьбой скамеечке.

Первой заговорила цесарка:

— Я самая древняя из тварей земли и воздуха. Когда появилась я на свет, в саванне случился огромный пожар. Во всем мире не было ни одного живого существа, некому было тушить пожар, вот и вбежала я в огонь и начала затаптывать его ногами. Ноги у меня обгорели, с тех пор они — багровые.

Посмотрели все на ноги цесарки, и впрямь багровые.

Затем заговорил попугай:

— Старейший — я. Когда явился я в мир, не существовало ни оружия, ни инструментов. Именно я изобрел молоток, орудия кузнеца. Долбил железо клювом, сгибал его, вот и погнул клюв.

Посмотрели на клюв попугая: и впрямь искривлен он, и воскликнули:

— Э-э! Попугай — очень древняя птица!

Заговорил слон:

— Я старше попугая и цесарки. При сотворении бога неба наделил меня длинным носом, на зависть другим.

Взглянули все на слона и воскликнули:

— Э-э! Слон действительно очень древен!

Затем перед судьей предстал кролик. И начал так:

— Старейший — я! Когда появился я на свет, не существовало ни дня, ни ночи.

Животные одобрительно произнесли:

— Э-э-э! Разве не он самый старый?

Последним говорил дикобраз:

— Старейший — я. Когда я родился, земля была еще как масло, по ней ходить было нельзя.

Что и говорить, веское доказательство! Животные одобрительно сказали:

— Э-э-э! Кто может быть старше дикобраза?

И вот все стали ждать решения Анансе. Он гордо восседал в скорлупе и, покачивая головой, произнес:

— Если бы сразу ко мне явились, я избавил бы вас от споров. Ведь это я — старейшина всех тварей в мире. Когда я родился, земля еще не была сотворена, так что негде было даже ступить. Когда умер мой отец, его и

похоронить негде было — ведь земли еще не существовало. Вот я и вынужден был похоронить его в собственной голове.

Выслушали животные Анансе и тут же объявили:

— Э-э-э! Кваку Анансе — старейшина всех живущих на земле! Как могли мы в этом сомневаться?

Как Анансе занимал деньги

Понадобились однажды пауку Анансе деньги. Попросил он у соседей, да никто не хочет давать, больно слава о нем худая. Кого только ни умолял: леопарда, антилопу, цесарку, ястреба, черепаху — кругом отказ. Пришлось пойти в дальний лес к змею Овоху. Тот одолжил денег. Но всего на три недели.

Одна неделя прошла, другая, третья. Надо долг отдавать, а денег нет. Думал, думал Анансе, как ему быть, и наконец надумал. Накопал полную корзину ямса, поставил корзину на голову и отправился к змею.

— Ты уж извини меня, — сказал он Овоху. — Нет у меня денег. Придется тебе подождать дня два-три. А чтобы ты не сердился на меня, я принес тебе в подарок половину этой корзины.

Долго улещал Анансе змея, наконец тот согласился обождать несколько дней. Подаренным ему ямсом он поделился с друзьями. Свою же долю Анансе оставил в корзине.

Среди ночи паук поднялся и вышел. Отнес свой ямс в кусты и там его закопал. Вернувшись, поставил пустую корзину перед хижиной, а сам лег спать. Поутру он спросил Овоха:

— Где мой ямс?

Овох ничего не мог сказать. Тогда Анансе пригрозил, что подаст жалобу на жителей этой деревни: они-де украли весь его рис.

Так он и сделал.

Жители деревни встревожились.

— Какой же это вор похитил у щедрого Анансе его ямс? — недоуменно переговаривались они.

Вождь созвал всех окрестных крестьян.

— Есть только один способ найти виновного, — сказал им Анансе. — У меня есть волшебный нож. Я проведу

им по коже каждого из вас. Невинного он даже не оцарапает, того же, кто украл, он лишит жизни.

Все согласились подвергнуться испытанию. Первой вышла цесарка. Анансе быстро провел тупой стороной ножа по ее оперенью. То же он проделал с черепахой, кроликом и другими. К Овоху, однако, он так и не пошел. Тот сам попросил:

— Проверь и меня.

— Что ты! — возразил Анансе. — Ты мой хозяин. Нет, нет.

Но змей настаивал:

— Проверь и меня. Ведь это около моего дома у тебя украли ямс. Пусть все видят, что я невиновен.

В конце концов Анансе согласился:

— Хорошо. Если ты так хочешь, испытаю и тебя.

И, повернув нож, он провел острой стороной по коже Овоха.

— Вот он вор, — сказали все.

Змей тут же умер. Он перекатился на спину, кверху брюхом, как будто желая сказать: «О боги! Посмотрите, какой тощий у меня живот. Не ел я ямса».

Вот почему всякий раз, когда приканчивают змею, она поворачивается брюхом к небу, как бы стараясь доказать свою невинность.

Как Анансе завладел сказками

Было время, все сказки принадлежали богу неба — Ньяме. Пауку Кваку Анансе очень хотелось завладеть ими. Отправился он однажды к Ньяме и попросил:

— Продай мне сказки.

— Я бы не прочь, — ответил бог неба, — да только я дорого запрашиваю. Многие уже просили меня об этом, а как услышат цену, сразу отступаются. Даже самые богатые.

— Чего же ты хочешь?

— Выполни три моих условия. Первое — принеси мне Мбооро, шершней. Второе — принеси удава Онини. И третье — принеси леопарда Осебо.

— Выполню я твои условия, — сказал паук.

Вернувшись домой, он взял два калемаса. Один — большой, другой — поменьше. Большой наполнил водой,

тот, что поменьше, оставил пустым, только проделал маленькое отверстие. Подойдя к дереву, где жили шершни, он облил себя водой. И шершней обрызгал. А потом и говорит:

— Что это вы мокнете под дождем, шершни?

А те отвечают:

— Куда же нам деваться?

— Да вот, полезайте в мой калebas. Там сухо.

И он поднял небольшой калebas. Шершни поблагодарили его и один за другим влетели в отверстие. Анансе заткнул отверстие пучком сухой травы и пробормотал:

— Ну и дурачье же вы, шершни.

Он вырезал в лесу бамбуковый шест и несколько крепких лиан и направился к дому удава, приговаривая на ходу:

— Ну и глупая у меня жена! Выдумала, будто удав не такой крепкий и длинный, как этот шест. Да ничего подобного. На самом деле он еще крепче и длиннее.

— Что ты там мелешь? — удивился удав Онини, когда он подошел поближе.

— Видишь ли, я поспорил со своей женой, — объяснил Анансе. — Она твердит, будто ты не такой крепкий и длинный, как этот шест. А я доказываю, что она не права.

— Что за дурацкий спор! — прошипел Онини. — Давай сюда шест. Я лягу рядом, и все сразу станет ясно.

Анансе положил шест на землю. Удав вытянулся.

— Как будто ты немного короче, — сказал паук.

Онини попробовал растянуться еще сильнее.

— Никак не пойму, длиннее ты или короче, — глядя на него, сказал Анансе. — То голова высывается, то хвост не достает. Дай-ка я привяжу тебя к шесту.

Паук прочно прикрутил удава лианами — тот даже не мог пошевелиться.

— Оказывается, моя жена права, — сказал паук. — Ты короче шеста и не такой крепкий. И гораздо глупее, чем я думал. Теперь ты мой пленник.

Анансе отнес калebas с шершнями и удава к Ньяме и сказал:

— Вот я выполнил два твоих условия.

Затем настал черед леопарда Осебо. Паук отправился в лес и выкопал глубокую яму там, где обычно прохаживался леопард. Прикрыл ее ветками, закидал землей и спрятался. Ночью, выйдя на охоту, леопард свалился в эту яму.

«И он тоже глупее, чем я ожидал»,— подумал паук. Утром он подошел к яме и с издевкой спросил леопарда:

— Что ты там делаешь?

— Да вот, угодил в ловушку,— пожаловался Осебо.— Помоги мне.

— С удовольствием бы помог. Но ведь ты неблагодарный зверь. Если я вызволю тебя из беды, рано или поздно ты проголодаешься и сожрешь меня и моих детей.

— Клянусь, что нет! — взмолился Осебо.

— Ну хорошо. Я вытащу тебя.

Анансе нагнул высокое дерево, привязал к макушке веревку, а другой конец бросил в яму.

— Прикрепи веревку к хвосту. Да так, чтобы не оторвалась. Прикрепил?

— Да.

— Стало быть, ты куда глупее, чем я думал.

Анансе отпустил верхушку, дерево с шумом распрямилось, и леопард повис головой вниз, извиваясь и крутясь в воздухе. Анансе убил его, а тело отнес богу неба.

— Вот я выполнил и третье твое условие. Рассчитался с тобой сполна.

— Многие храбрые воины и могущественные вожди пытались выполнить мои условия, но у них ничего не получалось. Ты превзошел их всех находчивостью и смелостью. С этого дня все сказки — твои. Отныне каждый человек, перед тем как рассказать сказку, должен оповестить всех, что она принадлежит тебе, Анансе.

Вот как паук Анансе завладел всеми сказками. Отныне они, все до одной, принадлежат ему.

Содержание

<i>М. Вольпе. Мир западноафриканской сказки</i>	5
---	---

Как зажглись звезды

<i>Сошествие с небес. Перевод с английского Н. Тимофеевой</i>	12
<i>Шанго и снадобье Эшу. Перевод с английского Н. Тимофеевой</i>	19
<i>Как Шанго покинул Ойо. Перевод с английского Н. Тимофеевой</i>	23
<i>Жизнь и Смерть. Перевод с английского Н. Тимофеевой</i>	32
<i>Происхождение смерти. Перевод с английского И. Сумароковой</i>	33
<i>Как появилась смерть. Перевод с английского И. Багрова</i>	34
<i>Как появилась луна на небе. Перевод с английского Н. Тимофеевой</i>	36
<i>Как зажглись звезды. Перевод с английского И. Багрова</i>	40
<i>Как первый дождь на землю пал. Перевод с английского И. Багрова</i>	44
<i>Как появились на земле реки. Перевод с английского Н. Тимофеевой</i>	48
<i>Как бог Вулбари ушел от людей и стал жить на небе. Перевод с английского Ю. Жуковой</i>	53
<i>Как близнецы появились среди йоруба. Перевод с английского Н. Тимофеевой</i>	60
<i>Оранмийан — герой-вонтель из Ифе. Перевод с английского Н. Тимофеевой</i>	64
<i>Лютня Гассира. Перевод с английского Н. Тимофеевой</i>	67
<i>Вновь обретенная Вагаду. Перевод с английского Н. Тимофеевой</i>	75
<i>Самба Гвая. Перевод с английского Н. Тимофеевой</i>	80

Живой огонь

<i>Живой огонь. Перевод с английского И. Багрова</i>	86
<i>Как Анаксе даровал Ниаме ребенка. Перевод с английского Н. Тимофеевой</i>	89
<i>О творце Ниаме и четырех его женах. Перевод с английского И. Багрова</i>	92
<i>* Боли. Перевод с французского Ф. Мендельсона</i>	94
<i>Охотник и ведьма. Перевод с английского И. Багрова</i>	105
<i>Говорящий череп. Перевод с английского И. Архангельской</i>	107
<i>Волшебное колечко. Перевод с английского И. Багрова</i>	108
<i>Почему кошки всегда спят на мягких подушечках... Перевод с английского Ю. Жуковой</i>	109

Охотник и лань. Перевод с английского И. Багрова	117
Сказка, которую рассказывали семь лет. Перевод с английского И. Сумароковой	121
* Поле Лавдинга. Перевод с французского Ф. Мендельсона	124
Фаддэ. Перевод с французского Ф. Мендельсона	128
* Кхари-Гайе. Перевод с французского Ф. Мендельсона	134
Город, где чинят людей. Перевод с английского В. Харитонов	146
Обещание. Перевод с английского Ю. Жуковой	150
Птичка-певунья и танцующий крестьянин. Перевод с английского И. Архангельской	152
К чему приводит зависть. Перевод с английского И. Сумароковой	155
Как служанка пыталась убить свою госпожу. Перевод с английского Ю. Жуковой	158
Волшебный горшок. Перевод с английского И. Архангельской	163
Дитя, с которым плохо обращались. Перевод с английского И. Сумароковой	165
За добро плати добром. Перевод с английского В. Харитонов	167
Мудрый крокодил. Перевод с английского И. Багрова	169

Самое главное

Самое главное. Перевод с английского И. Багрова	172
Два друга по имени Камо. Перевод с английского И. Архангельской	173
Зять. Перевод с английского И. Архангельской	176
Спор Пантеры с Человеком. Перевод с французского В. Порхомовского	178
Чей ребенок? Перевод с английского И. Архангельской	181
Мудрый ястреб. Перевод с английского И. Багрова	183
Глаз, Ухо, Рука и Нога. Перевод с французского В. Порхомовского	187
Неблагодарность. Перевод с английского И. Архангельской	189
Мудрей вождя. Перевод с английского И. Архангельской	191
Человек, голубь и ястреб. Перевод с английского Ю. Жуковой	193
Как один охотник занял деньги у своих друзей — Леопарда, Козла, Дикого Кота и Петуха и как потом увернулся от уплаты долга. Перевод с английского Ю. Жуковой	194
Незадачливые воры. Перевод с английского Ю. Жуковой	197
Хитрый крестьянин. Перевод с английского Ю. Жуковой	198
Неверная жена и ее дружки. Перевод с английского Ю. Жуковой	199
Три жены и волшебная каша. Перевод с английского Ю. Жуковой	201
Почему волк живет в джунглях. Перевод с английского И. Сумароковой	202

Почему нельзя раскрывать происхождение друг друга. Перевод с английского В. Харитонова	203
Почему девушка должна быть женой тому, за кого ее выдали. Перевод с английского В. Харитонова	207
Зависть. Перевод с английского Ю. Жуковой	209
Бродяга и джинн. Перевод с английского Н. Тимофеевой	212
Беременный муж. Перевод с английского Ю. Жуковой	215
Почему рождение близнецов считается в Серки счастливым предзнаменованием. Перевод с английского Ю. Жуковой	216
Пальцы руки. Перевод с английского Ю. Жуковой	218
Любитель яиц. Перевод с французского Ф. Мендельсона	218
Как Иджапа оплакивал свою лошадь. Перевод с английского Н. Тимофеевой	219
Кто дольше проспит. Перевод с английского И. Багрова	221
Три охотника. Перевод с французского Ф. Мендельсона	223
Чья находка? Перевод с английского И. Архангельской	224
Три друга и мешок денег. Перевод с английского Ю. Жуковой	226
Три умельца. Перевод с французского Ф. Мендельсона	227
Ловкий, Меткий и Набожный. Перевод с английского И. Багрова	227
Состязание. Перевод с английского И. Архангельской	228
Как излечиться от страха. Перевод с французского Ф. Мендельсона	230
Браслет вождя. Перевод с английского И. Багрова	231
О хвастливом Бала и неверной Диуме. Перевод с английского И. Багрова	234
Как верблюды удачу принесли. Перевод с английского И. Багрова	239
Волк-принц. Перевод с английского И. Багрова	241
Двое странников. Перевод с английского И. Багрова	243
Красавица Нсия. Перевод с английского И. Багрова	244
Великодушная жена. Перевод с английского И. Багрова	245
* Строптивая Бинта. Перевод с французского Ф. Мендельсона	247
Хитроумный и вор. Перевод с английского И. Архангельской	250
Мудрая Черепаха. Перевод с английского Ю. Жуковой	251
Лев и Коза. Перевод с английского Ю. Жуковой	252
Прилив и Гольян. Перевод с английского И. Архангельской	253
Как Калао стала черной. Перевод с французского Ф. Мендельсона	253
Охотник и Леопард. Перевод с английского И. Архангельской	256
Как родился сын у Оби. Перевод с английского Е. Бедаревой	257
Заяц, Вождь и доло. Перевод с французского Ф. Мендельсона	259
* Конко-сом, рыба голая, усатая. Перевод с французского Ф. Мендельсона	262

Крокодилова родня. Перевод с английского И. Багрова	270
Лев — царь зверей, но не людей. Перевод с английского И. Багрова	271
Двадцатипятилетний сильнее всех. Перевод с английского И. Архангельской	273
Заяц, Лев и Белый Термит. Перевод с французского Ф. Мендельсона	275
Мудрые псы. Перевод с английского И. Архангельской	282
Наказание за спесь. Перевод с английского И. Сумароковой	283
Что важнее? Перевод с английского И. Архангельской	284
Беспечный Богомол. Перевод с английского И. Сумароковой	285
Сказка про Леопарда. Перевод с французского В. Порхомаковского	286
Кот и Пантера. Перевод с французского В. Порхомаковского	288
Господин Черепаха и его тесть. Перевод с английского И. Сумароковой	289
Состязание хитрецов. Перевод с английского И. Сумароковой	290
Черепаха-обжора. Перевод с английского И. Сумароковой	291
Как медлительный, но упорный победил в беге. Перевод с английского И. Сумароковой	292
Неблагодарный господин Черепаха. Перевод с английского И. Сумароковой	293
Почему Черепаху часто находят в ямах. Перевод с английского И. Сумароковой	296
Как Гиена, Черепаха и Антилопа делили добычу. Перевод с английского И. Сумароковой	299
Большое испытание. Перевод с английского И. Сумароковой	299
Господин Все. Перевод с английского И. Сумароковой	301
Как Паук перехитрил Слониху и Гиппопотамиху. Перевод с английского Н. Тимофеевой	303
Лев и пятеро кроликов. Перевод с английского И. Сумароковой	308
Голубь и Дятел. Перевод с английского И. Сумароковой	309
Как Голубь стал летать. Перевод с английского И. Сумароковой	310
Городская Мышь и сельская Мышь. Перевод с английского Ю. Жуковой	311
Вьюрок и дудочка. Перевод с английского И. Сумароковой	312
Как ослеп господин Многоножка. Перевод с английского И. Сумароковой	313
Непослушный цыпленок. Перевод с английского Ю. Жуковой	315
Почему лисы всегда ловят петухов. Перевод с английского Ю. Жуковой	316
Почему обезьяны похожи на людей. Перевод с английского Ю. Жуковой	317

Сваатовство к принцессам-ящерицам. Перевод с английского И. Архангельской	319
* Храбрый маленький цыпленок. Перевод с французского Ф. Мендельсона	322
* Смерть осла. Перевод с французского Ф. Мендельсона	325
* Буки в раю зверей. Перевод с французского Ф. Мендельсона	330
* Говорящее дерево. Перевод с французского Ф. Мендельсона	335
* Как Буки хотела снести яйца. Перевод с французского Ф. Мендельсона	340
* Буки-сирота. Перевод с французского Ф. Мендельсона	345
Сметливая крыса. Перевод с английского Н. Тимофеевой	351
Не такие уж умные черепахи, как воображают. Перевод с английского И. Архангельской	352
Леопард, Белка и Черепаха. Перевод с английского Ю. Жуковой	354
Почему у черепахи залатан панцирь. Перевод с английского И. Архангельской	357
Черепаха и Змея. Перевод с английского Ю. Жуковой	358
Лев, Черепаха и Кабан. Перевод с английского Ю. Жуковой	360
Лев, Обезьяна и умная Птица. Перевод с английского И. Архангельской	361
Ворон-певец. Перевод с английского Ю. Жуковой	363
Как Боров жернов искал. Перевод с английского И. Архангельской	364
Сверчок и Жаба. Перевод с английского И. Архангельской	366
Почему голова у паука Кваку Анансе маленькая. Перевод с английского Ю. Жуковой	367
Почему Летучая Мышь летает только ночью. Перевод с английского Ю. Жуковой	369
Леопард и Зебра. Перевод с английского И. Сумароковой	370
Сказка о лягушачьем вельможе и двух его женах. Перевод с английского И. Багрова	371
Черепаха и Кабан. Перевод с английского Ю. Жуковой	372
Усу-нетопырь. Перевод с английского Н. Тимофеевой	372
Цыплята Окуку. Перевод с английского Н. Тимофеевой	373
Анансе доказывает, что он старейший. Перевод с английского Н. Тимофеевой	373
Как Анансе занимал деньги. Перевод с английского Н. Тимофеевой	375
Как Анансе завладел сказками. Перевод с английского Н. Тимофеевой	376

С42 Сказки Западной Африки: Живой огонь. Пер. с англ. и фр. / Сост. Н. Тимофеевой и Ф. Мендельсона. Предисл. М. Вольпе; Худож. М. Ромадин.— М.: Худож. лит., 1986.— 383 с., ил.

В сборник включены записанные в разное время сказки многочисленных народностей Западной Африки: ашанти, йоруба, фульбе, хауса и др.

